П. Н. ГОЛЕНИЩЕВ-КУТУЗОВ

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ЛАТИНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ИТАЛИИ

Прекрасная дама Философия, наставница мудрецов и поэтов

И. Н. ГОЛЕНИЩЕВ-КУТУЗОВ

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ЛАТИНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ИТАЛИИ

354516

ИЗДАТЕЛЬСТВО · НАУКА ·
МОСКВА
1972

Издание подготовлено

И. В. ГОЛЕНИЩЕВОЙ-КУТУЗОВОЙ

Ответственный редактор

М. Л. ГАСПАРОВ

Илья Николаевич Голенищев-Кутузов

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ЛАТИНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ИТАЛИИ

Утверждено к печати
Институтом мировой литературы им. А. М. Горького Академии наук СССР

Редактор издательства *В. Ч. Воровская.* Художник *Б. И. Астафьев.*
Художественный редактор *С. А. Литвак.* Технический редактор *Л. Н. Золотухина*

Сдано в набор 8/XII 1971 г. Подписано к печати 13/IV 1972 г. Формат 60×90¹/₁₆.
Бумага № 1. Усл. печ. л. 19,75. Уч.-изд. л. 21,3. Тираж 10 000. Тип. зак. 3155. А-06769.
Цена 1 р. 64 к.

Издательство «Наука». Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука». Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

7-2-2
281-72

ОТ РЕДАКЦИИ

Книга «Средневековая латинская литература Италии» принадлежит перу известного советского ученого, доктора Парижского университета Ильи Николаевича Голенищева-Кутузова (1904—1969), автора многочисленных исследований по средневековым и ренессансным литературам стран Западной и Восточной Европы, которые издавались на французском, сербохорватском, польском и русском языках [1].

Тысячелетняя история средневековой латинской литературы оказала значительное влияние на возникновение и развитие европейских национальных литератур. Между тем этот период, охватывающий литературный процесс между заключительными аккордами античной культуры и началом литератур на новых европейских языках — т. е. с III по XIII вв., почти совершенно выпал из поля зрения советских историков литературы. После работ О. А. Добиаш-Рождественской и В. Ф. Шишмарева сколь-либо значительных исследований на эту тему у нас не появлялось. Правда, в самое последнее время в этой области наметилось известное оживление, свидетельством чему служит, в частности, хрестоматия текстов средневековых авторов, подготовленная античным сектором Института мировой литературы им. А. М. Горького [2].

Особое внимание в настоящей книге уделено начальным этапам истории средневековой латинской литературы. Зарождение новых идеологических представлений и художественных форм

[1] Краткий обзор их содержится в послесловии В. М. Жирмунского к книге И. Н. Голенищева-Кутузова «Творчество Данте и мировая культура» (М., «Наука», 1971, стр. 517—524).

[2] «Памятники средневековой латинской литературы IV—IX веков», М., «Наука», 1970; «Памятники средневековой латинской литературы X—XII веков». М., «Наука», 1972 (в печати).

в недрах греко-римской цивилизации показано на фоне политических и экономических сдвигов, происходивших в пору упадка и распада Западной Римской империи, которые обусловили переход к следующей эпохе в развитии человечества — Средним векам. Пользуясь достижениями современной зарубежной медиевистики, широко привлекая публикации и исследования западных и отечественных специалистов, И. Н. Голенищев-Кутузов подходит к анализу фактов с марксистских методологических позиций. Его труд, первые разделы которого представляют собой введение в историю литературы всего западноевропейского Средневековья, восполняет существенный пробел, имевшийся в нашей историко-литературной науке.

Обращенная не к образованной верхушке общества, а к народным массам, христианская литература IV—VI столетий внесла в поэзию и ораторские жанры не только новое содержание, но и создала новые формы, доступные и понятные широкой аудитории. Христианские поэты переосмыслили и углубили аллегорические образы, к которым прибегали поэты «серебряной латыни». Их аллегоризм был качественно иным, чем аллегоризм их учителей — классических авторов, до известной степени соответствуя психологическому анализу литературы нового времени. Самый значительный поэт христианского Запада IV в. Пруденций провозгласил новый римский патриотизм, независимый от языческой традиции.

И. Н. Голенищев-Кутузов создает галерею литературных портретов выдающихся писателей раннего Средневековья и последних стражей умирающей культуры античного мира, которая замыкается красочной фигурой пережившего всех своих великих современников Кассиодора, основателя Вивария.

На примере творчества Григория Великого и первого лангобардского историка и поэта Павла Диакона автор показывает, сколь важную роль в формировании средневековой литературы играли народные элементы, как происходил процесс взаимопроникновения латинской литературы и фольклора варварских народов.

В литературе эпохи Каролингов и Оттонов нашли отражение процессы возникновения национального самосознания как результат складывания из разных этнических элементов (и ассимиляции былых завоевателей) единой италийской народности.

Ощущение своей принадлежности к италийскому народу свойственно большинству писателей лангобардского происхождения, в том числе остроумному и язвительному памфлетисту Лиутпранду, самому яркому и субъективному историку X в.

Велики заслуги средневековых книжников в сохранении и передаче последующим векам наследия античной образованности. Наряду с другими малоизвестными у нас средневековыми тружениками на поприще культуры на страницах книги оживает несправедливо забытая фигура римского эрудита Анастасия Библиотекаря, чья неутомимая переводческая деятельность способствовала оживленному литературному обмену между Византией, Италией и Францией. Вслед за ирландским мыслителем Эриугеной он много сделал и для слияния неоплатоновской философии с христианской.

Последнюю часть книги составляют главы о зарождении и становлении литературы на итальянском языке. Анализируя древнейшие памятники итальянского языка, наблюдая за первыми, еще робкими побегами литературы на языке народном, ученый раскрывает законы, общие для всех романских литератур.

Проза Дудженто была разноязычна. Прозаики Италии XIII столетия писали по-латыни, по-французски и на многих наречиях отечественного вольгаре. В этот период были созданы такие, снискавшие европейскую популярность произведения, как народная агиографическая книга Якопо да Вараццe «Золотая легенда», трехтомная энциклопедия Брунетто Латини, увлекательная мемуарная книга о почти четвертьвековом путешествии по азиатским странам венецианца Марко Поло, талантливо написанные исторические хроники и, наконец, первая в средневековой литературе латинская трагедия по античным образцам («Эцеринис» падуанца Альбертино Муссато). И. Н. Голенищев-Кутузов показывает, как медленно и трудно преодолевала проза на народном итальянском языке конкуренцию с более старыми и выработанными языками. В этих усилиях по созданию литературы на родном, национальном языке огромная заслуга писателей Дудженто. Дело, начатое ими, было завершено только в XVII в.[3]

[3] Главы «Проза Дудженто» и «Железная корона лангобардов» написаны в соавторстве с И. Голенищевой-Кутузовой.

Таким образом, книга охватывает весь средневековый цикл литературного развития. Литература Италии VI—XIII столетий рассматривается в ней на широком культурном и историческом фоне, в тесной взаимосвязи с культурой других европейских стран, Византии и арабского Востока.

При работе над книгой были использованы материалы из уникальной коллекции латинских рукописей западноевропейского Средневековья, хранящейся в фондах Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Репродуцируются (по большей части впервые) отдельные страницы и миниатюры из двадцати пяти пергаментных кодексов VI—XV вв., переписанных и иллюминированных в скриптониях Италии, в том числе два редчайших манускрипта, написанных, по-видимому, рукою самих авторов — выдающихся деятелей раннего периода италийской культуры. Иллюстрируют издание также портреты средневековых писателей и картины на средневековые сюжеты, принадлежащие кисти мастеров Предвозрождения и Ренессанса, которые помогут приблизить к восприятию современного читателя эпоху, отделенную от нас многими веками.

ВВЕДЕНИЕ

Тысячелетняя история средневековой латинской литературы оказала значительное влияние на возникновение и развитие новых европейских литератур. В скрипториях Италии и Франции эпохи Каролингов переписывались произведения римских поэтов и прозаиков; благодаря трудам безвестных переписчиков раннего Средневековья они дошли до нового времени. Римская литература была великой школой стиля, а также неисчерпаемым источником художественных образов и тем не только для гуманистов Кваттроченто, но и для филологов Орлеана, философов Шартра и правоведов Болоньи XII столетия.

Правда, средневековые авторы получили классическое наследие далеко не полностью, но и это частичное восприятие оказалось достаточным для того, чтобы путем длительной эволюции и медленного совершенствования поднять европейскую культуру из полуварварского состояния к тем парнасским высям, на которые уверенной стопой взошел Данте, а после Данте — Петрарка и его последователи, более глубоко и творчески воспринявшие то, что было в значительной степени известно XI и XII столетиям.

С XIV в. начинается новый период неолатинской литературы — ренессансный. Латинский язык, доведенный до классического совершенства гуманистами, в сознании европейского образованного общества продолжал занимать первое место до XVI в., когда школа Бембо решительно противопоставила ему итальянский. Во второй половине XVI и в XVII в. мы видим в Западной Европе повсеместное торжество «вульгарных» национальных языков, несмотря на то что по-латыни продолжали писать многие ученые и некоторые поэты.

Латинскую литературу Европы после падения Западной Римской империи в V в. следует разделить на следующие периоды:

Средние века (V—XII вв.)

Предренессанс и Возрождение (XIII—XVI вв.)

Барокко и Просвещение (XVII—XVIII вв.).

Заметим, что латынь как язык поэзии отмирает в XVII столетии, а как универсальный язык науки — в XVIII, хотя и в

наши дни, особенно в области классической филологии, появляются научные труды, написанные по-латыни.

В этой работе мы рассматриваем первый период — латинскую литературу V—XII столетий, сосредоточив главное внимание на Италии и касаясь лишь попутно важнейших литературных событий в других западноевропейских странах, преимущественно в тех, которые связаны с развитием итальянского общества. Для полного охвата всего цикла средневекового литературного развития Италии мы сочли необходимым затронуть и вопросы возникновения литературы на народном языке и дать обзор деятельности писателей следующего — XIII столетия, когда латынь начала утрачивать свое монопольное положение и медленно набирала силу литература на итальянском языке.

В исторических знаниях образованных людей нашего времени обычно существует провал в 500 лет — от III до VIII в. нашей эры. Равным образом мало что известно о литературе этого периода, которая как бы «выпадает» между заключительными аккордами античной культуры и началом литератур на новых европейских языках (XI—XII вв.). Этот пробел необходимо заполнить, для того чтобы понять само возникновение европейской культуры так называемых «новых народов».

Латинская литература IV и начала V столетий обнаруживает немало особенностей, нарушивших нормы и устои классического периода. Именно через призму этого периода люди Средневековья воспринимали в течение долгих веков литературу древности. Устремления, склонности, пристрастия и предрассудки IV века запечатлялись с необычной силой в памяти последующих столетий. Общество эпохи упадка Западной Римской империи было как бы завещателем культурного наследия античности, но отказало его далеко не полностью, подчиняясь в значительной степени в корне измененному мировоззрению, которое одни историки считают регрессивным, другие же стремятся прозреть в нем новые творческие силы.

Ввиду этого мы сочли необходимым предпослать этой работе раздел, в котором рассматривается литература эпохи упадка Западно-римской империи, особо отмечая ее связь с литературой Средневековья и Возрождения. Этот подход, как мы полагаем, поможет понять, чем европейская литература обязана IV и V векам. Мы подходим с этим мерилом и к Средневековью, где некоторые памятники могут интересовать только медиевистов, в то время как другие, передаваясь из столетия в столетие, или подверженные временному забвению, а затем воскрешенные, сделались достоянием мировой литературы.

УПАДОК ЗАПАДНОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ И РОЖДЕНИЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Историки западноевропейской цивилизации, быть может, несколько идеализируют первые два века Римской империи под властью Юлиев и Антонинов, рассматривая этот период как времена мира, процветания наук и искусств, развития торговли и ремесел, градостроительства и мореплавания. Историки подчеркивают также, что единовластие цезарей еще не перешло в абсолютное господство, что самые тиранические императоры, как Нерон или Коммод, не могли не считаться с образованными и влиятельными сенаторами, хранителями римского права и отечественных традиций. Императорское достоинство было собранием воедино высоких республиканских должностей, в том числе верховного жреца и главнокомандующего армией, и имело «конституционный» характер. Городские общины пользовались значительными правами, провинции, несмотря на вмешательство высших чиновников, присылаемых из центра, сохраняли свои особые преимущества.

«Во времена Августа,— пишет английский историк Мосс,— империя достигла своих самых далеких границ, и наследники Августа были заняты главным образом укреплением того, что уже было приобретено. Области, простиравшиеся за укрепленными рубежами вдоль Рейна, Дуная и Евфрата, пересекались сетью дорог, связывавших огромную территорию Рима — от границ Шотландии до Аравийских пустынь. По этим путям непрестанно нарастало движение не только войск и государственных чиновников, но также купеческих караванов и даже туристов. Обмен товарами между провинциями быстро развивался и скоро достиг уровня, небывалого в истории прежних веков;

его удалось вновь достичь лишь за несколько столетий до нашего времени [1].

Римские купцы установили связь с портовыми городами Китая. Красное море было соединено каналом с египетской Александрией, оттуда вели морские пути в Абиссинию, Сомали, Южную Аравию. Из Индии и Китая ввозили хлопок, шелк, черное дерево, драгоценные ткани. Караванные пути из стран Среднего Востока шли в Дамаск и Антиохию. В Индию и Цейлон отправлялось в год не менее 120 кораблей [2].

Однако в этой «имперской идиллии» более пристальный взгляд различает не только экономическое благополучие и культурное процветание, но также элементы, предвозвещающие распад государственного строя, созданного преемниками Цезаря. Империя держалась на рабском труде, обеспечивавшем благополучие среднего и высшего сословий. Центр империи — Рим постоянно нуждался в новой рабочей силе. Ежегодно усиливался приток в Италию рабов иностранного происхождения из стран Востока и Севера. Латинское крестьянство, на котором некогда покоилась мощь римских легионов, редело, заменялось привозными рабами. Из весьма поверхностно романизированного Ближнего Востока и Балкан стекались в Италию предприимчивые люди: торговцы, рабы, наемные солдаты, искатели фортуны. Рим, романизировавший свои провинции, особенно Галлию, Африку и Иберию, сам подвергался варваризации. Сильно ощущалось влияние восточных культов: Митры, Осириса, Исиды, Адониса, великой матери Кибелы. Столица империи стала средоточием всех средиземноморских религий [3].

В Риме можно было встретить философов самых различных направлений. Стоицизм, столь свойственный римской аристократии позднереспубликанского периода и начала империи, уступал место неоплатонизму и гностицизму. Многообразие верований и убеждений подрывало устои древнеримской морали. Катон Старший был несовместим с Ямвлихом, Цинциннат — с владельцем латифундии, обрабатываемой рабами-варварами. Смешанные браки и огромное количество импортированных рабов совершенно изменили этнический состав населения Италии [4]. Ювенал в начале II в. н. э. с едкой иронией уверял, что азиатский Оронт втекает в Тибр.

...Перенесть не могу я, квириты,
Греческий Рим! Пусть слой невелик осевших ахейцев,
Но ведь давно уж Оронт сирийский стал Тибра притоком,
Внес свой обычай, язык, самбуку с косыми струнами,
Флейтщиц своих, тимпаны туземные, разных девчонок:
Велено им возле цирка стоять.— Идите, кто любит
Этих развратных баб в их пестрых варварских лентах.

Сатира III, 60—66. Пер. Ф. А. Петровского [5]

Греческий выходец завладел Римом; грек способен на все, проникает всюду.

Ритор, грамматик, авгур, геометр, художник, цирюльник,
Канатоходец и врач, и маг — всё с голоду знает
Этот маленький грек; велишь — залезет на небо.

Там же, 76—78

Т. Франк пришел к выводу, что 90% населения Рима было или иностранного, или смешанного происхождения; так было и в других больших городах Италии. Люди с Востока, особенно сирийцы и евреи, проникали не только в центр империи, но также в Галлию, Испанию и даже Британию.

Великий перелом в истории древнего мира не следует, конечно, искать в V в., когда варвары покорили все западные провинции и было разрушено экономическое и культурное единство Европы между Гибралтаром и Дунаем. Первые симптомы упадка обнаруживаются во второй половине III в. в период военной анархии после падения династии Северов [6].

Северы происходили из Африки и пришли к власти не из кругов сенатской аристократии Рима, а из солдатских лагерей Паннонии. Они держались силой мечей и копий легионеров, призванных из самой бедной и обездоленной части крестьянства. Северы демократизировали военную верхушку: каждый солдат мог получить золотое кольцо всадника и стать командиром легиона и даже армии. Наследственная аристократия была оттеснена, горожане теряли свои преимущества.

Эти тенденции усилились во время быстрой смены верховных правителей, ставленников армии, после смерти Александра Севера. Между 235 и 284 гг., т. е. за 50 лет, сменились 22 цезаря, из которых только четверо царствовали более трех лет. Обычно они погибали от предательского удара своих же сторонников. В 235—238 гг. император Максимин осаждал и опустошал города империи, налагая непосильные контрибуции на провинции, уничтожал представителей аристократии и среднего зажиточного класса. За один только 238 год сменилось 5 императоров, выдвинутых войсками разных провинций: Гордиан I, Гордиан II, Бальбин, Пупиен, Гордиан III. Этот последний царствовал 6 лет.

Провинции становились самостоятельными, ограждались пограничными заставами. Цены росли, деньги обесценивались; золото исчезло из обращения еще при Северах.

Среди солдатских императоров выделяется Аврелиан (270—275 гг.), выдвинувшийся как полководец при императоре Клавдии II. Ему удалось, впрочем ненадолго, восстановить порядок. Он отразил нападение германцев на Италию и покорил Пальмиру. Он обнес Рим знаменитой аврелианской стеной, тем са-

мым придав столице средневековый облик. Римский сенат принужден был признавать узурпаторов и все более терял свое значение, уже ослабленное в дни Юлиев и Антонинов. Однако Аврелиан смог создать лишь временное замирение, а не постоянный порядок в расшатанном римском государстве.

Новый период наступил неожиданно для всех граждан империи с воцарением уроженца Иллирии Диоклетиана (284—305 гг.). Он воспользовался тем, что все жители империи устали от раздоров и военных авантюр и жаждали покоя и законности. Как все солдатские цезари, Диоклетиан следовал порядкам Северов, несколько их усовершенствовав. Он милитаризировал государственный аппарат, устранил сенаторов, заменяя их новой военной аристократией, стремившейся стать наследственной. Все управление было сосредоточено во дворце, в императорском совете (консистории), чьи предписания приводились в исполнение префектами. Император по своей прихоти назначал на самые высокие места в государстве фаворитов, обычно из числа людей, не принадлежащих к сенаторским семьям. На месте старой аристократии создавалась новая.

Из выборного, подтвержденного сенатом и народом принципата, монархия стала абсолютной. Личность императора была обожествлена. Император стал походить на восточного деспота, и придворный церемониал приблизился к церемониалу персидского царства. Именно от времен Диоклетиана берет начало идеология византийской монархии. Целый штат императорских контролеров распространился по империи, однако не положил конец лихоимству и грабежам. Контролеры обычно подкупались высшими провинциальными чиновниками и вместе с ними делили доходы.

Экономические мероприятия Диоклетиана отличались крайней простотой. Эдиктом 301 г. он ввел максимальные обязательные цены на все товары, сложную систему налогов заменил годовым оброком (аннона) и особыми пятилетними дарами. Оброк назначался по-разному из года в год. Городские магистраты стали бесплатными сборщиками налогов, утеряв фактически всякую власть; они же распределяли принудительные работы.

Император приказал ремесленникам заниматься их ремеслом из рода в род, обязал судовладельцев исполнять предписания государства по перевозу грузов по твердым государственным ценам, а купцов придерживаться единого тарифа. Ни один гражданин, богатый или бедный, не смел оставлять своего города, становиться солдатом, странствующим купцом или матросом. Средний класс разорялся, граждане, несмотря на запрещение, нередко спасались бегством к варварам и в пустыни Египта и Аравии[7]. Беглецов рассматривали как дезертиров и

водворяли на место постоянного жительства. Крестьяне были приписаны к земле, вся земля должна была быть обработана, за пустующие земли налоги платили соседи. Свободные колоны были уравнены с земледельческими рабами.

В начале V в. колонат был установлением вполне сложившимся и распространившимся по всей империи. В 357 г. было запрещено продавать землю без колонов, несколько позднее — рабов без земли. Законодательство Константина I, преемника Диоклетиана, имело в виду свободных мелких арендаторов, правда, лишенных некоторых прав; права эти ограничивались все сильнее, и фактически ранее свободные люди были уравнены с рабами, которые несколько возвысились. Земельная реформа IV в. привела к тому, что колон (caput) делался неотделимым от земельной единицы (jugum) [8], что предвозвещало будущую систему феодального землевладения.

В «Юридическом социализме» Ф. Энгельса и К. Каутского мы встречаем следующую характеристику сельского хозяйства этого времени: «Развитие римского сельского хозяйства во времена императоров вело, с одной стороны, к расширению пастбищного хозяйства на огромные пространства и к обезлюдению страны, с другой — к раздроблению имений на мелкие арендные участки, передававшиеся колонам, то есть к созданию карликовых хозяйств зависимых мелких крестьян, предшественников позднейших крепостных, к утверждению, следовательно, такого способа производства, в котором в зародыше уже содержался способ производства, ставший господствующим в средние века» [9].

Эта система, впрочем, уже существовала в эллинистических монархиях в Египте и некоторых областях кельтов. Новым было ее распространение на всю империю.

Процесс прикрепления крестьян закончился в период императоров Аркадия и Гонория (начало V в.). Однако распространение колоната по всей империи не произошло в IV в. сразу во всех провинциях. Так, например, Валент и Грациан (указом 371 г.) ввели его в Иллирии, а Валентиниан II, Феодосий I и Аркадий — в Палестине [10].

Реформы Диоклетиана несомненно внесли некоторый порядок в тот хаос, который царил в III в.; все же экономический кризис преодолен не был. Некоторое улучшение наступило при Константине I, упрочившем валютную систему. Развитие несвободного колоната привело к распространению натурального хозяйства и способствовало упадку торговли.

Если в IV в. среди сенаторов сохранялись оппозиционные настроения и воспоминания о республиканских порядках, то только в самом Риме. Новые большие состояния составлялись не купцами, а почти исключительно влиятельными администраторами. Высшие чиновники украшались титулами: clarissimus,

spectabilis, illustris и стремились войти в сенаторское сословие. В то время как экономический уровень всех граждан понизился, сенаторы превращались в крупных земельных собственников, которые, объединившись, могли в отдаленных местах оказывать известное сопротивление сборщикам налогов и другим представителям центральной власти, обходить или даже аннулировать эдикты самих императоров. Некоторые мощные и богатые семьи этого времени — Анции в Риме, Апионы в Египте, а также землевладельцы южной Франции, подобно средневековым феодалам, чинят суд и расправу в своих пространных имениях, появляются в сопровождении конных отрядов вооруженных арендаторов. На мозаичных фресках северо-африканских вилл этого времени изображены здания, похожие на замки Средневековья. О таких же мощно укрепленных дворцах в Галлии IV — V вв. известно из описаний Авзония и Сидония Аполлинария.

Римская армия, состоявшая еще в III в. главным образом из крестьян, в IV в. окончательно превратилась в армию наемников. Императоры уже со времен смут не доверяли легионерам и окружали себя варварской кавалерией. Это военное устройство было закреплено в царствование Диоклетиана и Константина I. В сущности, императоры вернулись к военной системе эллинистических восточных монархий. В конце IV в. Феодосий I переселил значительное количество варваров с их семьями на территорию империи; так началось легальное проникновение варваров в Галлию и Паннонию. Варвары становились не только офицерами, но и командующими армиями и постепенно сосредоточили в своих руках фактическую власть. Даже вооружение римской армии варваризировалось и уже мало походило на оружие, которым латинские легионы покорили средиземноморские страны. Изменился также боевой порядок; солдаты нападали на врагов с диким рычаньем, заимствованным у германцев. Вместо орлов появилось изображение дракона, надутого воздухом, прикрепленного к древку копья, о котором, как о знаке дьявольском, писал Пруденций.

Кроме германцев, в армии служили британцы, иллиры, сарматы и сирийцы. Даже военная казна получила название «fiscus barbaricus» [11].

Варварские обычаи и костюмы появились при дворе и в гражданском обществе. Христианский император Грациан появлялся перед возмущенными, но лишь тайно ропчущими сенаторами, в аланском костюме, отороченном мехом, с огромным луком в руках, в сопровождении телохранителей с берегов Волги. Его наследники боролись с этой модой. Эдикт императора Гонория под угрозой изгнания из Рима запрещал мужчинам носить брюки и длинные волосы «как противоречащие римским нравам и христианской морали».

Как известно, одним из самых ярых гонителей христиан был основатель новой монархии восточного типа Диоклетиан. Преемник иллирийского деспота Константин I Великий нарушил все традиции императорского Рима и миланским эдиктом 313 г. даровал христианам равноправие. Вскоре христианство стало государственной религией. Одни историки — от Гиббона до Ф. Лота — утверждали, что эта перемена была едва ли не главной причиной падения Западно-римской империи, словно забывая о том, что Восточно-римская империя — Византия — государство, всецело опиравшееся на церковь, просуществовало после крушения Рима еще тысячу лет. Другие историки, как, например, К. Даусон, считают, что акт Константина исполнен величайшей мудрости [12].

Религиозная реформа IV в. исходила прежде всего из политических соображений. Константин стремился найти религию, которая оправдала бы абсолютную монархическую власть: единобожие было необходимо для единовластия.

«С религией, которая подчинила себе римскую мировую империю,— пишет Ф. Энгельс,— и в течение 1 800 лет господствовала над значительнейшей частью цивилизованного человечества, нельзя разделаться, просто объявив ее состряпанной обманщиками бессмыслицей. Чтобы разделаться с ней, необходимо прежде суметь объяснить ее происхождение и ее развитие, исходя из тех исторических условий, при которых она возникла и достигла господства. В особенности это относится к христианству. Ведь здесь надо решить вопрос, как это случилось, что народные массы Римской империи предпочли всем другим религиям эту бессмыслицу, проповедуемую к тому же рабами и угнетенными, так что, наконец, честолюбивый Константин увидел в принятии этой бессмысленной религии лучшее средство для того, чтобы возвыситься до положения самодержца римского мира» [13].

Восточный церемониал освятился восточной религией. В семье Константина был принят культ единого божества — солнца. Солнце — Аполлон — стало рассматриваться как прообраз Христа (что через много веков очень понравится итальянским гуманистам, которые называли бога-отца Юпитером, а богородицу — Дианой). Идея единобожия была далеко не чужда языческим II и III столетиям н. э., испытавшим сильное влияние неоплатонизма и стоицизма. Однако идея эта не могла утвердиться среди разнообразия противоречивых восточных культов, наводнивших Рим. Ф. Энгельс в «Людвиге Фейербахе» писал: «Старые национальные боги пришли в упадок, этой участи не избежали даже римские боги, скроенные по узкой мерке города Рима. Потребность дополнить мировую империю мировой религией ясно обнаруживается в попытках ввести в Риме поклонение наряду с местными всем сколько-нибудь поч-

тенным чужеземным богам. Но подобным образом, императорскими декретами, нельзя создать новую мировую религию. Новая мировая религия, христианство, уже возникла в тиши из смеси обобщенной восточной, в особенности еврейской, теологии и вульгаризированной греческой, в особенности стоической, философии. Лишь путем кропотливого исследования можем мы узнать теперь, каков был первоначальный вид христианства, потому что оно перешло к нам уже в том официальном виде, какой придал ему Никейский собор, приспособивший его к роли государственной религии. Но во всяком случае, тот факт, что уже через 250 лет оно стало государственной религией, достаточно показывает, до какой степени соответствовало оно обстоятельствам того времени» [14].

Христианским императорам пришлось отказаться от обожествления своей личности, идентифицировавшейся то с Геркулесом, как при императоре Коммоде, то с германскими и сирийскими божествами, как при многих узурпаторах III столетия. Выработалась другая идеология, ставшая основной для Византийской империи: императора начали рассматривать как божьего наместника на земле; он возглавлял церковь и ей покровительствовал. Этот взгляд проник к концу VII в. и на Запад, но в несколько ослабленной форме (Священная римская империя германского народа).

IV век был поприщем борьбы между новой государственной религией, римскими традициями и восточными культами. Попытка императора Юлиана превратить неоплатонизм в государственный культ не увенчалась успехом [15].

Было бы неправильно считать, что христианская церковь, особенно на Западе, уставшая от многовековых гонений, пошедшая на сговор с государственной властью, примирилась с ней окончательно. Христианская церковь на Западе была как бы государством в государстве. Епископы, избираемые народом, стремились в своем лице объединить и активизировать утраченные при самовластии городские права. В конце IV в. Амвросий Медиоланский обличал Феодосия I после зверского истребления этим благочестивым императором восставших жителей Салоник. В западной церкви, подчиненной римско-византийским императорам, росло стремление к независимости от государственной власти. Идеологически «царство божие» противополагалось «царству земному». Эта тенденция достигла своего апогея в XI и XII столетиях.

В самой церкви единство было достигнуто не сразу. Устои церкви вновь и вновь потрясались схизмами и ересями. За спорами о догматах нередко скрывалось соперничество между Византией, Александрией, Антиохией. Сами императоры — до Грациана и Феодосия I — не всегда были прямы в догматике и часто склонялись в сторону ариан, не признававших бога-сына

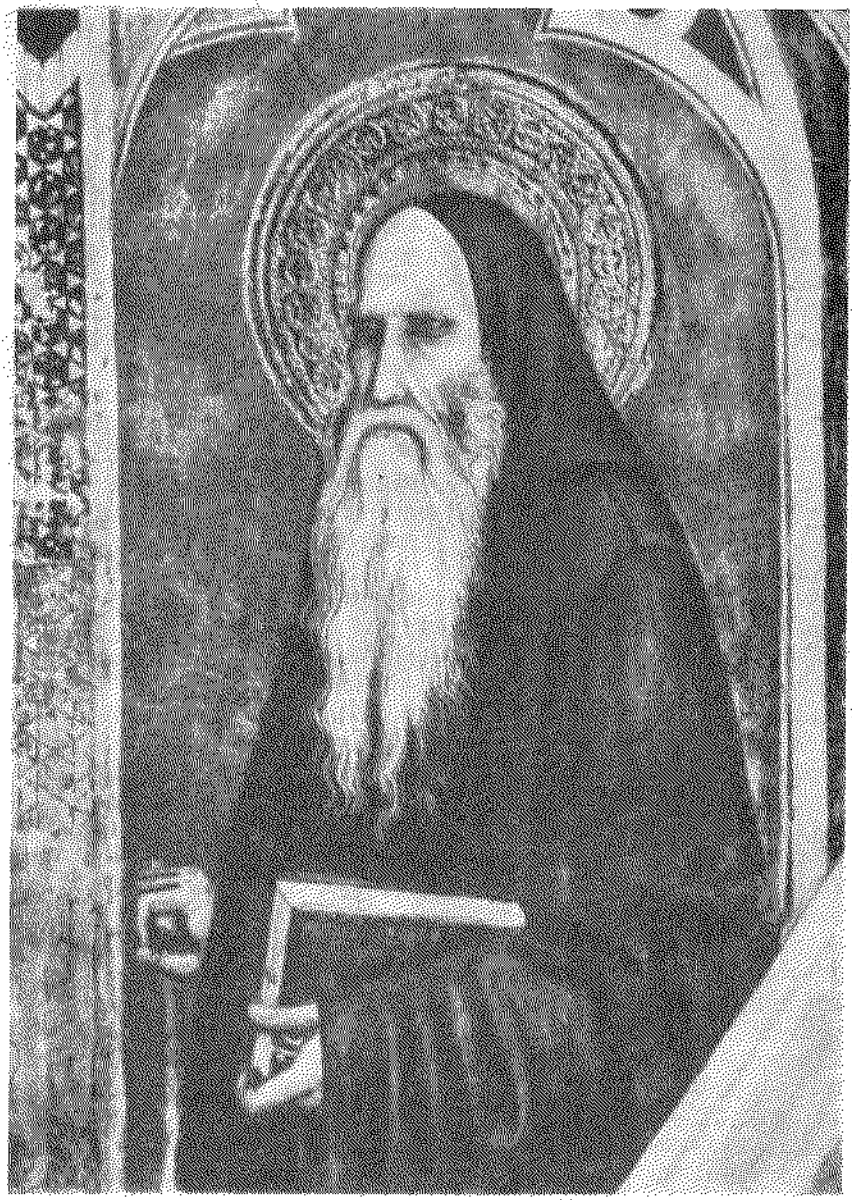
Император Константин Великий с Миланским эдиктом 313 г.
Рим, Латеран

равным богу-отцу. Во времена нерешенных религиозных споров началось обращение в христианство варваров западных окраин. Во многих германских племенах, в том числе у готов и лангобардов, арианство стало народной религией, которая противопоставлялась католицизму. Юстина, властная супруга императора Валентиниана II, всячески покровительствовала арианам в Милане. Из Карфагена широко распространилась по Северной Африке секта донатистов, с которой боролся Аврелий Августин. В V—VI вв. церковь была поражена ересью монофизитов, признававших лишь единую божественную сущность Христа. Египет и Сирия не отказались от этого учения до самого арабского завоевания. Оно имеет и в наши дни своих поборников на Ближнем Востоке и в Восточной Африке. И в самой католической церкви в IV столетии далеко не царили братская любовь и согласие. Партия римского папы Дамасия в 366 г., «предвещая раздоры Средневековья»[16], напала на церковь, где спрятался антипапа Урсин, который был убит вместе со многими своими сторонниками.

На Никейском соборе (325 г.) был выработан символ веры и осужден еретик Арий. Собор в Константинополе, утвердивший никейский символ веры (381 г.), постановил, что после римского первосвященника должна воздаваться честь константинопольскому епископу. В этом постановлении было заложено будущее соперничество между двумя религиозными центрами: Римом и Цареградом.

Во второй половине века церковь перешла в наступление против язычества. Император Грациан (375—383 гг.), находившийся под сильным влиянием Амвросия Медиоланского, повелел отписать в казну суммы, которые ежегодно расходовались на языческие празднества (382 г.). Земли языческих жрецов были секвестрованы. Храмы римских богов не ремонтировались и обветшали. Рим начинал принимать тот вид, который в эпоху Возрождения трогал до слез элегических пилигримов. По императорскому указу того же года из сената был вынесен алтарь богини Победы[17]. Весталки лишились пенсий и других доходов. При Феодосии («Великом») началось осквернение храмов. Монахи, вооруженные дубинками, опустошали святилища и уничтожали произведения искусства. За ними следовала толпа, жаждавшая добычи, которая грабила деревни, подозреваемые в нечестии[18].

С веротерпимостью времен Валентиниана I было покончено на многие века. В одной из последних речей знаменитого антиохийского ритора Либания, учителя императора Юлиана и Иоанна Хризостома,— «В защиту храмов» — философ так обращается к Феодосию I: «В городе Берое была бронзовая статуя — Асклепий в образе прекрасного сына Клиния (Алкивиада)... В нем было столько красоты, что даже те, кто имел



Симоне Мартини (1285—1344). Сонтой. Ассизи. Базилика Сан Франческо

возможность видеть его ежедневно, не могли насытиться его созерцанием. И вот такое произведение, о царь, созданное с таким трудом и таким блестящим талантом, разбито и погибло, и то, что сотворили руки Фидия, изломано руками толпы»[19].

Особенно сильные религиозные волнения были в Египте и Сирии, где в III—IV вв. возникло монашество. Антоний Пустынник (251—356 гг.) подал пример многим тысячам отшельников. В те времена в пустыню спасались не только от дьявола, который, если верить Г. Флоберу и А. Франсу, энергично проявлял свою деятельность и среди песков Фиваиды, но и от сборщиков налогов, туда не проникавших. Весьма вероятно, что пустынники сохраняли также бо́льшую независимость в своих воззрениях, чем в городских общинах. При духовном наследнике Антония, Пахомии, возникло регулярное монашество. Палестина и Сирия покрылись монастырями. Василий Кесарийский (329—379 гг.), обработав «Правило общежития» Пахомия, создал строгий монашеский устав, первоначально принятый по всей империи. В Сирию и Египет потянулись паломники из Италии, Галлии и Испании. Некоторые из них стали основателями монашества на Западе. Для того чтобы в IV в. усовершенствоваться в богословии, христианским деятелям Запада было необходимо совершить поездку в Сирию, где они изучали греческий, древнееврейский и сирийский языки. Так поступили Иероним, Иларий из Пуатье и многие другие.

Одним из самых важных явлений в жизни христианских общин IV—V вв. было расширение не только духовной, но и светской власти епископов. В период упадка римского государства епископы становились защитниками выбравших их граждан и стремились заменить потерявший всякую власть городской муниципалитет. О росте влияния на общественные и политические дела епископов свидетельствует, например, деятельность неоплатоника Синезия, ставшего епископом Птолемаиды в Ливии, епископа Сидония из галльского Оверня и Амвросия Медиоланского[20]. Вне городских стен по соседству с сенаторскими замками возникали епископские твердыни. Многие из них пережили варварские нашествия и стали тем средоточием, вокруг которого на Западе возникала новая городская жизнь. Епископы получили право укреплять и защищать свои резиденции, как городские, так и деревенские, возводить стены, содержать наемников, ковать оружие. С распадением общеимперской торговой системы росло также экономическое значение епископских центров как местных рынков.

После смерти Феодосия I империя была окончательно разделена на две части между его сыновьями: Аркадием, императором Востока (395—408 гг.), и Гонорием, императором Запада (395—423 гг.). Гонорий приобрел у историков дурную славу неудачника, слабого и жестокого человека. Однако он

был не хуже многих других властителей Рима и даже проявлял порою мужество и склонность действовать решительно. Но вся система, основоположниками которой были Диоклетиан и Константин, неизбежно стремилась к распаду. Империей распоряжались солдатские командиры из варваров. Провинции были наводнены «союзниками» — германскими вспомогательными войсками, которые крепко обосновались в Италии и Галлии для охраны границ империи от угрозы с Востока.

Покидая берега Балтийского моря, германцы двигались двумя основными группами на восток и на запад, заходя и на Балканский полуостров. В то время как восточные готы еще бродили в южнорусских степях, вождь западных готов Аларих из пределов Балканского полуострова вторгся в Италию. Он был несколько раз отброшен, но в августе 410 г. через Порта Салария, открытые рабами и перебежчиками, Аларих вошел в Рим, который подвергся трехдневному разграблению. Готы увели в плен Галлу Плациду, сестру императоров, которая впоследствии вышла замуж за наследника Алариха, Атаульфа.

Социальные противоречия в Римской империи обострились при нашествии вестготов; к Алариху примкнули рабы из итальянских латифундий, на его сторону переходили солдаты варварского происхождения. После недолгого пребывания в Италии западные готы направились в Прованс. Их столицей стала Нарбонна, откуда они проникли в Испанию. Но скоро появилась на востоке еще бо́льшая опасность.

В 434 г. Аттила, получивший воспитание в Риме как заложник, стал царем гуннов и заставил обе империи платить себе дань. Из придунайских степей он предпринимал походы в Италию и Галлию, но в 451 г. был побежден на Каталаунских полях близ Шалона Аэцием и римскими федератами Меровеем и Теодорихом I. Аттила проник лишь в северо-восточную часть Италии (Фриуль). Папа Лев I (440—461 гг.) вышел ему навстречу в сопровождении сенатора Кассиодора, деда известного писателя, и, как гласит предание, уговорил его «пощадить Рим»*. Более скептические историки объясняют отступление гуннов их непривычкой сражаться в горной местности.

Историки эпохи Возрождения (например, Каллимах Эксперинс) приписывали Аттиле важную роль в основании Венеции. Действительно, жители северных берегов Адриатики, узнав о приближении гуннского царя, бежали на острова Лагуны. Основание в V—VI вв. Венеции, как и возникновение в Далмации в VI—VII столетиях Рагузы-Дубровника, который основали жители из соседнего Эпидавра, разрушенного аварами и сла-

* Легенда приписывает ту же силу слова св. Женевьеве, покровительнице Парижа, отвратившей от стен Лютеции повелителя восточных степей.

вянами, являются весьма убедительными примерами зарождения новых городов из-за необходимости создать убежища от варварских набегов[21].

В 439 г. Африка, житница империи и колыбель латинско-христианской литературы, вместе с Карфагеном попала в руки вандалов, которые уже в начале V в. заняли значительную часть Испании. Сальвиан (390 — ок. 484 гг.), красноречивый священник из Марселя, сообщает о том, что вандалам в Испании и Африке помогали рабы и колоны, восставшие против своих хозяев[22]. Король вандалов Гейзерих (428—477 гг.) был последователем арианского учения и убежденным пиратом: он оправдывал свои морские разбои волею божией, которая указывала ему тех, кого следовало покарать. Из Африки Гейзерих совершал набеги на Италию и в 458 г. в течение двух недель подвергал страшному опустошению Рим. Вожди вандалов очень скоро привыкли к богатству и роскоши африканских поместий, стали покровительствовать латинским поэтам и посылать своих детей в школы риторов.

При августе Галле Плациде и ее сыне от второго брака с патрицием и консулом Констанцием, императоре Валентиниане III (425—455), были предприняты энергичные попытки восстановить авторитет центральной власти и организовать сопротивление варварам. Силой оружия и искусной дипломатией, исходившей из древнего принципа римской политики «разделяй и властвуй», главнокомандующий войсками Западной Римской империи Аэций заставил служить интересам государства германские племена, населявшие Галлию. При поддержке союза вестготов, аланов, бургундов и других варварских племен армия Аэция в 451 г. нанесла поражение Аттиле. Спустя три года после блистательной победы над гуннами полководец Аэций был убит во время аудиенции во дворце по приказу подозрительного и ревнивого к чужой славе Валентиниана III, который вскоре сам пал жертвой дворцового заговора.

После смерти Валентиниана III началось быстрое чередование эфемерных цезарей, несколько напоминавшее перемены во второй половине III в., но с той существенной разницей, что после Северов сменялись вожди разбойников, а последнему отпрыску Феодосия наследовали марионетки, за спиною которых стояли полуварварские командиры армии. Между 455 и 474 гг., за 20 лет, на римский престол взошли Авит, Марциан, Петроний Максим, Майориан, Либий Север III, Антемий, Олибрий, Глицерий и ставленник Византии Юлий Непот. Придворные поэты едва успевали переходить от прославления одного «бессмертного цезаря» к возвеличению другого «помазанника божия». Дифирамбы пиитов в честь одного императора поспешно переделывались для другого. Всегда готовая к услугам нового владыки муза будущего епископа Аполлинария Сидония

достаточно красноречиво свидетельствует об атмосфере политической беспринципности среди толпившихся у трона в ожидании подачек стихотворцев.

К этому времени Западная империя утеряла все свои провинции. В Галлии гегемонии добились франки. Потомок Меровея Хлодвиг (481—511 гг.) принял христианство по римскому католическому обряду, что в будущем имело первостепенно важное значение для реставрации империи при Карле Великом. Поддержка духовенства Галлии, сумевшего вытеснить арианскую ересь, обеспечила Хлодвигу победу в его войне с вестготами-арианами в Аквитании. Северная Африка и Испания оставались во власти вандалов. В Британии образовалось семь самостоятельных англо-саксонских королевств, принявших в VI в. христианство.

Формально считается, что гибель Западной Римской империи произошла после низложения Ромула Августула в 476 г. Не приходится сомневаться в том, что эта дата — лишь условная грань для событий, произошедших значительно раньше. Предводитель наемников, вождь германского племени скиров Одоакр отправил свергнутого им императора на постоянное жительство в окрестности Неаполя. Новый правитель Италии номинально признал верховную власть византийского императора, а себя — его наместником. С этого времени император Византии Зенон Исаврянин (474—491 гг.) имел полное основание считать себя законным владыкой Запада и Востока. Это убеждение восприняли и его преемники[23]. Начался новый период политической истории Италии, когда территория страны на многие столетия оказалась разделенной между германскими варварами и Византийской империей.

Следует ли рассматривать весь сложный исторический процесс III—V вв. как «декаданс», как «падение» Римской империи, или же как эволюцию, приведшую к неизбежному кризису и рождению новой культурно-исторической эпохи? В непрестанной борьбе старого и нового вряд ли оправдано, исходя из идеала какого-то «совершенства», которое затем вырождается и гибнет (взгляд, весьма свойственный начиная от эпохи Возрождения классически образованным людям), заниматься оплакиванием греко-римских общественных идеалов. Впрочем было бы также ошибочно огульно восхвалять варварские наезды и воспевать «свежую германскую кровь», обновившую «дряхлый Рим», и героизировать короля-разбойника Гейзериха с его вандалами, вполне заслужившими свое имя.

Перед историком возникает задача определить, какие новые элементы возникали в те столетия, которые не без основания рассматриваются как переходные к иной эпохе развития человеческого общества — Средневековью. Мы полагаем, что эти новые явления в истории IV и V вв. были следующие:

1. Абсолютная монархия восточного типа, обожествляющая личность императора, или же провозглашающая его наместником божьим (Византия).

2. Введение крепостного права и фактическое уравнение рабов и свободных колонов. Этот процесс сопровождался усилением нового «сенаторского» помещичьего сословия. Сенаторы становились полуфеодальными сеньорами. Основой их богатства становилось натуральное хозяйство.

3. Ликвидация к началу V в. языческой партии в Риме и постепенное торжество католической церкви над ересями.

4. Бюрократическое управление сосредоточивается в «священном дворце». Император окружает себя министрами, им назначенными. Звание консулов (назначаемых императором) и роль сената становятся традицией, воспоминанием прошлого. Консулы и сенат не имеют никакой власти. Бюрократическая система повсеместно торжествует, и города лишаются остатков муниципальных прав. Действия чиновников контролируются особым тайным аппаратом, который оказывается бессильным бороться со взяточничеством, лихоимством и нарушением законов. Развивается новая наследственная чиновничья аристократия, украшенная громкими титулами.

5. Городское сословие разоряется под гнетом принудительных обязательств и непосильных налогов. Горожане прикрепляются к своим промыслам и ремеслам с обязательством заниматься тем же делом из рода в род. Дороги становятся небезопасными. На морских путях грабят пираты. Замирает торговля. Особое значение приобретают местные рынки.

6. Происходит окончательная варваризация армии, которая принимает вооружение, отличительные знаки, боевой строй и боевые кличи варварских народов. Военачальники выдвигаются главным образом из среды варваров. Они приобретают огромное влияние на дела империи и часто решают ее судьбы.

7. Получает распространение по всей империи новая государственная религия — христианство, в течение IV и V вв. вытесняющая все иные религиозные системы. На Западе церковь переживает падение Римской империи. Появляются две тенденции: на Западе — к независимости церкви, на Востоке — к ее слиянию с императорской властью.

8. Зарождается регулярное монашество в постоянных монастырях, сначала на Востоке, потом — на Западе. Возрастает власть епископов и их влияние на общественные и политические дела.

9. Рим перестает быть политическим центром империи. В IV в. императоры переносят свою резиденцию в Милан, в V в. они принуждены скрываться за стенами Равенны, будущей столицы Теодориха и византийских экзархов. В то же время Рим становится средоточием иной силы — католической церкви.

10. К этому периоду времени относится начало Византийской империи, в которой греческий язык постепенно приобретает значение государственного языка. Государственная идеология всецело опирается на православие. С упадком Рима Константинополь становится распространителем культуры и важнейшим политическим центром как для Востока, так и для Запада.

Мы приходим к заключению, что в историческом процессе IV и V столетий на Западе обнаруживаются некоторые специфические особенности, которые предвозвещают Средние века. Так, например: полуфеодальное поместье, натуральное хозяйство, ремесленные цехи и корпорации, христианская религия в основе мировоззрения, участие церкви в мирских делах. Однако такие первостепенно важные для этого периода времени явления, как абсолютизм, бюрократическая система, подчинение церкви императору, исчезают на Западе вместе с гибелью империи, но остаются в основе Византийского царства, продолжая в той или иной степени влиять и на западноевропейские страны.

Было бы неверно выводить все средневековые институции из древнеримского наследия. Как показали Маркс и Энгельс, западный феодализм вырос из слияния этого наследия с теми общественными и социальными элементами, которые возникли в процессе разложения общинно-родового строя германцев [24]. Весьма убедительным примером такого синтеза является сочетание римского права с германскими обычаями в законнике вестготов (Breviarium Alaricianum), составленном в 506 г. по приказу короля Алариха II. Эта вестготская компиляция стала «главным источником римского права в течение первой половины Средних веков» [25]. До законника Алариха II в V и VI вв. в Италии существовали романизированные эдикты остготских королей, утерявшие свое значение после победы императора Юстиниана.

ЛАТИНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА IV—V СТОЛЕТИЙ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ЛИТЕРАТУРУ СРЕДНИХ ВЕКОВ

ЯЗЫЧНИКИ И РАВНОДУШНЫЕ

В римском обществе IV в. было гораздо больше равнодушных, т. е. тех, кто был ни холоден, ни горяч, чем открытых противников новой государственной религии. Язычники в душе часто принимали христианство по карьеристским соображениям. Встречались и епископы, как, например, Сидоний Аполлинарий, стихи и проза которых насыщены языческими образами (что повторится в эпоху Возрождения). Даже римского папу Дамасия как поэта, писавшего эпитафии мученикам не выходя за пределы риторической стилистики и античной фразеологии, может быть, следовало бы отнести не к христианским писателям, а к авторам «национальной школы». Близких ему по мироощущению поэтов Авзония и Сидония Аполлинария, весьма преуспевших в стяжании почестей и жизненных благ, Данте, вероятно, поместил бы в то печальное преддверье ада, где вечно осуждены пребывать нейтральные, те, кто предпочел борьбе равнодушие и покой.

Если допустить, что «Ночное бдение Венеры» (Pervigilium Veneris) написано тем благоглагольным (vir disertus) Тибериаиом, который в 326 г. был правителем Африки, то можно утверждать, что IV век начинался с высокой поэзии. Песнопению Тибериана о весне и его сатире о власти золота над душами людей подражали поэты в течение последующих столетий. Из не до конца идентифицированных придирчивыми филологами стихов запоминаются следующие, которые варьировали и трубадуры и ваганты: «Госпожа Венера, что нам делать, если любящие больше не любят? Красота проходит, молодость исчезает; никнут фиалки, не орошаемые росой, розы вянут на солнце, лилии теряют белизну. Госпожа, возьми их обратно к себе. Те кто любят, пусть снова любят» [1].

Авзоний и Клавдиан

Госпожа Венера не лишала своих милостей двух значительных поэтов IV в. вполне языческого мироощущения — Авзония и Клавдиана. О втором Аврелий Августин сказал: «...Поэт Клавдиан ... чуждый имени Христа...» (poeta Claudianus...a Christi nomine alienus — «De Civ. Dei.», V, 26). Того же мнения был Орозий, ученик Августина, написавший об авторе «Похищения Прозерпины»: «Один из врагов христианства, превосходный поэт, но упорнейший язычник» (unus ex ipsis, poeta quidem eximius, sed paganus pervicacissimus. — Hist., VI, 35). Вряд ли приходится сомневаться в том, что Клавдиан, придворный поэт христианнейших цезарей, должен был формально примкнуть к государственной религии [2].

В конце XIX и в начале нашего века литературоведы явно предпочитали Авзония и были склонны недооценивать, если не обесценивать Клавдиана. За последние 20—30 лет на щит был поднят Клавдиан, а поэта «Мозеллы» стали причислять к досадным педантам. Оба они были затемнены новейшей славой Пруденция. Эти колебания в художественных оценках на Западе свидетельствуют прежде всего о переменах литературных направлений в самом XX столетии.

«Великим ритором» назвал Авзония Валерий Брюсов, посвятивший небольшую и весьма интересную работу галло-римскому поэту [3]. Децим Магн Авзоний родился в 310 г. в Аквитании. Он получил широкое классическое образование в Толозе (Тулузе) у своего дяди Арбория (впоследствии наставника в Константинополе одного из сыновей Константина Великого), затем в Бурдигале (Бордо). Бордо славилось в те времена на всю империю своими риторами, подобно тому как Афины — философами, а Бейрут (Берит) — правоведами. В Галлию ездили учиться даже из Рима.

В 364 г. Авзоний оставил сообщество риторов в родном Бордо: император Валентиниан I позвал его в свою ставку в Трир для воспитания наследника престола, августа Грациана. Как царедворец профессор проявил большую ловкость. Он сочинял льстивые стихи в честь императора, удивлялся физической силе Грациана, описывал, не щадя подробностей, статую Валентиниана II, восхвалял победы и подвиги своих покровителей. Валентиниан I проявлял большую веротерпимость к язычникам и сам был поэтом-любителем. Он даже состязался с Авзонием в поэтическом искусстве. Предусмотрительный поэт не пожелал, конечно, оказаться победителем. Сопровождая императора в поход за Рейн, Авзоний после разгрома германцев получил в подарок юную пленницу Биссулу из племени свевов, которой посвятил стихи «Не лишенная изящества».

Профессор из Бордо сделал блестящую карьеру. Он стал квестором «священного дворца»; его ученик Грациан, взойдя на престол, назначил своего учителя префектом Галлии, Ливии и Италии. Престарелый муж справлялся с этими высокими должностями при помощи своего энергичного сына Гесперия. В 379 г. Авзоний приобщился к высшей чести — консульству. После насильственной смерти Грациана (383 г.) Авзоний удалился в свое поместье на берегу Гаронны, где занялся приведением в порядок всего написанного им в течение долгой жизни. Он умер в 394 г.

Авзоний заботился о том, чтобы грядущие поколения его не забыли. «С самолюбованием, не только наивным, но порою и комичным,— пишет Брюсов,— Авзоний чуть не на каждой странице своих сочинений говорит о себе: он рассказывает в стихах свою биографию и биографию своего отца, рисует портреты своих родственников, своих учителей и сотоварищей, описывает города, в которых жил, и, помимо того, рассыпает щедро всевозможные сведения о себе, вплоть до точной даты, уложенной в гекзаметры, своего консулата».

Среди интимных друзей поэта был вождь языческой партии Симмах, с которым он обменивался в письмах комплиментами, и святой Павлин, раздавший свое огромное состояние бедным. Восьмидесятилетний ритор никак не мог понять, почему Павлин, его любимый ученик, одаренный поэт, получивший блестящее образование, отрекся от людей и литературы. В глазах Авзония изменить своему призванию поэта было дурным поступком. Он призывал его вернуться туда, где царят «беотийские богини-музы». Напрасно учитель приводил классические примеры дружбы — Эвриала и Ниса, Пилада и Ореста, Сципиона и Лелия. Павлин предпочел отшельничество философским собеседованиям. Ответ Павлина в стихах свидетельствует о его любви к учителю, но он отказался вернуться к языческим музам [4]. Произошло столкновение между античными идеалами и нарождающимся средневековым мировоззрением. Павлин, ставший епископом итальянского города Нолы, продолжал писать стихи, но лишь духовные.

Авзоний изучил, вложив немало труда и упорства, греческий язык, и писал даже греческие эпиграммы. Он был отличным знатоком латинской литературы. Кроме классиков он ознакомился с Варроном, Лукрецием, Луканом, Сенекой. Наряду с неологизмами и формами, обличающими изменения, происшедшие в разговорном латинском языке, в стихах Авзония встречаются архаизмы, почерпнутые из Плавта и Теренция; при случае он показывал, что ему известны и библейские тексты [5]. Он охотно вводил в свои произведения не только мифологические аллюзии, но также исторические сведения и географические подробности. Весьма примечательна его географическая поэма, в ко-

торой описываются знаменитые города империи (Ordo nobilium urbium): Рим, Константинополь, Карфаген, Антиохия, Александрия, Трир, Милан, Афины, Арль, Тулуза. Приведем из нее стих, посвященный вечному городу:

Рим золотой, обитель богов, меж градами первый.

Пер. В. Брюсова

Не следует упрекать Авзония в страсти к перечислениям и «каталогам». В его «Памятной книге бордоских профессоров» (Commemoratio professorum Burdigalensium) и в портретной галерее теток и дядей поэта встречаются живо набросанные картины, драгоценные для историка галльского общества IV—V вв. Норден сравнивал «Commemoratio» Авзония с греческой похвалой знаменитых профессоров из Берита (Бейрута) той же эпохи, найденной в папирусном списке [6].

Авзоний оставил сотню эпиграмм и несколько удачных переводов из греческой антологии. Одна из них дошла до Вольтера и была известна Пушкину («Вот зеркало мое — прими его Киприда»):

Зеркало я посвящаю Венере, старуха Лаиса:
Вечную службу нести вечной ты вправе красе.
Мне же ты ни на что не нужно! ибо видеть
Что́ я теперь,— не хочу, чем я была — не могу.

Пер. В. Брюсова

Идиллия Авзония «Рождение роз», которая неосновательно приписывалась Вергилию, вызывает в памяти знаменитые стихи Малерба, посвященные Дюперье:

Mais elle était du monde où les plus belles choses
Ont le pire destin.
Et, rose, elle a vécu ce que vivent les roses —
L'espace d'un matin *.

Быть может, французский поэт XVII в. (в это время Авзония любили и охотно читали) выразил более сжато и энергично тот же образ, который находим у Авзония:

Вот, пока говорю, опали червленые кудри
Пурпурной розы: земля красным обрызгана вкруг.
Все эти виды, и эти рожденья, и все измененья
День их единый явил, кончил единый их день!

Пер. В. Брюсова

* «Она принадлежала к тому миру, где самым прекрасным созданиям уготована наихудшая участь. И, будучи розой, она жила столько, сколько живут розы — пространство одного утра».

Наиболее известным произведением Авзония, особенно полюбившимся романтикам с берегов Рейна, была поэма «Мозелла», которую переводили французские и немецкие поэты XIX в.[7] Авзоний описывает все, что он видел, путешествуя по Мозелю, притоку Рейна, весьма обстоятельно, с деталями, порою очень яркими и красочными. Об этой поэме Брюсов писал: «При некотором многословии это действительно вещь незаурядная, имеющая свои права на определенное место в пантеоне мировой литературы. Красота природы в ней, едва ли не впервые в Европе, обрела свой голос. «Naturae mirabor opus» (я буду восторгаться творчеством природы.— *И. Г.-К.*),— говорит сам Авзоний, как бы сознавая главное значение своей поэмы»[8]. Перед взором поэта проходят идиллические сцены на берегах, виллы и домики поселян, окруженные виноградниками и лесами. В струях реки мелькают разнообразные рыбы (точно перечисленные). Он призывает Рейн принять счастливую Мозеллу в свои могучие объятия, раскрыть свою «темносинюю одежду». Заметим, что некоторые ученые, например Шанц, ценят «Мозеллу» меньше, чем Брюсов, и находят, что стих Авзония холоден, особенно если сравнить «Мозеллу» с «Путешествием» Рутилия Намациана. Однако мы склонны скорее поверить поэту, чем филологу, тем более, что и поздние романтики Запада видели в «Мозелле» то, что не увидел достопочтенный вюрцбургский профессор[9]. Брюсов высоко ценил также некоторые стихи в поэме Авзония о Купидоне, изображающей воздушные поля на берегах Леты, где тени несчастных влюбленных древности — Сапфы, Федры, Тизбы, Ариадны — бродят

...при свете неверном
Посреди тростниковых стволов, меж маков тяжелых,
У безмолвных недвижных озер и ручьев без журчанья.

Пер. В. Брюсова

Посмертная слава Авзония проникла не во все столетия. Аквитанского поэта прекрасно знали его младшие современники, в том числе Клавдиан. Исидор Севильский в своей «Этимологии» донес разрозненные стихи Авзония до следующих поколений. В середине VII в. исключительно осведомленный о поэтах древности Евгений из Толедо, издатель Драконтия, цитирует Авзония вместе с другими поэтами IV в. В Каролингскую эпоху Авзония знали, по-видимому, из вторых рук, хотя Валафрид Страбон использовал стихи «Мозеллы» в одном из своих посланий. Эту поэму обильно цитировал ученик Валафрида Эрменрих фон Эльванген в своей похвале обители Рейхенау и Рейну. В X в. Авзония почти забыли; редкие цитаты из его произведений восходят к Исидору Севильскому. Его снова вспомнили в XI в., о чем свидетельствует выдающийся писатель позднего Средневековья Джон из Солсбери и не менее известный

Уолтер Мап [10]. Однако не следует преувеличивать интерес XII в. к Авзонию. Как поэт эпиграмм он был оценен лишь гуманистами.

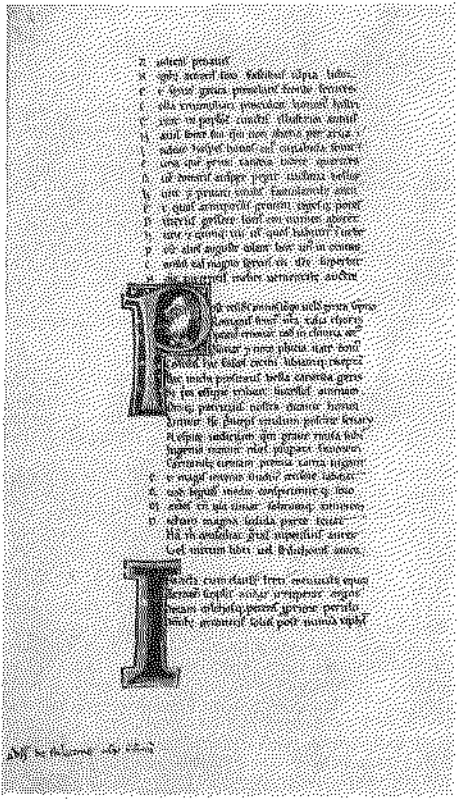
Editio princeps Авзония появилось в Венеции уже в 1472 г. (в XV в. вышло еще два издания). Монтень имел в своей библиотеке Авзония; знаменитого французского философа из Бордо интересовали сочинения его земляка [11]. Комментарий славного Юста Скалигера (Лейден, 1575) г.) обеспечил Авзонию известность в XVII и XVIII столетиях. Авзоний нравился Вольтеру; «Мозелле» подражал Поп в «Уиндзорском лесе» [12]. Ричардсон, автор «Памелы», включил в свой круг чтения Авзония и Пруденция [13]. В XIX в. появилось несколько переводов «Мозеллы» на немецкий, французский, английский и итальянский; полного русского перевода, к сожалению, до сих пор нет. Таким образом, нельзя не согласиться с Брюсовым — Авзоний вошел в мировую литературу, если не всеми своими произведениями, то по крайней мере лучшими. Особенного внимания заслуживают его эпиграммы и «Мозелла».

Наследником Авзония, продолжателем традиционной школы, был на рубеже IV—V вв. поэт Клавдиан, грек из Александрии. Он вполне овладел латинским языком. Рим для него был не только политическим центром, но и матерью народов империи [14]. Богиня Рима появляется в его стихах в обличье Минервы.

Латынь Клавдиана была архаична, слишком литературна; он тщательно избегал «вульгарных слов» и новшеств в синтаксисе. В 395 г. поэт жил в Равенне при дворе императора Гонория. Он прославился в Италии своими пышными панегириками [15]. Клавдиан возвеличил своего покровителя вандала Стилихона, знаменитого полководца («De laude Stilichonis»), победившего в 403 г. готов Алариха («De bello Gothico»). При жизни Клавдиану воздвигли статую на Капитолии. Было официально признано, что в Клавдиане воплотился дух самого Вергилия и что его посещают музы Гомера. Поэту был дарован высший романо-византийский титул патриция. Его неумеренные похвалы императору Гонорию, Стилихону, эфемерным консулам служили образцами для ренессансной придворной поэзии: Клавдиана хорошо знали в эпоху Возрождения.

Клавдиан писал также сатиры на врагов Стилихона — Руфина и Евтропия, фаворитов императора Восточно-римской империи Аркадия. Историкам известно, что Руфин, родом из Аквитании, был убит в Константинополе готским воином; разъяренная толпа топтала труп временщика. В Руфине, созданном Клавдианом, воплотились все пороки; он был Калибаном IV века! Поэт описывает козни Алекто *, призвавшей на помощь себе

* Одна из трех фурий [эвменид] греко-римской мифологии.



Клавдиан. Поэтические произведения. Рукопись XIII в.
Ленинград, РНБ. Clas. lat. O. v. I

все пороки для того, чтобы нарушить мировую гармонию. Мегере удалось соединить в Руфине все зло — он предназначался фуриями разрушить мир и благополучие империи. Персонификация пороков и добродетелей у Клавдиана живо напоминает приемы поэтов-маньеристов конца XVI в. и барокко (Тассо, Гундулича, Марино). И в похвалах и в инвективах Клавдиан был склонен к преувеличениям; его любимая риторическая фигура — гипербола.

Примечательна поэма Клавдиана «Похищение Прозерпины» (De raptu Proserpinae), которая возникла под влиянием распространенного в Александрии орфического культа, слившего греческую Деметру с египетской Исидой. В ней можно также обнаружить идеи неоплатонизма и мотивы из Лукреция.

Во дворце Цереры из слоновой кости Прозерпина занимается вышиванием. Ее рукоделие имеет магическое действие, изображая начало всех вещей. Она овладевает природой, которая вносит гармонию в первоначальный хаос. Ей покорны стихийные элементы. Живыми красками она пленяет морскую лазурь, окаймленную пурпуром. Когда смотришь на ее работу, кажется, что слышен ропот волн, разбивающихся о скалы. Прозерпина предчувствует, что должна скоро покинуть землю для подземного царства Дита, и щеки ее увлажняются пророческой слезой. Богиня осени и плодородия становится пленницей Элизия, где иные звезды, иные сферы [16].

Даже в сатирах Клавдиана изображение пороков уступает нередко место идиллии. Сутолоке и треволнениям придворной жизни противополагается бесхитростное блаженство и нега на лоне природы. Клавдиан проявил большое мастерство в описании пейзажей и торжественных мифологических шествий (как, например, охоты Дианы или поездки Венеры в Милан). В немногих стихах он умел детально изобразить редких животных и рыб и поразившие его воображение необычные изваяния, проявляя тот «кончеттизм» — сведéние противоположностей в нежданную гармонию,— который так ценили поэты барокко. Не следует считать преувеличенным мнение Э. Нордена: «Клавдиан соединил в своей поэзии элегантность Овидия и силу Вергилия с блестящей риторикой Лукана» [17]. Приведем одно блестящее описание Клавдиана из эпиталамы в честь Гонория и Марии (398 г.):

Выси отвесной горы ионийский простор осеняют,
Кипр, недоступный для смертных, фаросское брачное ложе
Обозревая, и Нильское устье, и лоно Протея.
Здесь не падает иней седой и о снеге не слышно.
Ветры страшатся дохнуть, и вредить не смеет ненастье.
Здесь изобилье Венеры, изгнавшей суровое время
Года, и вечно весны снисхожденье и милость...

Листья живут вперемежку на острове, славя Венеру.
Любит счастливое древо: качаясь склоняются пальмы
К пальмам, и тополя вздох в тополях порождает движенье:
Шепчет платану платан, и ольха шелестит над ольхою [18].

Пер. И. Г.-К.

Отметим аллитерации в последнем стихе» «...et platanis alnoque adsibilat alnus».

Иероним цитировал Клавдиана; Аврелий Августин обвинял его в упорном язычестве; епископ Аполлинарий Сидоний ему подражал. Изысканный язык Клавдиана и его мифологический мир были мало доступны раннему Средневековью. В течение VII—X вв. можно найти отдельные цитаты из Клавдиана, аллюзии на «Похищение Прозерпины» и на инвективы против Евтропия и Руфина. Именно эти произведения Клавдиана вызывали интерес редких любителей античности Каролингской эпохи и вызвали оживленные литературные споры среди эрудитов XII в. Довольно начитанный автор «Деяний императора Беренгария» (Gesta Berengarii Imperatoris), вероятно, веронец, знал инвективу против Евтропия. Рукописи Клавдиана были в руках одного из самых одаренных писателей этого периода — Ратерия из Вероны (умер в 947 г.), затем у Ноткера из Сант-Галлена (умер в 1022 г.). К Клавдиану вернулись в XII в. во Франции и Англии, что указывает на совершенствование грамматических знаний и на развитие художественного восприятия. «Похищение Прозерпины» знал Бернард Сильвестр, один из светочей Шартра и Тура. При дворе Генриха II Английского Клавдиана цитировали Роджер из Хаудена (Howden), Уильям из Молмсбери, Уолтер Мап и его друг Герберт Бозхэм (H. Boseham) из Суссекса, последователь Фомы Бекета. Поэт и дипломат Джеральд из Камбрии (Уэлса), не уступавший известностью Уолтеру Мапу и Бернарду Сильвестру, изучал панегирики Клавдиана. Панегирик в честь консулата Гонория цитирует декан Св. Павла в Лондоне Радульф из Дисето (de Diceto). Джозеф из Эксетера (Josephus Iscanus), автор похвалы Генриху II, несомненно, знал панегирики знаменитого латинского поэта [19].

Успех Клавдиана в XII в. был столь велик, что Алан из Лилля (Alanus ab Insulis, ок. 1128—1202 гг.) счел нужным написать поэму «Антиклавдиан» (в 6 тысяч строк). Ученый французский поэт, испытавший сильное влияние платонизма, противопоставлял совершенного человека, созданного Натурой, Руфину Клавдиана. Алан из Лилля положил основание новому жанру: философской эпопее. В поэме Алана христианство отодвинуто на второй план, легенда об искуплении Христом ветхого Адама забыта: нового человека творит богиня Природа, торже-

ствующая при помощи аллегорических Добродетелей над сонмом Пороков, выпущенных из преисподней фуриями. Замысел Алана из Лилля повлиял на Данте («Чистилище») и на Мильтона («Потерянный Рай», начало третьей книги — призыв небесных светил)[20]. Сам образ творящей Природы в поэме Алана из Лилля напоминает Прозерпину-рукодельницу Клавдиана.

Антагонист латинского поэта был его учеником. Анри д'Андели (XIII в.), автор «Битвы семи искусств» (La Bataille des Sept Arts), жаловался (II, 93), что в Париже отказались от «la bone ancientez» и забросили в университете, увлекшись философией Аристотеля и естественными науками, лучшие книги древности: Персия и Клавдиана[21]. Однако Клавдиан успел войти в школьные учебники, так называемые «книги Катона» (Libri Catoniani), где «Похищение Прозерпины» и панегирик в честь шестого консульства Гонория нашел, как предполагает М. А. Пратт, Чосер в XIV столетии[22]. Впрочем, о Клавдиане знаменитый английский поэт мог слышать и в окружении Петрарки. Из итальянских гуманистов Кваттроченто ближе всего к Клавдиану был Полициано, особенно в «Стансах на турнир»[23]. Как мы уже отметили, поэты Возрождения исследовали панегирики Клавдиана для восхваления новых земных владык. Печатные издания произведений Клавдиана появились в конце XV в. (editio princeps — 1484 г.). Тема «Клавдиан и поэты барокко» потребовала бы отдельной работы.

Авиан, Рутилий Намациан, Аполлинарий Сидоний

Во времена Авзония и Клавдиана жил тогда неведомый поэт по имени Авиан, о котором почти не сохранилось сведений. Он переложил в дистихах, не лишенных литературных достоинств, с греческих стихов (или может быть с латинской прозаической версии) басни Бабрия (конец II — начало III в. н. э.). 42 басни в своем стихотворном переводе он послал на суд известному грамматику Макробию Феодосию. После Федра (I в. н. э.) Авиан был первым баснописцем в латинской литературе. В Средние века он прославился и стал одним из основных школьных писателей, чьи тексты учили наизусть. Басни Авиана перефразировались, перекладывались в прозу (так же как и греческий оригинал — в Византии), подвергались стихотворным обработкам. Около 1 100 г. «поэт из Асти» (Astensis poeta) расширил басни Авиана, уснастил их рифмами, изменив текст почти до неузнаваемости. Эту переделку он назвал «Новый Авиан». Под тем же заголовком появилась в конце XII (или начале XIII в.) версия Александра Неккама, добавившего еще шесть басен собственного сочинения[24].

В своих великолепных панегириках Клавдиан, стоя на краю бездны и не желая замечать грозящей опасности, прославлял богиню Рима, ее величие и мощь. Римский патриотизм этого греческого выходца из Египта был неподделен и глубок. В любви к «золотой богине Рима» ему не уступал младший его современник Рутилий Намациан из южной Галлии[25]. В 416 г., покидая Рим перед возвращением на родину, он целовал ворота Рима, обливаясь слезами. Его гимн Риму может сравниться по силе поэтического вдохновения с похвалами Клавдиана. Приведем отрывок из поэмы Рутилия «De reditu» («О возвращении»):

Внемли этим словам, о царица прекрасная мира,
Рима богиня, чей трон в полюсе звездном стоит.
Внемли, великая мать и людей и богов изначальных.
Храмы твои к небесам смертных приблизили нас.
Буду тебя воспевать до последнего часа, богиня;
Тот, кто дышит и жив, разве забудет тебя!
Вечное солнце скорей позабыть святотатственно можно,
Чем твою славу и честь вырвать из наших сердец.
Ширится милость твоя, как лучи благодатного Феба,
До пределов земли, что охватил Океан.
Движется лишь для тебя, что в себе все содержит, светило,
В римских пределах встает, в римских заходит морях.
Поступь твою задержать не в силах песок раскаленный
Ливии, и не страшит севера холод тебя.
Там, где природа сама истощает полюсов силу,
Ты проникаешь, живешь, мир заключая в себе.
Родиною всех племен, о богиня вышняя, стала,
И подъяремный народ благословляет тебя.
Ты побежденным даруешь права и гражданскую славу.
Мир покоренный тобой ныне единственный Град[26].

Пер. И. Г.-К.

В действительности Рим уже не объединял в те времена народы. Гимн Рутилия был лишь «романтическим» воспоминанием славного прошлого; эти стихи, забытые веками, нашли снова отзвук в сердцах гуманистов. Поэма Рутилия была открыта в 1493 г. Саннадзаро собственноручно переписал поэму последнего римского языческого поэта из редкой рукописи монастыря Боббио. Из первой книги сохранилось 664 стиха, а из второй — всего 68. Первое издание «De reditu» появилось в Болонье в 1520 г.

В Италии Рутилий Намациан сделал блестящую карьеру. Как и его отец, он был префектом Рима. В «священном дворце» Гонория исполнял почетную обязанность квестора. Поэт и государственный деятель, Рутилий презирал иудеев и христиан,

особенно монахов, бегущих от света и ненавидящих жизнь. Германца Стилихона, полководца, прославленного Клавдианом, он считал изменником из-за его связи с готами.

Имения Рутилия в Галлии подверглись разграблению. Вестготы Атаульфа не пощадили даже хижин пастухов. Уходя из Италии, они сжигали все, что попадалось им по дороге. Аврелиева дорога, соединявшая западное побережье Италии с нынешним Провансом, стала непроходимой. Рутилий должен был плыть на родину по морю, которому так же не доверял, как некогда Гораций:

Море я выбрал; долины залиты мутной водою;
Острые скалы в горах загромождают пути.
Да и к тому же Тоскану и путь Аврелия готы
Не миновали, неся меч и огонь в этот край.
Нет жилища в лесах, мосты разрушены всюду.
Я предпочел эту зыбь, парус неверный избрал [27].

Пер. И. Г.-К.

Элегия написана прекрасным латинским языком. Ее стиль восходит к Овидию и Горацию-лирику. Рутилий был одним из самых одаренных поэтов своего времени.

Полуязыческая литература продолжала развиваться в угасающем римском мире и после Рутилия Намациана. Клавдий Солий Модест Аполлинарий Сидоний родился в 430 г. в Лионе в состоятельной и уважаемой христианской семье. Он закончил свою жизнь в 479 г. в сане епископа Клермон-Феррана [28]. Несмотря на это высокое духовное звание, мы не решились зачислить Аполлинария Сидония в христианские писатели. Его поэзия и проза гораздо ближе к произведениям Клавдиана и Симмаха, чем к творениям Амвросия Медиоланского и Августина.

Вслед за Клавдианом Аполлинарий Сидоний сочинял панегирики. Времена переменились, и ему пришлось возвеличивать марионеточных императоров. Первым из них был его тесть Авит, галльский ритор, игрой фортуны вознесенный на римский престол, на котором он продержался всего несколько месяцев. Аполлинарий Сидоний успел все же 1 января 456 г., когда Авит принял звание консула, произнести ему похвалу в сенате, за что панегиристу была поставлена статуя на форуме Траяна. Когда полководец Рицимер сбросил неудачливого Авита и заменил его цезарем Майорианом, продержавшимся дольше, Аполлинарий Сидоний после недолгих колебаний, вызванных вполне понятными родственными чувствами, перешел на сторону нового императора и был им прощен. Майориан благосклонно выслушал панегирик, ему посвященный. Едва успели замолкнуть последние стихи похвалы, как Майориан был убит

(2 августа 461 г.). За ним последовал в царство теней сменивший Майориана Либий Север III. Византийский император Лев I решил вмешаться в римские дела и назначил императором Запада Антемия. Греческий ставленник призвал искушенного в прославлении цезарей Аполлинария Сидония в Рим. Галльский поэт сочинил к 1 января 462 г. панегирик и в честь Антемия. На этот раз Аполлинарию не поставили новой статуи, а вознаградили его званием префекта Рима: поэт превратился в градоначальника. Но уже в 469 г. Сидоний Аполлинарий снова в Галлии и вскоре становится епископом, не столько пастырем, сколь общественным деятелем. Ему пришлось вести весьма сложную политическую игру с готским королевским двором. После восстания (475—476 г.) галло-римлян он был пленником короля Евриха в Провансе. Из темницы готов Аполлинарий Сидоний был освобожден незадолго до своей смерти благодаря хлопотам королевского министра Льва.

Поэзия Аполлинария Сидония полна языческих образов. В его стихах пляшут вакханки и фавны, его героев хранит от бедствий Аполлон, благословляет Паллада; соблазнительная Лаиса непочтительно щекочет бороду философа Диогена. Любимый жанр Аполлинария — свадебная песнь (эпиталама). Став епископом, он оставил служение музам, но будучи не в силах, как и Иероним, отказаться от литературы и презреть Цицерона, занялся эпистолографией. Как поэт он дышал воздухом Клавдиана, как сочинитель писем он был последователем Плиния и учеником Симмаха.

Быть может, главное значение творчества Аполлинария — свидетельства о современниках, об исторических событиях в Галлии и Риме второй половины V в. Красочны описания принадлежавшей ему виллы в Галлии, его путешествия в Рим; метки его характеристики варварских королей. До последнего времени Аполлинарий возбуждал бо́льший интерес у историков (в том числе Моммзена) [29], чем у литературоведов.

Письмам и стихам Сидония подражали в течение VI в. Он был известен Григорию Турскому; его стиль ими́тировал Евгений Вульгарий в начале X в., однако все это были отдельные случаи знакомства с галльским поэтом. Его стали изучать в XII в. Цитаты из Аполлинария находим у Абеляра, Бернарда Клервоского, Джона из Солсбери, Уильяма из Молмсбери. Он отразился в произведениях Джеральда из Камбрии и Радульфа из Дисето [30]. Сидоний Аполлинарий интересовал авторов XII в. именно как стилист, как теоретик литературы. С этой точки зрения им занимался известный теоретик литературы своего времени Джофруа де Вэнсов (Galfredus de Vinosalvo). Как учители риторики Сидоний Аполлинарий и Гораций почитались в XII в. авторитетами одинакового значения. Повторяли даже ошибки Сидония и его неправильные толкования отдельных мест

горациевой «Поэтики»[31]. В эпоху Возрождения Аполлинария вспомнили довольно поздно, первое его издание вышло в его родном городе Лионе в 1552 г.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРОЗА

Латинская проза IV—V вв., написанная язычниками или же номинальными христианами, остававшимися в душе верными богам Рима, была главным образом исторического, филологического и философского характера. Появилось также несколько трактатов из области специальных знаний, военного дела (Флавий Вегеций Ренат), географии, сельского хозяйства (Палладий Рутилий).

В этот период развились исторические компиляции — бревиарии, в которых сокращенно и упрощенно, в доходчивой форме излагались сведения о прошлом Рима. Из этих компиляций на первом месте стоит так называемая «История из трех частей» (Historia tripartita), представляющая из себя свод сочинений разных авторов. Вступительная ее часть, озаглавленная «Происхождение римского народа» (Origo gentis Romanae), была заимствована у неизвестного нам автора, жившего, вероятно, в конце IV в. Некоторые скептические историки, в том числе Нибур, неосновательно считали это введение литературной мистификацией, принадлежавшей перу одного из гуманистов XV столетия. В отличие от первой части, вполне легендарной по характеру, во второй — «О знаменитых мужах» (De viris illustribus), написанной в форме биографий, содержатся жизнеописания первых римских царей и выдающихся деятелей Римской республики и соседних стран до Марка Антония. Поскольку в повествовании отсутствует рассказ о многих известных истории личностях, высказывалось предположение, что первоначальное сочинение подверглось обработке и было сокращено, когда и кем нам неизвестно. Это произведение бездоказательно приписывали Ливию, Светонию, Корнелию Непоту и другим историкам.

Автор третьей части — «О цезарях» (De Caesaribus), заключающей эпоху императоров, известен. Это писатель IV в. Секст Аврелий Виктор, родом из Африки (Afer), земляк Септимия Севера, как он сам сообщает. Виктор Афр происходил из бедной крестьянской семьи, однако сумел получить риторическое образование. При императоре Юлиане, который чрезвычайно к нему благоволил, Аврелию Виктору была воздвигнута прижизненная медная статуя. Он достиг ответственных должностей в государстве: был правителем Паннонии, а в 389 г. (при Феодосии I) — префектом Рима. Аммиан Марцеллин, встречавшийся в столице с Аврелием Виктором, весьма одобрительно отзывался не толь-

ко об исторических трудах, но и о высоких личных достоинствах Афра.

Автор «Цезарей», конечно, компилировал, но он не просто составитель и редактор, а писатель с выраженной индивидуальностью и стилем, отличающим его сочинение от произведений современных ему историографов[32].

Симпатии сына африканского простолюдина на стороне государственных деятелей, прошедших суровую жизненную школу, познавших невзгоды и лишения. Особенно чувствителен он к моральным качествам правителей и не устает упрекать представителей высших сословий, прежде всего сенаторов, в пренебрежении общественными и государственными интересами. В то же время он с презрением относится к ставленникам солдатни, вспоминая многочисленные случаи, когда люди самого низкого происхождения, достигнув высокого положения, не знали меры в чванстве и высокомерии. Не скупясь на описания чудовищной жестокости многих героев своего повествования (даже своего любимца Септимия Севера), их развращенности, своеволия, а нередко и бездарности в делах управления и военных, Аврелий Виктор пытается находить положительные черты даже у таких, пользовавшихся мрачной славой императоров, как Нерон и Диоклетиан. При объяснении причин политических событий историк важную роль отводит вопросам экономическим.

Несмотря на обилие пессимистических раздумий, Аврелий Виктор не утратил веры в незыблемость устоев Римской империи и надежд на возможность нравственного совершенствования ее руководителей. Идеалом историка, весьма, впрочем, далеким от живой реальности, было могучее римское государство, возглавляемое просвещенным императором и пекущемся о нуждах отечества сенатом. Этим высоким представлениям историографа соответствует торжественный, несколько приподнятый стиль его повествования, изобилующего пышными риторическими украшениями и замысловатыми оборотами речи. Подобно Аммиану Марцеллину и философу Макробию, Секст Аврелий Виктор был вполне предан языческим традициям и глубоко чтил античную культуру и образованность.

«Цезарей» Афра использовал Иероним. Это сочинение стало одним из главных источников «Истории лангобардов» Павла Диакона. В X в. из него черпал Лу из Ферьера, в XII — Готфрид из Витербо (в стихотворении «Зерцало царств») и Генри из Хэнтингдона (Henry of Huntingdon), епископ Линкольна, автор «Истории англов»[33]. Таким образом, Секст Аврелий Виктор стал в конце Средних веков известен всей Западной Европе. В эпоху Возрождения «История в трех частях» появилась в печати лишь в конце XVI в. (Антверпен, 1579).

Не менее известными в средневековой Европе, чем Виктор Афр, были Евтропий и Фест. Сокращенная история Евтропия —

от легендарных времен «построения Града» до середины IV столетия (Breviarium ab urbe condita) — была написана по поручению императора Валента (364—378). Евтропий воспользовался, по-видимому, лишь небольшим числом исторических сочинений, преимущественно Ливием и Светонием. Последняя, десятая книга, бревиария содержит рассказ о событиях, свидетелем которых мог быть сам автор, или известных ему в устном предании.

В отличие от Аврелия Виктора, возвеличивавшего людей науки и философов и склонного к идеализации, Евтропий — крупный администратор на службе у Валента — стоит на твердой почве практической политики. Он принял утвердившуюся в историографии IV столетия систему исторического повествования по царствованиям сменявших друг друга монархов. По мнению В. С. Соколова, большой интерес Евтропия к династии Флавиев и выдержанный в апологетических тонах портрет ее основателя Веспасиана, первого принцепса незнатного происхождения, может быть воспринят как намек на социальную принадлежность самого историка.

Характерна для умонастроений верхушки римского общества этой поры проявляемая Евтропием индифферентность в религиозных вопросах. В его истории отсутствует какая-либо идеализация императора Константина, которого Евтропий несомненно знал лично. Напротив, без утайки говорится о преступлениях первого христианского императора: об убийстве им жены, племянника и сына и многих близких друзей. Правда, отдается должное любви Константина к науке и искусству, но зато почти полным молчанием обходятся вопросы его религиозной политики.

Евтропий писал свою краткую историю главным образом для нужд правительственных кругов и считал необходимым привлечь их внимание не к вероисповедной борьбе и отношениям с церковью, а к задачам укрепления военной безопасности империи, организации армии, обуздания своеволия солдат, выдвигавших из своей среды претендентов на верховную власть. Эти цели определили и характер подачи и подбор исторического материала. Интерес историка сосредоточен на показе роста военного могущества Римского государства, на описании бесчисленных войн, которые вели римляне на протяжении 1117 лет своей бурной истории.

Приверженность Евтропия принципам стоической морали, а также занимательность его рассказа, насыщенного историческими анекдотами, способствовали успеху его сочинения в Средние века. Бревиарий лег в основу «Римской истории» Павла Диакона, который пользовался также Павлом Орозием. От бревиария Евтропия зависела возникшая на пороге нашего тысячелетия историческая компиляция Ландольфо. Евтропия переводи-

ли на греческий, и он был хорошо известен в Византии. Не утратил популярности его труд и в эпоху Возрождения — первопечатное издание бревиария появилось вскоре после изобретения Иоганна Гутенберга — в 1471 г.[34]

Сокращенная история Феста возникла примерно в одно время с Евтропием — около 369 г., в правление императора Валента. Этот бревиарий значительно уступает работе Евтропия[35]. Несмотря на невысокое качество этой компиляции, она была использована Аммианом Марцеллином, Иорданом, Исидором Севильским, Павлом Диаконом и многими другими авторами Средневековья. Интерес Аммиана Марцеллина к Фесту следует объяснить тем, что автор бревиария описал некоторые новейшие для него события по собственным впечатлениям, например, войну Валента с парфянами. Язык Феста представляет интерес для романистов, так как в нем обнаруживаются вульгарно-латинские формы и обороты.

Предметом долгих научных споров были авторы, о которых в сущности ничего не известно, сочинившие или скомпилировавшие биографии поздних императоров, известные под названием «Historiae Augustae scriptores» (в русском переводе 1775 г.— «Шесть писателей истории об Августах», в новом переводе С. П. Кондратьева — «Авторы жизнеописаний Августов»)[36]. Их имена: Элий Спартиан, Вулькаций Галликан, Элий Лампридий, Юлий Капитолин, Требеллий Поллион, Флавий Вописк. Это «коллективное произведение» рассматривает римскую историю от 117 до 284 г. и содержит (с пропусками) биографии императоров, их соправителей и узурпаторов в хронологическом порядке. Образцом служил, по-видимому, Светоний. Время возникновения «Истории» приурочивалось — исходя от посвящения — к царствованию Диоклетиана и Константина I.

После известных статей Дессау (H. Dessau) в «Гермесе»[37] наиболее вероятно предположить, что «Жизнеописания Августов» были вдохновлены языческой партией сената под предводительством Симмаха в царствование Феодосия I. Ревнители древности прибегли к пастишу*, не смея выступить открыто против императорского двора. Они возвеличивали тех императоров, которые считались с сенатом и умаляли своевольных тиранов. Кроме того, в «Жизнеописаниях Августов» обнаруживается едва замаскированная антихристианская тенденция. К рассказу о событиях II и III столетий в этом сочинении следует относиться весьма осторожно; в то же время «Жизнеописания Августов» необходимо рассматривать как весьма ценное свидетельство о последних схватках язычников и христиан в конце IV в.

* От франц. le pastiche — подражание, имитация стиля какого-либо писателя в целях литературной мистификации или пародирования.

Читатели IV и V вв. интересовались гораздо больше историей, чем поэзией. Поэзия была сладостным обманом, история повествовала о славных и подлинных деяниях предков. Язык Тита Ливия был не всем понятен, да и времени для серьезных занятий историей недоставало в эпоху смут и варварских нашествий. Читатели предпочитали сокращенные пересказы — «бревиарии», составленные умелыми компиляторами. Не следует поэтому удивляться, что два новоявленных свидетельства «подлинных очевидцев» о Троянской войне более ценились, чем «баснословная поэма Гомера», известная к тому же в этот период времени (как и в Средние века) главным образом из сокращенной «Латинской Илиады» I в. н. э., которую приписывают Силию Италику.

В IV в. некий Луций Септимий перевел с греческого «Дневник Троянской войны» Диктиса из Крита (Ephemerida Belli Troiani Dictyis Cretensis), участника греческого похода на Илион, сподвижника критского царя Идоменея, сына Девкалиона (властителя Крита, упомянутого Гомером). Имя Диктиса в «Илиаде» не встречается.

В письме, адресованном Квинту Арадию Руфину, префекту Рима и консулу IV в., переводчик рассказывает о том, что Диктис записал свои впечатления о Троянской войне финикийскими письменами в девяти книгах. Этот дневник, начертанный на деревянных досках, он завещал похоронить вместе с ним на о-ве Крите. В царствование Нерона произошло землетрясение, и сундучок с дневником был найден пастухами в трещине почвы. Пастухи передали находку своему хозяину Эвпранеиду, который сообщил о случившемся римскому правителю острова Рутилию Руфу. Руф отправил Эвпранеида с сундучком в Рим. Нерон наградил критского землевладельца, даровав ему римское гражданство, и приказал перевести найденный памятник на греческий язык. Рукопись этого перевода из библиотеки Нерона случайно попалась Луцию Септимию[38].

Многие ученые XIX в. отрицали существование греческой рукописи и полагали, что Луций Септимий является автором этого знаменитого фальсификата. Они подчеркивали заимствования в латинском тексте Луция Септимия из Вергилия и Саллюстия. Однако в 1907 г. в египетских папирусах был обнаружен отрывок дневника Диктиса, написанный около 200 г. н. э.[39]

Уже в греческой литературе можно встретить версии о Троянской войне, не совпадающие с Гомером и даже ему противоречащие. Известно, что ошибки и непоследовательности Гомера вскрывал придирчивый Зоил. Фукидид считал недостоверным само повествование «Илиады», которое, по его мнению, не имело такого исторического значения, какое ему приписывалось. В антимилитаристской «Елене» Еврипида говорится о том, что подлинная Елена была в Египте, а в Трое находился лишь ее

призрак, наваждение, посланное жаждавшими крови богами, подстрекателями войны. Этот мотив находим и в современной пацифистской драме Жироду «Троянской войны не будет». В диалоге неопифагорейца Флавия Филострата (ок. 170 — ок. 244 гг. н. э.) «О героях» перевоплощенный Протезилай — первый павший герой с греческой стороны — вещает о Троянской войне истины, скрытые Гомером, который исказил события под влиянием славолюбивого Одиссея. Филострат был первым из известных нам разрушителей гомеровских легенд [40].

В конце V в. неизвестный переводчик на плохом латинском языке, который приводит в негодование классических филологов и весьма любопытен для романистов, выпустил в свет перевод с греческого под заглавием «История о разрушении Трои Дареса Фригийца». Следует заметить, что греческий оригинал, восходивший вероятно ко II—III вв., не сохранился, но оставил следы в византийской литературе. Можно предположить, что некоторые эпизоды у Иоанна Малалы, а также Иоанна Цеца и Исаака Порфирогеннета восходят к общему греческому источнику (Малала не знал по-латыни) [41]. Латинский переводчик сокращал и добавлял, пользуясь и другими греческими источниками, особенно для своей предыстории Троянской войны.

Обратим внимание на то, что «История о разрушении Трои» Дареса не стоит в связи с дневником Диктиса из Крита. Это два различных произведения [42]. Дареса упоминает Гомер в начале пятой песни (ст. 9—11):

Был в Илионе Дарес, непорочный священник Гефеста,
Муж и богатый и славный, и было у старца два сына,
Храбрый Фегес и Идей, в разнородных искусные битвах.

Пер. Н. И. Гнедича

Он упомянут также в «Энеиде» Вергилия. В латинском письме, предпосланном переводу, которое будто бы сочинил Корнелий Непот в I в. до н. э. и направил Саллюстию, рассказывается о находке финикийской рукописи Дареса. В письме подчеркивается, что, наконец, читатель сможет узнать всю истину о Троянской войне, ибо Дарес был участником войны, живым свидетелем событий. Что же касается Гомера, писавшего через несколько столетий после войны, он, конечно, не мог не исказить того, что произошло в действительности. Гомер рассказывает часто небылицы и заставляет богов бороться с людьми.

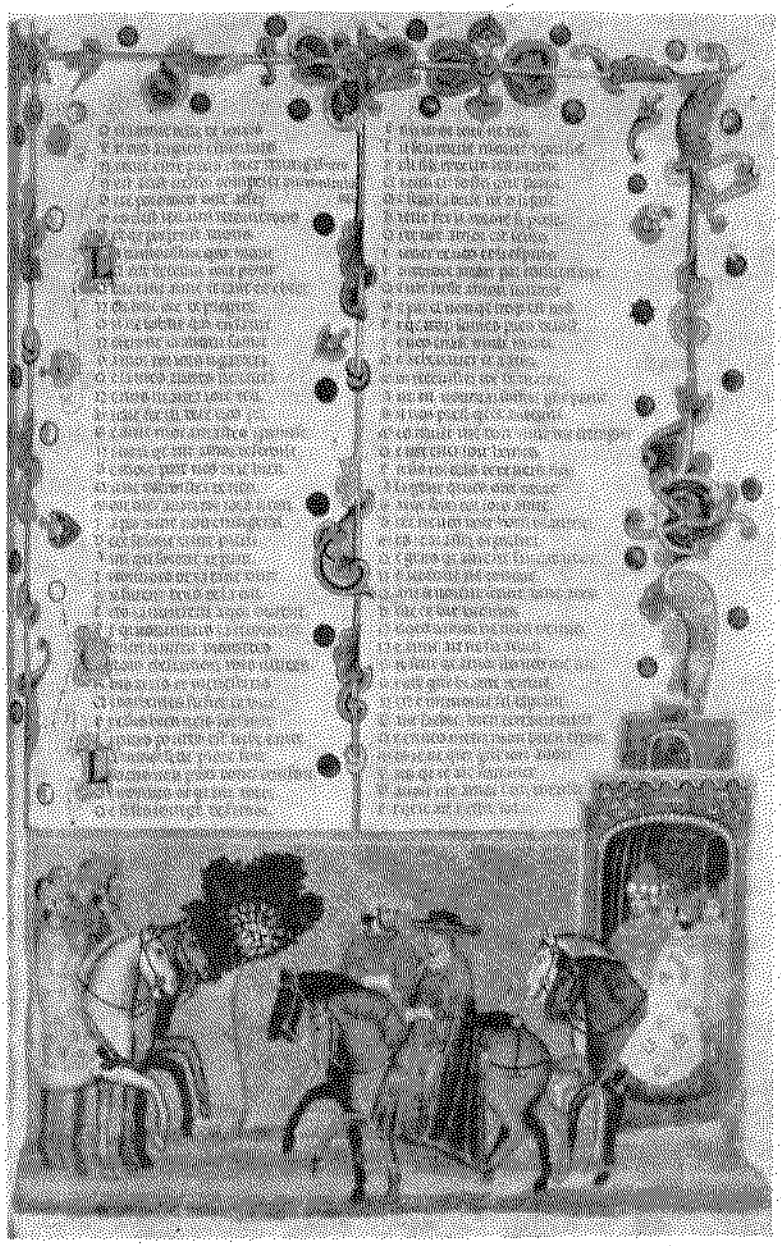
Дарес начинает свое повествование с похода аргонавтов, напавших на Трою. Рассказывается также о том, как Геркулес разрушил Илион, который вновь отстроил Приам. Греки представлены виновниками возникновения войны. Утверждается протроянская традиция, в то же время родоначальнику римлян Энею приписана самая жалкая роль. Он вместе с Антенором

предает родной город и открывает ворота грекам. Знаменитая деревянная лошадь превращена в незначительную деталь — скульптурное изображение конской головы над воротами Трои. Повествование Дареса отличается необычайной усложненностью, изобилием эпизодов, особенно романических, как, например, любовь Ахилла к дочери Приама Поликсене.

В течение тысячи лет (до самого XVII в.) слава Дареса и ставшего его спутником Диктиса затмевала славу Гомера. Исидор Севильский считал Дареса первым историком после Моисея, предтечею Геродота[43]. В XII в. на Западе Дарес Фригиец стал одним из самых известных писателей древности. В Италии распространению «Троянской истории» способствовали Готфрид из Витербо и Гвидо из Пизы, известный под именем «Равеннский географ». Вся шестая книга «Historiae variae» Гвидо из Пизы, написанная в 1118 г., является переложением рассказа Дареса. Во Франции Симон Ауреа Карпа (Chèvre d'Or, начало XII в.) в своей латинской «Илиаде» в дистихах также использовал Дареса Фригийца. Дарес повлиял и на натурфилософский комментарий Бернарда Сильвестра к шестой книге «Энеиды». В Англии замечательный имитатор латинской классической поэзии (особенно Овидия) Бальдерик де Бургейль (de Bourgueil; родом из Франции, умер около 1130 г.), также не избег влияния «Троянской истории». При дворе Генриха II Плантагенета Иосиф из Эксетера (умер в 1210 г.) в эпосе «De bello Troiano» исходит главным образом из текста Дареса. Его поэма названа «Dares Metricus». В ней используется также Диктис из Крита. Поэт настаивает на том, что он описывает реальные события, ибо Дарес и Диктис были их очевидцами. Несмотря на несомненные художественные достоинства поэмы Иосифа из Эксетера, она не получила большого распространения[44].

Между 1155 и 1160 гг. Бенуа де Сент Мор (Benoît de Sainte Maure) написал длинную поэму «Роман о Трое» (Roman de Troie), которая содержит около 30 тысяч стихов. Французский поэт также перелагал в стихах Диктиса и Дареса и говорил о «недостоверности и несерьезности» повествования Гомера, хотя «Илиада» была ему известна только понаслышке[45]. Бенуа де Сент Мор развивает многие мотивы, почерпнутые у авторов, разрабатывавших аналогичный сюжет, например, подвиги Троила, который уже у Дареса заслоняет Энея. Сент Мор заставляет Троила полюбить прекрасную пленницу греков Бризеиду[46]. Следует заметить, что до сих пор недостаточно исследованы источники Бенуа де Сент Мора; некоторые мотивы его поэмы можно найти у Гвидо из Пизы и Иосифа из Эксетера.

В 1340 г. Боккаччо написал поэму «Филострато», в которой развил один из эпизодов Бенуа де Сент Мора. Прелестная пленница Кризеида (Бризеида), дочь жреца Калхаса, кокетничает



Бенуа де Сент Мор. Роман о Троянской войне. Рукопись XIV в. из Северной Италии. Лист 75: Диомед, Троил и Бризеида. Ленинград, ГПБ, Fr. F. v. XIV, 3

с троянцем Троилом, братом Гектора, и с греком Диомедом. Поэме Боккаччо следовал Чосер в «Troilus and Criseyde»[47].

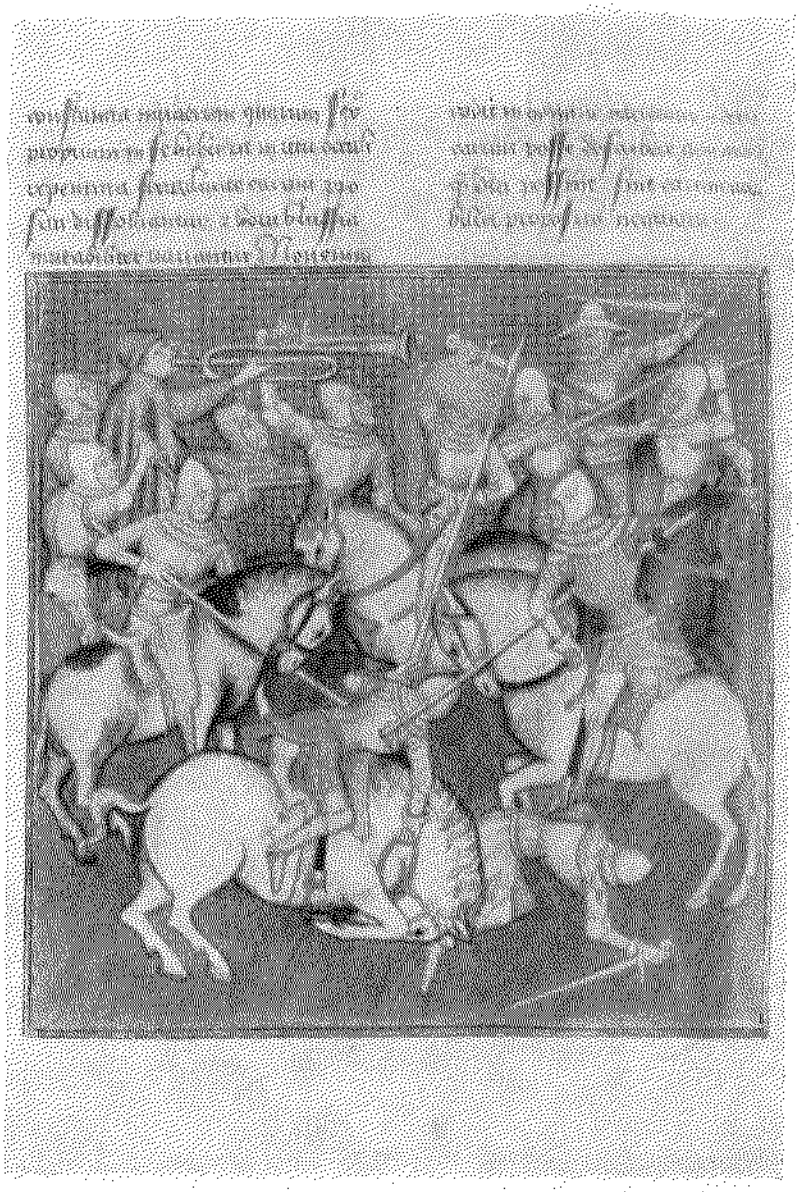
Когда в XIII в. Гвидо да Колумна переложил французскую поэму Бенуа де Сент Мора латинской прозой, она стала доступной не только французскому читателю[48]. Гвидо ни разу не приводит имени Бенуа де Сент Мора, однако не приходится сомневаться в том, что французский роман в стихах является главным источником латинской переработки сицилийца.

«История Трои» Гвидо да Колумна была переведена с латыни на итальянский, французский, немецкий, английский, венгерский (утерян), южнославянский и русский в XIV—XV вв. Французская версия Рауля Дефевра (1464 г.) — «Le recueil des histoires troyennes» была переведена англичанином Уильямом Какстоном (W. Caxton) в 1474 г. и вместе с поэмой Чосера послужила источником «Троила и Крессиды» Шекспира. Ронсар в «Франсиаде» настаивал на «троянской генеалогии» своих героев. Филипп Сидней писал в конце XVI в. в «Апологии поэзии», что, конечно, «Энеида» прекрасна, но историческая истина о троянских событиях находится не у Вергилия, а в повествовании очевидца Дареса. Первое совместное издание текстов Дареса и Диктиса появилось в Венеции в 1499 г. Автор книги «Классическая традиция» Дж. Хайет заметил, что трудно найти какой-либо другой фальсификат, который имел бы больший успех[49].

Не менее, чем «Троянская война», фантазию средневековых читателей пленила повесть об Александре Македонском[50]. Легенды о владыке полумира были широко распространены на Востоке[51]. Первоначальный греческий текст романа возник в Египте, вероятно, в III в. н. э., хотя можно считать установленным, что он восходит к эпохе Птолемеев[52]. Греческий историк II в. н. э. Флавий Арриан из Никомедии, критически оценивавший свои источники, написал «Поход Александра» в семи книгах; этим сочинением латинские переводчики могли также воспользоваться, хотя оно было слишком правдивым для их умонастроения[53]. Появились переводы повести об Александре с греческого на сирийский, эфиопский, армянский, арабский языки. В персидской поэзии (вероятно по арабским источникам) расцвели поэмы об Александре. Напомним о самой знаменитой — «Искандер-намэ» Низами Гянджеви (XII в.).

Автором первоначальной греческой версии считался Каллисфен, племянник Аристотеля, воспитавшего Александра Великого. Это авторство, конечно, фикция, как и письмо Александра Аристотелю о чудесах Индии.

На латинский язык роман Псевдо-Каллисфена был переведен в IV в. неким Юлием Валерием (или Юлием Валерием Александром Полемоном), о котором существуют различные догадки, но доподлинно ничего не известно[54]. Поражает обилие



Гвидо да Колумна. Повесть о падении Трои. Рукопись XV в. Сцена битвы Ленинград, ГПБ. Lat. F. v. IV, N 5

вульгарно-латинских форм в переводе Юлия Валерия,— можно предположить, что латинский роман об Александре возник не в IV, а в V в. В некоторых рукописях латинского перевода (миланской, парижской) авторство романа приписывается Эзопу.

В трех книгах первой латинской версии романа об Александре рассказаны баснословные приключения македонского царя на Западе и Востоке. Эти предания оставили глубокий след в европейской литературе Средневековья и Возрождения. Отзвуки легенд Псевдо-Каллисфена слышны у Шекспира («Отелло», I, 3).

Не меньшим, если не большим успехом в Западной Европе пользовался второй роман об Александре архипресвитера Льва из Неаполя, побывавшего в 942 г. в Константинополе с дипломатическим поручением неаполитанских герцогов Иоанна и Марина, покровительствовавших наукам. Для их библиотеки Лев купил в Византии, а затем перевел на латынь одну из поздних греческих версий романа об Александре Псевдо-Каллисфена. В переводе Льва часто встречаются искажения собственных имен и другие ошибки. Он значительно уступает первому латинскому переводу [55].

Влияние перевода Юлия Валерия обнаруживается в романе об Александре в стихах «Alexandreis», написанном во второй половине XII в. одним из самых талантливых латинских поэтов Средних веков Готье де Шатильоном (Gautier de Châtillon) из Лилля [56], жившим при дворе Генриха II Плантагенета. Автор исходил из романизированной истории Квинта Курция, учился у Вергилия и Стация, более же всего у Лукана.

Нельзя не отметить, что две самые замечательные поэтические версии романа об Александре были написаны современниками в конце XII столетия — одна на Кавказе (Низами Гянджеви), другая во Франции (Готье де Шатильон).

Роман Псевдо-Каллисфена подвергся обработкам и на новых европейских языках. Переводы Юлия Валерия и особенно архипресвитера Льва легли в основу провансальских и старофранцузских поэтических опытов, которые затем переводились на немецкий (см. переложение Лампрехтом Альберика де Безансона). Дополнительным источником к основным латинским переводам для авторов XII в. была также сокращенная версия (Epitome) романа, переведенная с греческого в IV или V в.; она отличается архаическими чертами латинского языка. Десятисложными стихами писал об Александре Великом по-старофранцузски Ламбер Ли Тор из Шатодэна. Наиболее известной поэтической обработкой на старофранцузском является «Роман об Александре» Александра де Бернэ (или de Paris, конец XII в.) в 15 тысяч «александрийских стихов» — откуда общеевропейское название двенадцатисложных стихов с цезурой после третьей стопы [57].

Аммиан Марцеллин

Среди составителей бревиариев и переводчиков легендарных греческих «историй», которые выдавались за истинные свидетельства древних, появился в IV в. историк, которого следует считать равным Титу Ливию и Тациту. Аммиан Марцеллин даже превосходит их беспристрастностью суждений, точностью наблюдений и особенно знанием военного дела. Он был греком из Антиохии, офицером римской армии, латинским писателем[58].

В начале своей военной карьеры Аммиан Марцеллин служил на Ближнем Востоке. Сопровождая своего начальника, полководца Урсицина, в 354 г. Аммиан Марцеллин впервые очутился в Италии. Из Милана Урсицин был послан в Кельн, где объявился претендент на трон, Сильван. Аммиан Марцеллин сопутствовал Урсицину и в этом походе. В Галлии он был свидетелем победоносного марша императора Юлиана против алеманнов. В 357 г. антиохийский офицер находился в императорской ставке на Балканском полуострове в Сирмиуме (Сремская Митровица); оттуда он снова был послан на Восток, в армию, действовавшую против персов. Об этих событиях сохранилось живое и яркое повествование в «Истории» Аммиана Марцеллина. Он участвовал также в новом походе против персов в 363 г., которым руководил император Юлиан.

Покинув военную службу, Аммиан Марцеллин жил сначала в родном городе, затем в Риме, где занимался историческими трудами. Он непрестанно совершенствовался в языке Цицерона: проза Аммиана Марцеллина обнаруживает знание правил ритмики, в частности, клаузулы[59]. Латынь Аммиана Марцеллина, конечно, довольно своеобразная. Он не овладел латинским языком с таким совершенством, как выходец из Александрии Клавдиан; в его латинской фразеологии порой сквозит греческий речевой склад. Аммиан был хорошо осведомлен не только в истории, но и в географии, и, кроме уже упомянутых стран, посетил Египет, Грецию и Фракию. Он интересовался жизнью и обычаями разных народов: германцев, персов, гуннов[60] и оставил сведения о племенах, граничивших с Римской империей (см., например, описание 18 провинций Персии в 23-й книге его «Истории»). Точная дата смерти Аммиана Марцеллина не установлена. На основании сведений, почерпнутых из его сочинений, можно предположить, что он жил до конца IV в.

Аммиан воспитывался в греческой культурной среде и первоначально учился у Кассия Диона (около 155 — ок. 235 гг. н. э.), автора «Римской истории», написанной на греческом языке. Кассий Дион был римским сенатором, человеком с большим государственным опытом, хитроумным, как Одиссей. Он проявил

критическое отношение к своим источникам и отличался самостоятельностью суждений[61].

Затем Аммиан Марцеллин стал последователем Тацита. Его принципы были следующие: история не должна ни лгать, ни замалчивать, а говорить всю правду до конца. Об этом он пишет, заканчивая тридцать первую книгу своей «Истории». Как Тацит, он избирал для повествования только важные предметы, достойные остаться в памяти современников и потомков, а также те, которые могли дать поучение читателям, стремящимся к истине[62]. Будучи противником христиан, он, тем не менее, стремился к беспристрастности и упрекал Юлиана, которого считал одним из самых справедливых императоров, в том, что он «запретил учительскую деятельность исповедовавшим христианскую религию риторам и грамматикам, если они не перейдут к почитанию богов»[63].

Из «Истории» Аммиана Марцеллина (Rerum gestarum libri XXXI») сохранились лишь последние 18 книг (XIV—XXXI), в которых излагаются события 353—378 гг., свидетелем и современником которых был автор. Известно, что он начал повествование от принципата Нервы и продолжил до смерти императора Валента (96—378 гг.).

Излюбленным героем Аммиана Марцеллина был император-философ Юлиан, отрекшийся от христианства и вернувшийся к почитанию древних богов. Юлиан известен также как писатель; для своих сочинений он, подобно своему предшественнику Марку Аврелию, избрал греческий язык.

По свидетельству Аммиана Марцеллина, «Юлиан, по благоразумию почитался вторым Титом, по славным военным движениям уподоблялся Траяну; милостив и благосклонен был как Антонин, дарованием ума здравомыслящего и созерцательного равноподобен был Марку Аврелию, которому старался подражать во всех своих внутренних государственных делах и в самих поступках»[64]. Смерть императора описана историком, как смерть стоического мудреца, спокойно и с достоинством, без сожалений расстающегося с жизнью. Аммиан Марцеллин, несмотря на свои похвалы Юлиану, не был придворным панегиристом. Острым взором он проникал в тайники современных ему событий. Об этом свидетельствуют его высказывания о судебных несправедливостях, о произволе и бесчинстве властей, подвергавших неповинных граждан пыткам, томивших своих личных врагов в кандалах. Историк говорит о том, что при брате императора Юлиана, цезаре Галле «никто не производил правильного следствия о поступках, действительно совершенных или измышленных, не делалось различия между виновными и невинными, умолкла законом установленная защита, и по всем провинциям Востока... царили палач — посредник грабежа, казни, конфискации имущества» (XIV, 7, 21)[65].

Средневековью «История» Аммиана Марцеллина осталась почти неизвестной. Преданность автора язычеству, его похвалы Юлиану Отступнику, его неприкрашенный реализм и стремление к объективности вряд ли могли понравиться в эпоху догматического миросозерцания и аллегоризма. Аммиана Марцеллина открыли гуманисты и воздали ему должную хвалу. Одну из самых старых рукописей «Истории» нашел в Фульде и привез в Италию Поджо Браччолини. Другую, не менее древнюю — из Херсфельда, критически издал чешский гуманист Сигизмунд Гелений (Грубый из Елени) в Базеле у Фробена (1533 г.).

Макробий и Марциан Капелла

Языческие мыслители еще сохранились в Риме в начале V века. Среди них выделяется Амвросий Феодосий Макробий, вероятно африканец греческого происхождения. Он титуловался «vir illustris», и его можно идентифицировать с тем Макробием, который в 399 г. был префектом Испании, в 410 г.— проконсулом Африки, а в 422 г.— главным спальником «священного дворца» (praepositus sacri cubiculi).

Самое значительное произведение Макробия — «Сатурналии» сохранило для будущих веков драгоценные сведения об античной культуре. В этом произведении, написанном в форме диалогов, автор рассказывает о собрании ревнителей древности в канун празднеств Сатурна в доме философа Веттия Агория Претекстата, переводчика «Аналитик» Аристотеля, кандидата в консулы (умер в 384 г.). Среди гостей находились Квинт Аврелий Симмах, вождь языческой партии в сенате, и Сервий, комментатор «Энеиды», близкий Макробию по философским воззрениям. На следующий день появляются новые посетители, в том числе греческий ритор Евсевий и философ Евстахий. Вторая встреча любителей философии происходит в доме Никомаха Флавиана; на третий день праздника все встречаются у гостеприимного Симмаха [66].

Происходит некий платонический симпозиум. Разговоры ведутся о древних обычаях, празднествах, богах, астрологии, греческих и латинских поэтах и философах: Платоне, Ямвлихе, Порфирии (авторе III в. н. э., написавшем книгу «Против христиан», которая была сожжена в 448 г. по приказанию императоров Валентиниана III и Феодосия II).

Наибольший интерес представляют разговоры о Вергилии, которым почти целиком посвящены четыре книги «Сатурналий» (III—VI). Творчество автора «Энеиды» подвергается аллегорическому истолкованию. Участники собеседований приходят к заключению, что Вергилий не только великий поэт, но значителен и как оратор («Vergilium non minus oratorem quam poetam

habendum...»). Вергилий для Макробия — непререкаемый авторитет в вопросах философии и науки вместе с Гомером, Платоном и Цицероном. Взгляд на поэта как на совершенного ритора, применяющего правила красноречия при сочинении стихов, был свойствен всему Средневековью. Очевидно, что Макробий находит в поэзии все то, что в ней обнаруживают Средние века: теологию, аллегорию, всезнание, риторику[67]. Само представление о поэте и его целях в диалоге Макробия чрезвычайно близко средневековому идеалу поэта, творящего миры, ведущего к моральным высям, открывающего в аллегориях скрытый смысл вселенной, поучающего, как Вергилий.

В сочинениях Макробия и его друга Сервия неоплатонизм противопоставляется христианству, а также учению Эпикура. В их представлении — Вселенная является огромным единством, храмом извечного божества, путеводителя всего сущего, создателя изначального разума (Νοῦς, Mens), откуда происходит душа (anima), оживляющая небесные светила и тела людей, животных и растения (пананимизм). Отсюда вечная связь «верхнего» и «нижнего», совершенного и совершенствующегося[68]. Это и есть спускающаяся с небес на землю «золотая цепь Гомера»[69] (см. «Илиаду», VIII, 19—27) — aurea catena Homeri античных и средневековых авторов, выражение, встречающееся и у Гёте[70]. Деятельность перводвигателя Макробий сравнивает с поэтическим творчеством Вергилия[71].

Эти идеи Макробия и Сервия влияли на мыслителей и поэтов — платоников позднего Средневековья — от Шартрской школы до Данте.

В Средние века пользовались большой известностью также комментарии Макробия к «Сну Сципиона» Цицерона. В этом отрывке из сочинения знаменитого римского оратора о государстве Сципион Африканский Старший является во сне Сципиону Младшему и открывает ему (в духе Платоновой философии) события его жизни и судьбы отечества. Он говорит также о гармонии сфер, величии космоса, тщете земной славы[72].

Через «Сатурналии» и комментарии к «Сну Сципиона» идеи неоплатоников проникли в христианскую среду. Макробий был известен Беде Досточтимому и некоторым поэтам Каролингской эпохи. Его не забыли и в X в. В XI в. один из крупнейших ученых Средневековья — Герман из Рейхенау (1013—1054 гг.), автор «Астролябии», использовал «Сон Сципиона» с комментариями Макробия, рассуждая о величии космоса и малых размерах земли[73].

В XII в. натурфилософская система Макробия была воспринята Бернардом Сильвестром. В сочинении «О Вселенной» (De universitate mundi) Бернард Сильвестр говорит о «внемировом божестве» и женской его ипостаси (Νοῦς), к которой следует воспарить для создания совершенного человека. Он упоми-

нает также «золотую цепь Гомера». Его понятие «Верховного добра» — «Tugaton» восходит к греческому τὸ ἀγαθόν. Бернард Сильвестр утверждает в «De universitate mundi», вслед за неоплатониками и противореча христианской догматике, что мир вечен, а не сотворен, и отзывается весьма пренебрежительно об аргументах, приводимых католическими теологами в обоснование сотворения мира. Эти неоплатонические концепции находятся в комментарии Макробия к «Сну Сципиона» (1, 2, 4). Родственные представления встречаются и в «Антиклавдиане» Алана де Лилля [74].

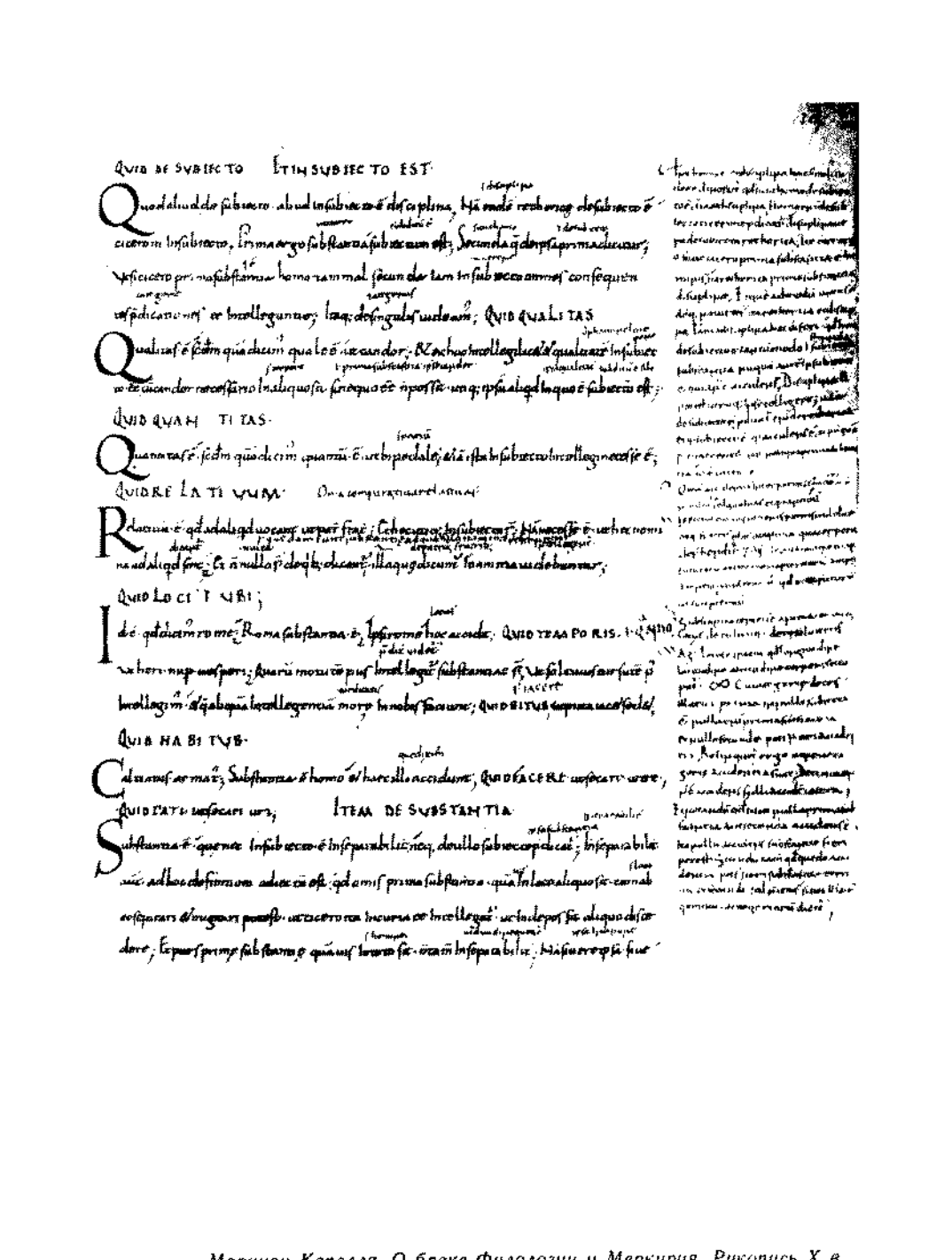
В космогонии Гильома де Конш (de Conches) также ощущается влияние Макробия. Произведения этого мыслителя (род. в конце XI в. в Нормандии), ставшего в Шартре одним из светил средневекового платонизма, свидетельствуют (особенно «Философия мира» — «De philosophia mundi»), о глубоком проникновении языческой мысли в христианскую. Заметим также, что в XII столетии Макробия знали Абеляр, Уолтер Мап, теоретик литературы Пьер де Блуа, Уильям из Молмсбери и многие другие [75].

У Макробия учились мудрости и старофранцузские поэты. Его упомянул Кретьен де Труа в поэме «Эрек» (стих 6738). В «Романе о Розе» Гильом де Лоррис начинает свое повествование аллегорическим сном и ссылается на знаменитое сновидение Сципиона. Философию Платона Гильом де Лоррис знал понаслышке. Его источником был Макробий. В замысле «Африки» Петрарки несомненно отразились идеи, почерпнутые из Макробия. «Сон Сципиона» с комментарием Макробия образованные люди продолжали читать в XVI столетии. Одним из этих читателей был Рабле [76].

Аллегоризм Средневековья восходит к разным писателям рассматриваемого нами периода: Клавдиану и Макробию, Аврелию Августину и Боэтию. Но подлинной энциклопедией аллегорических образов стало сочинение Марциана Капеллы «О свадьбе Меркурия и Филологии» (De nuptiis Philologiae et Mercuriis) [77].

Марциан Капелла родился в Карфагене, где знание греческого было более распространено, чем в остальных провинциях Западной империи. По образованию он был ритором, по профессии — адвокатом [78]. В своем произведении Марциан Капелла чередует стихи с прозой как Менипп («Satirae Menippeae», III в. до н. э.). Этот жанр наследует Боэтий, некоторые латинские поэты XII в. и Данте. Заметим, что Марциан Капелла был довольно умелым версификатором; он пользовался различными метрами, чаще всего гекзаметром, но также элегическими дистихами, ямбическими сенарами, хореическим тетраметром, асклепиадами и хориямбами [79].

Вслед за известным энциклопедистом I в. до н. э. Варроном Марциан Капелла продолжил классификацию наук и установил



Марциан Капелла. О браке Филологии и Меркурия. Рукопись X в.
Ленинград, ГПБ. Clas. lat. F. v., N 10

так называемую систему семи свободных искусств (septem artes liberales), усовершенствованную затем Боэтием и Кассиодором Педантизм магистра сочетался у африканского ритора с любовью к фантастическим и в то же время поучительным образам, которые стали известны всем школярам Средневековья. В дидактических целях он посвятил трактат своему сыну.

Первые две книги трактата рассказывают об аллегорическом браке между Меркурием и матерью всех знаний Филологией. Меркурий сначала неудачно сватается к Софии и Психее. Аполлон обращает его внимание на редкие качества и добродетели Филологии. Необходимо было еще благословение Юпитера. Во дворце громовержца Меркурий и Аполлон совещаются с Юноной, Палладой и другими богинями, которые окружены хором аллегорических Добродетелей. После долгих совещаний небожители принимают предложение Аполлона сочетать браком Меркурия с Филологией.

Прелестная дева Филология появляется во второй книге. Услышав о решении ее судьбы богами, она все же полна нерешительности. Только обратясь к языку символических чисел, она решается вступить в брак. Мать Филологии — Фронезис (Рассудительность) приготовляет ее к свадьбе. Вместо подружек появляются четыре главные Добродетели. Звучат гимны муз; грации лобызают нареченную Меркурия, одаряя ее своими качествами. Афанасия (Бессмертие) вводит Филологию в круг богов. Чтобы удостоиться вечной жизни, Филология должна извергнуть из своей груди многие сочинения. Однако любопытные боги хотят знать содержание этой отреченной литературы; сочинения эти тут же читаются. Мать Афанасии — Апофеоза протягивает супруге Меркурия кубок богов и с нею возносится на Млечный путь, где находится дворец Юпитера.

Аполлон приводит Филологии семь служанок — семь свободных искусств. Этот эпизод составляет переход к следующей части, содержащей энциклопедические сведения о науках. И в этой части выступают аллегорические персонажи. Автор описывает их внешность и одеяния; они произносят торжественные речи. Для своей энциклопедии Марциан Капелла использовал не только Варрона, но также Квинтилиана, Плиния Старшего и греческих софистов [80]. На его аллегорический мир повлияли образы, созданные его земляком Апулеем.

Марциана Капеллу знал Исидор Севильский. О том, что он ввел семь свободных искусств, писал Григорий Турский. «Брак Меркурия с Филологией» стал школьной книгой. На рубеже X и XI вв. Ноткер Губастый перевел трактат Марциана Капеллы на старонемецкий. В XII в. Марциана Капеллу часто цитировали писатели Франции, Англии, Германии и Италии (Арриго да Сеттимелло). Его трактат переложили в леонинские гекзаметры, вероятно, в Лотарингии.

Апостол Петр — переосмысленная статуя античного философа. Рим. Ватикан

Первое издание Марциана Капеллы вышло в 1499 г. За 100 лет, между 1499 и 1599 г., появилось девять изданий «Свадьбы Меркурия и Филологии». Знаменитый Гуго Гроций в 16-летнем возрасте издал трактат Марциана Капеллы в Лейдене (1599 г.). Это издание пользовалось немалым успехом в XVII в. Маньеризм и риторические «изысканности» Марциана Капеллы были восприняты великим мастером барокко Балтасаром Грасианом, повторявшим иногда дословно вычурные сентенции африканца. В окружении Боссюэ, воспитателя наследника французского престола, возникла мысль подготовить новое издание «Свадьбы Меркурия с Филологией» — ad usum Delphini. Издание это было доверено Лейбницу, но ученый не исполнил принятого поручения [81].

Борьба язычества и христианства глубоко отразилась в литературе IV в. Можно было бы a priori прийти к заключению, что Средневековье унаследовало то, что восприняли и передали последующим столетиям христианские писатели этого времени. Довольно вероятным кажется также, что язычески настроенных поэтов и прозаиков этого периода времени воскресили гуманисты XV в. вместе с забытыми авторами классической древности. Однако такие поспешные выводы нуждаются в существенном исправлении.

Лучшее знакомство с литературой Средневековья показывает, что далеко не во всех случаях языческие писатели подверглись забвению. Письма главы языческой партии IV—V вв. Симмаха переписывались в XI и XII вв., их лаконизмом восторгались при дворе Генриха II Английского и в ученых кругах Орлеана и Шартра. Языческий ритор из Африки Марциан Капелла стал одним из главных школьных писателей Средневековья. Его аллегории вместе с комментариями к «Энеиде» Сервия и к «Сну Сципиона» Макробия проникли в литературу Средних веков и повлияли не только на Боэтия, но и на Данте. Средневековье питалось сокращенными историями (бревиариями), столь распространенными в IV—V вв., авторы которых были в большинстве язычниками. Из них черпал свои сведения отец средневековых энциклопедистов Исидор Севильский. В то же время замечательный историк IV в. Аммиан Марцеллин стал известен только в эпоху гуманизма; в начале XVI в. его «История» была извлечена из полузабытых рукописей и опубликована чешским ученым Гелением, сотрудником Эразма Роттердамского.

Не следует забывать, что церковные писатели получали воспитание в школах языческих риторов и знали наизусть Вергилия и Цицерона. В IV в. влияние неоплатонизма испытывали в равной степени язычники и христиане. Если император Юлиан

отрекся от христианства, увлеченный Ямвлихом, Аврелий Августин, читая неоплатоников, пришел к христианству.

Языческая философия оказала сильнейшее влияние не только на культуру христианских авторов, но также на их верования и даже способствовала зарождению новых догматов. Автор интересного исследования «Латинские отцы церкви и классики» Х. Хагендаль убедительно показал, что сама идея чистилища, воплощенная поэтически в «Божественной Комедии» Данте, но официально принятая церковью лишь в 1439 г., зародилась в IV в. из стихов Вергилия («Энеида» VI, 745), где в соответствии с учением стоиков говорится об очищении души огнем и воздухом. Шестую песнь «Энеиды» приводит и Аврелий Августин («Град божий» XXI, 13), рассуждая об очищении после смерти [82]. Идея чистилища, как отметил Э. Норден в комментарии к «Энеиде», была совершенно чужда первоначальному христианству [83].

Мы рассмотрели творчество писателей и поэтов IV и V столетий, не отказавшихся от древних богов и представляющих значительный интерес для последующего тысячелетнего литературного развития. Некоторые из них никогда не были забыты, другие пользовались успехом только в известный период времени (высокое Средневековье, Возрождение). История влияния произведений авторов угасающей античности на литературы новых народов Европы часто неожиданна и даже парадоксальна. Параллельное изучение культурного наследия IV—V вв. и литературы Средневековья, а также Ренессанса и барокко открывает много нового, углубляя наши представления о ранней культуре так называемых «варварских народов».

ХРИСТИАНСКИЕ ПИСАТЕЛИ

ПОЭТЫ

Христианские поэты начала IV в. находились под сильным влиянием формалистической литературы предыдущего столетия. Так называемые «poetae neoterici» вплетали в свою «поэтическую ткань» самые нежданные нити, стремясь не столько к художественной выразительности, сколько к словесной виртуозности. Они упражнялись в сочинении стихов, которые можно читать с обеих сторон.

Оптациан Порфирий, христианский префект Рима (329—333 гг.), пользовавшийся расположением и доверием Константина Великого, которому он посвятил свои стихотворения, писал «фигурные стихи», восхищавшие через несколько веков поэтов из окружения Карла Великого. Беда Досточтимый (675—735 гг.) считал Порфирия классиком, а не лишенный дарования Теодульф Орлеанский (умер в 821 г.), Алкуин и Рабан Мавр ему подражали. Особенно известны «четырехугольные стихи» Порфирия (Carmena quadrata), предвозвещавшие опыты Гийома Аполлинера в XX в. Некоторые стихи римского префекта содержат столько строк, сколько каждый стих — букв, другие имеют «форму» пальмы, органа, свирели, корабля и призмы.

В поэзии воцарился грамматик, развлекавшийся словесной комбинаторикой. Порфирий вводил и сложные акростихи в свои стихотворные произведения. Впрочем, его превзошел в X в. Гукбальд из Сент-Омана в поэме о лысине, посвященной королю Карлу Лысому. Все слова 146 стихов поэмы начинаются с латинского «с» (Carolus Calvus). Подобные повторы начальных букв встречаются и у трубадуров и еще позже в школе «великих риторов» Франции на грани XV и XVI столетий, у Маро и даже у Баифа («vers lettrisés»)[84].

Из третьего века в четвертый перешла также склонность к повторам полустиший, напоминающая о поэзии «под народную» александрийской школы. Так, например, у африканского поэта Пентадия (III в.) в стихотворении «О приходе весны»[85]:

Видишь, уходит зима, оживляет зефир всю природу.
Эвр согревает волну. *Видишь, уходит зима.*

Пер. И. Г.-К.

Тот же «ход» у Павла Диакона в VIII в.:

Вечно весна над тобой: опоясан ты дёрном зеленым.
Ты побеждаешь мороз. *Вечно весна над тобой*...

«Во славу Ларского озера».
Пер. Б. Ярхо

Трагедия «Медея» другого африканского поэта III в. Гозидия была целиком составлена из цитат, почерпнутых у автора «Энеиды». Мозаические стихотворения — центоны (от заимствованного с греческого слова cento, onis — покрывало, сшитое из лоскутов) получили самое широкое распространение в литературе этого времени. Проба, жена Клодия Цельсина Адельфа, префекта Рима, составила в середине IV в. центон из стихов Вергилия, охватывающий события Ветхого и Нового заветов. К этому же времени относится центон Помпония, подражающий вергилиевой эклоге; в этом центоне пастушок Титир открывает своему другу тайны христианской религии. Жанр центона и христианской эклоги, известный Исидору Севильскому, был распространен при дворе Каролингов и имел своих подражателей в XI и XII вв. [86]

Языческие образы столь навязчивы в эпитафиях христианским мученикам, сочиненных в гекзаметрах папою Дамасием, что некоторые современные католические литературоведы (например Помпеати) осуждают римского первосвященника за язык, не соответствующий христианскому поэту. Однако вряд ли можно сомневаться в историческом значении надписей Дамасия, многие из которых имеют и литературные достоинства. Они сохранились до сих пор на стенах и гробницах Рима.

Первым значительным поэтом христианской литературы был Ювенк (Гай Веттий Аквилин), из знатной испанской семьи. Не покидая путей, подготовленных латинской школой, он решился сочинить христианский эпос. Веря, что содержание важнее формы (что было уже шагом вперед по сравнению с современными ему «формалистами»), Ювенк задумал превзойти самого Вергилия, поскольку евангельское повествование, которое он перекладывал в стихи, превосходило, по его убеждению, языческие басни. Он прекрасно знал «Энеиду», а также поэмы Лукреция, Стация и Лукана. Целью его было представить образованным христианам душеспасительное чтение, достойное их культурного уровня. В предисловии к поэме в 3 200 стихов, разделенных на четыре книги, Ювенк говорит (не без риторического пафоса) о скоротечности всех явлений этого мира. Несмотря на новое содержание поэмы, Ювенк подражает автору «Энеиды». Его язык полон архаизмов. Произведение Ювенка интересно как первая попытка создания христианской эпопеи в литературном оформлении классического эпоса [87]. Поэма поль-

зовалась успехом в VIII и IX вв. Петрарка знал Ювенка и ценил его стихи. Само слияние античной языческой терминологии с христианскими идеями нравилось многим гуманистам [88].

Христианские поэты не могли бесконечно вливать новое вино в старые мехи. Архаический язык школьной поэзии, лексические изысканности, сложный синтаксис, цветы риторики были непонятны народным массам, к которым обращались проповедники. Ювенк, принадлежавший к высшему сословию, писал для образованных римлян, принявших христианство или благосклонных к новому вероучению. Именно их имели в виду сенаторская дочь Проба и префект — «кубист» Оптациан Порфирий.

В VI в. народный язык изменился настолько, что романисты резко отделяют латинский этого времени от «классического» (следует, впрочем, заметить, что литературный язык Рима всегда отличался от повседневного говора, а тем более от простонародного). Несомненно, что народ более не ощущал все длинные и короткие слоги, и что классической просодии приходилось учиться так же, как учатся латинисты наших дней — в школах. В народных массах медленно развивался другой ритмический принцип стихосложения, основанный на количестве слогов и на ударениях. Мы не согласны с теми исследователями, которые вслед за Вильгельмом Мейером из Шпейера ищут начало этой трансформации на греко-сирийском Востоке, где в III—IV вв. появился в религиозной поэзии силлабизм и рифма, вероятно, заимствованная у арабов [89]. Следует, по-видимому, искать более близкие истоки. Действительно, рифма спорадически появляется в латинских песнях, как показал Узенер, уже в I в. до н. э., «Варварская ритмика» имела главным образом хореические ударения, весьма древнего происхождения [90]. Так, нам известна песенка римских легионеров при триумфе Цезаря, переданная Светонием:

Ecce Cáesar núnc triúmphat qui subégit Gállias —
Nicomédes non triúmphat qui subégit Caésarem.

(Вот Цезарь празднует победу, покорив земли Галлии — Никомед не торжествует свою победу, покорив Цезаря) [91].

С достаточным основанием следует предположить, что проникновение в состав римской армии германских контингентов способствовало распространению ритмической песни, которая к тому же соответствовала природе изменившегося латинского народного языка.

Рифма была также хорошо известна латинской и греческой прозе. Схожие окончания подчеркивали риторическую клаузулу. Рифмованную литанию Исиде (как впоследствии рифмованные литании богородице) можно найти в «Золотом осле» Апулея (XI, 25). Рифмы и ассонансы очень часты у Тертуллиана и Киприана. Схожие окончания встречаются в прозе Цицерона,

но классические латинские поэты в стихотворных произведениях избегали рифм. В стихах христианских поэтов IV в. Амвросия Медиоланского и Пруденция ассонансы переходят иногда в полнозвучные рифмы. Однако рифмы в полной мере ввел в латинские стихи в V в. довольно бездарный поэт Седулий, который и был тем «глухим ребенком» и «сумасшедшим негром», которых Поль Верлен считал изобретателями рифмы.

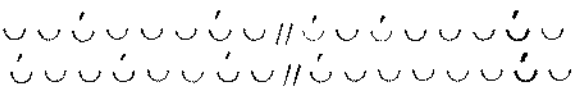
Едва ли в настоящее время приходится сомневаться в том, что ритмическая (силлабо-тоническая) поэзия народной латыни легла в основу литературной французской, итальянской, испанской поэзии и способствовала образованию немецкой. После долгих споров стиховеды наших дней приходят снова к этому заключению Гастона Париса, высказанному им в его известном письме к Леону Готье [92].

Одним из первых преобразователей гимнографии на Западе был Иларий из Пуатье (умер в 367 г.). Иларий получил тщательное образование у риторов Аквитании, но предпочел новую мифологию древней и стал одним из основателей монашества в Галлии по восточно-православному образцу. Иларий подвергся гонениям императоров, защищавших ариан. Он был сослан на Восток, где изучил богословие и греческий язык. Глубокое впечатление произвело на него аллегорическое толкование Библии александрийской школы. В Константинополе он имел смелость спорить с императором Констанцием I, против которого выступил с памфлетом. От Илария из Пуатье осталось всего несколько стихотворений. Возможно, что Илларий следовал примеру восточных гимнографов, когда задумал составить книгу латинских гимнов, что не значит, конечно, что он заимствовал стихосложение у сирийцев и греков. В немногих дошедших до нас гимнах наряду с классическими размерами встречаются ямбы и хореи, еще подчиненные законам просодии, но указывающие на переход к строю народной ритмической поэзии.

Хореический характер стихосложения обнаруживается в «Псалме против донатистов» Аврелия Августина [93]. Стихи разделены цезурой на два полустишия по восьми слогов каждый. Приведем пример, нами акцентованный:

Abundántia peccatórum // sólet frátres conturbáre
própter hoć dóminus nóster//vóluit nos praemonére...

(Изобилие грехов обычно приводит братьев в замешательство — поэтому наш господь считает нужным нас предостеречь...)



Наблюдается нарушение хореического ритма во втором стихе — dóminus — однако общая хореическая тенденция вполне ясна.

Основателем ритмической литературной поэзии следует все же считать не Илария из Пуатье, а Амвросия Медиоланского (умер в 307 г.), гимны которого распространились по всей латинской части империи. Отец Амвросия занимал высокую должность в государстве, он был префектом претория в Галлии. Сам Амвросий был правителем провинции Лигурии и жил в столице империи Милане. После смерти миланского епископа ему удалось примирить католиков и ариан, он вошел в миланскую базилику как губернатор провинции, а вышел из нее как епископ Милана, избранный обеими партиями. Его образование было языческое и риторическое, ему пришлось поспешно изучать богословие [94].

Амвросий сочинял свои гимны из практических пропагандных побуждений, чтобы конкурировать со своими противниками — арианами, вошедшими в Милане в большую силу благодаря покровительству императрицы Юстины. Его стихосложение является сочетанием классических ямбов с силлабо-тонической народной поэзией, причем он стремится к тому, чтобы иктусы совпадали с тоническими ударениями [95].

Deus creator omnium	Творец, создатель сущего,
polique rector, vestiens	Небесным сводом правящий,
diem decoro lumine	День светом облекающий,
noctem soporis gratia [96].	Ночь сновиденьем благостным.

Пер. И. Г.-К.

Благодаря значительному поэтическому таланту, превосходящему дарования всех его предшественников, Амвросию удалось создать ямбические стихи с дактилическим окончанием, которым суждено было звучать в течение многих веков. Заметим, что поэзия на итальянском языке, особенно в одиннадцатисложнике, имеет ямбическую тенденцию; чтобы убедиться в этом, достаточно проанализировать начало «Божественной Комедии». Акаталектический (неусеченный, полный) ямбический диметр Амвросия разделен на строфы (обычно восемь в одном стихотворении). Амвросий не изобрел свой метр. В народной латинской поэзии ямбический диметр был весьма распространен, однако он придал ему необычную гармонию. Амвросий был не только поэтом, но и композитором. Стихи его не читались, как поэмы Ювенка, но пелись. Как музыкант Амвросий находился под влиянием греческой музыки, о чем свидетельствует Аврелий Августин.

У Амвросия было много последователей. Часто трудно определить, какие гимны принадлежат самому Амвросию, какие его подражателям. Из перечисления Аврелия Августина и других заслуживающих доверия источников все же удается установить в главных чертах, что написано самим зачинателем нового жанра.

Симоне Мартини. Амвросий Медиоланский.
Кембридж, Музей Фитцуильяма

Пруденций и Драконтий

Самым значительным христианским поэтом Запада этой эпохи считается Пруденций [97]. Он родился в 348 г., вероятно, в Сарагоссе. Единственным источником для реконструкции биографии Пруденция являются его собственные произведения, прежде всего стихотворное предисловие к сборнику его поэзии. Эти сведения Пруденций дает в не вполне ясной форме; рассказывая о себе, он прибегает к перифразам и аллюзиям, задавая своим биографам часто неразрешимые загадки. Он был адвокатом, затем градоправителем — «для правосудия добрым, заставляющим дрожать виновных». Некоторое время он находился при дворе императора. В 405 г., когда ему исполнилось 57 лет, почувствовав приближение старости и смерти, Пруденций обратил свои помыслы к религиозно-философским проблемам.

Современники почти не говорят о нем. Слава приходит к Пруденцию после смерти. Во второй половине V и в VI в. он становится знаменит (см. отзывы Сидония Аполлинария, Фортуната). Исидор Севильский (570—636 гг.) считает «сладостного Пруденция» достойным соперником великих классических поэтов Вергилия, Горация и Овидия. Беда Досточтимый приводит в своем руководстве по стихосложению примеры из Пруденция. Поэт из Сарагоссы становится одним из самых любимых и читаемых авторов в окружении Карла Великого. Бруно из Кельна, брат императора Оттона I (X в.), разослал произведения Пруденция всем церквям своей епархии. Поэту IV в. подражают Рабан Мавр и позже Петр Дамиани. Следует предположить, что ранний старофранцузский текст «Эвлалии» возник под влиянием «Перистефанона»; сюжеты Пруденция вошли также в старофранцузский театр. С достаточным основанием можно предположить, что читателем «Психомахии» был Данте [98].

В эпоху гуманизма интерес к Пруденцию несколько ослабевает. В 1492 г. его произведения печатаются в Голландии, и XVI век его открывает как бы заново. После венецианской альдины (1501 г.) выходит базельское издание сочинений Пруденция с комментариями гуманиста Иоанна Сиккарда [99]. В 1667 г. Пруденций выходит у Эльзевира в Амстердаме в значительно улучшенном тексте. Поэты барокко весьма ценили его поэзию.

Пруденций оставил более 10 тысяч стихов. Для истории римского общества представляют большой интерес две его книги против Симмаха. Инвектива Пруденция против язычников была написана, вероятно, десять или даже двадцать лет спустя после доклада Симмаха императору о несправедливых гонениях на языческую древность. Пруденций провозгласил новый римский патриотизм, независимый от языческой традиции. Своими побе-

дами, утверждает он, римляне обязаны своей храбрости, а не помощи языческих богов. Десница римского воина, а не помощь Венеры положила основание Римской империи («Против Симмаха» II, 35). Однако патриотические аргументы Пруденция особой убедительностью не отличаются, гораздо сильнее Пруденций отразил почти анархический протест христианских общин против учреждения нечестивой Римской империи.

От этой враждебности к государству западная церковь не освободилась до конца существования Западной Римской империи, несмотря на Миланский эдикт о веротерпимости. Так, в первом гимне из «Перистефанона» в честь испанских мучеников-легионеров Эметерия и Хелидония Пруденций пишет: «Они оставили знамена Цезаря, они избрали знак Христов; вместо драконов из материи, надутых воздухом, которые они носили раньше, они приняли славное древо, покорившее Дракона. Они считают подлым и недостойным метать железные копья ловкими руками, сокрушать стены машинами, опоясывать лагеря рвами, омывать свои грешные руки в кровавой резне». Подобные гимны нисколько не способствовали укреплению боевой мощи империи.

Превыше военного могущества и мировой славы римской державы для Пруденция великая религиозная миссия Рима, именно она определила провиденциальный характер всей его истории. Эта концепция пронизывает все четырнадцать гимнов поэмы «Перистефанон» («О венцах»).

С помощью многообразных художественных средств из арсенала античной поэтики Пруденций создает образы новых героев, радостно отрясающих от ног своих прах мира сего:

Все, что объемлет в круговороте мир,
Что вихрем мрачным жизни уносится,
Что суетою века охвачено:
Царей, тиранов, власть и достоинства,
Почет и чванство, глупо надутое,
И к серебру и золоту злую страсть,
Что всех доводит до преступления,
Дворцы со всем их великолепием,
Одежд расшитых роскошь презренную,
Досаду, ужас, похоть, опасности,
Унынье в смену радости временной,
И гнев, и пламя дымное зависти,
Что помрачает честь и надежды всех,
И то, что хуже всяческих бед людских,—
Весь мрак тумана грязный язычества.

«Перистефанон». Мучение Агнии.
Пер. Ф. А. Петровского

Воспеваемые автором «Перистефанона» подвижники — не герои-одиночки, они представлены как воители за единое великое целое, неотъемлемую часть которого составляют. Образы их даны в динамике: они борются, страдают, гибнут, чтобы победоносно воскреснуть вновь.

Рассказчиком в поэме иногда выступает не сам автор, а другие лица, так, в гимне X повествование ведется от лица семилетнего ребенка. Этот прием перемены голоса и введения обрамления обогащает поэму новыми интонациями и помогает избегнуть однообразия в архитектонике гимнов. Волнообразный ритм создается чередованием кульминационных моментов и пауз, когда слышится только авторский комментарий к рассказу. Присутствие автора в поэме ощутимо постоянно, его личные склонности и пристрастия сказываются не только в автобиографических отступлениях и замечаниях по ходу повествования, но в том особом внимании, которое он проявляет ко всему, что связано с его родной Испанией. Местный колорит наиболее ярок в гимнах, прославляющих соотечественников поэта (I, III, IV и VI).

Важное место в структуре поэмы занимают диалоги мучеников с их гонителями и палачами, нередко весьма пространные (как в гимнах II, V и X). Здесь торжествует риторика, причем Пруденций, не проявляя особой оригинальности, повторяет трафаретные идеологические схемы и шаблонные формулы христианской пропаганды. Тяжеловесность этих дидактических частей до известной степени смягчается лирическими партиями, неподдельной искренностью и взволнованностью автора[100].

Несмотря на склонность к многоречивости, Пруденций достигает порой, особенно в описаниях, большой выразительности, например, в «Гимне на возжение светильников»: «Вот плотными рядами смыкается войско; воины летят на колесницах и на конях; развеваются боевые знаки с изображением тучных драконов. В это время народ, опаленный пелузийским зноем, забыв о времени рабства, отдыхает на злых берегах Чермного моря». Далее поэт изображает гибель войска фараона, поглощенного разверзшимся морем.

Красочен образ сатаны, низвергнутого серафима, который в гордом одиночестве восседает посреди адской бездны, как в поэме Мильтона:

Vertice sublimis, cinctum cui nubibus atris
angiferum caput et fumo stipatur et igni...

(Там, на полюсе крайнем, чью главу, увенчанную змеями, облёк черный снег, там, где в дыму разгорается пламя...)[101].

Средневековых поэтов сильнее всего поразили в произведениях Пруденция аллегорические персонажи, огульно осужден-

ные литературоведами XIX в. Следует понять, что для Пруденция, как и для старофранцузских авторов «Романа о Розе», аллегоризм соответствовал психологическому анализу нашего времени. Олицетворенные абстракции изображали живые движения души, воплощали страсти и переживания; они имели свой язык, в который необходимо вникнуть, чтобы понять тексты, которые мы объясняем. Аллегоризм существовал, конечно, и до Пруденция, однако испанский поэт развернул и углубил аллегорические образы, свойственные поэтам «серебряной латыни», вложив в них новое содержание.

Пруденций задавал себе мучительный вопрос — почему бог, если он всемогущ, не пресекает царящее в мире зло. Проблема свободы воли вызывает в поэмах Пруденция, как у Данте, представление о наказуемости дурных поступков и о торжестве праведников в местах вечного блаженства. Аллегоризм «Психомахии» вызвал ряд подражаний в средневековой литературе: битвы между добродетелями и пороками представлялись в эпических формах. Аллегории Пруденция восходят к «Метаморфозам» Апулея, но поэт «Психомахии» внес в аллегорический мир новую страстность и психологические комплексы, не известные языческим авторам второго и третьего столетий.

По силе выразительности из поэтов V в. к Пруденцию приближается лишь Блоссий Эмилий Драконтий. Он был богатым и уважаемым юристом в Северной Африке и носил титул «превосходительнейшего мужа» (vir clarissimus). Любовь к риторике и поэзии его погубила. Он посвятил свои стихи византийскому императору. Разгневанный вандальский король Гунтамунд, правивший Африкой (в 484—496 гг.), конфисковал имущество поэта и бросил его в тюрьму, где его морили голодом и пытали. Из застенка поэт слал упреки своим покровителям и друзьям, которые спокойно продолжали наслаждаться жизнью и не желали протянуть ему руку помощи:

Мне ведь в доле моей больнее всего от сознанья,
Что меж такими людьми не вспомнил никто о поэте,
Скрытом в мрачной тюрьме. Но если меня и терзают
Беды мои, то и вам забвение ваше не в радость:
Вам наказание — стыд, сотрясающий тело и душу,
Стыд, что с вашим умом и с вашей изысканной речью
Вы позабыли певца, презрев его скромную музу.
Много ли проку — спасти от смерти того, кто истерзан,
Чтобы оставить его в тюрьме умирать постепенно?

«Эпиталамий Иоанну и Витуле». 118—126.
Пер. М. Гаспарова

Тем, кто позабыл о горестной его участи, Драконтий гневно сулил забвение в памяти следующих поколений, ибо только он один властен сохранить их имена в своих стихах.

В тюрьме Драконтий написал поэму «Satisfactio», в которой умолял вандальского владыку его помиловать. Покаяние это не принесло ему пользы. Тогда узник снова обратился к музам и описал сотворение мира и райское блаженство первых людей. В поэме он также перелагал стихами предания Ветхого и Нового заветов. Наконец, после долгого заключения Драконтия выпустили на свободу. Благодарный поэт воспел брата короля Тразимунда [102].

До своих злоключений Драконтий писал светские стихи, изобилующие мифологическими образами и темами. Он призывал нимф и Геркулеса, описывал вслед за Овидием похищение Елены и месть Медеи. Сборник языческих стихотворений Драконтия носит горделивое название «Romulea». К этому циклу примыкает и приписываемая африканскому поэту «Трагедия Орест», представляющая поэтическую вариацию на тему греческой трагедии.

Стихи Драконтия отличаются музыкальностью, изысканностью стиля и насыщенной метафоричностью. В них встречаются яркие, запоминающиеся образы, неожиданные сравнения.

В период вандальского владычества, продолжавшегося до 534 г., когда Северная Африка была присоединена к Византийской империи, латинская литература расцвела поздним цветом, и плоды ее были восприняты в Испании. Об этом свидетельствует чрезвычайно интересная «Африканская антология», в которой языческие, часто весьма вольные, стихи перемешаны с христианскими.

Стихи Драконтия особенно распространены были в Испании, где по желанию вестготского короля Хиндасвинта (VII в.) Евгений Толедский подготовил новое рукописное издание произведений африканского поэта, подвергнув первоначальный текст энергичной и смелой редакции. Версия Евгения была воспринята Средними веками и первыми типографами XV—XVI вв. Лишь в конце XVIII в. Ф. Аревало по урбинской и ватиканской рукописям восстановил первоначальный текст Драконтия [103].

ПРОЗАИКИ

Христианская литература II и III столетий на Западе стремилась прежде всего защитить церковь от преследований государственных властей и от обвинений со стороны язычников в нечестии и атеизме. Для достижения этих целей апологеты должны были прибегнуть ко всем ухищрениям риторики Квинтилиана. Цитаты из Цицерона, Вергилия и Сенеки были для римских читателей куда убедительнее цитат из Библии; аллюзии на сочинения неоплатоников и стоиков понятнее слушателям, чем перифразы иудейских пророков. Христианские авторы были не в

силах отмежеваться от ветхого греко-римского мира. Воспитанные в школах риторов, они знали наизусть не только псалмы, но и стихи классиков.

Климент Александрийский (умер ок. 220 г.) рассматривал философию как дар божий, как подготовительную школу для восприятия христианства. Его ученик Ориген не вполне отделял христианство от платонизма. Первой попыткой соединения иудейской теологии с греческой философией, Библии с Платоном, было учение Филона Александрийского (I в. до н. э.), оказавшее глубокое воздействие на складывающуюся идеологию раннего христианства. От Климента идет широко распространившееся в христианской среде предание о том, что Платон заимствовал свою мудрость от Моисея и пророков. Этих взглядов придерживался и Евсевий из Кесарии (умер ок. 340 г.). Мнение о том, что все истинное у греческих философов заимствовано у пророков, а все их ошибки — плод несовершенного человеческого ума, высказывал в XIII в. Бонавентура. Против этой доктрины главы францисканского ордена решительно выступил Фома Аквинский, реабилитируя начало разума у Аристотеля и других мыслителей древности.

Ярким примером сочетания платонизма и христианства был Флавий Юстин (умер в 164 г.), полагавший, что философия открывает двери к богопознанию. Он учился в школе стоиков, стал последователем Аристотеля и пифагорейцев и пришел наконец к христианству через платонизм, как двести лет спустя Аврелий Августин. Поисками форм сосуществования античной языческой культуры с новым христианским мировоззрением отмечен диалог «Октавий», написанный в III в. Минуцием Феликсом из Африки. На фоне пейзажа приморского города Остии, служившего Риму портом, происходит в дни осенних празднеств разговор между христианином и сторонником старых богов. Минуций Феликс неохотно цитирует Библию; христианство он представляет не как религию, а как некую новую философию. С языческим политеизмом он борется доводами неоплатоников [104].

Апологеты
(Тертуллиан, Арнобий, Лактанций, Амвросий Медиоланский)

Центром апологетики на Западе была Северная Африка, первым ее крупным представителем — Тертуллиан (род. ок. 160 г.) [105]. Он восставал против преследований христиан, обличал несправедливых правителей. Он запрещал христианам участвовать в публичных празднествах и обрядах, повиноваться законам, несовместимым с предписаниями религии, и хотя прямо не проповедовал гражданского непослушания, но непрестанно утверждал

независимость христианской общины от светских авторитетов. Однако Тертуллиан был не в силах разрешить противоречие между новой религией и римской культурой. Отметая языческие воззрения, он усвоил некоторые идеи стоиков (например, о «материальности» бога и души), которые впоследствии подверглись осуждению как еретические. Некоторые богословы прямо обвиняли его в материализме. Несомненной заслугой Тертуллиана было развитие латинской философской терминологии.

Из апологетов наибольший интерес для нас представляет Арнобий (умер в 327 г.), по происхождению также африканец, дождавшийся официального признания церкви государством. Он был человеком вполне образованным. В своем сочинении против язычников Арнобий выступил как противник платонизма. Душа, по его мнению, не содержит в себе никаких воспоминаний из прошлой жизни; ребенок, воспитанный в дикости и невежестве, не имеет никакого душевного содержания (идея, близкая «tabula rasa» Локка). Само бессмертие души не есть ее природное качество, а дар божий (следовательно, бессмертие нужно заслужить) [106]. Арнобий полемизирует с Лукрецием, но находится под влиянием автора поэмы «О природе вещей». Он заимствует у римского поэта не только редкие слова и выражения, но также идеи. Панегирик Христу, написанный Арнобием, близок по стилю к «Похвале Эпикуру» Лукреция. Христос в похвале Арнобия напоминает философа, который, основываясь на данных физики и биологии, разрабатывает разные научные концепции. Среди благодетелей человечества Арнобий (следуя Лукрецию) упоминает Либера и Цереру, даровавших людям вино и злаки, и Геракла, победителя чудовищ [107].

Связь Арнобия с Лукрецием ставит снова вопрос, до сих пор недостаточно исследованный, о Лукреции в Средние века. Известно, что Иероним цитирует стихи из «Природы вещей». Знал Лукреция Исидор Севильский. Рукописи эпикурейской поэмы находились в VIII—IX вв. в Фульде и Боббио. Среди альбигойцев (XI—XII вв.) поэма Лукреция пользовалась большим успехом. Философ и филолог Бернард из Шартра, стремившийся примирить платоновскую философию и Аристотеля, подражал Лукрецию. Другой магистр из знаменитой Шартрской школы, Гильом де Конш, принимал атомистическое материалистическое учение Демокрита. Весьма трудно определить влияние Лукреция в XIII в. на итальянских эпикурейцев и материалистов, которые были прежде всего последователями Аверроэса, на императора Фридриха II, на дантовского Фаринату, на обоих Кавальканти (отца и сына), на кардинала Оттавиана дельи Убальдини, обсуждавших проблему вечности материи и не веривших в бессмертие души [108].

Ученик Арнобия Лактанций (конец III — начало IV в.), ученый-ритор, был позван императором Диоклетианом из Африки

в Никомедию, тогдашнюю столицу Востока, где он должен был обучать греков латинскому языку. Там Лактанций принял христианство и в 303 г., когда начались преследования христиан, оставил свое учительское место. На старости лет Лактанций дождался того дня, когда Константин I позвал его в Галлию, где он стал воспитателем сына императора Криспа.

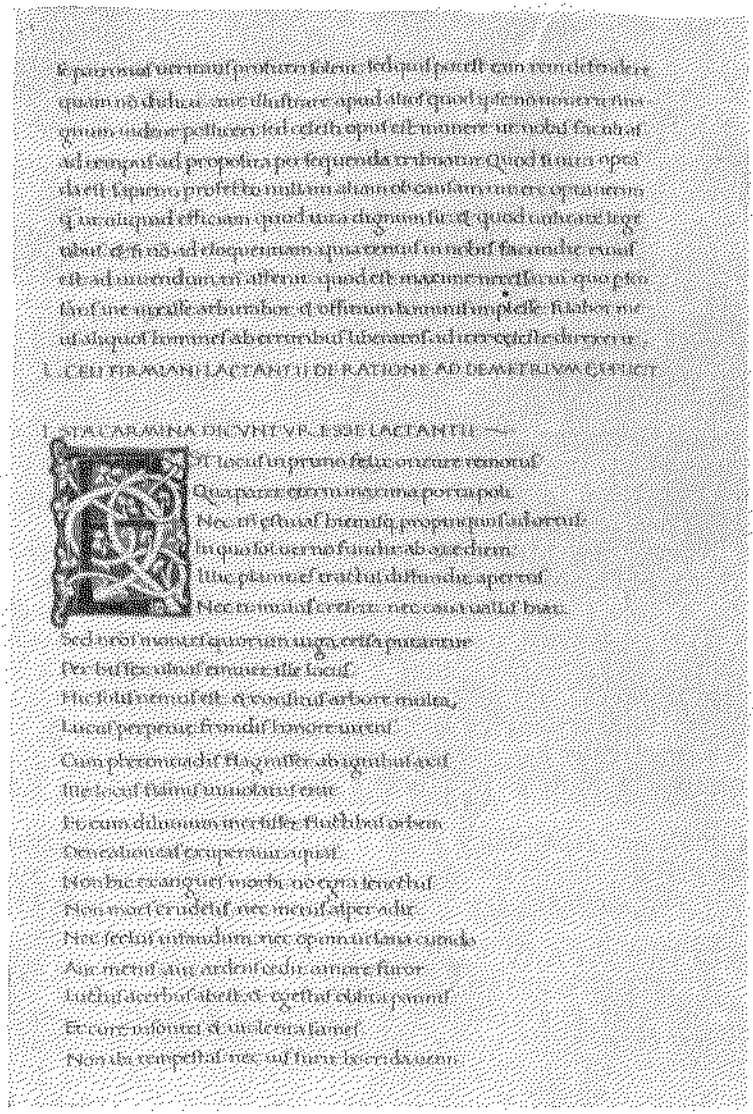
Сочинения Лактанция отличаются прекрасным стилем. Итальянские гуманисты называли его «христианским Цицероном». Лактанций стремился проповедовать христианство на основе греко-римской этики, создавая для образованного читателя мост между новой религией и античной философией [109].

В своих апологетических произведениях Лактанций в числе других классиков использовал также Лукреция. Если Арнобий избегал прямо называть имя Лукреция, Лактанций цитирует его поэму не менее двадцати раз — почти столь же часто, как Цицерона и Вергилия. Лактанций, несомненно, был противником эпикурейских взглядов, но противником далеко не последовательным, который непрочь был позаимствовать у Лукреция аргументы для полемики с политеистами.

Еще более, чем Минуций Феликс, Лактанций оставляет в тени чисто религиозные вопросы, он почти не цитирует св. писания, а своих единоверцев называет «философами нашего толка». Говоря о боге, он употребляет выражение, приемлемое для деистов, не принадлежащих к определенной религии, а христианство представляет как «истинную философскую доктрину». Лактанцию приписывается художественно-удачная поэма «Феникс» в элегических двустишиях, в которой отразились христианские воззрения автора. Эта поэма оказала влияние на Клавдиана.

Как моралист Лактанций учил о равновесии между милостью и карающей справедливостью. Праведники, утверждал он, должны терпеливо ожидать страшного суда и не преследовать своих врагов [110].

Однако настало в IV в. время, когда христианские писатели более не удовлетворялись ожиданием грядущей справедливости, из гонимых превратились в гонителей и стали взывать к отмщению. Роль обвинителя язычников взял на себя Фирмик Матерн, предтеча средневековых инквизиторов. Он был родом сицилиец, из богатой аристократической семьи и жил во времена императоров Константа и Констанция, сыновей Константина Великого [111]. Им он посвятил свой трактат «О заблуждениях языческих религий». Фирмик Матерн отрицал всякую терпимость по отношению к другим религиям и требовал разрушения языческих храмов и ниспровержения алтарей ложных богов. То, о чем он мечтал, осуществилось в конце века, при Феодосии I, когда храмы богов закрылись навсегда. Фирмик Матерн, новообращенный христианин, на погибель своей души



Лактанций. Стихотворения. Рукопись XIV—XV вв. Италия.
Ленинград, ГПБ. Lat. F. v. I. 100

занимался астрологией. Он напрасно стремился примирить свои моральные воззрения с астрологическими занятиями. Астрономическая поэзия Фирмика пользовалась успехом в Средние века.

Апологетика на Западе подготовила одного из крупнейших деятелей христианской церкви IV столетия — Амвросия Медиоланского [112], о котором как о гимнографе мы уже говорили. В его лице западная церковь обрела проповедника, равного Иоанну Хризостому у греков. Большой оригинальностью мысли проповеди Амвросия не отличались, но они были исполнены страстностью и сильно действовали на слушателей, о чем свидетельствует Аврелий Августин. Амвросий проповедовал против гордости и насилий великих мира сего, утопавших в роскоши. Его слова были обращены не к философам из высшего общества, а к широким массам. Римскому праву, защищавшему привилегии богатых, он противополагал учение, отрицавшее законность этих привилегий.

За полторы тысячи лет до Жан Жака Руссо Амвросий Медиоланский утверждал, что земля принадлежит всем людям и что это единственное природное право, в то время как частная собственность возникла из насилия. Он обличал не только крупных землевладельцев, но и богатых купцов, которых называл разбойничьим племенем, существующим в ущерб общему благу: «Вы, богачи,— говорил он,— не столько беспокоитесь о вашей пользе, сколь о ваших привилегиях... Рубище бедных более вас обогащает, чем все ваши остальные заработки» [113].

Эти обличения (не имеющие ничего общего, конечно, с разоблачением буржуазного строя социализмом XIX в.) не вдавались в систематическую критику римского общества. Отцы церкви IV—V вв. «довольствовались тем, что просто порицали его, и притом в таких резких выражениях, что в сравнении с ними самый резкий язык современных социалистов и даже негодующие крики анархистов кажутся весьма кроткими»,— писали не без иронии Ф. Энгельс и К. Каутский [114].

Амвросий известен также своими надгробными речами, посвященными его брату, императорам Валентиниану II и Феодосию I. Для истории IV столетия важные сведения дает его переписка (379—396 гг.). Особенно интересно письмо, в котором епископ налагал эпитимью на императора Феодосия за несправедливую казнь четырех тысяч граждан Салоник. В борьбе с язычеством Амвросий проявил чрезвычайно большую энергию. Его письмо к Квинту Аврелию Симмаху [115], который в 391 г. был консулом, является историческим документом первостепенного значения.

В 384 г. Симмах вручил Валентиниану II записку от имени языческой партии в сенате, требуя прекращения преследований сторонников римских богов. Credo языческой партии он вложил в уста самой богини Рима: «Я хочу жить по моим обычаям,— вещает патронесса вечного города,— ибо я свободна. Этот культ

[языческий] покорил моей власти весь земной шар, эти святыни заставили удалиться Ганнибала от моих стен, галлов — из Капитолия... Мы смотрим на те же звезды, над нами то же небо, тот же мир окружает нас. Разве так важно, на каких путях каждый ищет истину. Тайна слишком велика, чтобы к ней могла вести одна дорога». Эти патетические слова запомнились Данте и Кола ди Риенцо; они произвели сильное впечатление на современников языческого оратора.

Амвросий счел необходимым ему ответить. Миланский епископ утверждал, что истина, которую язычники ищут ощупью, ясно возвещена откровением. Идолы и суеверные обычаи язычников давно осмеяны их же философами. Если Симмах требует возвращения денежного содержания весталкам, то лишь потому,— замечает он не без язвительности,— что есть люди, не верящие, что в мире существует бесплатная невинность. Язычники насчитывают всего-навсего семь девственниц, отлично оплачиваемых, которые ходят в пурпурных платьях; их несут по городу рабы на носилках, сопровождаемые целым сонмом слуг («Против Симмаха»).

Для истории Средних веков Амвросий важен тем, что он был первым, провозгласившим независимость церкви от государства. Он стремился увеличить не только духовную, но и светскую власть епископов.

Иероним

Современник Амвросия Медиоланского, ритор и анахорет, аскет и ругатель, Иероним был одним из любимых авторов Эразма Роттердамского, издавшего его произведения в Базеле в 1516—1520 гг. Великий писатель Возрождения видел в Иерониме не «отца церкви», а предтечу гуманистов, филолога, истолкователя классической античности, владевшего к тому же тремя языками, на которых основывалась гуманистическая образованность — латинским, греческим, древнееврейским. Лютер ненавидел Иеронима, хотя широко пользовался переводами отца «Вульгаты».

Противник Иеронима и бывший его друг Руфин так рассказывал (ок. 400 г.) о видении Иеронима во время первого его пребывания на Востоке в 70-х годах IV в. Иероним был приведен к престолу небесного судьи, который ему сказал: «Ты последователь Цицерона, а не христианин» (Ciceronianus es, non christianus). Пристыженный Иероним поклялся: «Господи, если когда-либо у меня будут светские рукописи, если буду читать их — отрекусь от тебя (Domine, si umquam habuero codices saeculares, si legero, te negavi). Четверть века спустя Руфин не без ехидства напомнил Иерониму, что клятвы своей он не исполнил. Руфин уверял, что все произведения далматин-

ского писателя насыщены реминисценциями из языческих авторов, что нет страницы, написанной Иеронимом, на которой он не восклицал бы: «Наш Туллий, или наш Гораций, или наш Вергилий!» (Sed Tullius noster, sed Flaccus noster, sed Maro!). По подсчетам Руфина, цитат из классиков латинской литературы у Иеронима больше, чем из св. писания; примерами из поэтов древнего Рима поучает он в своих письмах девиц и молодых женщин. Эрудиты нашего времени, тщательно проверив классический и библейский материал в сочинениях Иеронима, пришли к заключению, что Руфин в полемическом задоре преувеличил, и что аллюзий и прямых сносок на Библию у Иеронима все-таки больше, чем цитат из языческих писателей. Однако Руфин был прав — Иероним до конца жизни не в силах был отказаться от Цицерона, Вергилия и Саллюстия. Статистика показала, что на 1223 страницы его текста приходится 284 аллюзии и цитаты из классиков, т. е. в среднем одна на каждые четыре страницы [116].

Любимыми латинскими авторами Иеронима были прежде всего Вергилий и Цицерон, затем Плавт, Теренций (которого комментировал в Риме учитель Иеронима — Донат), Гораций. Саллюстий, Светоний и Сенека-философ. Из Лукреция Иероним дважды цитирует стихи, вероятно, по памяти, ибо с ошибками. В письмах и в апологии против Руфина встречается еще не менее пяти аллюзий на автора поэмы «О природе вещей». Ссылки на языческих авторов гораздо чаще появляются в письмах Иеронима, адресованных образованным людям, чем в комментариях к Библии и богословских сочинениях, предназначенных для бесхитростных вифлеемских монахов. Конфликт между религиозными воззрениями и литературными пристрастиями в произведениях Иеронима никогда не был изжит. Многочисленные сочинения Иеронима — письма, предисловия, жизнеописания, даже богословские трактаты — перенесли через все Средние века сотни и сотни цитат в стихах и прозе и перифраз латинских классиков, вызывая почтительное изумление клириков раннего Средневековья и способствуя тем самым передаче культурного наследия варваризованной Западной Европе.

Иероним был греком или, по другим сведениям, иллиром из Далмации; отец его, по имени Евсевий (Эузебий), происходил из города Стридона на границе Паннонии, по другим данным, находившегося в Западной Боснии [117]. Он родился, вероятно, в 340 г., умер в 420 г. в Вифлееме [118]. В детском возрасте Иероним очутился в Риме, где был отдан родителями под ферулу знаменитого грамматика Элия Доната, затем ритора Мария Викторина. Там, в Риме, он принял крещение. Христианство не удержало его в юности от пороков и увлечений, которым он предавался вместе с Руфином, ставшим впоследствии его злейшим врагом и обличителем. Возмужав, Иероним жил в галльском

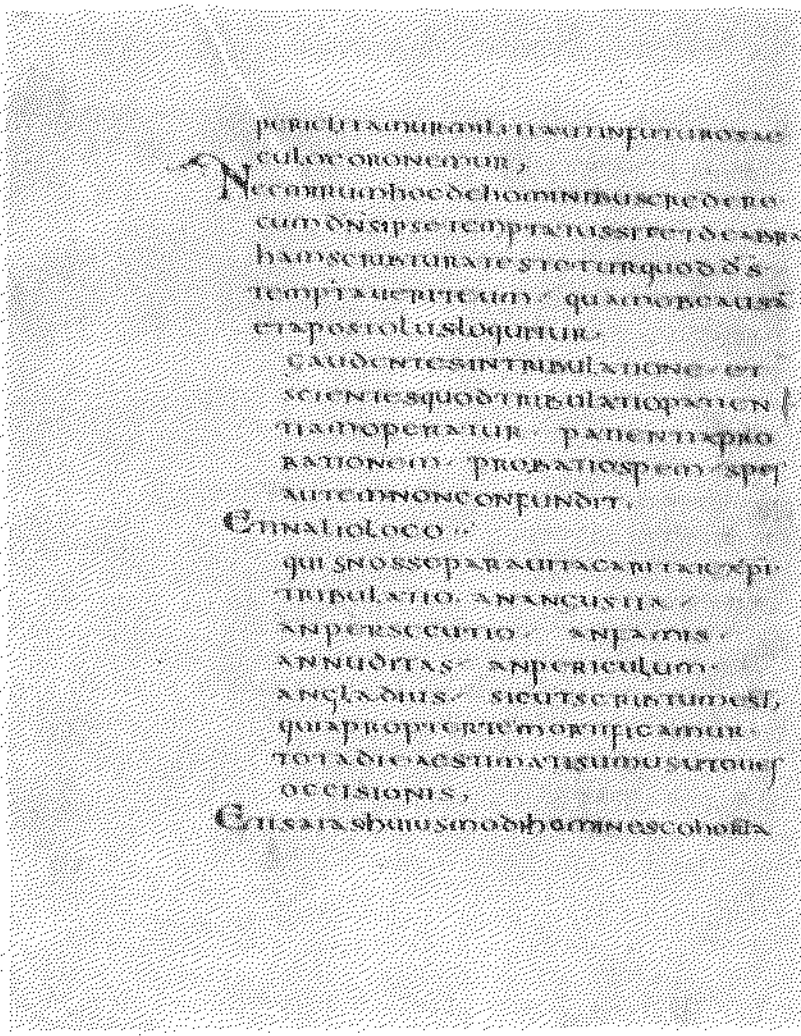
Трире, где изучал писания Илария из Пуатье. Из Трира он перебрался в Аквилею и там окончательно решил посвятить свою жизнь аскезе и подвигам.

В 373 г. он подвизался на Востоке. В Антиохии Иероним приобрел весьма основательные познания в греческом языке и углубился в греческое богословие. Несколько лет (375—378 гг.) он провел в Халкидской пустыне, расположенной на востоке от Антиохии. За время своего отшельничества он овладел после большого труда древнееврейским, и, таким образом, стал «мужем трех языков». О себе Иероним говорил: «Я — философ, ритор, грамматик и диалектик, иудей, грек и латинянин».

Из пустыни отшельник направил свои стопы снова в Антиохию, оттуда в Константинополь, где присутствовал на соборе 381 г. и познакомился с Григорием Назианзином. В том же году он снова в Риме. Папа Дамасий, сочинявший гекзаметрами полуязыческие эпитафии мученикам, поручил ему ревизию Библии. Следует заметить, что к концу IV в. так называемая Итала, т. е. латинский перевод св. писания, не только расходился с оригиналами, но и отдельные латинские рукописи не совпадали и содержали разночтения, вызывавшие соблазн ложных толкований.

Эту работу, имевшую значительнейшее влияние на европейскую литературу Средневековья и Возрождения, Иероним проделал весьма осторожно и вряд ли вполне удовлетворительно. Он поправил лишь те места, которые резко расходились по смыслу с оригиналами Нового Завета, оставив без изменений вульгарно-латинские формы, впоследствии возмущавшие гуманистов. Ветхий Завет он перевел наново, с древнееврейского на латынь, в 390—404 гг. Псалтирь осталась в двух версиях, так называемой римской и галиканской.

Иерониму следует поставить в заслугу, что он открыл для Запада литературный характер многих древнееврейских текстов Библии — отметил, что псалмы, книга Иова, книга Иеремии написаны стихами и представляют собой поэтические произведения. «Что сладкозвучнее Псалтири? — вопрошал он. — Она, подобно нашему Флакку и греку Пиндару, то течет ямбом, то вещает алкейским стихом, то величаво льется стихом сапфическим, то горделиво выступает полустопным. Что прекраснее Второзакония и песней Исайи? Что величественнее Соломона, что совершеннее Иова? Все это в еврейском оригинале плавно льется гекзаметром и пентаметром». В переложениях же на греческий (не исключая семидесяти толковников), а еще более на латынь, утрачены первозданная красота и изящество. Автор Вульгаты суровым судом судит многочисленных своих предшественников на тернистом поприще перевода, не пощадив даже своего любимца Цицерона. Книги св. писания кажутся образованным людям написанными дурным стилем и тяжелым



Иероним. Послание к девице Деметриаде.
Рукопись VI в. из Вивария Кассиодора.
Ленинград, ГПБ. Lat. Q. v. I. 10

языком, и они отвращаются от них, «гнушаясь грязной одеждой речи ранее, нежели обнаружат внутри прекрасное тело содержания». В этом повинны переводчики — и те, что, стараясь переводить слово в слово, насиловали дух родного языка, и те, что, пытаясь следовать больше смыслу, чем букве, далеко отходили от оригиналов [119].

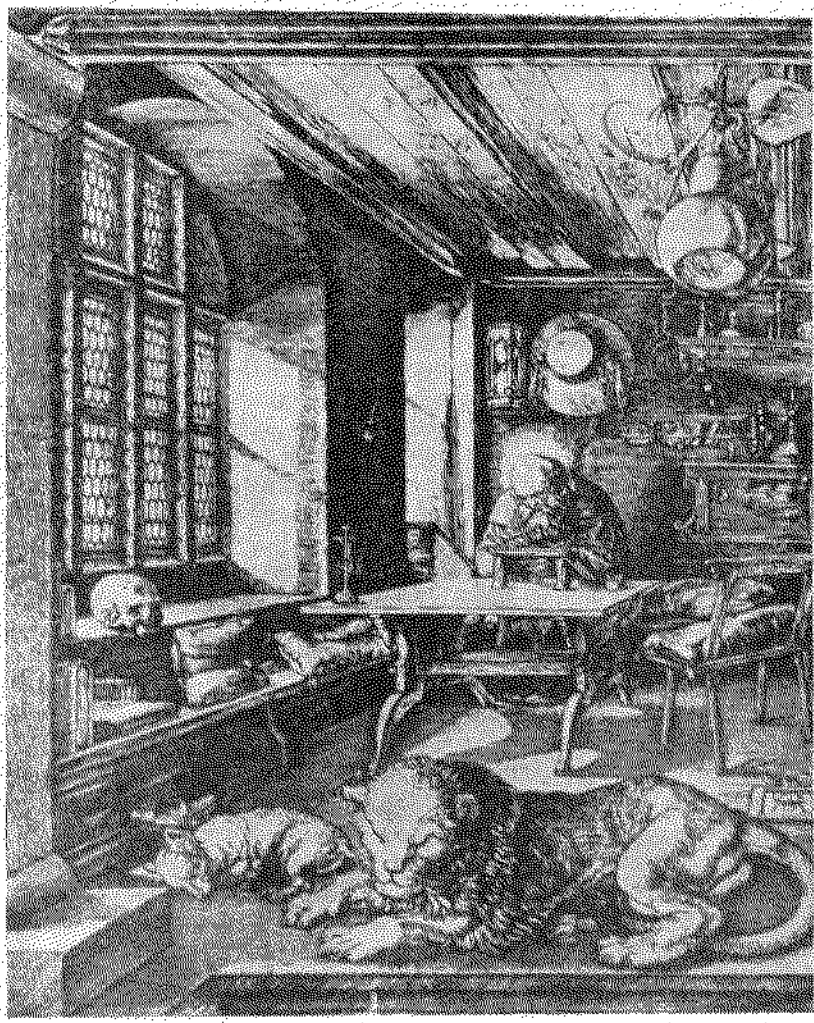
Эстетическая взыскательность ученика античных риторов была весьма высока, хотя к чести его нужно заметить, что к собственным переводам и писаниям он предъявлял требования не менее строгие, чем к чужим.

Работа Иеронима над переводом ветхозаветных сочинений была облегчена огромным филологическим трудом, проделанным до него Оригеном, который критически сопоставил древнееврейский и греческий тексты. Для того чтобы понять Библию, писал Иероним, следует изучать ее тексты прежде всего филологически.

Ученый переводчик не верил в аллегорическое толкование св. писания. Аллегорические объяснения (которые воспринял Амвросий Медиоланский), по мнению Иеронима, могут нравиться лишь болтливой бабе, выжившему из ума старцу, да многословному софисту. Иероним питал пристрастие к резким энергичным выражениям, был придирчив, едок и склонен к словопрению.

В Риме у ног его сидели аристократические дамы, предававшиеся самой суровой аскезе. После смерти папы Дамасия в 384 г. положение Иеронима в Риме стало весьма тяжелым. На него ополчились многие представители высшего римского общества, которые были возмущены сатирой Иеронима, ходившей по рукам под заглавием «О сохранении девственности». Сатира была написана в форме письма к Евстохии, дочери отменной римской дамы Павлы, его последовательницы. Конечно, подробности, касающиеся плотской и грешной любви, в книжице Иеронима были не для девичьих ушей. Впрочем, аскеты вообще нередко любят вдаваться в натуралистические детали, как бы подготовляя материал для будущих психоаналитиков. Хуже было то, что Иероним вывел довольно недвусмысленно нескольких персонажей из римского света: развратников, ханжей, бездельников, паразитов. Обличенные легко узнали себя и постарались отомстить язвительному отшельнику.

В 385 г. Иероним вынужден был покинуть Рим и удалиться на Восток, где и оставался до самой смерти. Павла с дочерью вскоре последовала за ним и после путешествия в Египет поселилась в Вифлееме, где Иероним основал мужской, а Павла — женский монастырь (в 389 г.). В Вифлееме Иероним сосредоточил большую для того времени библиотеку, непрестанно писал и переводил, вел полемику с многочисленными своими противниками, осыпая их бранью и насмешками, некоторых (например, Руфина) даже после их кончины.



Альбрехт Дюрер. Иероним в келье

В монастырской школе вифлеемский настоятель читал и объяснял Вергилия, латинских историков и комедиографов. В 415 г. он начал ожесточенный спор с последователями Пелагия, которых обвинял в языческом стоицизме. Монахи, последователи ересиарха, осадили монастырь Иеронима, и автору диалога против пелагиан пришлось спасаться бегством. Так, до самой смерти беспокойный далматинец возмущал западные и восточные провинции Римской империи своими жесткими эпистолами и бранчливыми трактатами.

Кроме известного перевода Библии, несомненное значение для истории литературы имеют письма Иеронима, его апология, его сочинение «О славных мужах», наконец, три его чрезвычайно живописные легенды о пустынниках. В легендах Иеронима читатель узнает о приключениях в полуденных странах, фиктивных браках, побегах пленников. Добродетельные львы терзают преследователей-рабовладельцев и любезно уступают свои пещеры пустынникам[120]. Легенды Иеронима — предшественники «романизированных» житий святых Средневековья, которые легли в основу некоторых рассказов Флобера, Франса, Лескова.

Для изучающих историю IV—V вв. известный интерес представляет также полемика Иеронима с представителями «еретических» учений. В трактате «О славных мужах» автор поставил себе цель возвеличить всех христианских писателей от апостолов... до смиренного Иеронима, следуя образцам Светония. Известно, что Иероним широко воспользовался греческим сочинением Евсевия Кесарийского (ок. 265—340 гг.), из церковной истории которого он просто перевел и включил в свой трактат первые 69 глав. Иероним работал поспешно и не всегда вникал в смысл переводимого текста. Бóльший интерес представляют дополнительные главы, написанные самим Иеронимом, начиная с раздела об Арнобии (глава 79). В них Иероним сообщает сведения о своих современниках. Объективность не являлась отличительной чертой Иеронима, своих врагов и противников он испепелял или обходил молчанием (как, например, Амвросия Медиоланского). Несмотря на ярко выраженную тенденциозность, трактат «О славных мужах» повлиял на дальнейшее развитие средневекового литературоведения, которое еще не выделилось из хроники и жизнеописания.

Имя Иеронима в течение веков окуталось преданиями. Художники изображали его со львом, из лап которого ученый пустынник вытаскивает занозу, или размышляющим над бренностью мира, с черепом в руках. Далматинские католические священники, сторонники старославянского богослужения, начиная с XII—XIII вв. приписывали Иерониму, далматинцу, иллиру, следовательно славянину, изобретение глаголицы. В их представлении славяне — иллиры жили в Далмации со времен потопа! О том, что славяне покорили эти пределы сто лет спустя после

смерти Иеронима, они не знали или намеренно забывали. Легенда эта была впрочем санкционирована посланием папы Иннокентия IV (1248 г.). Того же мнения придерживались далматинские монахи-глаголяши, приглашенные императором Карлом IV, королем Чехии, в Прагу. В пражском глаголическом монастыре Эмаус почитание Иеронима — «просветителя славян» было особенно сильно.

По просьбе Карла IV Иоанн Новифорензий, основатель чешского и немецкого гуманизма, написал житие знаменитого анахорета [121]. В XV в. в Риме, между замком св. Ангела и Рипетте, где жило много южных славян (на что указывают старинные названия улиц), одна из церквей была перестроена и посвящена св. Иерониму. При церкви было основано братство, затем коллегиум св. Иеронима, ставший центром хорватского просвещения и благотворительности (Societas S. Hieronymi nationis Illyricorum) [122]. Церковь была возведена в ранг кардинальской, и художники, вопреки исторической истине, стали облачать Иеронима в красные кардинальские одежды. Предание о том, что Иероним изобрел глаголицу, поддерживали, споря с латинянами, поколения далматинских гуманистов, начиная от известного сплитского поэта Марка Марулича (XV—XVI вв.). В библиотеке Ватикана сохранилась фреска, изображающая Иеронима с раскрытой книгой, исписанной глаголическими буквами.

Аврелий Августин

По сравнению с основательной филологической образованностью трехъязычного Иеронима знания Аврелия Августина, самого значительного христианского писателя первого тысячелетия нашей эры, были ограничены. Он получил риторическое латинское образование, но никогда не овладел в полной мере греческим.

Аврелий Августин родился 13 ноября 354 г. в нумидийской Тагасте в семье римских граждан среднего достатка [123]. Мать Августина, Моника, была последовательницей католической религии, отец, Патриций, колебался между язычеством и христианством. В молодости Августин испытал влияния разных философских школ и религиозных сект. В Карфагене он увлекался Цицероном и провозгласил философию своей водительницей по жизненному пути. В 373 г. он стал последователем сирийца Мани, основателя религии, которую с равным ожесточением преследовали все государства — от Памира до Гибралтара. Мир в воззрении Мани резко разделен на два начала: доброе и злое, управляется двумя изначально равносильными божествами, прототипами которых были персидские Ормузд и Ариман. На торжество добра, прорывающегося с небес в материальный мир, как поток света, можно лишь уповать в далеком будущем. Учение

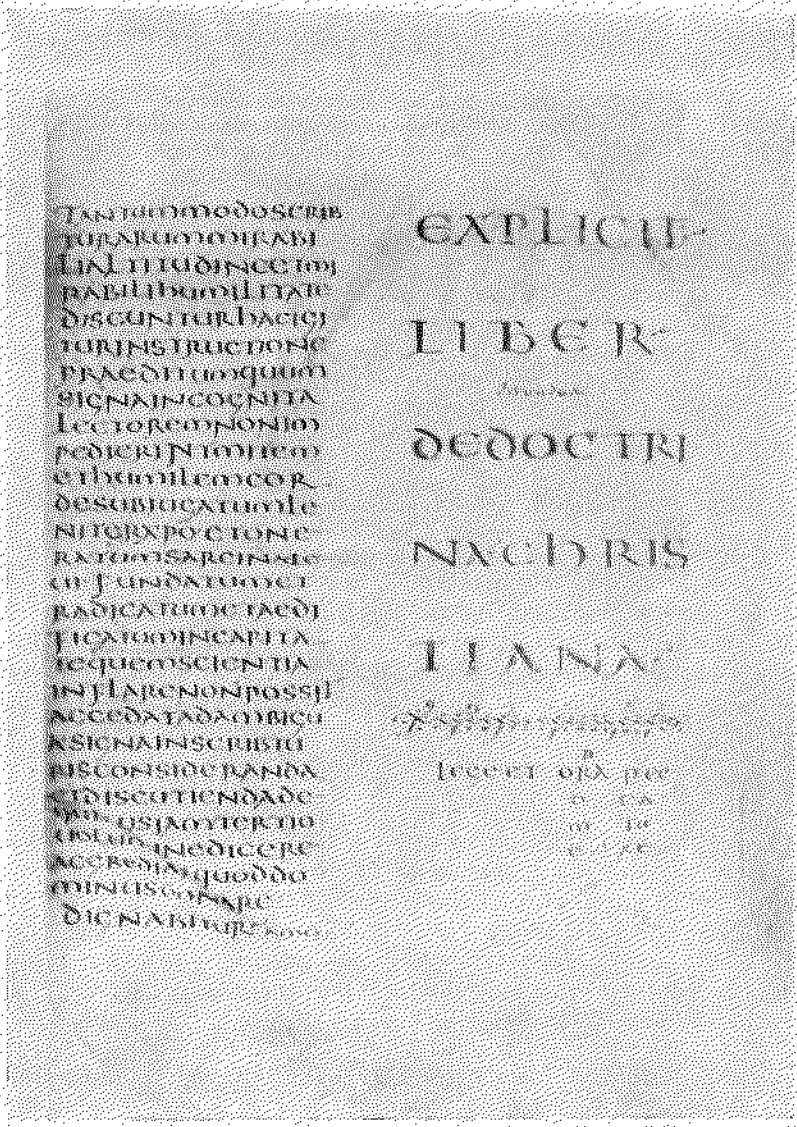
это, казалось Аврелию Августину, объясняет зло в мире, где царствуют взаимное уничтожение, нищета, болезни и насилие.

Впоследствии Августин отрекся от манихейства и написал несколько сочинений против последователей дуалистической религии. Эти разоблачения являются одним из главных источников нашего знания о манихействе [124]. Мы считаем, что в самой основе мировоззрения Августина заложен трагический пафос манихеев, не примиренных с действительностью и человеческим обществом. Приняв учение о том, что бог является создателем всего видимого, Августин особенно остро воспринял противоречащую этому учению сентенцию св. писания: «Мир лежит во зле».

Как манихейский «аудитор» Аврелий Августин покинул родную Африку и очутился в 383 г. в Риме. В Италии он ближе познакомился с учением скептиков и перипатетиков; вскоре он углубился в «пещеру нимф» неоплатонизма [125]. В своей «Исповеди» (VIII, 2—3) Августин пишет: «Я читал некоторые книги платоников, которые некогда перевел на латинский ритор града Рима Викторин, который, как я слышал, умер христианином...» Заметим, что Марий Викторин Афр обучал римское юношество в середине IV в. Он писал комментарии к Аристотелю и Цицерону, но больше всего занимался переводами Платона и его последователей. Труды Викторина являлись до конца XII в., когда при дворе Гогенштауфенов в Сицилии появились новые переводчики, главным источником знакомства с Платоном авторов Средневековья. Другими источниками были перевод «Тимея» диакона Хальцидия, сделанный в начале IV в. [126], и сочинения Макробия и Боэтия.

В 384 г. по иронии судьбы Аврелия Августина рекомендовал Симмах, вождь языческой партии, на свободное место одного из городских учителей риторики в Милане. В новой столице империи Августин продолжил свои научные занятия. Скептиков сменили перипатетики, последователей Аристотеля — неоплатоники; эти последние подготовили его к принятию христианства. Сильное действие на Августина имели проповеди Амвросия. Под влиянием миланского епископа Августин в 387 г. принял христианство вместе со своими двумя друзьями. Вскоре он покинул Милан. После смерти матери новообращенный философ, отвергнув мысль о браке, еще год жил в Риме, где начал серию своих полемических сочинений против манихеев. Как всегда, у Августина поле сражения — его собственная душа. В полемике со своими бывшими единоверцами он стремился сам освободиться от взглядов, им осужденных.

В 388 г. Августин вернулся на родину. В Тагасте он продолжал заниматься философией. В 391 г. его рукоположили в священники в городе Гиппоне, расположенном близ нынешнего Бона в Алжире, на берегу Средиземного моря. После кончины



Аврелий Августин. Сборник произведений. Итальянская рукопись V в. Последняя страница трактата «О христианской доктрине». Ленинград, ГПБ. Lat. Q. v. I, 3

епископа Валерия Августина выбрали на его место. Продолжая разоблачать манихеев, новый епископ писал также против еретических учений близкого к гностикам Пелагия и своевольного Доната.

Еще при жизни Августин стал одним из самых влиятельных церковных авторитетов на Западе. Под старость Августин был свидетелем распада Западно-римской империи (Аларих взял Рим в 410 г.) и конца многовековой римской власти в Северной Африке. Он умер 28 августа 430 г. в Гиппоне, осажденном вандалами Гейзериха.

О жизни автора «Града божьего» мы лучше всего осведомлены из его «Исповеди» [127], которая вызвала столько подражаний в европейской литературе начиная с XIV в. и побудила — прямо или косвенно — открыть читателям свое сердце и свои сокровенные помыслы Петра Абеляра и Данте, Петрарку и Паскаля, Руссо и Льва Толстого.

«Исповедь» предваряли две книги «Разговоров с самим собой» (Soliloquia) в форме диалогов (386—387 гг.). Диалоги эти были обращены вовнутрь, велись с собственным разумом, как в некоторых разговорах Сенеки и Марка Аврелия. Таким образом, зарождение этого жанра следует искать у склонных к самоанализу стоиков. Точное время создания «Исповеди» определить трудно, вероятно, она была начата около 396 г. Следует предположить, что задумано это произведение было значительно раньше. В первых четырех книгах Августин живо и красочно описывает свою молодость, заблуждения юности, поиски истины. В следующих пяти книгах рассказана история его жизни в Риме и Милане, увлечение философией, обращение в христианство, смерть матери. Наконец, в последних четырех книгах автор предается более подробно анализу собственных мыслей и чувств.

В предисловиях к диалогам и письмам латинские писатели античности нередко сообщали сведения, касающиеся их личной жизни, но эти преамбулы и отступления еще нельзя назвать автобиографией. Своей «Исповедью» Аврелий Августин внес личную интонацию, новое звучание в латинскую литературу. «Исповедь» обращена не столько к богу, сколько к читателю. Вместо того чтобы разрешать сомнения, Августин их умножал; он не столько возлагал бальзам на духовные раны, сколько бередил их. В этом он был отдаленным предтечею романтиков: недаром Шатобриан учился в его школе.

Известно, что многие основатели ересей на Западе были усердными читателями Августина и в своих суждениях часто исходили от него. Впрочем, в сочинениях гиппонского епископа нельзя найти большой догматической последовательности или разработанной философской системы. В мнениях философского характера Августин зависит от эклектического Цицерона, от стоиков и неоплатоников. Как теолог он не проявил оригинальности

Доменико Гирландайо. Иероним. Фреска. Флоренция. Оньиссанти

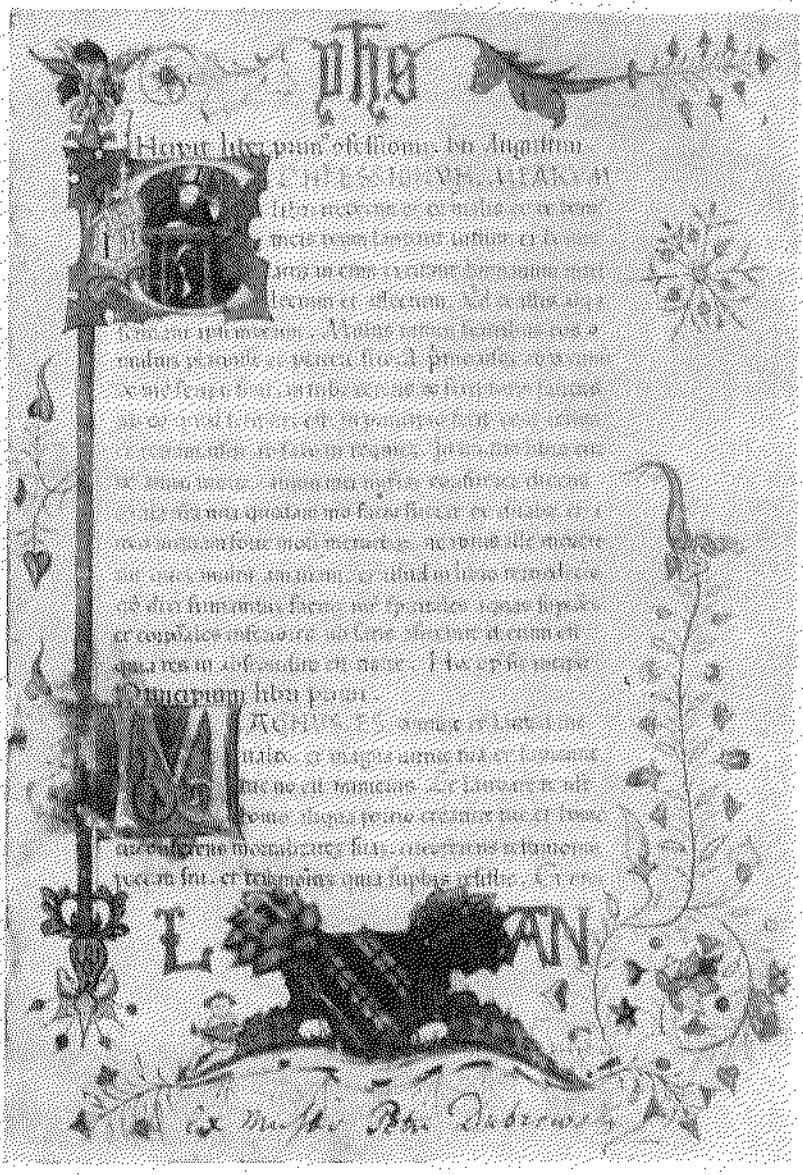
Сандро Боттичелли. Аврелий Августин. Фреска. Флоренция, Оньиссанти

Тертуллиана. Более философских построений его интересовала психология. Равнодушный к природе и космосу, Августин всецело погружен в самоанализ[128]. Трэльч заметил вполне основательно, что в «Граде божием» напрасно было бы искать некоей философии истории, что произведение это архитектонически недоделано и состоит из целого ряда эссе[129].

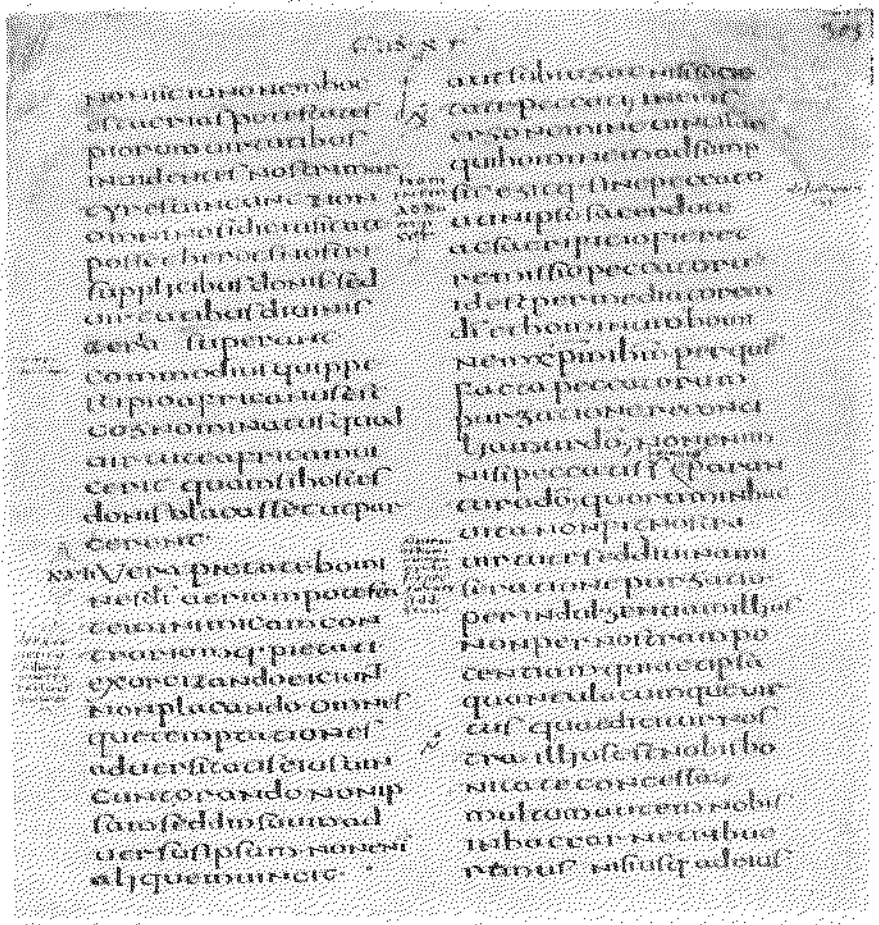
После катастрофических неудач, постигших империю в начале V в., снова стали раздаваться голоса язычников, обвинявших христиан в том, что боги покинули Рим, оскорбленные разрушением их святынь в царствование Феодосия. В «Граде божием» Аврелий Августин стоит на позициях апологетов III—IV вв., защищавших церковь от нападков и нареканий. С предельной резкостью Августин противопоставил «Град божий» — «Граду земному», Иерусалим — Вавилону. Последняя стадия борьбы между ними приведет к «тысячелетнему царству праведников», преддверию к вечному блаженству. Из этого сочинения Августина видно, что западная церковь не примирилась до конца с бывшими своими гонителями. Она пользовалась светской властью как орудием для достижения своих целей, подготовляя в течение V в. на руинах империи торжество теократического идеала.

Августин допускает, что и в «вавилонском царстве» среди правителей и судей изредка встречаются праведные люди. Все же в конечном итоге он рассматривает стоящих у кормила власти как шайку убийц и грабителей. Он спрашивает: «Разве без справедливости царство не является вертепом разбойников?» — «И разве шайку разбойников не следует считать неким малым царством?». Он относится сочувственно к пирату, приведенному на суд к Александру Великому, который сказал повелителю мира: «Так как я действую на малом корабле, меня называют разбойником, ты же делаешь то же самое, но при помощи большого флота, поэтому тебя называют царем» («Град божий» IV, 4). Через тысячу лет Франсуа Вийон по-своему выразил ту же мысль в стихах о пирате Диомедесе и Александре Великом[130].

В сочинениях Августина, воспитанного на примерах авторов древности, обнаруживается весьма отчетливо ритмическая проза[131]. Л. Лоран, исследователь «Оратора» Цицерона, пишет: «...все, что, не будучи стихом, помогало пленять слух, претворять слова в гармонию, является частью того, что Цицерон назвал numerus, этим термином переводя — как он сам говорит — греческое слово ῥυθμός («...numerus vocatur qui graece ῥυθμός dicitur».— «Orator», 20, 67). В клаузулах цицероновой фразы чаще всего встречается дихорей (двойной хорей), хотя Туллий предупреждает, что этим окончанием злоупотреблять не следует, чтобы не утомить уши слушателей. Клаузула состоит (по Цицерону) из двух последних стоп, реже из трех. Таким образом, последнее слово в речи — самое важное». Лоран считает, что великий



Аврелий Августин. «Исповедь». Рукопись итальянской работы XIV—XV в. В инициале — автор.
Ленинград, ГПБ. Lat. O. v. I, N 130.



Аврелий Августин. «О граде божием». Рукопись VI в. из Вивария Кассиодора. Ленинград, ГПБ. Lat. Q. v. I, 4

латинский оратор оперировал преимущественно трехсложными словами с предпоследним длинным слогом и с первым кратким (tăcēre). Достаточно было поместить такое слово после длинного слога, чтобы получился двойной хорей. Гекзаметры в клаузулах Цицерона редки; они часто встречаются у Саллюстия и Тита Ливия (— ◡ ◡ | — ◡ ◡). Цицерон прибегал также к кретику (— ◡ —), спондею (— —) и пеону (— ◡ ◡ ◡ или же ◡ ◡ ◡ —)[132].

Системою клаузул у Цицерона занимался в эпоху Возрождения гуманист Низоллий, комически представленный в «Цицероннапусе» Эразма Роттердамского (1528). Низоллий с величай-

ним трудом составил таблицу всех стоп, которыми автор «Оратора» начинал и заканчивал свои фразы.

Клаузулы были известны в начале IV в. Лактанцию, а в конце — Амвросию и Августину. Августин сам был теоретиком ритмики, о чем свидетельствует его трактат «О музыке». Особый интерес представляет стремление Августина математически обосновать законы ритма [133]. «De musica» Августина повлияла на Боэтия и передалась средневековой науке.

В IV—V вв. система акцентов вытеснила в народном говоре древнюю метрику, основанную на долгих и кратких слогах. Так называемый «курсус» (последнее акцентированное слово фразы) становился дактилическим (◌́ ◌ ◌) или же хореическим ◌ ◌ ◌ ◌́). Курсус был прекрасно известен Боэтию и Кассиодору в VI в. По имени папы Льва I (середина V в.), в канцелярии которого дактилический курсус был принят, он получил в Средние века название leoninus [134]. Понятно, что некоторые цицероновские формы окончания фразы (спондей, кретик, пеон) не могли развиваться в акцентированной прозе вульгарно-латинского языка. Августин весьма часто прибегал в своей ритмической прозе к рифме. Этот прием получил самое широкое распространение в Средние века.

Августин был зачинателем средневековой литературы, автором первой христианской утопии. Его параболу о земном Вавилоне и небесном Иерусалиме, его предвозвещение «тысячелетнего царства праведников» восприняли сбивчивые толкователи Апокалипсиса и новоявленные пророки, искатели «царства духа», среди которых особенно примечателен Иоахим Флорский, повлиявший на францисканское движение. Образы «Града божьего» были развиты авторами старофранцузских романов о Граале, противопоставивших таинственное братство рыцарей, наследников Иосифа Аримафейского, светскому государству. Верою в «тысячелетнее царство» и небесный Иерусалим были исполнены в XV в. сочинители гуситских гимнов, которые проклинали императора Сигизмунда и его «вавилонское царство». В XVI столетии к Августину обратились Лютер и другие деятели Реформации.

«Исповедь» была менее понятна средневековым людям, хотя испытания совести и самоуглубление были им весьма свойственны. Бесстрашная искренность Августина в анализе собственных чувств, поступков и мыслей послужила примером для «Истории моих бедствий» Петра Абеляра и «Новой Жизни» Данте — первого психологического романа в европейской литературе нашего тысячелетия. Однако более многочисленных читателей «Исповедь» нашла в те времена, когда психологическая ткань усложнилась, когда проявился с новой силой индивидуализм и начались разговоры писателя с самим собой, «солилоквии», продолжающиеся на Западе и по сей день.

Фра Филиппо Липпи (1406—1469). Видение блаженного Августина. Ленинград, Государственный Эрмитаж

Для истории средневековой эстетики важны мысли Августина о прекрасном. Он определял форму красоты как единство и устанавливал градацию геометрических фигур. Его представление о красоте здания противоположно всякому маньеризму, прямая линия для него всегда совершеннее ломаной. В ритмике Августин считал лучшими те сочетания, которые состоят из равных частей. Он различал числа «звучащие» — существующие во вселенной независимо от тех, кто слушает (пифагорейская гармония сфер); числа, находящиеся в ощущении живых существ; числа, «движущиеся», которые возникают в памяти и позволяют припомнить мелодию; наконец, числа «судящие», необходимые для эстетической оценки, при помощи которых мы принимаем или отвергаем. Мастер слова, Аврелий Августин знал искушение прекрасным и боялся его. Он писал: «Прекрасные разнообразные формы, блестящие и приятные цвета — вот что любят глаза. Пусть не владеют они душою моею; пусть владеет ею бог, который сотворил их прекрасными» («Исповедь», X, 34—51). И невольно Августин предавался воспоминаниям о своей юности, когда его волновали трагические актеры, исторгавшие у него слезы; тогда он говорил друзьям: «Разве любим мы что либо иное, кроме прекрасного?» А в зрелые годы он вопрошал: «Что же такое прекрасное? И что такое красота? Что влечет нас в вещах, которые мы любим, и связывает с ними? Если бы в них не было красы и изящества, они никак не могли бы при-

влекать нас к себе. Я замечал и видел в телах, что одно есть своего рода целое и потому прекрасное, другое же является подобающим, потому что удачно сообразуется с чем-то другим... И эта мысль пробилась в душе моей из глубины сердца и написал я книги о прекрасном и соответственном...» [135] Красота в понятии Августина была прежде всего гармонией, соответствием частей. Она противополагалась безобразному и безобразному, диссонансам, разрывам и неожиданным сочетаниям.

Сульпиций Север, Павел Орозий, Сальвиан

На границе IV и V столетий можно назвать еще трех христианских писателей, заслуживающих внимания: Сульпиция Севера, Орозия и Сальвиана.

Сульпиций Север родился, вероятно, в 70-х годах IV в. в Аквитании, учился у риторов Бордо, занимался юриспруденцией. После смерти жены он, следуя примеру своего друга Павлина, стал вести монашеский образ жизни, удалившись в свои сельские владения сначала близ Тулузы, затем в окрестностях Перигё.

В начале V в. Сульпиций приступил к работе над «Хроникой», имея целью облегчить понимание исторических событий, о которых идет речь в Библии. Он проявил редкий для своего времени критический дух, обнаруживая в священных текстах ошибки и высказывая сомнения в верности хронологической последовательности событий. «Хроника» превращалась в историю. Особенно интересна та ее часть, которая относится к событиям после царствования Константина I.

Сульпиций Север хорошо знал великих римских историков и следовал манере Тацита и Тита Ливия. Он был также начитан в латинской поэзии. Его язык правилен, стиль не уснащен риторическими прикрасами.

Однако Севера прославила не «Хроника», а «Жизнь св. Мартина Турского», написанная в форме античного диалога (около 404 г.). В этом произведении чувствуется влияние Светония. Поэт VI в. Венанций Фортунат воспользовался житием св. Мартина Сульпиция Севера для эпической поэмы. Средневековые писатели пересказывали, перепевали и переделывали это житие. Достоинства «Хроники» аквитанского историка были оценены лишь в эпоху Возрождения. Первое ее издание появилось в 1556 г. в Базеле [136].

Даты рождения и смерти Орозия до нас не дошли. Он происходил из Испании. Спасаясь бегством от вандалов, Орозий очутился в Северной Африке, где пользовался покровительством Аврелия Августина, несомненно повлиявшего на замысел его мировой истории. Полжизни Орозий провел в ожесточенных диспутах

Симоне Мартини. Епизод из житие Мартина Турского.
Св. Мартин пред императорем. Фреска.
Асизи, Базилика Сан Франческо

с последователями Присциллиана, соблазнявшего гностическим учением Испанию и Африку.

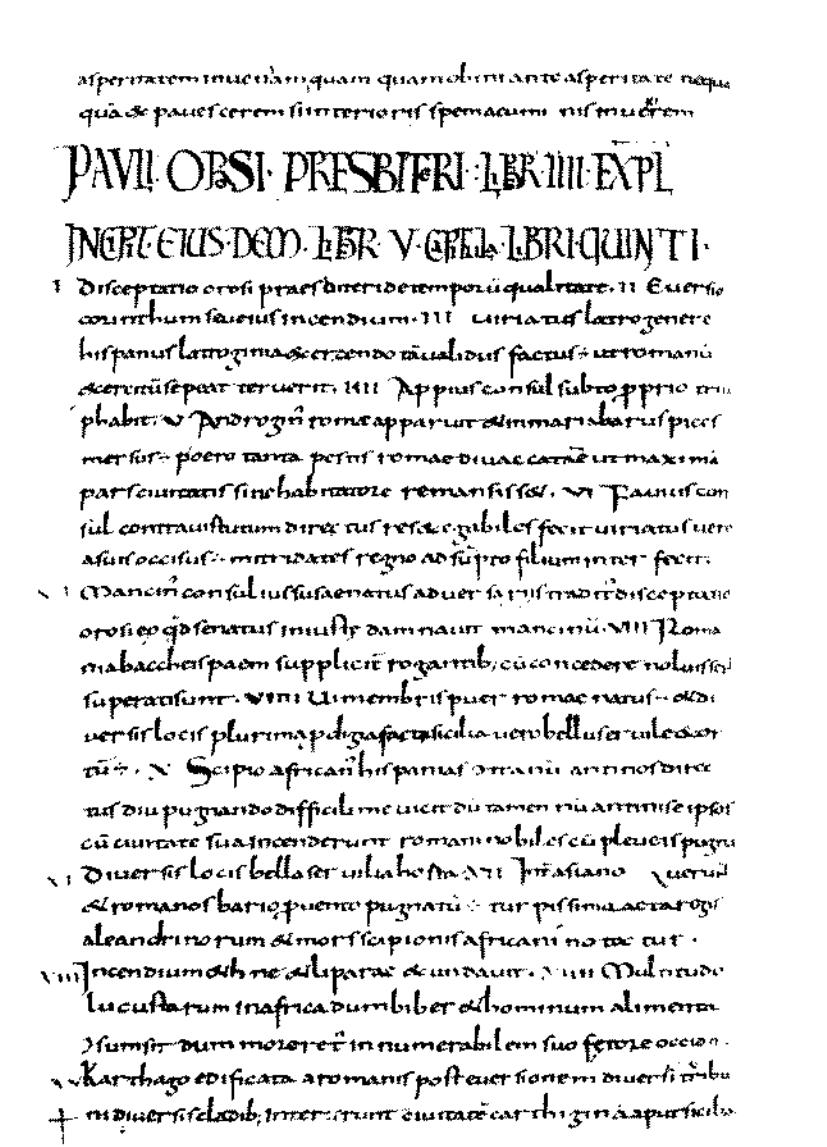
Главное произведение Орозия — апологетическая «История в семи книгах против язычников» (Historiarum adversus paganos libri septem), написанная около 417 г. Это произведение важно тем, что донесло до нас содержание некоторых утерянных книг Тацита. Автор делит мировую историю на 7 периодов, особое внимание обращая на Римскую империю. Смены мировых царств: Вавилонского, Македонского, Карфагенского, Римского не принесли человечеству мира и благополучия. Орозий был человеком мрачным и жил в невеселые времена. Он любит перечислять жертвы войны, чумы, стихийных бедствий. Даже в эпохи расцвета империи Августов он не видит добра, обращая свой взор на побежденных, невольников, стенающих под игом Рима.

Быть может, этот трагизм восприятия мировых событий и отчужденность от Рима нравились полуварварским и аскетически воспитанным читателям «темных веков». Их привлекала также символика чисел, к которой Орозий прибегал чаще, чем Августин.

Однако испанский историк, как показал Чарльз Дэвис в исследовании «Dante and the Idea of Rome» (Oxford, 1957), не следовал рабски политическим концепциям автора «Града божия» и не отрицал огульно все государственные установления Древнего Рима. Для генезиса политических идей итальянского Возрождения большую роль имели именно расхождения Орозия с воззрениями его учителя. Антиавгустиновский пафос трактата Данте «Монархия» в немалой степени питался «Историей против язычников».

Орозия цитируют Григорий Турский, Исидор Севильский, Беда Досточтимый; он оказал значительное влияние на Павла Диакона. В IX в. Орозия переводил англо-саксонский король Альфред, а в середине X в. византийский император Роман II послал «Историю» Орозия в Кордову калифу Абдуррахману для перевода на арабский. Влияние Орозия ощущается в хронике Отто фон Фрейзинга (XII в.) и «Поликратикусе» Джона из Солсбери. В эпоху Возрождения Орозий не был забыт: от конца XV (первое изд. 1471 г.) до конца XVII в. вышло не менее 25 изданий его истории [137].

Произведение Сальвиана «О промысле божием» (De guber natione Dei) было написано после того, как вандалы покорили Африку (429 г.), но перед нашествием Аттилы на Галлию (451 г.). Сальвиан происходил из романского Трира, опустошенного франками в 418 г. Он родился около 400 г. В конце жизни был священником (по другим сведениям, епископом) в Марселе, где и умер после 470 г. В третьей книге «О промысле» Сальвиан поставил вопрос о том, почему варвары, грабящие и разрушающие государство, остаются безнаказанными — разве бог не справедлив, разве не управляет миром? В следующих книгах



Павел Орозий. История против язычников. Рукопись IX—X вв.
Ленинград, ГПБ. Lat. F. v. I, N 9

он стремится доказать, что успехи варваров следует объяснить наказанием за грехи. Весьма примечательно, что Сальвиан считает обычаи варваров более чистыми, а мораль более стойкой, чем у граждан Римской империи. Вдохновляясь примером ветхозаветных пророков, он ставит себя в положение судии своего века и предъявляет римлянам и галлам тяжкие обвинения, как некогда Иеремия иудеям.

Говоря о развитии патроната в V в., предвещавшего феодальную зависимость Средневековья, Ф. Энгельс отметил, что и церковь впоследствии увеличила свои земельные угодия, покровительствуя слабым и незащищенным. «Правда, тогда, примерно в 475 г., епископ Сальвиан Марсельский еще возмущается против такого грабежа и рассказывает, что гнет римских чиновников и крупных землевладельцев сделался столь невыносимым, что многие «римляне» бегут в местности, уже занятые варварами, а поселившиеся там римские граждане ничего так не боятся, как очутиться снова под римским владычеством. О том, что в то время родители часто продавали из-за бедности своих детей в рабство, свидетельствует изданный против этого закон.

Германские варвары в награду за то, что освободили римлян от их собственного государства, отняли у них две трети всей земли и поделили ее между собой» [138].

Сальвиан учился в школе риторов, но обнаруживает лучшее знание Лактанция, чем Цицерона. Школьная наука преодолена в его сочинениях непосредственными наблюдениями. Он, впрочем, охотно пользуется рифмованной ритмической прозой. В его лексике встречается немало вульгарно-латинских слов. Несмотря на несомненную одаренность, Сальвиан после эпохи Каролингов, когда его еще читали, был забыт. В начале XVI в. им заинтересовались гуманисты. Иоанн Сиккард, комментатор Пруденция, издал в Базеле (1528) сочинения Сальвиана, дошедшие до нового времени лишь частично [139].

Латинская литература после Сальвиана вступила в новый период развития. Сама Италия и все провинции Западно-римского государства, кроме нескольких италийских областей, оставшихся под властью византийцев, превратились в варварские королевства. Началась новая эпоха в развитии человечества — Средневековье. Античная культура подчинилась христианской идеологии, но не последовательно и не всегда вполне. Сложное смешение старого и нового составляет одну из главных особенностей этой тысячелетней эпохи истории западноевропейской культуры, которая продолжалась от падения Римской империи до века Данте.

ЛАТИНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИТАЛИИ

ИТАЛИЙСКАЯ КУЛЬТУРА ВО ВРЕМЕНА ТЕОДОРИХА (VI ВЕК)

Когда Ромул Августул отрекся от престола, вождь варварских воинов, король германцев Одоакр поспешил заверить византийского императора Зенона в своей верности и просил даровать ему титул патриция[1]. После некоторых колебаний Зенон, признававший западным императором своего ставленника Юлия Непота, который скрывался в далматинском Солине, возвел Одоакра в этот сан, не дававший ему в сущности никаких прав.

Новое государственное устройство Италии VI столетия, возглавляемой варварским королем, не походило на систему правления в других частях бывшей Западной Римской империи, где всю полноту власти захватили германские вожди, распространявшие суверенные права не только на своих соплеменников, но и на римских граждан. В Галлии, Африке, Испании не было сената и консулов, которые претендовали бы на какие-либо, пусть и весьма иллюзорные, права. Рим, первая столица империи, не мог быть так же легко подчинен новой администрации, как Лион или Карфаген.

Латинское гражданское население, в большинстве своем католическое, и варварское военное сословие, исповедовавшее арианство, жили в Италии рядом, не смешиваясь. Эта двойственность была роковой для Одоакра; ее не смогли преодолеть Теодорих и его преемники.

Историки называют Одоакра «человеком доброй воли». Он действительно старался примирить старое и новое и, сохраняя фактическую власть, воздать должное императору Востока. Подозрительный Зенон ему не верил и, раскрыв заговоры в импе-

рии, к которым Одоакр, по его мнению, мог быть причастен, решил его сменить. Не имея реальной силы, чтобы бороться с ним, Зенон направил в Италию остготского вождя Теодориха, который кочевал по Балканскому полуострову, занимая разные области и города.

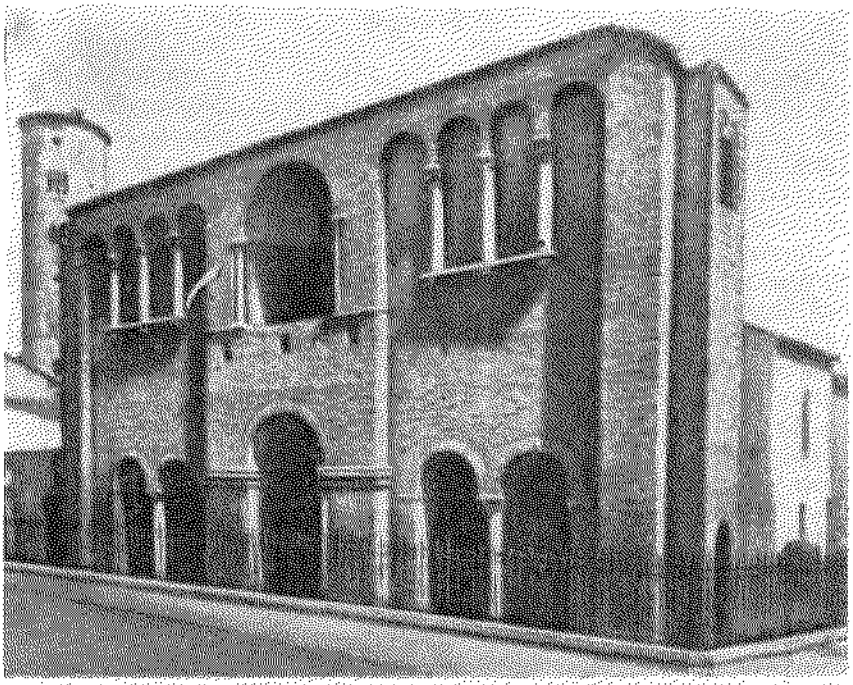
Теодорих возглавлял отряды воинов, промышлявших главным образом разбоем. К нему присоединились другие германские племена. В сопровождении жен, детей и повозок с домашним скарбом готы вторглись в 488 г. в пределы Италии. В льстивом панегирике римский поэт Эннодий уверял, что воинов в полчище завоевателя было столько же, сколько песчинок на морском прибрежье и звезд на небе. Историки полагают, что Теодорих вел за собой всего несколько десятков тысяч воинов. После жестоких боев на реке Изонцо в августе 489 г. и близ Вероны в конце сентября того же года Теодорих занял Милан и Павию. Он проявил в сражениях необычайное мужество; вокруг его имени рождались легенды, вдохновившие германских певцов, создателей песен о Дидрихе Бернском и Нибелунгах.

Осажденный в Равенне, Одоакр был вынужден сложить оружие и сдался на милость победителя, но был предательски убит. Теодорих приказал уничтожить все окружение Одоакра. После этого акта варварской государственной мудрости он объявил амнистию и стал править исходя из тех же принципов, что и его предшественник.

Подобно Одоакру, не будучи в силах разрешить проблему сосуществования римлян и готов, он стремился к некоей германо-романской гармонии. Эдикты Теодориха дают довольно ясное представление о нормах двуединого государства, в котором одновременно действовали римское право и германские обычаи. Однако готы и римляне не стали одним народом. Смешанные браки были даже запрещены. Религиозные убеждения продолжали разделять римлян и германцев. Следует также принять во внимание, что над италийским королевством Теодориха висел меч Византии, никогда не примирившейся с властью варваров в Риме и Равенне. Напрасно Теодорих писал императору Афанасию: «Мое королевство — подражание Вашей империи», и не бил золотой монеты со своим изображением, так как это было правом императора.

Теодорих проявил большую гибкость в государственных делах, особенно в начале царствования. Несмотря на то, что он провел юность в Константинополе как заложник, он был полуграмотен и подписывался при помощи золотой дощечки, на которой были вырезаны буквы с его именем. Он ценил просвещение и украсил Верону, Равенну и Рим акведуками, театрами, дворцами.

Теодорих стяжал хвалу ораторов, приблизив к себе наиболее просвещенных римлян из сенатской аристократии, которые стали



Дворец Теодориха в Равенне

пропагандистами его идеи о слиянии двух народов под эгидой римской культуры.

Полуграмотный король остготов стал представителем «просвещенного абсолютизма VI века». Он оказывал знаки уважения сенату, приветствовал новоизбранных консулов, которые по-прежнему открывали торжественным жестом игрища в цирке, словно Рим продолжал оставаться владыкой мира, а не превратился в археологический музей.

Теодориху удалось даже расширить границы государства. От вандалов он получил без выкупа Сицилию и занял прибрежную Иллирию, проникнув также в Норик и Сирмию. С бургундами (со столицей в Лионе), с родственными западными готами в Южной Галлии и с вандальским королевством в Африке он установил добрососедские отношения браками, подарками, взаимными уступками. В Риме процветали литература и наука. Из пределов Галлии стекались в Милан ученики в школы латинских риторов.

Боэтий

Министр Теодориха Аниций Манлий Северин Боэтий (ок. 480—524 гг.) был одним из тех немногих латинских писателей раннего Средневековья, слава которых дошла до наших дней. Достаточно указать на то, что прошла тысяча лет от первого английского (англо-саксонского) и первого немецкого переводов «Утешения философией» до новейших изданий XX в.

Знаменитый писатель происходил из богатого и влиятельного сенаторского рода Аницией. Его отец, Флавий Аниций Манлий Боэтий, был в 487 г. консулом. После смерти отца воспитание Северина Боэтия было доверено представителям римской аристократии. На дочери одного из своих опекунов, Квинта Аврелия Меммия Симмаха, Рустициане, Боэтий женился. При дворе Теодориха молодой Боэтий сделал быструю и блестящую карьеру. В 510 г. он был назначен консулом. В 522 г. консулами стали два его несовершеннолетних сына. Заметим, что эту почетную должность занимал в 485 г. его тесть Симмах.

В самом Риме в сенаторской среде возникли оппозиционные течения. В Италии было немало сторонников византийского императора, которые не могли примириться с господством варварского короля, к тому же придерживавшегося еретической веры [2]. Защищая патриция Альбина и сенат от обвинения в заговоре в пользу императора Юстиниана, Боэтий направился в императорскую ставку. Он был арестован, отвезен в Павию, затем в тюрьму Кальвенцано близ Милана и после жестоких пыток казнен в 524 г. За высказывание симпатий Боэтию и осуждение беззакония короля был приговорен к смерти в 525 г. его тесть, Симмах. В следующем, 526 г. умер сам остготский владыка [3].

Знаменитый византийский историк VI в. Прокопий так передает шекспировскую историю раскаяния короля Теодориха после казни Боэтия и Симмаха: «Они (Боэтий и Симмах.— *И. Г.-К.*) были достойными учениками Философии, отличались любовью к справедливости и достатками своими делились с неимущими, не только с римскими гражданами, но и с иностранцами. Поэтому они пользовались большой славой и вызвали зависть злых людей, которые лживыми речами убедили Теодориха, что они оба подготовляют переворот. Теодорих казнил их и наложил запрет на их имущество, перешедшее в его казну. Через несколько дней после убийства, когда Теодорих сидел за обеденным столом, слуги поставили перед ним голову большой рыбы. Она показалась ему похожей на голову погибшего Симмаха. Голова смотрела на короля ужасающим образом, прижав зубы к нижней губе; взгляд рыбьих глаз был пристален и зловещ. Нежданный ужас обуял короля. Дрожа он побежал к своему ложу. Теодорих закутался с головой в одеяло, которое по его повелению принесли ему добропоспешающие слуги. Был призван врач

Консул времен Теодориха.
Лондон, Британский музей

Эльпидий, и Теодорих поведал ему со слезами о преступлении, им совершенном. Но муки и угрызения совести непрестанно терзали его, и вскоре после этого он скончался. Это было первое и последнее зло, которое король причинил своим подданным, осудив на смерть Боэтия и Симмаха, не исследовав их дела, как он должен был поступить» [4].

Может возникнуть спор о том, заключает ли Боэтий цикл античных философов или же является основоположником схоластики [5]. Спор на эту тему напоминал бы диспуты о средневековом или ренессансном характере творчества Данте. По мнению П. Курселя, с которым нельзя не согласиться [6], Боэтий осуществлял синтез между неоплатонизмом и христианством, завершая многовековое стремление полуязыческих и полухристианских мыслителей, ярким примером которых является Минуций Феликс (середина III в.). В произведениях Боэтия — если не принимать во внимание приписываемых ему теологических трактатов — встречаются лишь намеки на тексты из Библии.

Во всей своей деятельности — переводчика, компилятора, комментатора — Боэтий ближе к средневековым эрудитам, чем к античным мыслителям. Он не стремился открыть новое, самостоятельно проникнуть в тайники природы. Мудрец VI в. довольствовался сохранением и передачей культурного наследия древних. Он поставил себе не легкую и заслуживающую глубокого уважения задачу: перевести на латинский всего Аристотеля и всего Платона. Он пишет во второй редакции комментария к «De Interpretatione» Стагирита: «Все тонкости логического искусства Аристотеля, всю значительность моральной его философии, всю смелость его физики я передам, придав его сочинениям должный порядок, переведу, снабжу моими объяснениями. Более того: я переведу и прокомментирую все диалоги Платона. Закончив эту работу, я постараюсь представить в некоей гармонии философию Аристотеля и Платона и покажу, что большинство людей ошибается, считая, что эти философы во всем расходятся между собой; напротив, в большинстве предметов, к тому же наиболее важных, они в согласии друг с другом. Эти задания, если мне будет дано достаточно лет и свободного времени, я приведу в исполнение с большой пользою в непрестанных трудах». Но варварский меч пресек жизнь Боэтия и положил конец его ученым занятиям. Весьма вероятно, что мысль о примирении двух главных систем древнегреческой философии — аристотелизма и платонизма — Боэтий почерпнул от александрийского мудреца Аммония Саккаса (ок. 175—242 гг. н. э.) [7].

Если бы Боэтию удалось привести в исполнение свой план, перед средневековой культурой Запада открылись бы новые широкие пути. Боэтий успел закончить переводы лишь некоторых сочинений Аристотеля, относящихся к логике. Перевод Платона

остался в удел грядущим поколениям. Но и то, что Боэтий завершил, глубоко отразилось в мыслях средневековых авторов и имело благотворные последствия для развития европейской культуры. Вспомним слова Энгельса: «Древнегреческие философы были все прирожденными, стихийными диалектиками, и Аристотель, самая универсальная голова среди них, уже исследовал существеннейшие формы диалектического мышления» [8].

Из трех писем Теодориха к Боэтию, сочиненных от имени короля Кассиодором (два из них, следуя Моммзену, датируются 507 г.), видно, что в возрасте 26—27 лет Боэтий пользовался не только доверием готского владыки, но также прославился как ученый. Теодорих просил Боэтия послать бургундскому королю Гундобаду водяные часы, а Хлодвигу, королю франков,— искусного музыканта: «Я знаю, что ты разумеешь внутреннее действие тех искусств, которыми люди обычно занимаются практически, не зная их свойств, ибо разум твой преисполнен знания. Ты давно вошел в афинскую школу». Слова Кассиодора: «Atheniensium scholas longe positus introisti» некоторыми учеными толкуются иносказательно, другие считают, что Боэтий действительно учился в Афинах. «Ты объединил в своей учености тогу и паллиум (т. е. мудрость римскую и мудрость греческую. — *И. Г.-К.*), ты превратил в римскую доктрину учение греков,— продолжает Кассиодор возносить хвалы универсальным познаниям и талантам Боэтия. — Ныне благодаря твоим переводам музыкант Пифагор и астроном Птолемей читаются по-латыни и можно разуметь арифметику Никомаха и геометрию Эвклида, как будто их сочинителями были италийцы. Ныне на языке Квиринала Платон обсуждает богословские вопросы, Аристотель — вопросы логики. Ты даже вернул сицилийцам их механика Архимеда, придав ему латинское обличье. Более того, ты, Боэтий, вошел через четверные двери знания в прославленные и возвышенные науки» [9].

«Четверные двери», открывающие доступ во дворец Мудрости,—это «квадривиум», столп и утверждение средневековой науки. Именно Боэтий разработал систему знаний, следующую после «тривиума». В энциклопедии Варрона (I в. до н. э.) основных наук было девять. Кроме дисциплин, принятых в Средние века, в круг знаний Варрона входили медицина и архитектура. Марциан Капелла ограничился семью основными науками. Квадривиум являлся сводом математических наук, в то время как тривиум представлял собой объединение наук гуманитарных: грамматики, риторики (и литературы), наконец, логики (диалектики). От развития логического мышления и математических дисциплин зависел общий прогресс всех знаний. Квадривиум состоял из арифметики, геометрии, музыки и астрономии. Следует заметить, что музыка и астрономия причислялись теоретиками квадривиума к наукам математическим. Занятие квад-

ривиумом достигло своего расцвета в XII—XIII вв. и было усовершенствовано гуманистами. Без развития математических наук квадривиума невозможен был бы тот высокий уровень, какого достигли архитектура и механика Возрождения. Напомним, что сам термин «квадривиум» восходит к Боэтию.

На этом поприще Боэтий начал свои труды трактатом по арифметике (De Institutione arithematica), посвященном Симмаху. Главным источником латинского автора был греческий математик — неопифагореец Никомах из Геразы Палестинской (ок. 50—150 гг. н. э.) [10]. О музыке Боэтий оставил сочинение, дошедшее до нас не в полном виде (De Institutione Musica). Он пишет не только о воздействии музыки на человеческую душу, но и стремится обосновать законы ритма и гармонии при помощи математики, следуя Пифагору, Птолемею и Никомаху [11]. Он обращался, вероятно, также к трактату о музыке Аврелия Августина. На этих математических основах изучение музыки входило в течение многих веков в университетское преподавание (в Оксфорде до XVIII в.) [12]. В свете новейших исследований метрики и ритмики математический метод Боэтия представляет несомненный интерес. По-видимому, Боэтий перевел также геометрию Эвклида. Из этого произведения сохранились только выдержки в одном компилятивном средневековом сочинении. В 983 г. Герберт Реймсский, один из значительнейших ученых Средневековья, нашел в Мантуе рукопись, содержавшую математические и астрономические труды Боэтия [13].

Для подготовки к высшим знаниям, входящим в систему квадривиума, необходимо было, по мнению Боэтия, овладеть логической системой Аристотеля. Он обратился к «Инструменту познания» Аристотеля. Это название (Organon) было дано последователями Стагирита. «Органон» заключает следующие сочинения: «Категории» (Categories), «О толковании» (De Interpretatione), «Топику» (Topica), «Указатели мудрости» (Sophistici Elenchi), «Первую Аналитику» и «Вторую Аналитику» (Analitica Priora et Analitica Posteriora).

Боэтий начал заниматься «Категориями» около 510 г., когда он был консулом, полагая, что просвещение граждан является одной из основных обязанностей его высокой должности. К своему переводу «De Interpretatione» Боэтий присоединил два комментария, следуя особенно во втором Порфирию и Сириану (V в. н. э.). Заметим, что этот последний считал аристотелевскую философию введением к философии Платона. Второй комментарий считается лучшим произведением Боэтия в области логики. Он написал также два комментария к «Введению» (Isagoge) Порфирия к аристотелевским «Категориям», которое было переведено на латинский язык Марием Викторином.

В начале комментария к Порфирию Боэтий рассказывает о беседе, которую он вел зимою на вилле в горах близ виа Ав-

релиа со своим учеником Фабием. Ученик говорит учителю: «Мы закончили наши рождественские посещения и исполнили долг по отношению к нашим семьям. Разве мы не могли бы устроить теперь настоящий праздник и для самих себя? Исполни же твое обещание и разъясни мне мысли необычайно ученого мужа Викторина в его переводе «Введения» Порфирия». Следует предположить, что Боэтий излагал Фабию книгу Порфирия из Тира (III в. н. э.), ученика Плотина, «Введение в категории Аристотеля, или О пяти звучаниях». Знаменитое сочинение, повлиявшее на развитие неоплатонизма в последние столетия Римской империи и в эпоху Средних веков, не раз переводилось и комментировалось. «Пятью звучаниями» обычно назывались в логике признаки понятий: род, вид, видовое различие, собственные признаки и признаки несобственные или случайные. Учение о признаках понятий и в настоящее время находится в учебниках логики[14]. В неполном виде дошел до нас комментарий Боэтия к «Топикам» Цицерона. Кроме переводов и комментариев, Боэтий оставил также несколько сочинений по логике, не отличающихся оригинальностью; в них очевидна зависимость автора от Аристотеля, Теофраста, Цицерона, Порфирия.

Из сочинений Аристотеля по логике только «Категории» и «De Interpretatione» были известны до XI в., конечно, не в греческом оригинале, а в латинском переводе Боэтия. Дальнейшие сведения об Аристотеле ученые раннего Средневековья черпали из комментариев Боэтия к «Введению» Порфирия, из сочинений Аврелия Августина, Марциана Капеллы, Кассиодора, а также энциклопедии Исидора Севильского. В начале XII в. Абеляр в «Диалектике» свидетельствовал о неполном знании его современниками сочинений по логике Аристотеля. Выдающийся французский ученый к концу жизни ознакомился почти со всеми произведениями Стагирита из области логики[15]. В течение долгого времени не были известны «Топики», «Указатели Мудрости» и обе «Аналитики». Первые два сочинения: «Категории» и «О толковании» получили название «Старой логики» (Logica Vetus), а освоенные в течение XII в. произведения: «Топика», «Указатели Мудрости», «Первая и Вторая Аналитики» стали называться «Новой логикой» (Logica Nova).

Источниками «Новой логики» были, во-первых, арабские версии Аристотеля, главным образом из Толедо, во-вторых, работы клирика Якова из Венеции, который перевел в начале XII в. вышеупомянутые неизвестные сочинения великого греческого философа. Не исключено также, что существовали списки, полные или частичные, малоизвестных переводов «Новой логики» самого Боэтия[16]. Чарльз Хаскинс нашел в Толедо три латинские версии «Второй Аналитики». Одна переведена была с арабского, другая приписывалась Боэтию, в третьей имелись сведения о том, что неизвестный автор, не удовлетворенный переводами Бо-

этия и Якова из Венеции, приступил к новому переводу[17]. Боэтий перевел также обе «Аналитики», но в течение VII—XII вв. они были забыты. Таким образом, мы приходим к заключению, что весь «Органон» стал доступен ученым лишь в XII столетии. Им пользовались Абеляр, Отто фон Фрейзинг, Жильбер де ля Поррэ, Тьерри из Шартра, Джон из Солсбери («Metalogicon») [18]. Нельзя не согласиться со словами известной исследовательницы раннего Средневековья Элеоноры Дэккэт: «Без Боэтия Аристотель был бы утерян для Запада в период темных веков, прежде чем возродились научные знания в XII веке... Внедрение «Новой логики» на Западе произошло, как мы полагаем, благодаря трудам Боэтия, которые снова появились после длительного перерыва» [19]. Несмотря на первостепенное значение философских трудов Боэтия, он остался в памяти человечества не как переводчик и комментатор Аристотеля. Слава его зиждется на «Утешении Философией». Эта книга имеет и в наши дни своих читателей, о чем свидетельствуют многочисленные переводы «Утешения» на западные языки в XX в. [20]

Не богословие, а персонифицированная философия утешала узника в его павийском заключении. Ничто не противоречит христианской морали в этой книге, но в ней нет прямых указаний на св. писание; ее автор скорее может показаться неоплатоником, чем последовательным христианином. Как мы уже сказали, в «Утешении» чередуются стихи и проза [21]. Боэтий начинает свою книгу элегическими двустишиями:

Песни слагал я когда-то в цветущие юные годы.
  В узкий я ныне вступил, полный стенания круг.
Музы писать побуждают, великою скорбью объяты,
  И омывает слеза лики печальных Камен.
Нет, не в силах они одолеть подступающий ужас.
  Следуют только за мной, спутницы пасмурных дней.
То, что было когда-то счастливой юности славой,
  Горестного старика горькую тешит судьбу.
Ибо поспешной стопой приближается мрачная старость,
  И ощущается скорбь дряхлых и бедственных лет.
Опережая свой срок, с головы ниспадают седины.
  Тело ослабло, дрожит; кожа во власти морщин.
Смерть, блаженная смерть, не спешишь ты в счастливое время.
  Зов мой повторный услышь, немощного посети.
Даже когда я гордился дарами неверной фортуны,
  Мнилося, был погружен в бездну часов с головой.
Свой отуманенный лик от меня судьба отвратила.
  Медленно время течет жизни несчастной моей.
Не понапрасну ль, друзья, вы счастливым меня почитали?
  Павший, как я, не стоял крепко на твердой земле.

Пер. И. Г.-К.

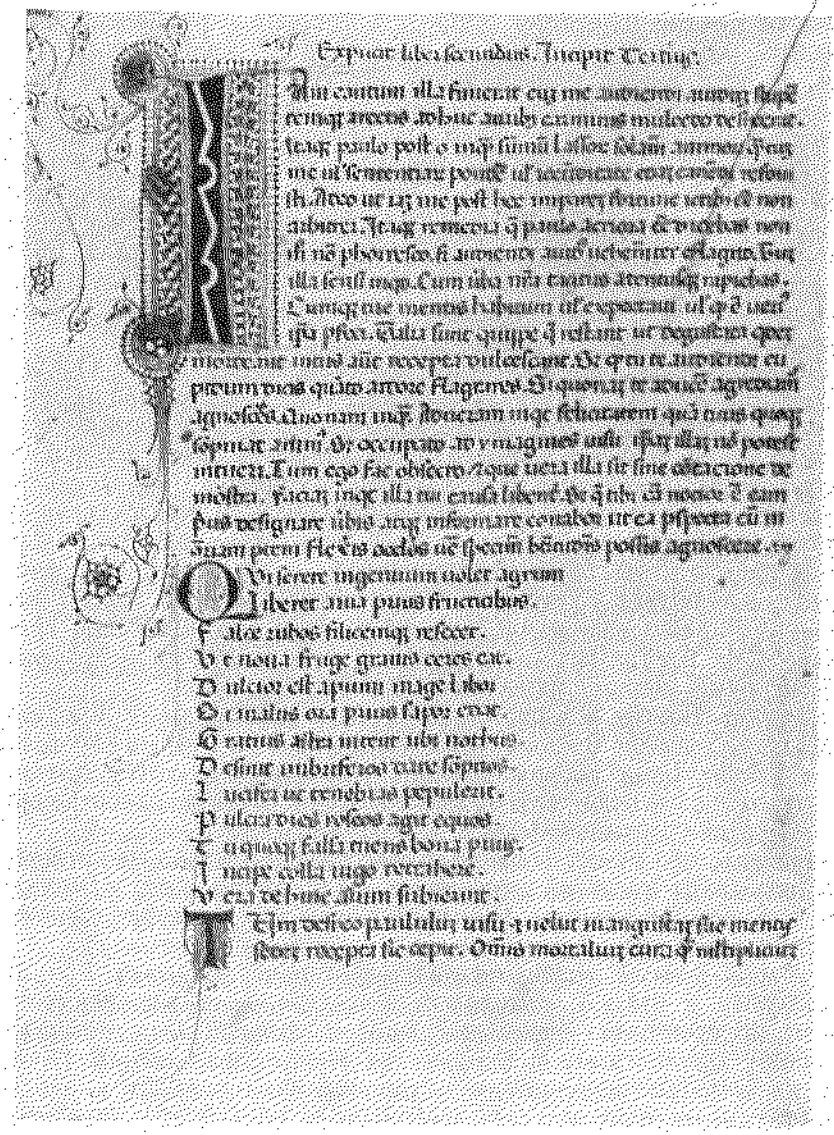
Затем Боэтий переходит к прозе и говорит о появлении Философии, обладающей силою, не свойственной жалостливым музам, которые могут лишь плакать вместе с узником в его темнице. Речь госпожи Философии указывает на знакомство автора с техникой ритмической прозы — курсусом: «В то время, когда я,— продолжает свой рассказ Боэтий,— молча размышлял обо всем этом и стилем записывал слезные мои жалобы, мне показалось, что надо мною возвышается некая женщина, чье лицо вызывает робость почтительную, чей сверкающий взгляд проницателен не в меру человеческую, чья юная сила неисчерпаема, несмотря на то, что она столь древняя, что не может принадлежать нашему времени...»

Гневная Философия прогоняет хор стенающих камен: «Когда приметила она муз поэзии (poeticas Musas), окружавших мое ложе и внушавших мне полные рыданий слова, промолвила, возмущенная, с очами, сверкающими пламенем: «Кто разрешил доступ этим маленьким театральным блудницам (has scenicas meretriculas) к ложу болящего!..» Мудрость в представлении Боэтия выше поэзии, ибо врачует, а не растравляет душевные раны. Это мнение было свойственно и людям Средневековья. Данте — любитель «Утешения Философией» — после долгих колебаний оправдывает пение муз, но в «Рае» его водителем становится не Вергилий, соединивший в себе мудрость и поэзию, а Беатриче — опоэтизированная мудрость.

Влияние Боэтия в Средние века шло в нескольких направлениях. «Утешение Философией» переводили на разные европейские языки; одни авторы учились у Боэтия искусству латинского стихосложения, другие искали в его сочинениях сведений о математике, музыке и логике.

Наконец, что может быть наиболее примечательно, некоторые средневековые писатели, особенно в XII в., обращались к Боэтию как к живому источнику неоплатонистических и натурфилософских идей [22].

Ритмам Боэтия подражал латинский поэт ирландец Колумбан (умер в 615 г.), основатель столь важного для итальянского просвещения монастыря Боббио. Боэтий был известен Исидору Севильскому и окружению Карла Великого. В IX в. Лу из Ферьера использовал «Утешение Философией» в своем трактате о метрике «Genera metrorum in libri Boetii», где всего 27 метров. Это сочинение легло в основу позднейших комментариев к Боэтию. Самый значительный философ раннего Средневековья Иоанн Скотт Эриугена (около 810 — около 877 гг.), переводчик с греческого Псевдо-Дионисия, написал краткое жизнеописание Боэтия. Псевдо-Дионисий и Боэтий оказали влияние на сочинение Эриугены «О разделении природы», в котором автор стремился внедрить в богословие рационализированный неоплатонизм [23].



Боэтий. «Об утешении Философией». Итальянская рукопись XIV в. Ленинград, ГПБ. Clas. lat. F. v., N 12

В X столетии первый драматург Германии Гросвита из Гандерсгейма (родилась в 935 г.), одна из самых просвещенных женщин Средневековья, приводит в своих сочинениях значительные отрывки из трактатов Боэтия об арифметике и музыке, а также из «Утешения Философией». Уже упомянутый Герберт из Реймса (конец X — начало XI в.) в своих математических штудиях не раз прибегал к Боэтию. Он развил теорию Боэтия о тонах и аккордах. Перу этого выдающегося математика принадлежат латинские стихи к портрету Боэтия, который находился во дворце императора Оттона III, ученика Герберта.

В IX в. появился первый перевод «Утешения Философией». Англо-саксонский король Альфред Великий (848—899 гг.), внук по матери Карла Лысого, перевел «Утешение» на староанглийский [24]. В следующем столетии «Утешение» было переведено на старонемецкий Ноткером из Сант-Галлена (950—1022 гг.) [25].

Немецкий ученый Герман из Рейхенау (XI в.) интересовался математическими сочинениями Боэтия и его метрикой. В XII в. к Боэтию обращались философы и поэты Франции и Англии, последователи платонизма: Бернард Сильвестр, Алан де Лилль, Гильом де Конш [26]. Англичанин, получивший образование в Шартре, Адельхардт из Бата (Adelhard of Bath), который путешествовал по Испании и Ближнему Востоку в поисках древнего знания, провозгласил Платона первым среди философов. Он был знаком также с атомизмом Демокрита. В его произведениях цитируются «Топики», «Музыка» и «Утешение Философией» Боэтия [27]. Арриго да Сеттимелло, латино-итальянский поэт из окрестностей Флоренции, в своей поэме «О разных путях фортуны и утешении философией» (De diversitate fortunae et philosophiae consolatio) испытал влияние Боэтия [28].

К Боэтию обращались также поэты на новых европейских языках. Уже в первой половине XI в. в Лиможе или Северном Перигоре была написана поэма на провансальском языке (сохранился отрывок в 258 строк), в которой некий поэт пишет о горестной и славной участи Боэтия и пересказывает его «Утешение Философией» [29]. Европейски знаменитый «Роман о Розе» полон аллегорических образов, навеянных чтением Боэтия. Автор второй части романа Жан де Мень перевел, довольно свободно и не без отсебятин, «Утешение Философией» на старофранцузский язык и посвятил свой труд Филиппу Красивому. Форме «Утешения» следовал итальянский дидактический поэт Франческо да Барберино (1264—1348 гг.), который в книге «Правила поведения и обычаи дам» (Reggimento e costumi di donne) чередует стихи и прозу (prosimetrum). Эта же форма была воспринята Данте в «Новой Жизни» и «Пире».

Данте 17 раз цитирует в «Пире» Боэтия [30]. В настоящее время доказана также близость Данте к идеям натурфилософов

XII в., многому научившихся от Боэтия. Напомним появление Боэтия в X песни «Рая» (124—129):

Узрев все благо, радуется там
Безгрешный дух, который лживость мира
Являет внявшему его словам.
Плоть, из которой он был изгнан, сиро
Лежит в Чельдоро, сам же он из мук
И заточенья принят в царство мира.

Пер. М. Лозинского

Заметим также, что приписываемый Боэтию трактат «De Trinitate» был комментирован Фомою Аквинским [31].

После короля Альфреда Великого следующим переводчиком «Утешения Философией» в Англии был Чосер. Он закончил свой перевод около 1360 г., пользуясь — как это с ним случалось не раз — для лучшего понимания латинского текста французской версией [32]. В это время францисканец Альберт из Флоренции перевел «Утешение» на итальянский. В XIV в. книга Боэтия была известна также в Византии в греческом переводе Максима Плануда [33]. Новый итальянский перевод в эпоху Возрождения дал Варки (1503—1565 гг.), известный теоретик итальянского языка [34]. В XVI в. переводом «Утешения Философией» на английский занялась королева Елизавета.

До нас дошло около 400 рукописей «Утешения». Первое печатное издание вышло в свет в 1473 г. в Нюрнберге. В то время как философские работы Боэтия были превзойдены в XV столетии новыми переводами и комментариями Аристотеля, «Утешение Философией» продолжало привлекать читателей. Как назидательное чтение «Утешение» издано «in usum Delphini» в Париже (1680). В XVIII в. известны были два падуанских издания (1721, 1744) и одно из Глазго (1751). Стихами и прозой Боэтия утешался в тюрьме Казанова [35]. На территории Российской империи знаменитая книга Боэтия появилась в Санкт-Петербурге в русском переводе и в Риге — в немецком — в 1794 г. Приходится сожалеть, что этот безнадежно устаревший перевод остается до сих пор единственным и что полный текст «Утешения Философией» все еще не доступен для русского читателя [36].

Эннодий

Магн Феликс Эннодий, родственник Боэтия, был галло-римлянином (родился в Арле в 473 или в 474 г.). Рано лишившись родителей, он с детских лет жил и воспитывался в Павии у родственников. Когда его приемная мать умерла, его взяла на воспитание состоятельная христианская семья. Он обручился с одной из дочерей своих благодетелей, но родители обеднели, и брак не состоялся. Магн Феликс стал духовным ли-

цом, его невеста приняла монашество. В конце V и в начале VI в. Эннодий жил в Милане и принимал участие в церковных спорах и распрях. Вскоре он стал известен как искусный оратор. В 515 и 517 гг., будучи епископом Павии, он ездил с поручением папы в Константинополь к императору Анастасию I. Эти поездки, имевшие целью урегулировать отношения между римской и греческой церковью, успеха не имели. Эннодий умер в 521 г.[37]

Значительные сведения о жизни Эннодия дает нам его автобиографическое произведение, написанное летом 511 г. и озаглавленное издателем XVII в. Сирмоном «Eucharisticum de vita sua». Вернее было бы, как заметил Ф. Эрмини, озаглавить его «Confessio de vita sua» («Исповедь о моей жизни»). В этом произведении Эннодий рассказывает о своем детстве, об увлечении языческой литературой, о своем несостоявшемся браке, о покаянии в грехах и вступлении в лоно церкви. Повествование Эннодия близко по тональности к «Исповеди» Августина.

Эннодий был прежде всего оратором, а затем уже поэтом и эпистолографом. В «Панегирике королю Теодориху» (около 507 г.) довольно живописно представлены годы молодости вождя готов, проведенные в Константинополе, его первые подвиги в войне с болгарами, победа над гепидами, битвы, в которых он одолел Одоакра. Эннодий оправдывает последовавшую за военной победой над Одоакром жестокую расправу Теодориха с приверженцами убитого им короля. Соображения государственной целесообразности берут верх над христианской моралью, ритор — над клириком.

Не забыты автором градостроение Теодориха, его успехи во внешней политике, заботы о просвещении и покровительство, оказываемое им риторам и ученым. События, напоминание о которых могло быть неприятно королю, Эннодий благоразумно обходит молчанием. «Панегирик» важен как исторический документ, свидетельствующий не только о событиях VI в., но также о нравах римлян под властью восточных готов[38].

«Панегирик» написан торжественным, напыщенным стилем; он перегружен гиперболами, апострофами, метафорами.

В педагогическом руководстве «Paraenesis didascalia» (505—509 гг.), которое Эннодий составил для двух молодых людей — Амвросия и Беата, согласованы христианская мораль и античная мудрость, даются советы по грамматике и риторике. Риторика ценится выше всех наук.

> Qui nostris servit studiis, mox imperat orbi;
> nil dubium metuens ars mihi regna dedit.

(Ее изучение в самом скором времени может привести к власти над миром, и, без сомнения, искусство красноречия дарует оратору земные царства.)

Только овладев этими знаниями, можно приступить к изучению юриспруденции, поэтики, математики. Поучение содержит перечень знаменитых ораторов V в.; к ним причислен консул Симмах, правнук того Симмаха, который защищал языческие обычаи от нападок Амвросия Медиоланского.

С 494 г. Эннодий состоял при канцелярии павийского епископа Епифания. В житии Епифания (Vita beatissimi viri Epifani episcopi Ticiniensis ecclesiae) Эннодий рассказывает о дипломатических миссиях Епифания на Восток, в Византию, а также в Тулузу, к вестготскому королю Эйриху. Подчеркивается политическая роль Епифания при Одоакре и позже, при Теодорихе. В Павии Епифанию удалось восстановить городские стены, отстроить разрушенные варварами дома и церкви. Из жития видно, насколько увеличились в VI в. светская власть и влияние епископов.

Значительную часть литературного наследия Эннодия составляют 297 дошедших до нас писем. Они написаны главным образом в Милане в начале VI в. На их стиль повлиял Симмах Старший, любитель лаконизма. Автор вложил много труда в отделку своих посланий. Они были предназначены для публичного чтения — как письма Цицерона и Петрарки.

Сочиняя стихи, Эннодий подчинял свою музу правилам классической просодии, хотя и сбивался порой на ритмику народного говора. Он обратился к формалистической поэзии начала IV столетия, из которой превыше всего ценил «квадратные стихи» Оптациана Порфирия. Среди больших стихотворений Эннодия наибольшей известностью пользовалась «Эпиталама Максиму». В эпиталаме поэт со знанием художественного ремесла использовал различные размеры: гекзаметры, дистихи, хореический тетраметр, сапфические строфы, гендекасиллабы. Произведение это начинается гимном Природе. В свадебных празднествах принимают участие Аполлон и музы. Пять сапфических строф посвящены божественной наготе Венеры. Амур пронзает сердце жениха. «Эпиталама Максима» по своему языческому вдохновению близка поэзии Авзония. Напомним, что в это время Эннодий был диаконом. Выпад против обета целомудрия и монашества, бегущего от радостей жизни, в диалоге между Венерой и Амуром вряд ли был уместен в устах клирика, делавшего карьеру на церковном поприще.

Биографический интерес представляют некоторые стихотворения Эннодия, в которых он описывает свое путешествие по реке По во время разлива и через снежные горы в Бриансон.

Для гимнов Эннодия (как впрочем и для других его произведений) характерно смешение христианского с языческим. Соседство благочестивых мыслей и грешных помыслов в эпиграммах поэта заставляет вспомнить о составителях африканской антологии V в. Это смешение шокирует некоторых совре-

менных католических литературоведов. «Наиболее характерно в Эннодии — и это указывает на поверхностность его христианского чувства,— с возмущением пишет Артуро Помпеати,— его постоянное стремление все передать в языческой терминологии и в рамках мифологии; в одной песне в честь Епифания он даже называет бога высшим среди богов!» [39]

Гораздо справедливее и исторически вернее мнение английского ученого Ф. Рэби: «Произведения Эннодия интересны тем, что показывают, во-первых, как сильна была в Италии в конце V в. языческая традиция, во-вторых, что Авзоний и Сидоний Аполлинарий не остались без наследников, хотя варварские нашествия уничтожили языческие школы в Галлии. Эннодий — быть может, последний представитель тех, кто пытался примирить языческую культуру с исповедованием христианства» [40]. Рядом с благочестивыми гекзаметрами у поэта встречаются дистихи вполне вольные, где царит не строгий апостол Петр, а шаловливый Амур и даже полускрытый в античных рощах Приап (так, в эпиграмме о Пазифае).

Эннодий отдал должное и описательному жанру, великим мастером которого был Клавдиан. Одна из эпиграмм изображает сады короля Теодориха. Эннодий составлял надписи в стихах к воротам дома, к садовой калитке, лестнице, погребу, маслобойне. Такие надписи-эпиграммы сочинял в Польше XVI в. Миколай Рей. Как многие галлы, Эннодий был склонен к иронии. Он насмехался над римским плащом и готической бородой некоего Иовиана, над мелкими карьеристами и вездесущими глупцами. Повстречав дурака, носившего гордое имя Вергилий, Эннодий написал:

In tantum prisci defluxit fama Maronis,
ut te Vergilium saecula nostra darent...
Древнего столь истощилась Марона неверная слава,
Что даровал дураку имя «Вергилий» наш век...

Пер. И. Г.-К.

Эпиграммы Эннодия восходят к традиции Марциала. В художественном отношении они более совершенны, чем длинные его стихотворения.

Стихи Эннодия были забыты Средними веками. Писатели этой эпохи: Павел Диакон в VIII, Ландольфо из Милана в XI и Джирауд из Бэрри в XII столетиях цитируют «Житие Епифания» главным образом как исторический источник [41]. Сравнительно поздно, в 1569 г., произведения Эннодия были изданы в Базеле. Для дальнейшего изучения творчества поэта и писателя из Арля большое значение имело парижское издание 1611 г. Сирмона (J. Sirmond).

Аратор, Присциан, Фульгенций

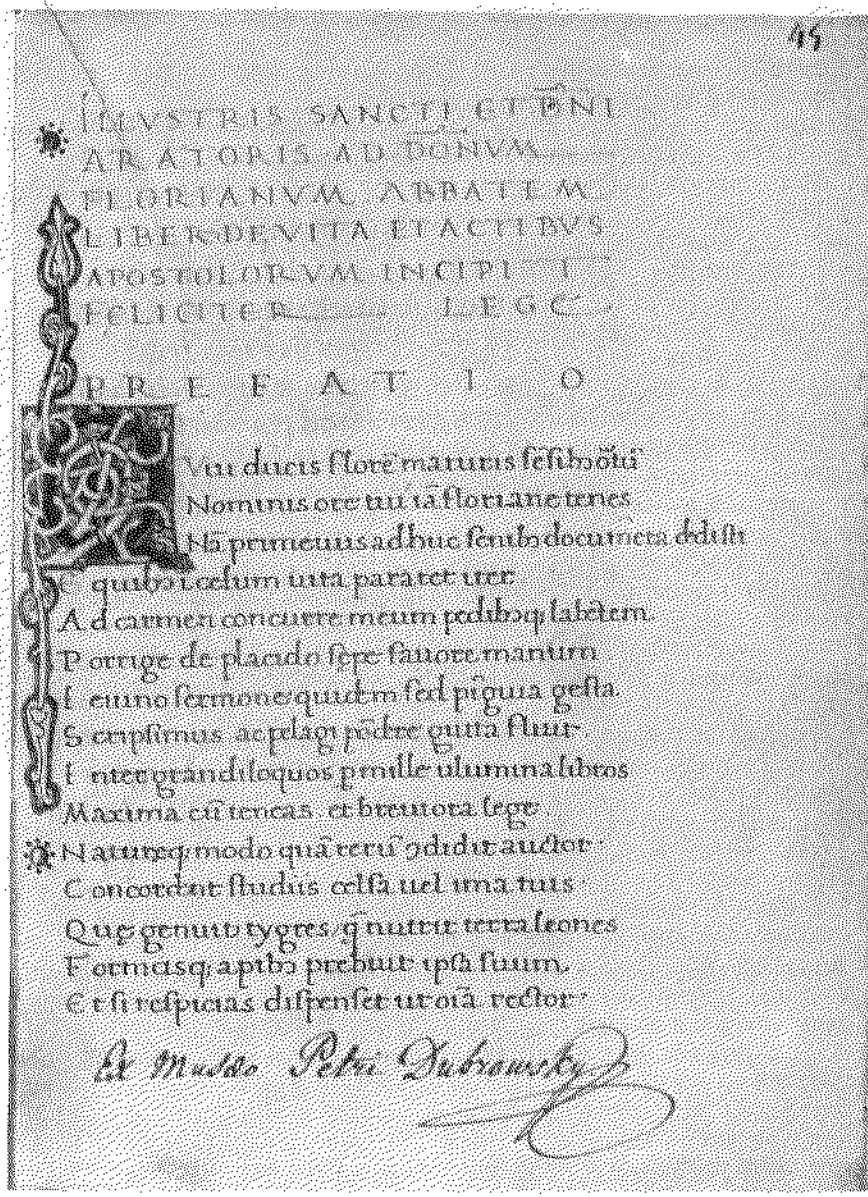
Среди учеников Эннодия, которым он покровительствовал, став епископом Павии, был молодой ритор Аратор, сын юриста из Лигурии, воспитанный после смерти отца на церковные средства в Милане. Аратор продолжал свои занятия литературой в Равенне под руководством племянника Эннодия Порфирия. Он познакомился не только с авторами древности — как все его современники, он испытал сильное влияние Вергилия,— но также с гимнами Амвросия Медиоланского и со стихами христианских поэтов Пруденция и Драконтия. В столице остготского королевства Аратор прославился своим красноречием. В 526 г. он выступал перед королем Теодорихом, защищая интересы далматинцев, а в 527 г. был направлен Аларихом II послом к императору Юстиниану. Кассиодор помог ему сделать придворную карьеру.

Когда готско-италийское королевство пришло в упадок, Аратор направился в Рим и стал диаконом. Он снискал расположение папы Вигилия (537—555 гг.), с благословения которого сочинил эпическую, вернее, дидактическую, поэму в двух книгах, посвященную деяниям апостолов (De actibus apostolorum). В этой поэме следует отметить весьма показательные для дальнейшего развития средневековой литературы элементы: символику чисел и аллегоризм, переплетающийся с реальным повествованием. Архитектоника поэмы далека от совершенства. Отдельные сцены плохо связаны. Риторическое умение — главное достоинство Аратора.

Красноречие было столь любимо римлянами даже в период упадка, что церковь св. Петра в Узилищах («ad Vincula») в апреле 544 г. в продолжение целой недели была полна посетителей, требовавших повторения длинной поэмы Аратора. Стихи Аратора охотно читали в период раннего Средневековья. «De actibus apostolorum» цитировали и комментировали в XII в. В течение всех Средних веков поэма Аратора служила одной из школьных книг [42].

Знание латинской грамматики и правил латинского стихосложения в образованной среде Италии и среди ученых византийцев держалось еще на значительной высоте в начале VI в., когда писали Боэтий, Кассиодор, Эннодий. В это время жил самый известный латинский грамматик древности — Присциан из мавританской Кесарии (Северная Африка). Он был преподавателем латыни в Константинополе при Анастасии I (491—518 гг.) и посвятил императору латинский панегирик, написанный ямбическими сенариями — «De laude Anastasii imperatoris».

Связанный с сенаторскими кругами Рима, Присциан знал Аврелия Симмаха и посвятил консулу Юлиану свое главное произведение «Institutio de arte grammatica». Сочинение это особенно



15

ILLVSTRIS SANCTI CLEMENTIS
ARATORIS AD VIRGINEM
FLORIANVM ABBATEM
LIBER DE VITA ET ACTIBVS
APOSTOLORVM INCIPIT FELICITER LEGE

PRAEFATIO

Viui ducis flore manuis scribsoliti
Nominis ore tui ita floriane tenes
Hic primeuus adhuc scribo documenta dedisti
Quibus cadum uita paratet uiri
Ad carmen concurre meum pedibusq labentem
Porrige de placido sepe fauore manum
Ceruno sermone quidem sed pigua gesta
Scrpsimus ac pelagi pedre guta fluit
Inter grandiloquos pmille ulumina libros
Maxima cit tenuis. et breuiora legi
Natureq modo quia ceru odidit auctor
Concordat studiis celsa uel ima tuis
Quis genuit tygres quis nutrit terra leones
Formasq apibus prebuit ipsa suum
Et si respicias disponet ut oia rector

Et Mattheo Petri Dubrouski

Аратор. Стихотворения и поэма «О деяниях апостолов».
Рукопись итальянской работы XIV в.
Ленинград, ГПБ. Lat. O. v. XIV, 8

примечательно разработкой латинского синтаксиса. Присциан занимался также математикой и теорией стихосложения. Он сравнивал латинскую грамматику с греческой и богато иллюстрировал свой трактат примерами из классических авторов. Изложение его отличается ясностью, язык может поспорить с языком лучших писателей классической древности.

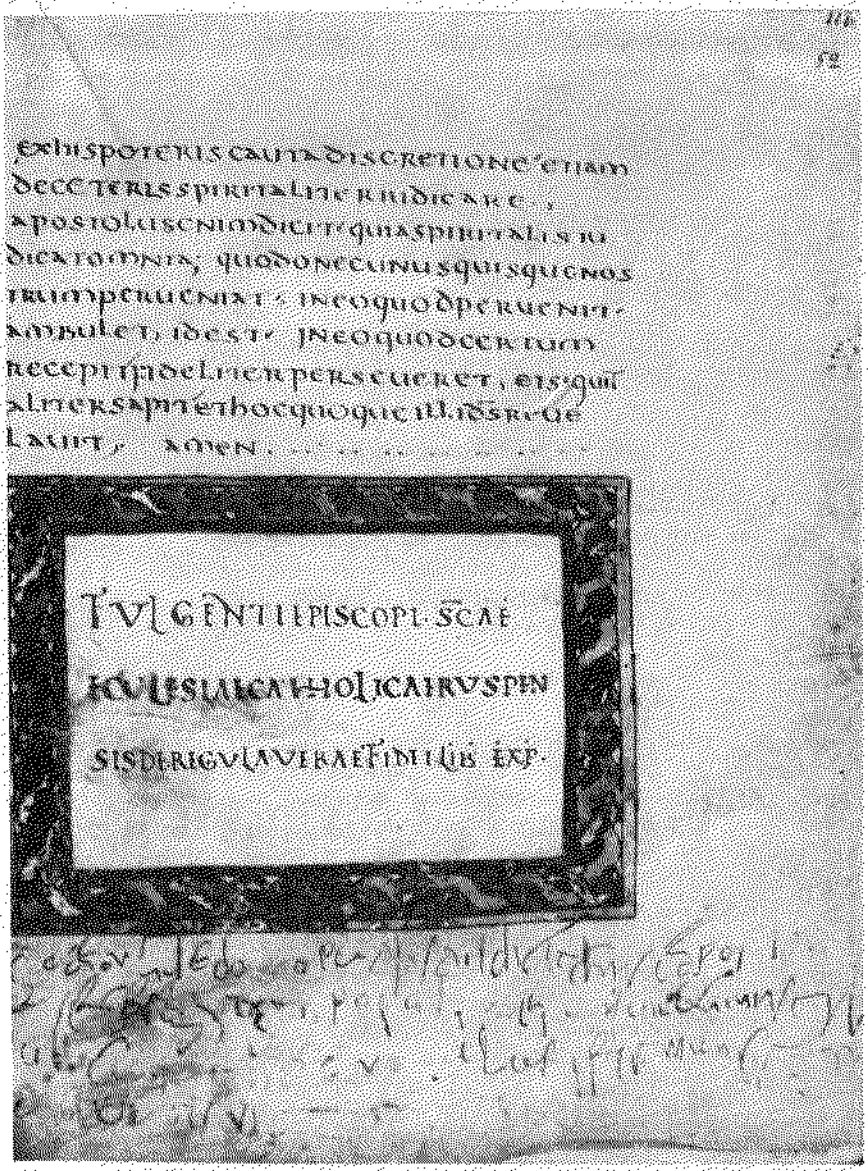
К недостаткам Присциана следует отнести повторения, некоторую непоследовательность изложения и противоречия. Его этимологии, как у большинства авторов этого времени, фантастичны. Он склонен также по аналогии создавать формы, в реальном языке не существовавшие. Филолог из Кесарии следовал, особенно в синтаксисе, знаменитому греческому грамматику II в. н. э. Аполлонию Дисколу, а также другим греческим языковедам, чьи произведения не сохранились и известны нам только по отражению их в грамматическом трактате Присциана.

Следует подчеркнуть, что произведение знаменитого африканского грамматика было до XV в. лучшим руководством по литературному латинскому языку. Разыскивая следы утерянных греческих грамматических сочинений, к Присциану обращались византийцы, например Максим Плануд.

Editio princeps грамматики Присциана вышло в Венеции в 1470 г.; вскоре последовало еще несколько изданий, среди которых — альдина 1527 г. Латинская терминология нашего времени восходит в значительной степени к грамматике Присциана [43].

Трудно определить точно, когда жил «превосходительнейший муж» (vir clarissimus) Фабий Планциад Фульгенций, чьи сочинения стали в Средние века важным источником сведений о древних языческих богах и героях. Одни источники относят его деятельность к началу V в., другие, по-видимому, более достоверные — к концу V и началу VI. Известно, что Фульгенций был африканец и что ливийский язык был его родным языком. Он смутно говорит о вторжении каких-то неприятелей, потревоживших его, когда он предавался занятиям литературой в своем имении. К счастью, некий король (очевидно, варварский) отразил врагов.

В произведениях Фульгенция нет и следа того римского патриотизма, который с большой силой выражен в стихах александрийца Клавдиана и галло-римлянина Рутилия. Фульгенций даже резко отзывается о Риме. Он был ярым католиком и считал свои рассказы о языческих богах баснями, которые следует понимать аллегорически. Его бессмысленные этимологии, темные толкования, страсть к иносказаниям, отсутствие художественного чутья и придурковатость возмущали и продолжают возмущать классических филологов. Фульгенций, по отзыву М. Шанца, «ein geschmackloser, alberner Autor» (безвкусный, нелепый автор).



Фульгенций. О католической вере. Рукопись VI в. из Вивария Кассиодора. Ленинград, ГПБ. Lat. Q. v. I, 7

Латинский язык Фульгенция изобиловал варваризмами и нарушал основные правила латинского синтаксиса, а он был, вероятно, современником Присциана. Тем не менее, его «Три книги о мифологии» (Mythologiarum libri tres), его комментарии к Вергилию (Expositio Virgilianae) пользовались большим успехом на Западе не только в «темные века», но и в XI—XII столетиях, повлияв на объяснение «Энеиды» Бернарда из Шартра и Джона из Солсбери. Первое издание сочинений Фульгенция вышло в Венеции в 1476 г. Африканского писателя читали еще в XVII в.[44]

Бенедикт из Нурсии

Для понимания мировоззренческих сдвигов, произошедших в IV—V вв., особенно важна деятельность Бенедикта из Нурсии, основателя старейшего в Западной Европе монашеского ордена бенедиктинцев и аббатства Монтекассино, ставшего одним из важнейших центров средневековой итальянской культуры. Можно сказать, что после Бенедикта не только язычники, но и полуязычники, как Эннодий, стали анахронизмом. Последний из великих стражей античной культуры Кассиодор, который пережил всех своих выдающихся современников, сбросил тогу и облекся в рясу.

Бенедикт родился в Умбрии, в «холодной Нурсии», как говорил Вергилий (frigida Nursia — ныне Норча). Он получил в Риме тщательное риторическое воспитание, но оставил в ранней молодости занятия литературой и удалился в Сабинские горы, где, подражая анахоретам Фиваиды, вел аскетический образ жизни. Близ Неаполя он основал обитель Монтекассино. 8 апреля 529 г., в день пасхи, монахи с пением «аллилуйя» приступили к работе. Они корчевали лес и на полуразрушенном форуме ниспровергли античную статую Аполлона, молотами разбили алтарь и изображения других богов. Святилище Аполлона было перестроено и превращено в часовню-ораторий св. Иоанна.

Этот монастырь превратился в рассадник всех монастырей бенедиктинского ордена, возникших во многих странах Западной Европы. В правилах Бенедикта, написанных латинским языком, приближающимся к народному, почти не говорится о просвещении монахов. Первый аббат рекомендовал заниматься исключительно священными книгами и церковным песнопением, более же всего настаивал на необходимости физического труда как лучшего средства от лени — матери всех пороков.

Если впоследствии бенедиктинский орден стал распространителем знания, а бенедиктинские монахи — переписчиками древних рукописей не только духовного, но и светского содержания, то этой перемене орден был обязан влиянию Вивария

Пьетро Перуджино. Бенедикт Нурсийский.
Рим, Ватикан

Кассиодора. Сам Бенедикт знал латинскую литературу, но греческих авторов — лишь в переводах. Точно неизвестно, когда умер Бенедикт. По традиции датой его смерти считается 21 марта 543 г.[45]

В середине VI в. в монастыре появился первый поэт, Марк из Монтекассино. Он сочинил довольно искусно 33 дистиха — похвалу основателю ордена. Стихотворение, посвященное Бенедикту, написал также Павел Диакон, который был первым комментатором монтекассинского устава. При нашествии лангобардов в 581 г. аббатство было разрушено, но вскоре восстановлено (вторично и дотла Монтекассино было разрушено американской артиллерией в 1944 г.).

Кассиодор

Долангобардскую эпоху латинской литературы замыкает Флавий Магн Аврелий Кассиодор Сенатор, один из величайших культурных деятелей средневекового Запада.

Предки Кассиодора были выходцами из Сирии. Его прадед обосновался в Бруции (Абруццо). Флавий Магн Аврелий принадлежал к четвертому поколению вельмож и крупных итальянских землевладельцев. При Теодорихе Кассиодор быстро взошел по ступеням иерархической лестницы. Он снискал милость короля еще совсем молодым человеком, произнося по обычаю времени панегирик правителю Италии. Между 507 и 511 гг. Кассиодор был квестором Теодориха, т. е. его личным секретарем, и составлял для своего полуграмотного короля те преисполненные латинской элегантности письма, стилю которых удивлялись не только средневековые писатели, но и гуманисты Кваттроченто.

Консулом Кассиодор стал в 514 г., когда ему было не более 25 лет. В следующем году он был назначен на должность министра двора (magister officiorum). Некоторое время он, как и его отец, исполнял обязанности губернатора Лукании и Бруции, а затем префекта претория (533 г.). Кассиодор до самой смерти готского короля сохранял расположение Теодориха и удержался при его преемниках. В 540 г., когда византийцы заняли Рим и стало ясно, что владычеству готов в Италии скоро придет конец, Кассиодор понял, что его мечты о создании итало-готского государства по римскому образцу призрачны. Более 30 лет он занимал высшие должности в Италии, сочинял письма и указы, в которых оживали традиции «непобедимого Рима» (Roma invicta). В душе пятидесятилетнего государственного деятеля произошел перелом. Он удалился в свои имения, находившиеся на юге Италии, занятом войсками византийского императора Юстиниана. Бывший римский консул

Лука Синьорелли. Строительство аббатства Монтекассино. Фреска. Монтеоливетo Маджоре

превратил свой дом в монашеское общежитие. Окруженный учениками, он провел старость в Виварии — так он назвал свое убежище, всецело погруженный в занятия литературой и богословием. Умер Кассиодор в 575 г., когда лангобарды заняли всю Северную и большую часть Средней Италии [46].

Монастырь Кассиодора не следовал бенедиктинскому, в те времена еще совсем новому и малоизвестному уставу; можно с достаточным основанием утверждать, что устав Вивария был василианским, т. е. восточно-православного образца, который сохранялся в Южной Италии в течение всего Средневековья [47].

В настоящее время очевидно, что следует провести параллель между организацией Вивария Кассиодора и школами в Александрии, Эдессе, Антиохии и сирийской Низибии. Кассиодор вместе с папой Агапитом предполагал открыть в Риме высшую школу, первый христианский университет на Западе, по примеру высших учебных заведений, существовавших на православном Востоке, но готско-византийская война помешала осуществлению этих планов. Кассиодору пришлось ограничиться

просвещением своих монахов в Виварии. В этих целях он написал, кроме комментария к псалмам, «Руководства к изучению божественной и светской литературы» (Institutiones divinarum et saecularum litterarum) [48].

Он настаивал на том, что риторические фигуры свойственны мировой поэзии. Библия, по его мнению, общечеловечна, и заключает те же лингвистические элементы, что содержатся в поэзии всех народов.

Комментарий Кассиодора к псалмам занимает две тысячи столбцов «Патрологии» Миня. Исследователи Кассиодора до самого последнего времени не обращали должного внимания на это произведение. Эрнст Роберт Курциус впервые показал значение комментария к псалмам для средневековой теории литературы [49]. Кассиодор утверждал, продолжая мысли Иеронима и Августина, что светские науки развивают то, что в зародыше содержится в откровении; тем самым Кассиодор преодолел существовавшую до него в христианской литературе двойственность в отношении к светской и богословской литературе. Отпала также необходимость «оправдывать» Библию, доказывая, что и в ней имеются общепринятые стилистические фигуры. Напротив, утверждал Кассиодор, эти фигуры проистекают из Библии. Поэтому нет противоречия между стилистикой священного писания и светских произведений. Весьма возможно, что теория эта не была выдумана Кассиодором, вероятно также, что она заимствована у византийских богословов. Однако Кассиодор ввел ее на Западе, и она дала возможность Средневековью относиться терпимо и даже сочувственно к языческим писателям. В «Руководствах» Кассиодор говорит о том, что изучение светской литературы необходимо для понимания Библии. На рубеже VIII—IX столетий Алкуин, продолжая мысль Кассиодора, напишет: «Философы не сотворили, но лишь открыли свободные искусства; бог их сотворил в самой природе, а нашли их в ее лоне наиболее мудрые из людей» [50].

Вторая часть «Institutiones» разрабатывает вопросы грамматики и риторики. Следуя главным образом Боэтию, Кассиодор вводит своих читателей в изучение семи свободных искусств. В главе о диалектике рассматривается учение о силлогизмах и определениях, а также говорится о топиках («общих местах»), равно необходимых для поэтов и для юристов. Исидор Севильский переработал эту часть труда Кассиодора. «Институции» стали одной из основных книг в средневековых школах.

Кассиодор не был оригинальным философом. Его книга о душе «De anima», написанная еще при дворе Теодориха, представляет смешение неоплатонизма и христианства. Сама манера изложения предвозвещает схоластические трактаты [51].

Основатель Вивария был не богословом, а прирожденным теоретиком стиля. Около 537 г. Кассиодор издал свои «Va-

riae» — сборник актов и официальных писем на основе подлинных документов, составленных им от имени короля Теодориха. Сборник преследует прежде всего литературные цели и является образцом изысканного дипломатического и административного стиля. Этот стиль восходит к эдиктам и письмам светских канцелярий Западной Римской империи IV—V вв. Таким образом «Variae» связаны с традицией римского имперского делопроизводства. Изящность изложения Кассиодор считал существенным, если не главным элементом бюрократической переписки. Эта элегантность приобреталась обращением к риторическому искусству прежних времен. «Опубликованные нами декреты,— пишет он,— должны обрести голос предков и постольку достойны похвалы, поскольку исполнены благоухания древности» (Decreta ergo nostra priscorum resonent constituta, quae tantam suavitatem laudis inveniunt, quantum saporem vetustatis assumunt) [52]. Под этой декларацией подписались бы все гуманисты эпохи Возрождения.

По образцу светских канцелярий создавался в V в. слог понтификальных документов. Папские энциклики стали подражать форме императорских эдиктов [53]. Поэтому стиль, выработанный Кассиодором, важен не только для дальнейшего развития стиля королевских канцелярий Средневековья, но и для церковных официальных документов. Секретарь Теодориха неизменно обращался к римскому праву, как к первоисточнику государственного права готско-италийского королевства. Одна из сентенций Кассиодора гласит: «Будь мудрейшим подражателем древних» (Sit imitator prudentissimus antiquorum) [54].

В средневековой дипломатике (в значительной степени также и в гуманистической) можно различить то же деление письма на части, что и у Кассиодора, а именно: протокол, текст, концовка. Протокол делится на призыв (invocatio, например, «Во имя божие!»), обозначение имен, титулов и качеств составителя документа (intitulatio), адрес с именем и титулами того, кому документ направлен (inscriptio), наконец, приветствие (salutatio). После этой вводной части следует текст, разделенный на преамбулу, содержащую общие размышления с литературными аллюзиями и цитатами (exordium, arenga). Преамбула подготовляет изложение послания. После формулы, вводящей в суть дела (notificatio, promulgatio, как например «Стало известным...» или «Ведомо всем, что...»), развивается экспозиция, излагающая те обстоятельства, которые побудили написать документ или официальное письмо (narratio). Изложение поддерживается сноской на юридические документы (dispositio) и заканчивается общим суждением (sanctio). Третья часть содержит подпись, скрепленную печатью, свидетельства других лиц (subscriptiones), часто также в конце документа встречается формула благословения (apprecatio) [55].

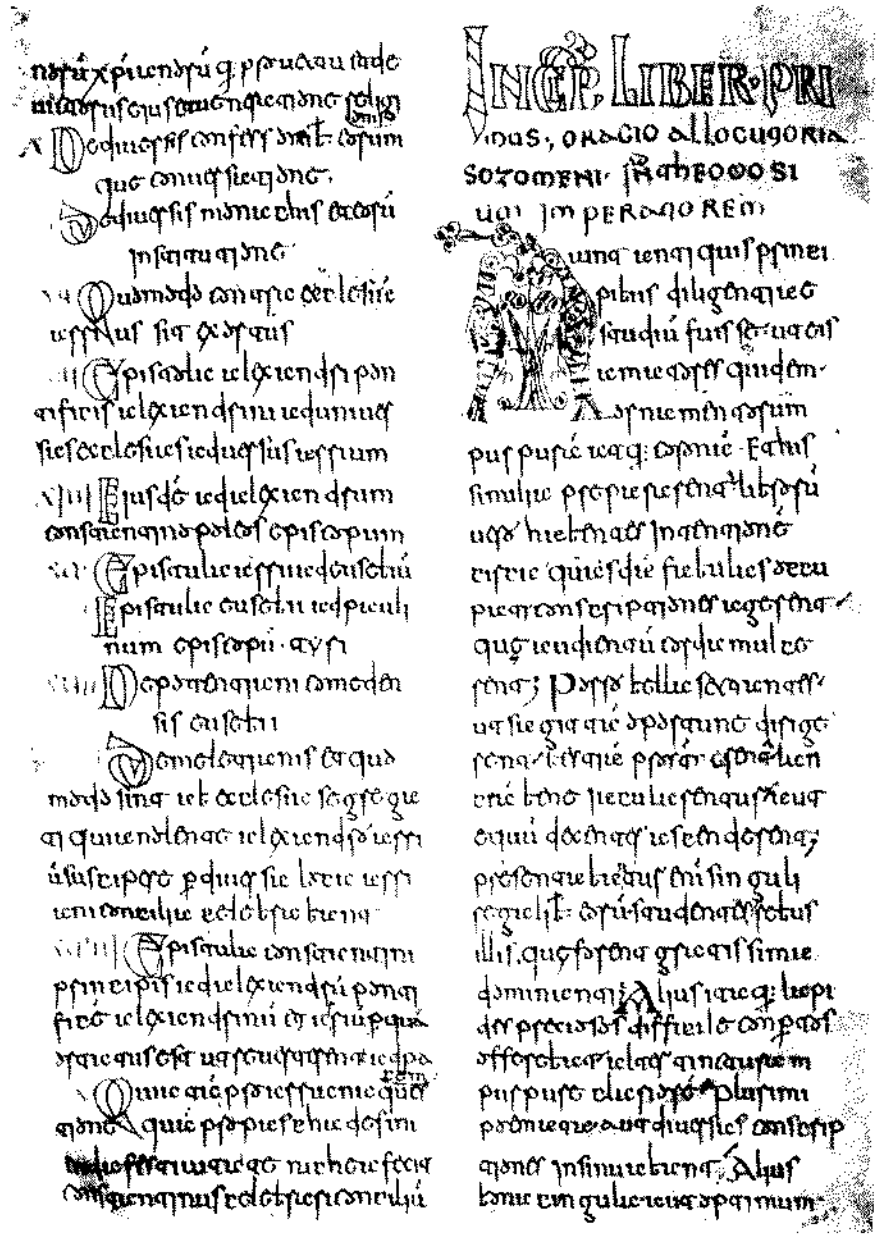
В своих «Variae» Кассиодор намеренно выпустил первую и последнюю части, тем самым придав документам безличный и вневременный характер как стилистическим образцам для любой переписки в будущем. Заметим, что преамбула у средневековых теоретиков официального стиля получила название «снискание расположения» (captatio benevolentiae) — термин, сохранившийся, правда в ироническом смысле, и в наше время.

Было бы необходимо подробнее исследовать, до какой степени стиль Кассиодора отразился в дипломатической переписке и в эпистолографии Возрождения (от Колуччо Салутати до Эразма Роттердамского). Известно, что в XV—XVI вв. гуманисты интересовались Кассиодором и что его издавал в Базеле Иоанн Сиккард [56].

Приходится сожалеть об утрате «Истории готов» в 12 книгах, написанной Кассиодором между 526 и 533 гг. Сочинение это возникло по желанию Теодориха и имело пропагандистское значение. Автор должен был доказать благородство и древность готов, «ничем не уступающих римлянам», особенно же прославить королевский род Амалов. Чтобы придать готам бо́льшее историческое значение, Кассиодор объединил их с гетами и скифами (подобно тому как далматинские и польские историки эпохи Возрождения объединяли с упомянутыми народами славян). Кассиодор пользовался греческими и римскими сочинениями о германцах; большинство из них до нас не дошло. Он поставил себе в образец Тацита и Аммиана Марцеллина. Иордан, алан или гот по происхождению, родственник Амалов по женской линии, ставший епископом Кротоны, дал в середине VI в. в Константинополе (по латыни) сокращенный текст труда Кассиодора под заглавием «О происхождении и деяниях гетов» (De origine actibusque Getarum). Однако и в таком урезанном и измененном виде готская хроника Иордана является драгоценным памятником по истории германских народов [57].

Кассиодор предпринял, быть может, вместе с другими переводчиками, латинский перевод Иосифа Флавия (Antiquitates judaicae), о чем свидетельствуют его «Институции». Он называет Иосифа Флавия «почти что вторым Титом Ливием» (pene secundus Livius — «Inst.», I, 12, col. 1133 ed. Migne). Следует заметить, что «Иудейские древности» Иосифа Флавия были весьма распространены на Западе в Средние века, однако имени Кассиодора в рукописях исследователи не нашли.

Особого внимания заслуживает «История рода Кассиодоров» (Ordo generis Cassiodorum), в которую включены также биографические сведения о других известных людях этого времени. Это беллетризованное генеалогическое повествование, содержавшее множество анекдотических рассказов, сохранилось лишь в извлечении (материалы о самом Кассиодоре, о Боэтии и Симмахе) [58]. Остальные исторические сочинения Кассиодора менее



Кассиодор. «История в трех частях».
Рукопись начала IX в. из Корби (Франция)
Ленинград, ГПБ. Lat. F. v. I, N 11

Монах-переписчик. Миниатюра из итальянской рукописи произведений Лактанция XIV—XV в.
Ленинград, ГПБ. Lat. F. v. I, 100

значительны. «История в трех частях» (Historia tripartita) представляет компиляцию церковной истории по греческим источникам. «Хроника», опыт всемирной и римской истории с перечнем консулов, была написана по просьбе Эвтариха, консула в 519 г.

Переписку рукописей Кассиодор считал занятием почетным и богоугодным и высоко ценил хороших переписчиков. В сборнике «Variae» находится письмо, адресованное некоему переписчику, в котором говорится о его высоком призвании, важном как для государственной администрации, так и для судопроизводства [59]. В Виварии автор «Variae» составил инструкцию по орфографии для монахов-переписчиков. Не приходится сомневаться в том, что «Орфография» Кассиодора — произведение компилятивное, и что он использовал иногда противоречивые советы разных латинских грамматиков, от Луция Аннея Корнута, учителя поэта Персия (Iв. н. э.), до Присциана. Все же благодаря этой компиляции до средневековых переписчиков дошли наставления и суждения древних грамматиков. Исидор Севильский использовал орфографические материалы Кассиодора в своих сочинениях, благодаря этому они стали общеизвестны. Литературное наследие Кассиодора Сенатора было мостом, перекинутым из античности через самый темный период Средневековья [60] к XI—XIII вв.— периоду восстановления наук и обновления литературных традиций в западноевропейских странах.

С середины VI до середины VIII в., когда только в некоторых местах Испании и Ирландии, поддерживавшей связи с Византией, едва мерцали редкие очаги культуры, Италия была окутана варварским мраком. Автору этих строк достаточно известны попытки новейших итальянских историков литературы, как, например, Филиппо Эрмини [61], идеализировать достижения италийской культуры VII в. Конечно, не все культурные центры были разрушены до тла новым нашествием варваров; сохранились или были восстановлены монастыри и епископские резиденции. В Риме, Неаполе и Сицилии продолжалось, пусть и в скромных размерах, обучение юношества. Однако по сравнению с первой половиной VI столетия культура Италии замерла, и понадобилось почти два века, чтобы новые завоеватели, лангобарды, приобщились к римскому наследию, почувствовали себя италийцами, восприняли латинский язык как литературный и на нем стали вести свои хроники и записывать свои саги.

ЖЕЛЕЗНАЯ КОРОНА ЛАНГОБАРДОВ

В апреле 568 г. в Италию вторглись во главе большого племенного союза германских, сарматских, болгарских и, возможно, славянских племен лангобарды, теснимые с Севера гепидами и аварами. Не кучка вооруженных воинов, а целые племена, с женщинами и детьми, во главе со своими вождями, наводнили Италию, расселяясь на насильственно захваченных территориях. Варварское расселение сообразовывались с независимыми от римских территориальных делений кровными и племенными связями. По-видимому, никаких разделов земли с покоренным римским населением, как это делалось бургундами и остготами, не производилось. Нашествие сопровождалось казнями и конфискациями имущества и привело к вытеснению римских землевладельцев из захваченных лангобардами частей Италии. Варвары, как рассказывается в «Истории лангобардов» Павла Диакона, «убивали священников, грабили церкви, разрушали города, истребляли мирных жителей, занятых работой на своих полях» (II, 32). По свидетельству бургундского хрониста Мария из Аванша (Marius Aventicensis), «перебито было значительное количество не только знатных римлян (seniores), но и людей среднего достатка» [1].

В 594 г., когда лангобарды Агилульфа после недолгого и с великим трудом заключенного мира, снова подошли к стенам Рима, папа Григорий I такими словами говорил с церковной кафедры о бедственном состоянии Италии: «Всюду, куда ни взглянем,— горе, отовсюду слышны стоны и вопль. Наши города, наши твердыни — в развалинах, поля опустошены, земля обращена в пустыню. Не видно земледельца в поле, никого почти не осталось в городах, а если кто и уцелел от истребления, то и эти немногие ежедневно и беспрестанно гибнут и гибнут от убийств... Одни отведены в плен, другие искалечены, иные безжалостно умерщвлены — вот что мы видим вокруг себя... Рим, этот былой властитель мира — чем стал он теперь? Покинутый своими гражданами, разграбленный врагами, он теперь — лишь груда развалин. Что сталось с его сенатом? Где народ его? ...Сената нет, народ погиб и гибнет

ежедневно, здания в развалинах... И то, что мы ныне видим в Риме, теперь повсюду — опустошения, разорение и голод»[2].

Конфискация земель крупных собственников привела к перераспределению всего сельского населения, зависевшего от землевладельцев, и к увеличению числа людей, лично свободных, но зависимых по земельным отношениям от крупных землевладельцев. В этот разряд вошли не только колоны, римские рабы, мелкие собственники и арендаторы, но и лангобардские альдии, лангобардские рабы и разорявшиеся лангобардские землевладельцы. Различные классы зависимого населения постепенно сливаются в общую массу полусвободных оброчных владельцев. За их счет создаются в руках светских и духовных лиц громадные комплексы собственности, однако при этом сохраняется дробность хозяйства и разрозненность пользования землей. Как показало изучение источников VI—X вв., различные формы земельных отношений и аренды развивались в лангобардской Италии «почти исключительно на римской основе, сообразно римским юридическим нормам»[3].

Если при остготских королях была сохранена структура римской администрации, лангобардское завоевание разрушило центральное государственное управление. Функции его делятся, и довольно произвольно, между герцогами (бывшими племенными вождями), между королевскими наместниками (гастальдами) и дружинниками (газиндами). Все они преследуют не столько общие интересы, сколько корыстные цели; правительственная власть становится средством личного обогащения[4]. Особенно страдал народ от насилий и бесчинств дружин, которые имели право содержать не только короли, принцы и герцоги, но даже частные лица.

Ни в одном из основанных варварами государств не была в такой степени подготовлена учреждениями разрозненность феодальной эпохи, как в государстве лангобардов. Единство подрывалось непрестанной борьбой между королями и герцогами, которые на протяжении всего двухсотлетнего господства лангобардов в Италии выступали как антагонисты королевской власти. Помимо королевства (со столицей в Павии), возникли почти независимые от павийских властителей и пережившие их герцогства Беневент и Салерно, соприкасавшиеся с византийскими владениями в Южной Италии.

Среди историков, зарубежных и советских, до сих пор нет единомыслия в вопросе о том, как в процессе становления феодализма в Италии происходил синтез германских и романских элементов. Несмотря на множество трудов об отношении германцев к наследию римской цивилизации, появившихся с конца прошлого века, нельзя не прийти к заключению, что перед исследователями открывается здесь «обширное поле деятельности, во многом еще настоящая целина»[5]. Бесспорно одно: сила рим-

ских традиций — политических, культурных, правовых — была в Италии столь сильна, что с течением времени не могла не оказать влияния на победителей и на процессы феодализации итальянского общества.

Нашествие лангобардов разрушило многие центры просвещения и приостановило не менее, чем на столетие, культурную деятельность в городах северной и центральной Италии. Одним из его последствий был также упадок культуры в западных провинциях Византийской империи.

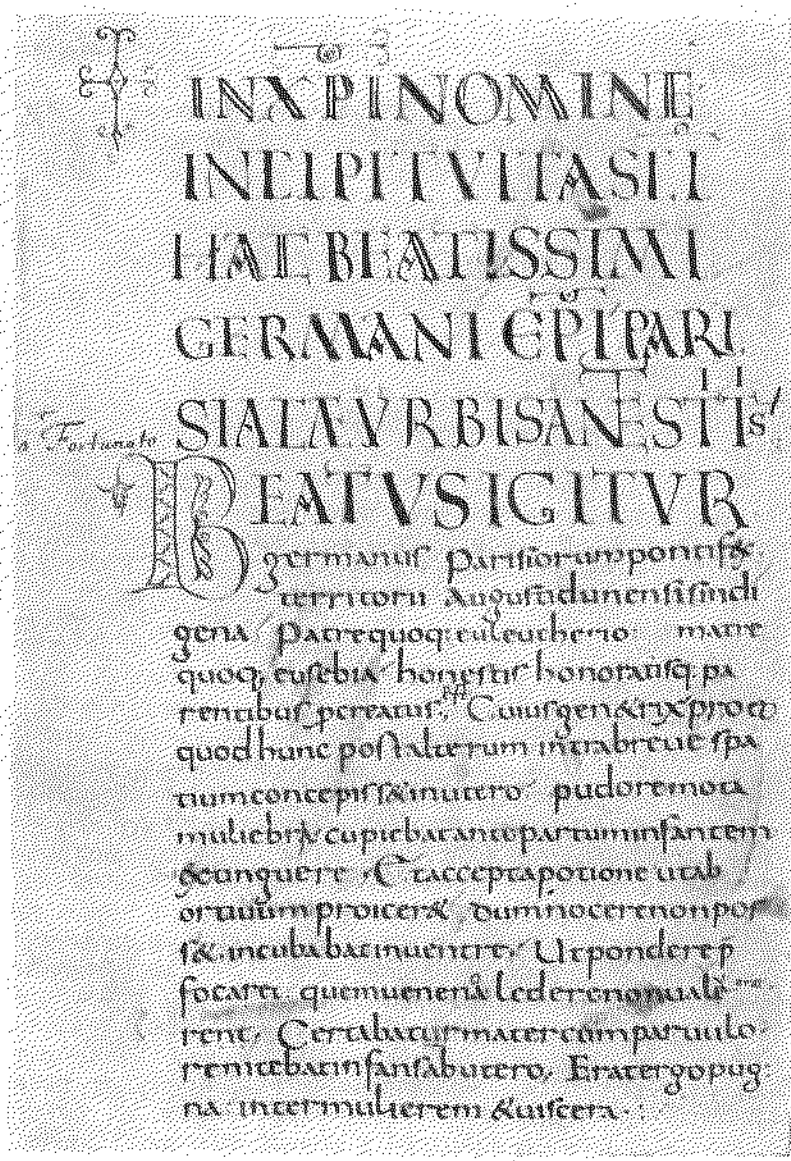
К исходу VI в. под властью Византии остались Равеннский экзархат — местопребывание императорского наместника, Рим с прилегающей к нему областью (Римский дукат), Южная Италия и Сицилия. Однако сил византийских гарнизонов было недостаточно, чтоб защитить италийские города и села от вторгавшихся в византийские владения и учинявших в них грабежи лангобардских отрядов [6].

Венанций Фортунат

В 565 г. последний латинский поэт, принадлежавший к большой риторической школе, Венанций Гонорий Клементий Фортунат (род. близ Тревизо в 540 г.), покидает Равенну, где он получил образование, и направляется в меровингскую Галлию. Там он встречает общество, способное понимать его ученые стихи. Общество это состоит не только из остатков галло-римской аристократии, но также из франков, хорошо владеющих латинским языком. Вряд ли следует признать верным свидетельство Григория Турского о полном упадке культуры в Галлии этого времени [7].

В Метце Фортунат сочиняет гимн, приветствующий переход из арианства в католичество вестготской принцессы Брунгильды, а затем длинную эпиталаму по случаю ее бракосочетания с королем Сигибертом. Италиец щедро расплачивается поэтическими подношениями с епископами всех городов, оказавших ему гостеприимство, в том числе — с главой парижского клира Германом. Фортунат был дружен с епископом Тура Григорием, обучал грамматике Хлотаря II, был близок с семейством короля Хильперика. Окруженный заботами двух монашествующих дам из королевского тюрингского дома, Венанций почти двадцать лет прожил в Пуатье, предаваясь литературным трудам. Последнее его стихотворение датируется 591 годом. Умер он около 600 г. епископом города, ставшего его второй родиной.

Бо́льшую часть поэтического наследия Венанция Фортуната составляют стихи на случай — эпиталамы, эпитафии, благодарственные гимны, послания и т. п. От стихов Эннодия и современной ему поэтической продукции творения Фортуната



IN XPI NOMINE
INCIPIT VITA SCI
HAE BEATISSIMI
GERMANI EPI PARI
SIAE VRBIS ANSTIS
BEATVS IGITVR
germanus parisiorum episcopus
territorii augustodunensis indi
gena patre quoque eulcherio mate
quoque eusebia honesto honoratisque pa
rentibus procreatus. Cuius genitrix prae
quod hunc post alterum intra breue spa
tium concepisset in utero pudore motta
mulieris cupiebat eo partum infantem
deiunquere. Cum accepta potione ueh
ementium procerum dum nocentem pos
set incubabat inuenire. Vt ponderet
focata quemuenenum ledere non ualeret.
Certabat mater cum parunulo
remedia in fanti abutero. Erat ergo pug
na inter mulierem & uiscera.

Венанций Фортунат. Житие Германа Парижского. Рукопись IX в.
Ленинград, ГПБ. Lat. F. v. I, 12

отличаются лиризмом и какой-то радостной просветленностью. Поэт предстает в своих стихах чувствительным и нежным, исполненным жалости и сострадания; обычно он связан узами дружбы и симпатии с теми лицами, которым адресованы его стихотворные послания. Например, с графом Бодегйзилом:

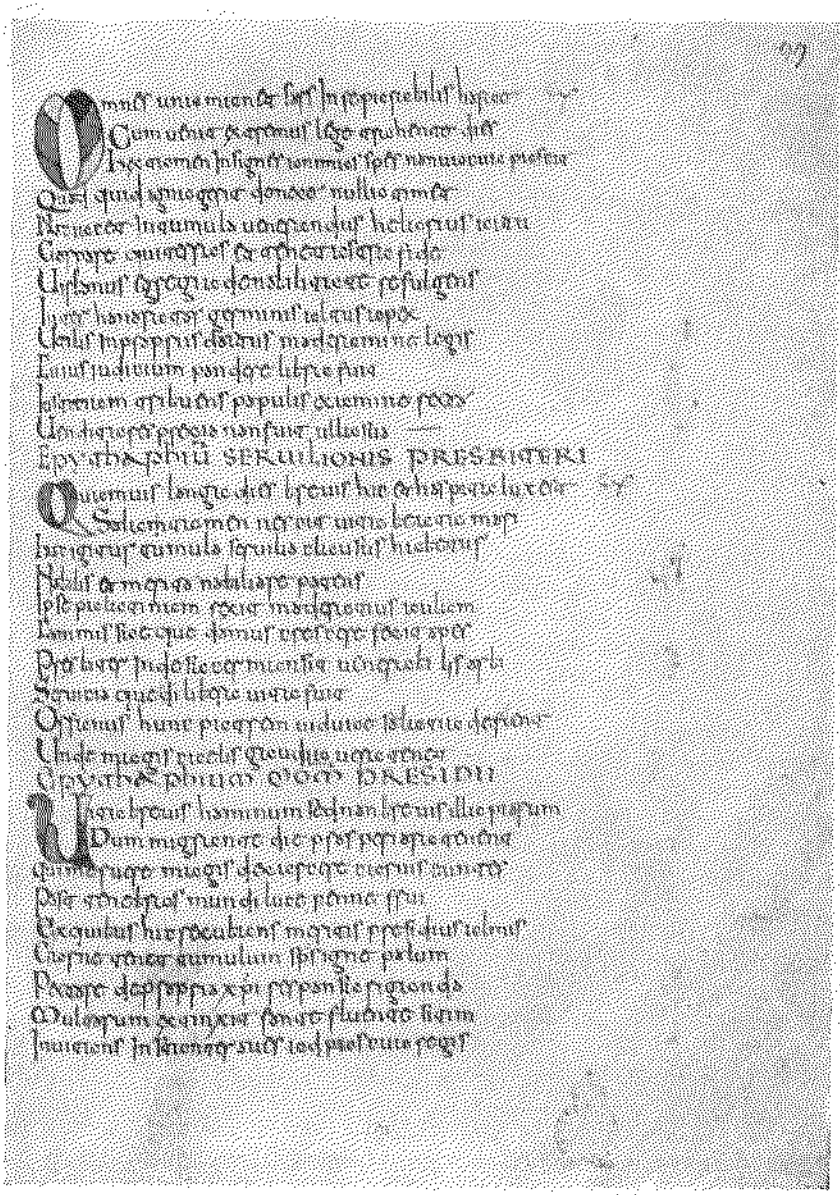
Даже коль в скудной груди я таил бы словесное море,
Граф Бодегйзил, тебя я бы не смог восхвалить.
Благодеянья твои все мысли мои захватили,
И, забывая себя, быть я желаю твоим.
Лишь удостоился я познать твой благостный облик,
Речь твоя, словно елей, вновь оживила меня.
Сладкой беседой своей насытил ты мое сердце,
Вдоволь питая его щедрыми яствами слов.
Кормят другие людей лишь одною телесною пищей,
Досыта кормишь меня пищей духовною ты.
Так невозможно фалерн подсластить сытóю медовой,
Как услаждает мою душу трапéза твоя.
Сколь утешителен ты для тех, кого издавна любишь,
Если меня в один час в друга себе превратил?

Книга I, VII, 5.
Пер. Ф. А. Петровского

Искренность и лирическая окрашенность произведений Фортуната, обращенность их к чувству читателя объясняют сильное воздействие его поэзии на французских, ирландских и английских поэтов последующих веков, особенно Каролингской эпохи. Беда Досточтимый обильно цитирует Венанция в трактате «De metrica arte». Павел Диакон посвящает его памяти эпитафию в стихах. Поэтические произведения Венанция Фортуната находили себе читателей до конца XI в. Они были напечатаны в XVI в. и пользовались значительным успехом у поэтов позднего Возрождения [8].

Метрические формы Венанция не отличаются большим разнообразием. Любимый его размер, которым он владеет с виртуозной легкостью,— дистихи. Сапфические строфы, трохеические септенары и ямбы встречаются у него редко. Кроме метрических он писал также ритмические стихи. Фортунат начитан в латинской христианской поэзии, но греческого он, по-видимому, не знал. Образы Фортуната свежи, сравнения часто рождены собственными реальными наблюдениями. Латынь его отклоняется от классической, в ней нередки народные выражения и галльские диалектизмы [9].

Поэма Фортуната о св. Мартине представляет собой стихотворное переложение жития, написанного Сульпицием Севером. В дистихах поэмы Фортунат прибегает к игре словами, звукописи, пользуясь для оформления христианского сюжета тради-



Венанций Фортунат. Сборник поэтических произведений. Рукопись начала IX в. из Кобри (Франция). Эпитафии. Ленинград, ГПБ. Lat. F. v. XIV, 1

ционными приемами латинской риторики [10]. Печать века лежит на этом стихотворном житии, изобилующем в гораздо большей степени, чем его прозаический источник, описанием чудес, творимых святым.

Григорий I

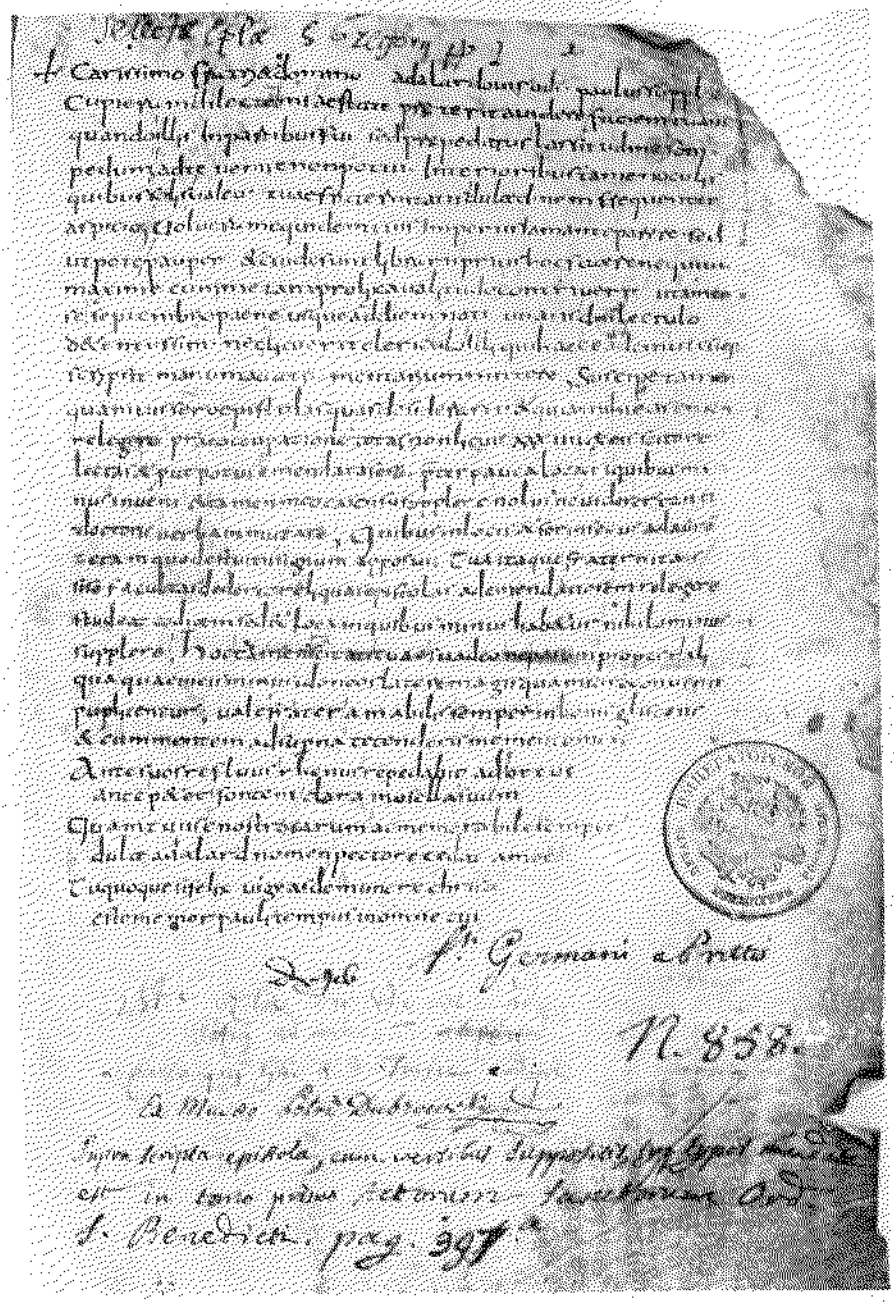
В то время как Венанций Фортунат странствует по городам Галлии, удивляя клириков и приобщающихся к латинской культуре франков непринужденной легкостью своих стихов и приобретенной в равеннской школе эрудицией, другой беглец из Равенны, Кассиодор, укрывшись от бед современности в тиши римского поместья вблизи Тарентского залива, предается воспоминаниям и переписке старинных рукописей. Восторженный почитатель римской государственности, направлявший в течение нескольких десятилетий политику остготских правителей Италии, превращается в монаха-библиотекаря, родоначальника многих поколений антиквариев, либрариев и скрипторов Средневековья.

«Последний римлянин» основывает первую средневековую мастерскую письма [11], в деятельности которой осуществляет соединение античных и христианских культурных традиций.

Однако в этот тяжелейший в истории страны период, в терзаемой лангобардами Италии, духовным средоточием которой становится Рим, возобладало и утвердилось другое направление; главным его вдохновителем стал епископ города Рима — папа Григорий I (590—604 гг.). Для этого направления кассиодорова доктрина мирного сосуществования идеологий оказалась совершенно неприемлемой. «К чему вся эта нищета мирских знаний,— читаем в прологе одного из житий VII в.,— какую пользу могут принести нам разъяснения грамматиков, которые способны скорее развратить нас, нежели наставить на путь истины? Чем могут помочь нам умствования философов Пифагора, Сократа, Платона и Аристотеля? Что дадут песни нечестивых поэтов (naeniae sceleratorum poetarum) — Гомера, Вергилия, Менандра — читающим их? Какую пользу, спрашиваю, принесут христианской семье Саллюстий, Геродот, Ливий, историки-язычники? Могут ли Гракх, Лисий, Демосфен и Туллий соперничать своим ораторским искусством с чистым и ясным учением Христа? В чем полезны нам причудливые измышления Флакка, Солина, Варрона, Плавта, Цицерона?..» и т. п. [12]

Это направление средневековой культуры, находившее приверженцев на протяжении всей ее истории, резко порывало с мирской языческой мудростью, противополагая ей «просвещенную неученость» святых подвижников, наделенных крепкой верой и христианскими добродетелями. Латинская агиографическая литература, достигшая огромных размеров в VI—VIII вв.,

Паоло Веронезе. Григорий Великий. Фреска.
Виченца, церковь ди Монте Берико



Павел Диакон. Послание аббату Корби Адаларду.
Рукопись VIII в., вероятно, автограф.
Ленинград, ГПБ. Lat. F. v. I, N 7

занимается возвеличением этого нового героя, вызванного к жизни необычайным развитием в эти столетия социальных потрясений и народных бедствий монастырского уклада. Достаточно сказать, что в одной только Ирландии в VI в. насчитывалось до тысячи монастырей.

Пожалуй, ни один из писателей раннего западного Средневековья не привлекал к себе бо́льшего внимания русских латинистов, чем Григорий I. Во второй половине прошлого века были переведены на русский язык его книги. Ему посвящены многочисленные исследования дореволюционных наших ученых (Ф. Успенского, М. Корелина, П. Шаскольского, А. Пономарева, А. Садова, В. Певницкого и др.), содержащие интересные наблюдения; некоторые из них не утратили значения и поныне.

В советское время О. А. Добиаш-Рождественская отдала несколько лет труда изучению редчайших кодексов с текстами Григория, хранящихся в рукописном отделе Ленинградской публичной библиотеки [13].

Литературная деятельность Григория I оказала значительное влияние на развитие разных жанров средневековой литературы — латинской и на национальных языках. Личность папы Григория I и создавшиеся вокруг нее легенды стали темой многих прозаических и поэтических произведений, например, поэмы немецкого миннезингера конца XII в. Гартмана фон Ауе «Григорий на камне», в которой было использовано латинское житие, составленное во Франции.

Древнейшие сведения о жизни и деятельности Григория содержатся в десятой книге «Церковной истории франков» современника папы, Григория Турского, во второй книге «Церковной истории англов» Беды Досточтимого (VII в.) и в жизнеописаниях, написанных историками Павлом Диаконом (VIII в.) и Иоанном (872 г.).

Григорий родился в 540 г. в древней римской патрицианской семье Анциев, несколько поколений которой были связаны с церковью (его пращур Феликс IV был папой, а отец, как впоследствии и он сам,— одним из семи городских диаконов). В возрасте 30 лет Григорий назначается императором Юстином II на должность префекта Рима. Оставив светскую карьеру, Григорий поступает в монастырь, устроенный им в родовом палаццо, где готовится к миссионерской деятельности на Британских островах. Идея об обращении в христианство варваров будет владеть им всю жизнь и станет одной из доминирующих в его писательстве. Более шести лет Григорий проводит в Константинополе в качестве папского апокрисиария [14], но все его усилия добиться от Византии помощи Италии против лангобардов оказываются безуспешными. Несмотря на долгое пребывание в столице империи, Григорий так и не вы-

учился греческому языку; по собственному его признанию, греческого он не знал: «Graecae linguae nescius» (Epist., VII, 29).

В 590 г. римский сенат, клир и народ избирают его папой вместо погибшего от чумы Пелагия II. В эпитафии Григорий назван «консулом божьим» (consul Dei), сам он говорил, что не знает, считать ли себя епископом или светским государем. «В настоящее время,— писал он, отклоняя недостаточно по его мнению политически опытного и умного кандидата на неаполитанскую епископскую кафедру,— епископ должен уметь заботиться не только о спасении души, но и о внешней пользе и безопасности паствы» (Epist., X, 19). Папа берет на себя руководство национальной обороной, расплатой с войсками, организацией городской милиции, вмешивается в область прав экзархов и военных трибунов, а также в дипломатию, вступая нередко в сепаратные переговоры с лангобардами о заключении мира и выкупе пленных. Григорий принимает деятельное участие в организации обороны Неаполя, Южной Италии, Сардинии, Корсики и Сицилии, где находились огромные поместья (патримонии) римской церкви, обеспечивавшие ее нужды в продовольствии и являвшиеся материальной базой ее могущества [15].

Григорий приветствует льстивыми посланиями восшествие на престол императора Фоки, простого центуриона, расчистившего себе путь к власти кровавыми преступлениями, и получает от него признание (в 602 г.) главенства Рима над всей западной церковью (caput omnium ecclesiarum).

К этому же периоду бурной и многообразной деятельности Григория относятся все его произведения: «Гомилии на книгу Иезекииля» (593 г.), «Диалоги о жизни италийских отцов» (593 г.), комментарии на книгу Иова (Moralia in Iob), начатые еще в Константинополе и законченные в 597 г., «Пастырское правило» (Liber regulae pastoralis) и значительнейшая часть его обширной переписки [16].

Первым самостоятельным произведением латинской агиологии явилось «Житие Павла Фиваидского» Иеронима, написанное под влиянием жития св. Антония, которое его автор, Афанасий Александрийский, привез в Рим около 340 г.

Обращение в христианство в IV—VII вв. германцев (готов, франков, англо-саксов, лангобардов) вызывает потребность в литературе, доступной восприятию варваров, привыкших к эпическим героическим песням и сказаниям. Авторы житий, лиро-эпических гимнов агиологического характера и проповедники-миссионеры начинают пользоваться приемами народно-поэтического творчества. Происходит процесс взаимовлияния фольклора варварских народов и латинской литературы, взаимопроникновение сюжетов, образов, идеологических представлений. Ко времени деятельности Григория I латинский житийный жанр имеет уже определенные традиции, которые окончательно оформляются в

его творчестве. «Диалоги о жизни италийских отцов и о бессмертии души» становятся популярнейшей в Средние века книгой. Многие ее ситуации и эпизоды будут повторены в «Золотой легенде» Якопо Ворагина (XIII в.), в житиях Франциска и Бернарда и в аналогичных произведениях на латинском и национальных языках.

Для своего времени это была книга очень современная, затрагивавшая темы, волновавшие италийцев VI в. и вполне соответствовавшая умонастроению эпохи. Место ее действия — Италия, в которой зверствуют готы, гунны, вандалы и лангобарды. Лишь изредка действие переносится за пределы Италии, но и в этом случае главными героями рассказов Григория выступают соотечественники автора. В Северную Африку он направляется вслед за епископом Нолы Павлином и его согражданами, увезенными в плен вандалами. В Испанию он совершает экскурс, чтоб рассказать об успешной миссионерской деятельности при дворе вестготских королей своего близкого друга Леандра. Предшественники Григория на римской епископской кафедре Иоанн и Агапит совершают чудеса в Греции во время краткой остановки по пути в Константинополь, куда следуют с политической миссией к императору Юстиниану.

Цели «Диалогов» были до известной степени полемические. Григорий отклоняет мнение тех, кто считал, что в современной италийской действительности перевелись герои и мученики, в большом количестве появлявшиеся в эпоху гонений на христиан. Он создает образы подвижников своего времени — местных италийских святых, возбуждая в читателях чувство, которое можно назвать «национально-патриотическим». Возвеличивая местных подвижников, Григорий вдохновлялся «Диалогами» Сульпиция Севера, где расточались восторженные похвалы патрону Галлии св. Мартину. Север сравнивал первого галльского святого с пророками и апостолами и прямо говорил о своем намерении доказать, что его герой «не только равен восточным подвижникам силою чудотворений, но и превосходит их» [17]. «Диалоги» Григория, как и произведения Григория Турского, стали образцами для произведений местной агиологии, которые с VII в. начали во множестве появляться в разных странах.

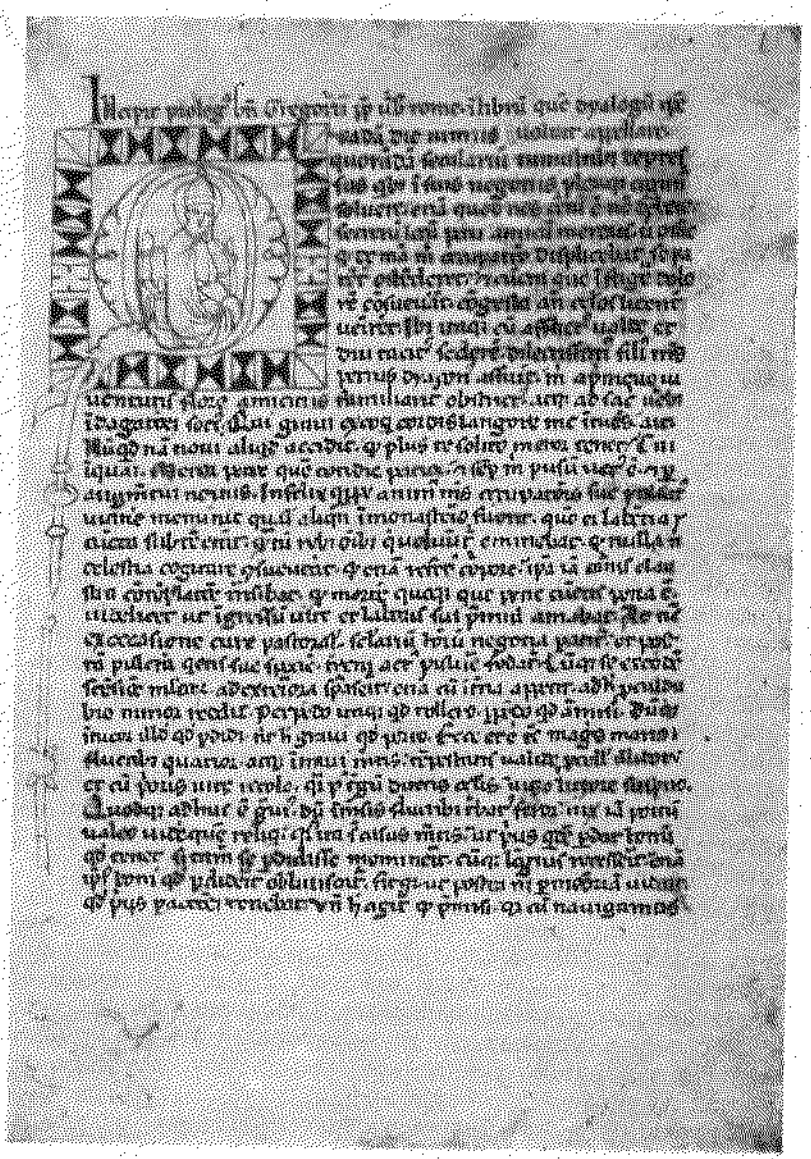
Книга Григория наполнена описанием чудес, творимых италийцами. Скалы раскрываются, и из них начинают бить источники; реки меняют свои русла; по молитве сестры Бенедикта Схоластики, которая хочет продлить свидание с братом, разверзается ясное небо и потоки дождя в раскатах грома и сверкании молний низвергаются на землю. Пустые сосуды вдруг наполняются оливковым маслом и вином; слепые прозревают, болящие покидают в добром здравии свои постели; отсеченная по приказу Тотилы голова епископа Перуджи вновь при-

растает к телу и т. п. И все это происходит во вполне реалистической бытовой обстановке и соседствует с живыми историческими картинами. Чтобы создать впечатление полной достоверности подчас вполне фантастических рассказов, Григорий обставляет свое повествование с документальной обстоятельностью. Он называет города, селения, монастыри, где происходили описываемые им события и чудеса, указывает даты и имена людей, по большей части очевидцев, чьими сообщениями он воспользовался.

Однако автор оставляет за собой право стилистической обработки собранных им данных. «Предупреждаю тебя,— говорит он своему собеседнику Петру,— что при описании некоторых событий я буду удерживать одну мысль источника, а при описании других — и мысль и самые выражения. Ибо если бы я стал все рассказывать собственными словами тех, от кого я почерпнул сведения, в моем слоге, как у писателя, вышла бы неровность от внесения простого безыскусственного рассказа некоторых лиц» [18]. Григорий весьма ценит у пишущего «ясность и изящество» речи (см. II, 36). Литературоведы XIX и начала XX в. любили писать о наивной безыскусственности автора «Диалогов», о его легковерии и склонности к суевериям его века. Эти суждения, верные лишь отчасти, происходили от отожествления с писателем образов его рассказчиков и героев. При простодушии тона повествования, «Диалоги» — произведение отнюдь не такое простое, как кажется на первый взгляд.

В «Диалогах» присутствуют как бы несколько планов, благодаря тому, что все в них совершающееся дается через восприятие различных по интеллектуальному уровню и воззрениям лиц. Автор последовательно и вполне сознательно стремится к достижению поставленных им целей, используя для этого и свое писательское мастерство и свой опыт проповедника. Он умело воспитывает нравственное чувство у читателей, воспитывает не столько словесными сентенциями, сколько с помощью живых и красочных примеров, способных воздействовать на «слабые умы, которые не убеждаются доказательствами» (IV, 7). Более глубокому и утонченному проникновению в смысл рассказываемого учит комментирующий события голос автора. Так же как в своих проповедях, Григорий прибегает в «Диалогах» к многоголосью. Он предоставляет возможность высказаться разным людям и мнениям, затем терпеливо их разбирает, но последним, завершающим аккордом звучит голос проповедника, «который заставляет всех прийти к принятию одной мысли» (IV, 4).

В век, когда убийства, грабежи и жестокость стали повседневным бытом, Григорий создает образы людей, жертвующих своей жизнью, чтоб спасти из рабства сограждан, как Павлин из Нолы, или как Санктул, который своим бесстрашным спокой-



Григорий Великий. Четыре книги Диалогов. Рукопись XIII в.
В инициале — автор.
Ленинград, ГПБ. Lat. O. v. I, N 185

ствием под мечом палача удивляет лангобардов и убеждает их отпустить на свободу пленников. «Какая сила любви,— восклицает автор «Диалогов»,— воодушевляла его сердце, когда он не убоялся ценой своей смерти спасти жизнь другим?» Григорий не был сторонником аскетических излишеств (см. III, 16), его идеалом было соединение возвышенной и созерцательной жизни с деятельной жизнью на земле. Однако его больше интересуют деяния святых, чем их внутренний мир, хотя в авторских комментариях он призывает обращать внимание не на внешнюю сторону чуда, а на внутреннюю.

Тотчас по окончании «Диалоги» были посланы автором в Павию недавно принявшей католичество лангобардской королеве Теоделинде. Многие эпизоды книги не оставляют сомнений в том, что Григорий рассчитывал на ее распространение в среде завоевателей Италии. По словам М. Корелина, подвижники Григория были «настоящими героями в чисто варварском вкусе и лучших проповедников религии духа среди чувственных полудикарей нельзя себе и представить» [19]. Они неизменно одерживают победу над варварами, если не в этой жизни, то в будущей. Дрожа от могущества их власти, «кровожадные готы Цалла и Тотила падают на землю и преклоняют свои жестокие выи к стопам святых». Бенедикт сидя «укрощает свирепость и заставляет трепетать от страха свирепого гунна Лжетотилу». А сам Тотила (чаще других варваров фигурирующий в «Диалогах»), общаясь с епископами Сабином, Кассием и др. «и видя их великие добродетели», смиряется «и учится примеру кротости» у медведя, который вместо того, чтобы растерзать брошенного ему епископа Кербония, начинает спокойно лизать ноги своей жертвы.

Все герои Григория, за исключением одного епископа Нолы, «который обладал даром красноречия и был отлично образован в светских науках»,— люди неученые, часто даже вовсе неграмотные. Это обстоятельство настойчиво подчеркивается, и не только в отношении людей простых. Во второй книге «Диалогов», целиком посвященной жизнеописанию Бенедикта из Нурсии, сказано, что святой, происходивший из благородного семейства, не захотел заниматься свободными науками, которые изучал по требованию родителей.

Мудрость сердца этих «неученых мудрецов», их «просвещенное неведение» и словесная неумелость противопоставляются «нашему ученому знанию» (т. е. знанию образованных людей, к которым причисляет себя и автор). Нельзя забывать о том, что современникам Григорий представлялся человеком очень образованным. Исидор Севильский в сочинении о знаменитых мужах («De viris illustribus liber XL», 53) писал, что Григорий «обладал такою силой знания, что не только в его время не было никого, равного ему по учености, но и в последующие

времена никогда не будет»[20]. Вторя Исидору, Ильдефонс Толедский уверял, что он «превзошел св. Антония подвижничеством, Киприана — красноречием, бл. Августина — ученостью»[21]. Эти преувеличенные суждения можно объяснить общим упадком культуры в VII—VIII столетиях.

Последняя, четвертая, книга «Диалогов», представляет собой поэтическое путешествие в запредельные области, начиная длинный ряд средневековых легенд-видений, в конце которого стоит «Божественная Комедия» Данте.

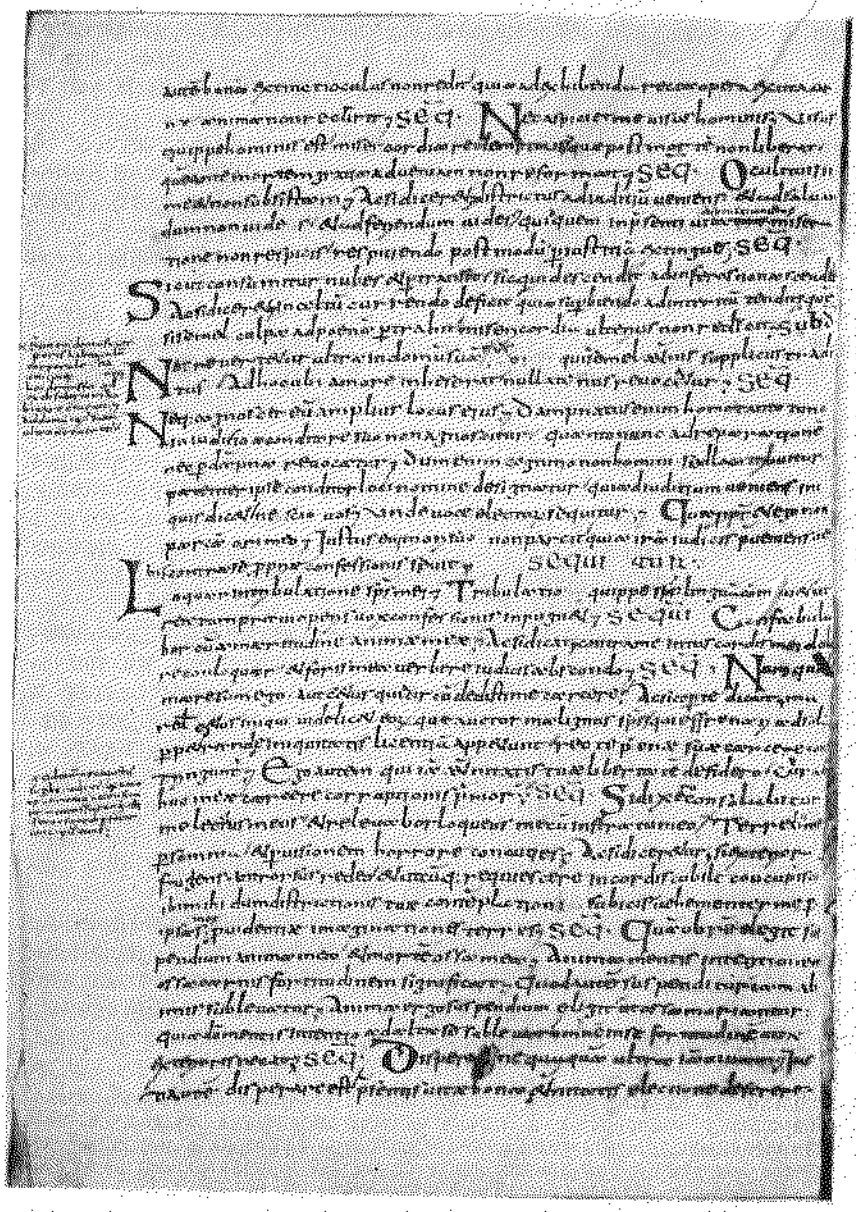
Ад и рай изображаются Григорием в живых, доступных чувственному восприятию образах. И место мучений и жилище праведных находятся рядом, их отделяет только река, через которую перекинут небольшой мост. Детального изображения ада и адских мук Григорий не дает. Адское пламя идентифицируется им с вполне материальным огнем вулканов *. Самое тяжелое из наказаний — лишение надежды.

Как заметил еще А. Пономарев[22], для описания устроения небес Григорий пользуется политической римской терминологией. Обитатели их называются «гражданами»; они образуют «духовную республику» (spiritualis reipublica), в которой ангелы являются консулами (reipublicae consulunt, dum nos sibi ad regnum socios jungunt).

Эсхатологическое учение Григория (нашедшее свое выражение в «Диалогах» и в книгах «Moralia») не имеет ни философской, ни богословской стройности, оно во многом неясно и воплощено в форму повествований и рассказов о чудесных явлениях из потустороннего мира. Взгляды Григория определили догматику Средних веков, но они обнаруживают глубокое падение богословской мысли. Григорий упрощает и вульгаризирует Августина, и с этим «средневековым августинизмом сочетает реалистические представления народной религии об истории мира, божестве, небе и аде»[23].

Латинская проповедь складывается как оригинальный жанр в V—VI вв. Она во многом отличается от греческого церковного красноречия. В ней нет ни головокружительных догматических умствований искушенных в диалектике восточных проповедников, ни страстной силы их обличительного пафоса,

* Насколько эта идентификация соответствовала стихийно-материалистическому народному восприятию и жажде зримого возмездия за совершенные преступления свидетельствует близость рассказов Григория к народным легендам и преданиям. Так наименование «адом Теодориха» одного из вулканов на небольшом острове близ Сицилии находит объяснение в 30-й истории IV книги «Диалогов». Здесь рассказывается о видении местного отшельника в час кончины короля остготов. Он увидел, как замученный Теодорихом в темнице папа Иоанн и убитый по его приказу патриций Симмах волокли связанного, разутого и раздетого равеннского владыку и низвергли его в жерло вулкана. Таков был справедливый суд тех, кого Теодорих неправедно осудил в этой жизни.



Кодекс VIII в. из Северной Италии, содержащий послания Григория Великого и эклогу Латцена к «Моралиям на книгу Иова». Ленинград, ГПБ. Lat. F. v. I N 7

ни особых мистических глубин. Ее основная цель — религиозно-моральное воспитание народов полуязыческой Европы, ознакомление слушателей с элементарными предписаниями и сущностью христианства. Отсюда ее спокойный практический тон и внимание к обстоятельствам реальной жизни, отсюда ее небрежение столь любимыми греками риторическими красотами, стремление к простоте в изложении, желание сделать мысль проповедника доступной самым невежественным умам.

В «Беседах на Евангелия», в «Гомилиях на Иезекииля» и др. Григорий отказывается от ораторских приемов античных риторов. Искусству проповеди, уменью «проникаться мыслями волнующейся толпы, чтобы затем сказать то, что могло бы быть принято неопытным народом и заставило всех прийти к принятию одной мысли» («Диалоги», IV, 4) он учится у авторов библейских книг, прежде всего — у Екклесиаста. Проповеди Григория носят характер назидательных бесед, в них отсутствует ораторский пафос. Некоторая их камерность, быть может, объясняется тем, что Григорий не обладал особыми ораторскими данными — известно, что у него был слабый болезненный голос и из-за частых недомоганий он предпочитал проповеди не произносить, а писать.

В своих проповедях Григорий, толкуя тексты Ветхого и Нового заветов, часто прибегал к аллегорическому методу. Аллегории его обычно весьма произвольны и поверхностны. Так, например, в «Moralia» на книгу Иова, он предлагает видеть в Иове прообраз Христа, его жену принимает за торжествующую похоть, в друзьях видит еретиков, а в семи сыновьях Иова — семь даров духа святого [24]. Впрочем, от подобного примитивного средневекового аллегоризма не мог освободиться вполне и Данте. В гомилиях на Иезекииля (всего 22) [25] автор толкует в апокалиптическом духе таинственные видения библейского пророка, поддерживая в своей аудитории — римлянах, страдающих от чумы, наводнения, голода и бесчинств лангобардов, ожидания конца света. Последняя из проповедей этого цикла читалась в 593 г. во время осады Рима Агилульфом, когда римляне с ужасом наблюдали, как лангобардские воины уводили в плен их сограждан, связанных веревками за шеи.

«Беседы на Евангелия» [26] почти целиком были включены в «Гомилиарий» Павла Диакона, составленный по настоянию Карла Великого, и стали руководящими образцами для церковной проповеди. К книгам Григория обращались не только латинские церковные писатели, но и писатели и поэты народные. «Диалоги» были переведены на греческий папой Захарием в середине VIII в., на славянский — по-видимому, в X—XI вв., поскольку это произведение известно авторам древнейших славянских Прологов [27], на французский — в XII в. Известно несколько русских списков «Гомилий на Евангелия», относящихся

к разному времени. Самый старый из них — XII в. находится в Библиотеке им. Салтыкова-Щедрина в составе Погодинского рукописного собрания (№ 70) [28].

Эпистолярное наследие Григория велико — сохранилось около 850 его писем [29], представляющих первостепенно важный источник для реконструкции культурной атмосферы эпохи и событий итальянской истории VI в.

Язык посланий Григория, как и других его произведений, отражает изменения, произошедшие в латинском языке Италии. Грамматическая правильность не имеет для него особого значения. В своей литературной практике он исходил из убеждения в том, что язык изменяется и развивается и не связан нормами классической латыни. Григорий свободно пользуется новыми выражениями или сообщает старым словам новые значения, употребляет формы и конструкции, классикам не известные. Григорий не боится резких, даже порой грубоватых выражений, часто применяет бессоюзие, которое придает его речи сжатость и силу. Помимо иноязычных слов, он употребляет и образованные из латинских элементов неологизмы. С точки зрения состава и значения слов, его словарь частью античный, частью позднелатинский; на нем лежит печать его времени и христианской идеологии. Произведения Григория свидетельствуют о его колебаниях между классической риторикой и повседневным языком, в который все в большей степени проникали варваризмы. Если в посланиях язык его порой возвышается до риторического полета (и тогда он не избегает метафор, изысканных комплиментов, гипербол и преувеличенных оборотов), то в проповедях и диалогах, предназначенных для широкой аудитории, он в пропагандистских целях обращается к простонародному языку [30].

В творчестве Григория происходит полная замена античной мифологии библейской. В житии Григория, написанном римским диаконом Иоанном, говорится, что папа запретил клирикам читать языческих писателей. Однако, несмотря на свои декларации, сам Григорий не избежал заимствований из античной литературы, правда, заимствования эти, включенные в систему другого мировоззрения, подверглись у него переосмыслению. Например, в четвертой книге «Диалогов» рассказывается со слов знакомого автора история, являющаяся (как показал Л. Радермахер) буквальным повторением рассказа Клеомена из сатирического сочинения Лукиана из Самосаты «Любитель лжи или Невер» [31]. Клеомен рассказывает, как он помер, и душа его предстала перед владыкой преисподней, но тот, рассерженный, велел отослать его обратно, потому что служители аида перепутали; им следовало привести в преисподнюю не его, а тезку и соседа Клеомена — кузнеца. Если греческий языческий писатель II в. использовал эту забавную историю в пародийных целях, на-

смехаясь над религиозными суевериями, то Григорий повествует о ней с наивной верой в ее истинность.

Не сумел он преодолеть полностью наследие античной культуры и в своей практической деятельности церковного реформатора. В реформе богослужения, которую осуществил Григорий для уловления душ в лоно церкви, особая роль отводилась музыке и церковному пению. Григорий устраивает в Риме специальную школу певчих (подобную же школу учредит впоследствии Карл Великий). Грегорианская школа церковной музыки восприняла музыкальные традиции язычества, и папе, объявившему войну мифологии античных поэтов, поневоле пришлось выносить в мессе звучание ритмов Катулла [32].

Ирландское влияние. Колумбан

В конце VI — начале VII столетия, когда латинская литература едва теплилась в непокоренных лангобардами городах Италии и в некоторых местах Испании, она обрела новую родину на Севере Европы — в Ирландии. В библиотеке Бангорского аббатства (как и многих других ирландских монастырей) хранились рукописи сочинений Вергилия, Горация, Овидия, Стация, Ювенала, Авзония и Клавдиана, а также Пруденция и других христианских поэтов. В монастырских общинах острова с их суровым аскетическим режимом и научным рвением знали не только латинский, но и греческий язык. Необычайной для своего времени литературной образованности ирландских монахов удивлялся Ф. Энгельс [33]. Монастыри-города Ирландии, самым крупным из которых в VI в. был Бангор, насчитывавший до трех тысяч монахов, были оазисами, чуждыми окружающей массе языческого населения острова. Замечательный деятель Каролингской эпохи Алкуин писал о контрасте «образованнейших учителей и народа весьма дикого».

В конце VI в. начался «великий исход» с родины на континент ирландских учителей, продолжавшийся волнами разной интенсивности в продолжение нескольких столетий. Начало ему положил ушедший из Бангора в 591 г. с 12 учениками Колумбан (543—615).

Вслед за первыми миссионерами, в основанные ими обители устремились философы и поэты, знатоки языков и естественных наук, музыканты и художники, каллиграфы и иллюминаторы. Они принесли с собой в европейские страны драгоценные рукописи античных мыслителей и поэтов, забытые на континенте формы стиха греческих лириков и учения неоплатоников и пифагорейцев. Отлично владея классической метрикой, ирландские поэты воспользовались строфикой поэтов Эллады для церковных гимнов. С именем ирландцев связано основание в

Ирландская школа письма. Четвероевангелие с прологами Иеронима. Рукопись VIII в. Ленинград, ГПБ. Lat. F. v., N 8

Европе первых средневековых мастерских письма, явившихся хранителями и распространителями классических рукописей в последующие века [34].

В 612 г., после пребывания на севере Франции, Колумбан переходит Альпы и находит приют в Северной Италии, где с помощью первой по-католически крещеной лангобардской королевы Теоделинды (влиянием на которую столь дорожил папа Григорий), основывает аббатство Боббио и при нем библиотеку и скрипторий. Книжные сокровища Боббио пополнялись как за счет награбленных лангобардами на юге Италии рукописей, так и кодексами, поступающими из Ирландии. В VII в. Комгал и Куммиан, а в конце следующего — Дунгал принесут сюда свои большие личные библиотеки *. В каталоге Боббио, относящемся к IX—X вв., значатся во многих экземплярах рукописи Аристотеля, Демосфена, Цицерона, Горация, Вергилия, Лукреция, Овидия и Ювенала [35]. Дунгалу немало обязана высоким уровнем преподавания школа в Павии — резиденции лангобардских королей, из которой вышло несколько образованнейших писателей Италии VIII—X вв. Ирландские учителя способствовали деятельности духовных и светских школ не только во Франции, Швейцарии, Германии, но и в лангобардских городских центрах [36]. Вклад их в средневековую культуру Италии был немал, и нам представляется неверной тенденция некоторых современных итальянских литературоведов отрицать благотворное влияние ирландских учителей на культурную жизнь Апеннинского полуострова в лангобардскую и Каролингскую эпохи.

В Боббио, который стал важным научным центром Северной Италии, Колумбан провел два последних года жизни, усиленно предаваясь литературным занятиям. Стихи его свидетельствуют об изрядной начитанности в античных поэтах. У него нередки реминисценции из Горация и Ювенала, Драконтия, Пруденция и Ювенка. Колумбан не без гордости показывает свои познания, ссылаясь также на Вергилия, Стация и латинскую «Илиаду». В отличие от Григория, он охотно пользуется для иллюстрации христианских этических положений примерами из античной мифологии. В «Послании к брату Федулию» имя Христа стоит рядом с Пигмалионом, Данаей, Ахиллесом и Гектором [37]. «Columbanus Fidolio frati» написано сапфическими строфами.

Accipe, queso,	Прими, прошу я,
nunc bipedali	Двухстопным строем
condita versu	Мой стих ведомый
carminolorum	И небольшое
munera parva...	Мое заданье....

Пер. И. Г.-К.

* В XI столетии еще один ученый ирландский монах Дунгал принес в дар библиотеке монастыря св. Колумбана в Боббио свое книжное собрание.

Стихи Колумбана обнаруживают незаурядное поэтическое дарование, они звучны и изящны по форме. Ирландский поэт замечательно владеет рифмой. В «Бангорском антифоне», как и в других своих стихах, он употребляет не только мужские, но и женские рифмы: turbata — tonsa — parata — sponsa.

Следует предположить, что для соотечественников Колумбана рифма не представляла особых трудностей [38].

В Боббио родились прекрасные строки поэта-скитальца о старости:

Haec tibi dictaram morbis opressus acerbis,
Corpore quos fragili patior tristique senecta;
ham dum praecipiti labuntur tempora cursu,
nunc ad olympiadis ter senos venimus annos
omnia praetereunt, fugit inreparabile tempus:
vive, vale laetus tristisque memento senectae.

Это диктую тебе болезнию лютой томимый,
Слабое тело мое старостью удручено;
Все ускоряя свой бег колеблется быстрое время —
К трижды шестой подхожу олимпиаде моей. *
В прошлом все исчезает, бежит невозвратное время:
Юноша, вспомни порой старости скорбной года.

Пер. И. Г.-К.

Кроме нескольких поэтических текстов от Колумбана сохранилось наставление ученикам, комментарии к псалмам и шесть писем [39]. В одном из них (III), адресованном папе Григорию, Колумбан пишет, что знает и ценит его произведения [40].

Многообразная просветительская деятельность ирландцев имела важное значение для сохранения и передачи Средним векам наследия античности.

Возникновение латино-лангобардской литературы

Обращение лангобардов в католичество (при короле Агилульфе, умер в 616 г.) способствовало их ассимиляции с коренным римским населением и воздействию на них культурных традиций побежденного народа. Лангобарды постепенно осваивают более высокую римскую сельскохозяйственную технику, ремесленные навыки и практику ведения торговых дел. Официальным языком лангобардского королевства становится латинский. Даже первая запись лангобардских законов — эдикт Ротари (643 г.) была произведена не на родном германском языке, а на латыни. Латинским языком лангобарды пользуют-

* Т. е. к 72 годам.

ся для записи своих хроник и для богослужения, хотя их собственный язык, по свидетельству Павла Диакона, еще в конце VIII — начале IX в. был живым языком.

Во второй половине VII в. зарождается лангобардская литература на латинском языке. Около 671 г. не известный нам автор написал «Происхождение лангобардского племени», которое спустя столетие послужит важным источником для другого историка своего народа — Павла Диакона. Стефан Магистр в ритмических стихах (около 693 г.) восхвалял властителя Павии, короля Ариперта. Бенедикт Крисп (конец VII — начало VIII в.), архиепископ Милана, перелагал стихами медицинские сочинения. В 689 г. он сочинил в Риме эпитафию англо-саксонскому королю Кедвела, которую будут цитировать Беда Досточтимый и Павел Диакон.

Лангобардское национальное самосознание, особенно во времена короля Лиутпранда (720—744), выражалось не на германском, а на латинском языке, правда в формах, резко нарушающих нормы классической грамматики. Из этого периода интересны ритмические стихи о Милане, преисполненные местной патриотической гордостью. Автор с любованием относится к городским древностям римских времен и восхваляет усопших в Милане святых [41].

Процесс романизации иноплеменных пришельцев привел к тому, что, когда господство лангобардов в Италии пришло к концу, они, как заметили Виллани («Хроника», II, 9) и Макиавелли, не имели ничего чужеземного, кроме имени. Они сделались итальянцами и образовали составную часть нации [42].

Последние лангобардские короли и богатые герцогские дворы Беневента и Сполето покровительствовали учителям грамматики, историкам и поэтам [43]. Нельзя не прийти к заключению, что и Павел Диакон, ученик ритора Флавиана, и его младшие и старшие современники — лангобардо-италийские писатели были обязаны своей образованностью латинским школам Италии, которые продолжали свою деятельность даже в самые тяжелые для италийцев времена и оказали значительное и благотворное влияние на завоевателей [44].

ЭПОХА КАРОЛИНГОВ И ОТТОНОВ

Важные последствия для истории Италии и всей Западной Европы раннего Средневековья имело арабское завоевание. От 635 г. (покорение Сирии) до конца VII в. арабы завладели Палестиной, Мессопотамией, Персией, Египтом и Северной Африкой. С 675 г. начались систематические нападения на Испанию. В 713 г. была провозглашена власть калифа в Толедо. Затем началась продолжавшаяся в течение нескольких десятилетий экспансия арабов в Южной Франции. В 720 г. арабы взяли приступом Нарбонну и осадили Тулузу. Победа Карла Мартелла при Пуатье (732 г.) спасла северную Францию от арабского нашествия, но борьба с сарацинами продолжалась и во времена Карла Великого.

В этот период Средиземное море потеряло свой римский, вернее византийский, характер. Из мирного моря, связующего Запад с Востоком, оно превратилось на многие столетия в военную границу. Мусульманский мир, простиравшийся от Алтая до Пиринеев, полумесяцем окружил Европу. Арабы приобрели монополию на все торговые и культурные связи Европы с Азией. Они очень быстро приобщились к греческой культуре, однако ей не подчинились (как германцы — латинской). Религиозный фанатизм препятствовал всякому органическому слиянию с царством ромеев или романо-германским миром. В то же время арабы воспринимали культурные достижения Персии и Индии. В экономике Западной Европы произошел глубокий кризис: прилив золота с Востока прекратился. Средние века перешли на серебряную валюту.

За двести лет своего господства в Италии лангобарды не смогли создать крепкого государства. И хотя последние их короли (начиная от Лиутпранда) значительно усилили и расширили свою власть за счет могущества герцогов, а последний лангобардский король Дезидерий стремился объединить Италию, обуздать магнатов и герцогов,— преодолеть центробежные тенденции им оказалось не под силу. Кроме того, у них был влиятельный и сильный противник в Риме — папа, вступивший в союз с франкскими королями [1]. В 754 г. слабому авангарду

франков, предводительствуемому Пипином Коротким, удалось разбить все лангобардское войско. Во второй поход Пипина дело ограничилось обходом лангобардской позиции около Мон Сениса и осадою столицы лангобардских королей.

Основатель новой династии Каролингов заставил лангобардов уступить папе Равеннский экзархат и Пентаполис (Анконскую Марку) — «наследие св. Петра», будто бы дарованное «святому престолу» императором Константином I (эту легенду разрушил в XV в. Лоренцо Валла). Призванный в Италию папой Адрианом король франков Карл, сын Пипина, подтвердил этот «дар» [2].

После длительной осады Павии Карл захватывает в плен короля Дезидерия и всю его семью и принимает титул короля лангобардов, положив конец владычеству лангобардов в Северной и Средней Италии [3]. Франкское завоевание содействовало дальнейшей феодализации лангобардского общества: росту крупного землевладения, усилению эксплуатации зависимого населения, установлению системы феодально-иерархических отношений [4]. Каждый поход Карла в Италию сопровождался вывозом из страны большого количества награбленных ценностей, в том числе и книжных сокровищ.

После побед над саксонцами, баварцами, аварами и походов с переменной удачей в Северную Испанию, где на занятой ранее маврами территории были образованы мощные марки с Барселоной как центром, Карл направился в Рим для защиты папы Льва III от взбунтовавшейся против него римской аристократии. В декабре 800 г. римский первосвященник короновал Карла императорской короной, после чего пал к его ногам. Таким образом, была восстановлена Западная Римская империя, прекратившая свое существование в 476 г. Духовный центр империи находился в Италии, а столица — во франкском Аахене. Титул императора должен был юридически санкционировать верховную власть императора над государями обширных территорий, захваченных франками [5].

Согласно Верденскому договору 843 г. Италию вместе с императорским титулом получил внук Карла Великого Лотарь I. В конце IX в. царствовавшая в Италии итальянская ветвь Каролингов вымирает.

Государство Карла Великого держалось силой оружия. Отношения с Византией были натянутые. Византийские императоры долго не признавали варварскую «Западную империю». С маврами в Испании Карл Великий неизменно враждовал. Однако с Гарун аль-Рашидом, противником Византии и отделившихся от калифата испанских эмиров, Карл Великий поддерживал довольно оживленные дипломатические отношения. Западная Европа не имела военного флота. Отрезанная от морских путей на Ближний Восток, Западная империя была

Рафаэль. Коронация Карла Великого в Риме папой Львом III. Фреска. Рим, Ватикан. Станцы Рафаэля

принуждена эксплуатировать земельные ресурсы Северной и Восточной Европы. Казна Карла пополнялась больше военными грабежами, чем налогами с обнищавшего населения или торговлей.

Своих приближенных Карл Великий обычно награждал землями порабощенных народов. Он ввел централизованную систему государственного управления, но постепенно при его наследниках графы и маркграфы из чиновников становились наследственными владетелями доверенных их управлению земель. Государственная власть не могла обеспечить безопасность крестьян, которые были вынуждены искать защиты у соседних сильных землевладельцев. Связь с центром слабела, и уже в конце IX в., при императоре Арнульфе, мы видим в Италии соперничество отдельных, почти независимых властителей. Чрезвычайно характерно для этого времени деспотическое владычество Беренгария I, правнука Карла Великого по матери,

убитого в Вероне в 924 г. Из лангобардских герцогов сохранили относительную независимость правители Беневента и Сполето — буферных государств между Западом и Византией.

Не следует ни преувеличивать, ни преуменьшать значение Карла Великого для средневековой образованности. Культурная политика Карла Великого способствовала сохранению наследия античной литературы. В скрипториях, учрежденных по его приказу, переписывались рукописи латинских авторов, привезенные из хранилищ Монтекассино и Боббио. Он заботился о воспитании образованных людей во франкской среде, что имело благотворные последствия для выделившихся из империи Карла Великого государств: Германии и Франции[6]. Он привлек ученых людей из Италии, Испании, Ирландии и Британии (ирландская и англо-саксонская культуры достигли значительного расцвета в VII в.).

Для нас особенно интересно отметить, что призванные в Аахен из Италии учителя и поэты были романизированными лангобардами или же италийцами из лангобардских городов. Среди них известны Петр из Пизы, с 783 г. находившийся при дворе Карла, обучавший грамматике самого короля франков, затем Павлин, патриарх Аквилейский (около 750—802 гг.), и Павел Диакон. Павлин Аквилейский был выдающимся поэтом своего времени. Он писал главным образом ритмические стихи с ассонансами. Заметим, что при Каролингах ритмическая поэзия достигла большого совершенства. Так, например, красочно и выразительно эпическое стихотворение «О победе Пипина, короля Италии, над аварами» (781 г.). Не менее интересна песнь на смерть Карла Великого, написанная с народными аллитерациями в форме заплачки[7].

С востока солнца до прибрежий западных
Плач сотрясает сердца верноподданных.
Горе мне, грешному!
Народов ратных полчища заморские
Грусть посетила, горесть превеликая.
Горе мне, грешному!
Римляне, франки, все христолюбивые
Полны печалью, тяжким воздыханием.
Горе мне, грешному!
Дети и старцы, святые епископы,
Матроны плачут о кончине кесаря.
Горе мне, грешному!
Не иссякают их потоки слезные,
Весь мир рыдает о гибели Карловой.
Горе мне, грешному!...

Пер. Б. И. Ярхо

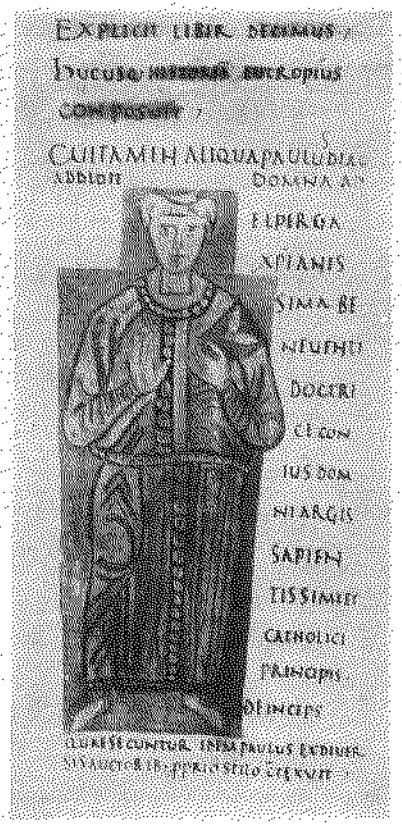
Не приходится сомневаться в том, что за латинской ритмической литературой стояла песня на народном языке (германском или романском).

Мы позволим себе не согласиться с большинством современных литературоведов Италии во главе с А. Вискарди, отрицающих народную литературу начисто и в целости. Не вдаваясь в полемику, заметим, что итальянские (отчасти также французские) историки литературы недостаточно знакомы с современным состоянием исследований по народной поэзии (хотя бы с замечательной книгой о технике мирового эпоса английского ученого С. М. Баура) [8]. В эпоху Каролингов и Оттонов (IX—X вв.) зародилась западноевропейская эпопея на народных языках, известная нам из памятников XI и XII столетий. В «Истории лангобардов» Павла Диакона находятся эпические легенды, которые не создали в Италии эпоса, но глубоко проникли в итальянскую литературу. Отзвуки этих легенд находим у Боккаччо (Liber de Casibus virorum) [9], в ранней гуманистической трагедии и у Альфиери (легенда о Розамунде).

Павел Диакон

Среди италийцев, входивших в состав интернациональной аахенской Академии, выделялся своими разносторонними познаниями и дарованиями Павел Диакон (Paulus Diaconus, ок. 720 — ок. 799 гг.). Он происходил из знатного лангобардского рода, получил прекрасное образование сначала во Фриуле, затем в Павийской школе, где кроме свободных наук преподавалось правоведение. При дворе последнего лангобардского короля Дезидерия Павел исполнял обязанности нотария, историографа и воспитателя дочери короля (впоследствии герцогини Беневента) Адальперг, ставшей одной из самых просвещенных женщин своего времени. По ее просьбе фриульский ученый написал «Римскую историю», в основу которой положил бревиарий Евтропия, дополненный данными из исторических сочинений Орозия, Иордана, Фронтина, Григория Турского, Беды и др. Изложение было доведено до конца правления императора Юстиниана. «Римская история» Павла Диакона пользовалась в Средние века большой известностью и даже вытеснила из обращения бревиарий Евтропия [10].

После пленения Дезидерия и гибели государства лангобардов Павел — уже на шестом десятке — поступает в монастырь Чивате. Здесь он преподает в школе и перелагает стихами вторую книгу «Диалогов» Григория Великого — житие Бенедикта из Нурсии. Уход Павла Диакона на юг, в Монтекассинское аббатство (около 779 г.), был, по-видимому, также вызван соображениями политического характера — фриульским восстанием против франков и последовавшими за ним репрессиями [11].



Панел Пинкон. Миниатюра из Лаврентинской редакции «Римской истории». LXV, 35, л. 94 А

Спустя несколько лет он направляет королю Карлу (через Петра Пизанского) длинное стихотворное ходатайство о помиловании. Из этого послания мы узнаем о тяжелой участи, постигшей всю семью фриульского писателя. Его брат, увезенный во франкское королевство, уже долгие годы томится в заключении; его невестка, выгнанная из дома с четырьмя детьми, влачит полунищее существование; постригшаяся в монахини сестра ослепла от горя и слез. С большой искренностью и волнением рассказав о несчастьях родных и о своей безмерной скорби, поэт молит Карла проявить милосердие. Открытость чувств в этом элегическом прошении необычна для сдержанного в отношении собственных переживаний Павла Диакона.

На несколько лет лангобардский писатель оказывается вовлеченным в круг культурных начинаний Карла Великого. За годы, проведенные при дворе в Аахене (783—787), он написал множество эпитафий бесчисленным дамам из королевской фамилии, акростихов и посланий. Он обменивается с будущим императором любезными стихотворными эпистолами (от имени Карла их сочиняет Петр Пизанский) [12]. Для поднятия уровня проповеднического уменья клира он составляет по поручению Карла хрестоматию (в двух книгах) лучших образцов церковного красноречия. Примером и руководством для авторов серии трудов по истории местных аббатов и епископов, в изобилии изготовлявшихся в каролингскую эпоху, станет «История мецких епископов» («Gesta episcoporum Mettensium») Павла Диакона. Для ее составления италийский ученый проработал большое количество грамот и других документов из архивов аббатств и епископий.

Среди стихотворений Павла Диакона преобладают морально-дидактические и дескриптивные; в последних отразились пейзажи Италии, по которой поэт не переставал тосковать в чужих краях. Поэт расточает хвалы природе Северной Италии; окрестности ломбардского озера Лаго ди Комо кажутся ему прекраснейшим уголком земли:

Вечно весна над тобой: опоясан ты дерном зеленым.
Ты побеждаешь мороз! Вечно весна над тобой!
Средь плодоносных олив окруженный лесистой каймою,
Вечно богат ты листвой средь плодоносных олив.
Вот поспевает гранат, в садах твоих радостно рдея,
В зарослях лавра таясь, вот поспевает гранат.
Мирт благовонных кусты кистями струят ароматы,
Радуют блеском листвы мирт благовонных кусты.
Запахом их победил едва появившийся персик,
Всех же, конечно, лимон запахом их победил.

«Гимн во славу Ларского озера».
Пер. Б. Ярхо

Исследователь поэтического наследия фриульского поэта Карл Нефф указывал на связь его творчества с Вергилием и Овидием, а также Евгением из Толедо, и (в особенности) с Марциалом, рукописи которых привез ко двору Карла Великого испанец (вестгот) Теодульф [13]. Нельзя не отметить общности литературных симпатий поэтов каролингского кружка, съехавшихся в столицу франкского государства из разных концов Европы. Эта общность проистекала из единой системы средневекового образования. И хотя в кругу обязательных школьных знаний эпохи христианская литература преобладала над античной, все же классики занимали в системе обучения немалое место. Без знания классиков не мыслили образованного человека. Из жизнеописания Алкуина нам известно, что в детские годы, будучи воспитанником кафедральной школы Йорка, он с бо́льшим удовольствием читал Вергилия, чем псалтирь. И если строгий аббат Алкуин впоследствии запрещал своим ученикам увлекаться чтением «Энеиды», то Алкуин-писатель в трактатах и письмах обильно цитировал своего любимого поэта [14] и подражал ему в своих стихах.

Ни дружеские связи в среде европейской ученой элиты, собранной в Аахене, ни уговоры Карла остаться не могли удержать Павла Диакона во Франции. Возвращаясь в Монтекассино, он посетил родной город. По предположению О. А. Добиаш-Рождественской, именно во Фриуле был подготовлен кодекс избранных писем Григория I, предназначавшийся для аббатства Корби. Строки вступления к письмам написаны, по-видимому, рукой самого Павла и представляют собой его единственный, сохранившийся до нашего времени автограф (находится в Ленинграде в ГПБ; см. вклейку к стр. 136).

В тишине Монтекассино, вдали от придворной суеты, Павел Диакон создает последнее и самое значительное свое произведение — «Историю лангобардов». Повествование Павла охватывает историю его народа почти за два столетия — от появления в Италии до конца царствования короля Лиутпранда. О. А. Добиаш-Рождественская доказывала, что автор «Historiae langobardorum» намеренно опустил занавес до трагической развязки, закончив правлением Лиутпранда потому, что этот лангобардский король «всячески стремился сохранять мир с франками», в то время как последние лангобардские короли (Айстульф и Дезидерий) с франками воевали [15]. Ее доводы оспаривал О. Л. Вайнштейн, ссылаясь на то, что сам Павел писал о намерении продолжить свой труд, которое он не успел осуществить ввиду смерти [16]. Поскольку ряд фактов биографии автора «Истории лангобардов», как и дата его кончины, остаются нам не известными, вопрос этот следует признать открытым; отметим все же, что соображения О. А. Добиаш-Рождественской кажутся нам психологически убедительными [17].

«В безликой толпе каролингских анналистов, с их мертвящим официальным универсализмом,— писала советская исследовательница, и — с известного момента — обязательным имперским идеализмом, Павел, сын Варнефрида, историк побежденного и дважды раздавленного племени, представляется исключением, полным яркой жизни, с его горячими привязанностями семейными и глубоким любовным чувством родной земли» [18]. Для фриульского ученого характерен особенный интерес ко всему, связанному с историей и преданиями его родного города, тот муниципальный патриотизм, который вызвал к жизни местную агиологическую литературу и хроники и который станет неотъемлемой частью сознания многих поколений писателей Италии.

Павел Диакон широко привлекает фольклорные и мемуарные материалы, а также памятники изобразительного искусства. Он включает сведения по истории Византийской империи и государства франков, с которыми переплелись судьбы его народа и Италии. При описании событий минувшего историк порой проецирует в прошлое настоящее. В некоторых сценах и характеристиках «Истории лангобардов» претворились впечатления автора, его раздумья над современностью. Таков до некоторой степени портрет неграмотного, «но достойного быть приравненным к философам» короля Лиутпранда, вызывающий ассоциации с аахенским владыкой, который прилежно, хотя и не без усилий, одолевал латинскую грамматическую премудрость. В изображении Павла его родной Фриуль после набега аваров при прапрадеде писателя походил на усмиренный франками мятежный город конца VIII в.

Книги «Истории лангобардов» написаны ярко и живо, сравнительно хорошим литературным латинским языком. Несмотря на множество достоинств, труду лангобардского историка все же не достает цельности. Присутствуют в нем и неизбежные для средневекового автора фантастические этимологии и легендарные рассказы, говорящие о возрастающем влиянии на исторические сочинения житийной литературы.

Книги выдающегося италийского историка вместе с трудами Григория Турского, Исидора Севильского и Беды Досточтимого заложили основы средневековой историографии.

АНАСТАСИЙ БИБЛИОТЕКАРЬ. ИСТОРИКИ, АГИОГРАФЫ И ПОЭТЫ IX ВЕКА

Для развития латинского агиографического жанра большое значение имела переводческая деятельность римского эрудита Анастасия Библиотекаря (Anastasius Bibliothecarius, умер в 897 г.), одного из немногих западных писателей IX в., которым не была чужда византийская образованность. Он способ-

ствовал оживлению греко-латинских литературных связей, систематически знакомя Запад с новой византийской житийной литературой и сочинениями греческих историков (Никифора, Георгия Синкелла, Феофана Исповедника и др.). «Трехчастная хронография» (Chronographia tripartita) Анастасия представляет собой собрание материалов по всемирной истории из греческих источников (от 277 г.). Они предназначались для церковной истории, над которой работал современник и друг Анастасия, римский диакон Иоанн (осталась ненаписанной или утрачена). Позднейшие итальянские анналисты будут часто прибегать к «Трехчастной хронографии» и заимствовать из нее (как миланец Ландольфо) почти дословно целые разделы.

В предисловиях к своим трудам римский ученый обосновывал правила, которыми он руководствовался в своей переводческой практике. Он был противником буквализма и полагал, что следует исходить из духа и смысла оригинала, а не из буквы. Считая, что этим правилам не отвечает перевод Дионисия Ареопагита, сделанный в середине века ирландцем Эриугеной, Анастасий Библиотекарь предпринял новый перевод Ареопагитик (875 г.), и тем самым обновил идеи неоплатонизма в Европе. Повышенный интерес к личности и сочинениям Дионисия короля Карла Лысого и его окружения объяснялся тем, что в Париже в это время царило убеждение в том, что автор Ареопагитик — местный святой, связанный с аббатством Сен Дени. Французские короли старались упрочить эту легенду, используя ее для расширения своего влияния и престижа. Каждая попытка выяснить истину о Дионисии рассматривалась как покушение на честь и славу не только аббатства Сен Дени, но и всего французского королевства[19]. Римский грецист стоял у истоков этой легенды; именно от его текста Псевдо-Дионисия (посвященного переводчиком Карлу Лысому) ведут свое происхождение французские рукописи Ареопагитик.

Дебри философской премудрости мало занимали франкских государей. И когда папа Павел I прислал в дар Пипину Короткому (751—768) рукопись «О небесных иерархиях» Дионисия Ареопагита, при королевском дворе не нашлось никого, кто бы мог прочесть и понять это произведение. Ученому подарку римского первосвященника не придали особого значения, и рукопись вскоре была утрачена. В 827 г. король Людовик I вновь получил сочинение Дионисия в качестве дара от византийского посольства. В это время в стенах аббатства Сен Дени зарождается легенда о тожестве автора сочинения «О небесных иерархиях» с парижским мучеником Дионисием, и безвестный философ неоплатонической школы превращается в одного из самых почитаемых во Франции святых. Мудрый ирландец Иоанн Скотт Эриугена, посвятивший Людовику свой перевод произведения Дионисия Ареопагита, в послании к королю постарался

уклониться от признания этой входящей в моду идентификации. Он осторожно заявлял, что не претендует на роль толкователя, а является просто переводчиком. Анастасий Библиотекарь, политически более проницательный и находившийся в курсе государственных нужд и интересов Франции (некогда он был послом короля к императору Византии) счел возможным эту версию поддержать.

Перевод Иоанна Скотта стал распространяться во Франции без санкции римского престола, что вызвало серьезное неудовольствие папы Николая I, который выговаривал Карлу Лысому за нарушение установленного обычая. Папа потребовал прислать перевод в Рим для его рассмотрения, и Иоанну пришлось давать объяснения. Текст Эриугены действительно был нелегок для понимания, поскольку значительное количество греческих философских терминов он сохранил непереведенными, не попытавшись найти для них адекватных латинских или же создать новые путем словообразования. Вынужденный представить изъяснение трудных выражений, Эриугена должен был проделать дополнительную работу по сближению понятий неоплатонистической философии с христианской символикой. Комментарием ирландского мыслителя пользовались многие поколения средневековых книжников при толковании текстов св. писания в аллегорическом и анагогическом смыслах, и он сыграл весьма существенную роль в формировании и усложнении всего строя средневекового мировоззрения.

Анастасий Библиотекарь, критикуя перевод ирландца за буквализм, за боязнь дать перевод-интерпретацию и неизбежную при таком методе утрату глубины и высоты греческой философской мысли, тем не менее не мог не восхищаться удивительной ученостью ирландца, сына варварского народа, происходившего из отдаленного конца мира, который дерзнул взяться за перевод столь сложного и темного текста. Несмотря на многие суровые слова, высказанные Анастасием в адрес Иоанна Скотта, нельзя все же не удивляться объективному характеру его суждений о труде своего предшественника, на основании которых мы вправе думать, что римский эрудит был личностью незаурядной, с широким культурным кругозором.

Замечания Анастасия базировались главным образом на расхождениях перевода Эриугены с текстом Дионисия Ареопагита, который Анастасий привез из Константинополя. Римлянин сопоставил латинский текст ирландца с текстом найденной им рукописи (восходящей к Максиму Исповеднику и Скифопольскому епископу Иоанну) и дал сводный латинский перевод, в который интерполировал отсутствовавшие у Эриугены куски. В сопроводительном послании к Карлу Лысому Анастасий писал, что его перевод более соответствует греческому тексту «О небесных иерархиях». Именно в той форме, какую придал

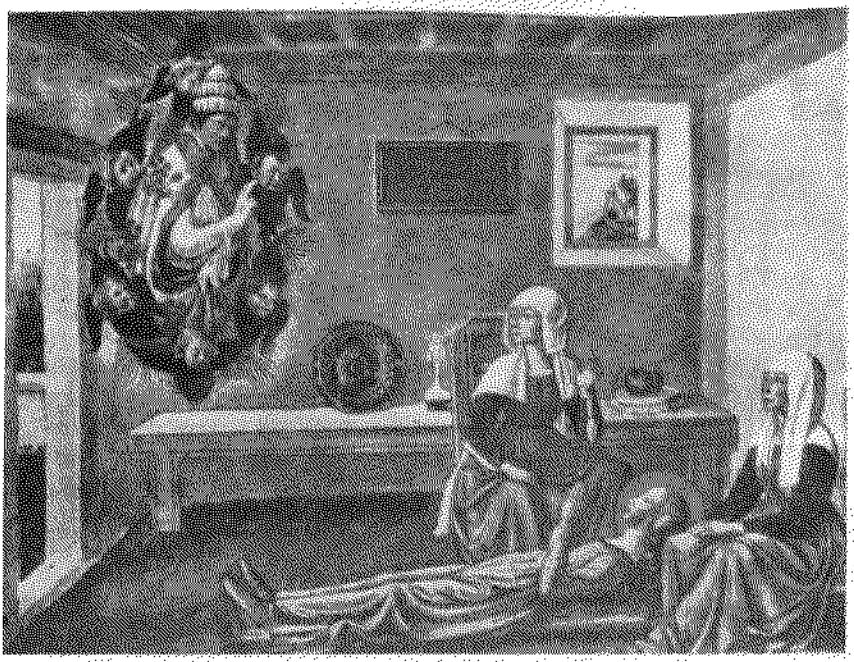
Анастасий Библиотекарь отредактированному и дополненному им переводу ирландского ученого, ему суждена была долгая жизнь в веках.

Спустя год (в 876 г.) Анастасий направляет королю свою новую работу, связанную с Дионисием Ареопагитом,— перевод его греческого мартирия. В этом произведении явно проводится тенденция идентифицировать позднеантичного писателя с местным парижским святым.

Переводческая практика Анастасия не всегда соответствовала сформулированным им принципам. Его латинские тексты «Мученичества Дионисия Ареопагита» — с греческого оригинала Мефодия Константинопольского, «Хронографии» Феофана, проповеди Феодора Студита об апостоле Варфоломее и греческого жития папы Мартина I изобилуют буквализмами и просто кальками, а также вольными переложениями, при которых оказываются выпущенными целые фразы оригинала. Пауль Девос, опубликовавший недавно латинский перевод Анастасия и служивший оригиналом италийскому эрудиту греческий анонимный текст жития александрийского епископа Петра, пришел к заключению, что Анастасий переводил быстро и бегло и порой не понимал отдельных выражений, либо же толковал их неверно [20]. Эти погрешности не могут все же умалить значения переводческой деятельности Анастасия Библиотекаря.

Для истории культуры славянских народов особенно интересен его перевод с греческого истории об обретении мощей св. Климента, написанной Кириллом из Салоник, просветителем славян. На сведениях, сообщаемых Анастасием Библиотекарем, зиждятся в значительной степени наши знания о том, как были переведены на славянский язык евангелия Кириллом и литургические тексты — Мефодием [21].

Перу другого ученого клирика второй половины IX в., Иоанна Диакона, принадлежит пространное жизнеописание Григория I в четырех книгах, выделяющееся на фоне современной житийной литературы [22]. Иоанн изучил огромную переписку папы Григория, хранящуюся в римском архиве, и более ранние жития, одно из которых было составлено Павлом Диаконом [23]. В четвертой книге рассматривается литературная деятельность Григория, приводятся интересные данные об использовании его произведений Исидором Севильским и Бедой Досточтимым, о переводе «Диалогов» на греческий язык [24]. В соответствии с требованием жанра сочинение завершается рассказом о чудесах, которые святой творил после своей смерти. В этой части трудно определить, что восходит к народным легендам, собранным автором, а что является плодом его собственной фантазии. Таким образом, если историческая литература раннего Средневековья подвергалась сильному влиянию агиографии, то на житии Иоанна Диакона можно проследить и обратный процесс —



Доменико Гирландайо. Эпизод из жития Григория Великого. Явление папы св. Фине. Сан Джиминьяно, церковь Сан Агостино

проникновение в житийный жанр собираемого по документальным источникам исторически вполне достоверного материала.

Шагом вперед в отношении методов исторических штудий явилась церковная история Равенны историка следующего поколения — Агнеллия из Равенны (805— около 854 гг.). Серьезный и вдумчивый историк, Агнеллий старался критически оценивать свои источники (грамоты, буллы, письма, анналы, эпитафии и др.). С наибольшим увлечением выписаны в «Истории равеннских архиепископов» батальные сцены, обнаруживающие, что их автор — бывший военный, ставший клириком, внимательно читал «Энеиду».

Стиль и язык Агнеллия, Анастасия Библиотекаря и других писателей IX в. указывает на упадок грамматических знаний.

Младший современник Агнеллия, Андрей из Бергамо, продолжил до смерти короля Карла Лысого «Историю лангобардов» Павла Диакона. Его сочинение (около 877 г.) интересно тем, что отражает народные верования и легенды. У Андрея из Бергамо находятся первые сообщения о нападениях на Италию арабов. Историк беневентских лангобардов Эрхемперт из Монтекассино (конец IX в.) писал также стихи на политиче-

ские темы. Латынь его сильно романизирована[25]. К той же образованной среде южноитальянских лангобардов принадлежал, вероятно, Ардерик из Беневента, стихи которого У. Вестерберг датирует 830—870 гг.[26] В течение IX в. создавалась коллективными усилиями нескольких авторов хроника неаполитанских епископов, важная для истории Южной Италии.

Кратко обозрев панораму литературной жизни IX столетия, нельзя не прийти к заключению, что латинская литература в Германии этого периода (Эйнхард, Ноткер Заика, Рабан Мавр) была более значительна, чем в Италии.

ЛИТЕРАТУРА X СТОЛЕТИЯ

В первой половине X в. Италию раздирали анархия и самовластье мелких тиранов. В самом Риме власть захватили женщины — Теодора и ее дочь Мароция. Вечным городом управляли любовники и ставленники этих развратных дам. Кардинал Бароний, известный историк католической церкви, писал, что в Риме царила «порнократия» (власть проституток). Затем Римом завладел сын Мароции, Альберик, который более двух десятилетий (до 954 г.) единовластно управлял городом. На папский престол он посадил под именем Иоанна XII своего малолетнего сына, отличавшегося (как и все семейство Мароции) необычайной распущенностью.

В 951 г. в Ломбардию пришел с войсками германский король из саксонской династии Оттон I (912—973). Он лишил итальянского престола Беренгария II (умер в плену в Бамберге в 966 г.) и принял титул короля Италии. Через десятилетие Оттон I, призванный на помощь папой Иоанном XII, предпринял новый поход в Италию, на Рим. В 962 г. он принял из рук папы императорскую корону, объединив Италию и Германию в одном государстве — «Священной Римской империи». Однако юг Италии продолжал оставаться под властью герцогов, Византии и арабов. Ища сближения с Византией, Оттон II женился на греческой царевне Феофане, которая завела при западном дворе византийские порядки. Продолжая неудавшуюся его отцу попытку подчинить власти империи итальянский Юг, Оттон II в 981 г. вторгся в Южную Италию, но после поражения в Калабрии принужден был отступить.

Сын Феофаны, Оттон III (980—1002), поддерживал при дворе пышный церемониал византийских императоров. Он перенес свою резиденцию в Рим, желая сделать его столицей идеального мирового государства, которое должно было покоиться, как на двух столпах, на светской власти государя Священной римской империи и на духовном авторитете папы. «Романтический император» (так называли последнего Оттона историки XIX в.) поддерживал клюнийское движение, которое энергичной

Оттон I и королева Эдитта. Магдебург, Собор

реформаторской деятельностью надеялось укрепить пошатнувшееся влияние римского престола. Оттон III умер в Италии, не успев — так же как во времена Данте Генрих VII — осуществить свои утопические планы [27].

Главными культурными центрами Италии в IX—X вв. были, кроме Рима, Беневент, где при богатом герцогском дворе покровительствовали риторам и историографам, Неаполь, аббатства Монтекассино и Боббио, куда продолжался приток ирландских ученых монахов и рукописей, а также Равенна, Павия, Аквилея и Верона.

По-видимому в Вероне еще при жизни короля Беренгария I (между 915—924 гг.) была написана неизвестным автором эпическая поэма в четырех книгах «Деяния императора Беренгария» (Gesta Berengarii Imperatoris). Веронский поэт, вероятно учитель, занимался греческим языком и дал своему латинскому панегирику в гекзаметрах в соответствии с модой века греческое название. Из известной нам поэтической продукции X столетия «Деяния Беренгария» и несколько ритмических стихотворений (в том числе из Вероны [28]), предвозвещающих поэзию на народном языке, представляют наибольший интерес.

Беренгарий уподоблен в панегирике героям античного эпоса. В поэму внесены стихи из Вергилия, Стациевой «Фиваиды» и латинской «Илиады». Несмотря на значительные заимствования, поэма не лишена оригинальности и местами достигает большой виртуозности. Это произведение дошло до нас в единственной рукописи XI в., содержащей подробные изъяснения исторических и географических реалий. Анонимный глоссатор указал также на многочисленные реминисценции из античных поэтов [29].

Лиутпранд

В X в. в Италии был лишь один значительный писатель, представлявший яркую индивидуальность,— Лиутпранд, епископ Кремоны (с 961 г.). Он родился около 920 г. в Павии в знатной лангобардской, уже вполне романизированной семье и получил в павийской придворной школе хорошее образование, включавшее некоторые познания греческого языка. Лиутпранд служил королю Беренгарию II Иврейскому, который направил его в 949 г. с дипломатической миссией к византийскому императору Константину VII. Свое посольство Лиутпранд описал в шестой книге исторического сочинения «Антаподозис» (Возмездье), содержащем много проницательных и острых суждений о событиях 888—962 гг. в Византии, Италии и Южной Франции. «Антаподозис» был написан после того как Лиутпранд, поссорившись с королем Беренгарием и его супругой, перешел на службу к Оттону I [30]. В предисловии к третьей книге автор объясняет смысл заглавия, данного им своему про-

изведению,— его пером водили ненависть и жажда мести, и он преисполнен был решимости раскрыть перед всем миром постыдные деяния королевской четы Беренгариев. При германском дворе Лиутпранд делает крупную политическую карьеру, играя роль посредника между королем и папой. Итальянская политика Оттона за 960—964 гг. нашла свое отражение в небольшом сочинении Лиутпранда «Liber de rebus gestis Ottonis».

Благодаря оживлению политических сношений обеих империй и политике пап этого времени греческий язык входит в моду при германском дворе и в римской курии. Оттон использовал знание Лиутпрандом греческого и немецкого языков и его дипломатические способности, давая ему различные, весьма щекотливого свойства поручения. Император Священной Римской империи надеялся прибрать к рукам итальянский Юг с помощью женитьбы своего сына на греческой царевне. Византия же считала Южную Италию своей сферой влияния, всячески противилась проникновению туда германцев, к тому же не могла примириться с утратой Равенны и Римского дуката. Когда в 968 г. Оттон I послал Лиутпранда в Константинополь к императору Никифору, Лиутпранду предстояли там очень тяжелые переговоры. Ни по одному из вопросов не удалось прийти к соглашению, матримониальные предложения Оттонов также были отвергнуты. Прием и проводы западных послов превзошли самые худшие опасения.

Вернувшись в Германию, Лиутпранд излил свою желчь в злом и остроумном памфлете «Отчет о посольстве в Константинополь»[31]— одном из самых блестящих произведений ранней средневековой литературы. Лиутпранд обладал несомненным сатирическим талантом. Пылая негодованием при воспоминании о пережитых им в Константинополе унижениях, он изобразил в карикатурном виде придворный церемониал и жестоко высмеял императора Никифора, уродливого и невежественного человека, которого в соборе св. Софии приветствовали торжественными и льстивыми песнопениями. Покидая негостеприимную столицу Византийской империи, Лиутпранд исписал стол и стены своего жилища эпиграммами на императора.

С одинаковой легкостью Лиутпранд цитирует в своих произведениях[32] латинских поэтов — Вергилия, Ювенала, Овидия — и греческих авторов (Платона, Лукиана, а также современных византийских историографов). Речи его персонажей, переданные в стихах и прозе от первого лица, напоминают ораторские партии в исторических сочинениях гуманистов XV в.

Лиутпранд проявляет глубокую заинтересованность в событиях, которые он описывает, и неизменно сохраняет личное и пристрастное отношение к их действующим лицам. Самый субъективный из исторических писателей раннего Средневековья, он намного превосходит их блеском и изысканностью

своего стиля. Большой опыт политического деятеля, посвященного во все тайны государственных отношений своего времени, в церковные дела и дворцовые интриги, соединился в его исторической публицистике с метким писательским глазом, ироничным умом, широтою и независимостью суждений.

Лиутпранду свойствен своеобразный лангобардо-италийский патриотизм, свидетельствующий о том, что в эпоху Каролингов и Оттонов романизированные лангобарды, пользовавшиеся латинским языком, как литературным, стали неотъемлемой частью постепенно образовывавшейся итальянской народности.

Кроме Лиутпранда, с конца VIII по X в. в Италии появилось еще несколько значительных писателей: Павел Диакон, Павлин из Аквилеи, Агнеллий из Равенны. Характерный для этого времени повышенный интерес к прошлому можно объяснить стремлением людей Каролингской эпохи преодолеть период дикости и беспамятства VII в. Усиливается — особенно при последних Оттонах — греческое влияние, которое шло не только из Константинополя и Венеции, но также из Южной Италии. Впрочем, знание греческого языка не было на большой высоте. Из писателей этого периода в Италии хорошо владели греческим только Анастасий Библиотекарь и Лиутпранд.

Все большее и большее распространение получает ритмическая поэзия, обычно с ассонансами или рифмами. Латинский язык даже у лучших стилистов отличается обилием романских форм. В литературе сильна связь с фольклорной традицией; в записях этого времени сохранятся и перейдут в итальянскую литературу народные сказания, предания и легенды. Дошедшая до нас литературная поэзия эпического жанра отличается значительным количеством реминисценций из Вергилия и латинских поэтов IV—VI вв. В то же время в этот жанр проникают ритмы, мотивы и образы из народной поэзии, что остается типичным и для средневековой литературы XI—XIII столетий.

Эпоха Каролингов и Оттонов важна для грядущих веков равным образом и как собирательница античного наследия. Однако терминологию «Возрождение Каролингов» или «Возрождение Оттонов» мы считаем неверной. Дело шло лишь о некотором восстановлении культурных традиций, пошатнувшихся в VI—VII вв., в границах довольно узких, которые было бы неосновательно сравнивать с широкими горизонтами итальянского гуманизма XV в. Правильнее было бы говорить о накоплении элементов, способствовавших медленному переходу к культуре нового времени. Элементы эти усилились в эпоху высокого Средневековья (XI—XIII вв.) и в конце Дудженто претворились в новое качество.

КУЛЬТУРА И ЛИТЕРАТУРА ИТАЛИИ ВЫСОКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ (XI—XII ВВ.)

Начало новой жизни наук и литературы в Италии неразрывно связано с греко-арабской и византийской культурой. Во второй половине IX в. началось некое «византийское Возрождение». Появились писатели и ученые, стремившиеся вернуться к истокам античной мудрости. Был составлен толковый словарь греческого языка Свида (или Суда), в котором сохранились уникальные отрывки древних авторов. Лексикон Свида служил также источником биографических и библиографических сведений о писателях античности. Константин Кефала опубликовал знаменитую «Антологию» греческих эпиграмм в 15 книгах, пользуясь не дошедшими до нашего времени сборниками. Михаил Пселл (1018—1078), занимавшийся едва ли не всеми науками, был одним из восстановителей неоплатонизма. Он занимался также Аристотелем. Его «Логика» стала известна в Западной Европе.

Из Византии, а также арабских стран, воспринявших греческую науку и философию, образованность распространилась с конца IX — начала X в. на Запад. От Бухары и Самарканда до Севильи и Кордовы арабская рецепция античности способствовала созданию новых культурных ценностей. Арабы порой искажали в своих переводах древнегреческие сочинения, порой усовершенствовали и обновляли их (особенно в области медицины и математики). Благодаря смешению языков и разнообразию философских взглядов, приведших к веротерпимости, в городах Андалузии и Сицилии создались как бы передаточные пункты, по которым с Востока на Запад проникали научные трактаты и поэтические легенды. Мифы Платона воспринимались там вместе с рассказами из «Тысячи и одной ночи».

Следует также принять во внимание постоянные и оживленные сношения с Ближним Востоком и Византией средиземноморских и адриатических западных портов, особенно Венеции, Неаполя, Палермо, Генуи и Барселоны.

Для развития арабо-европейской культуры высокого Средневековья (XI—XIII вв.) первостепенно важным было изучение Аристотеля. Еще в 832 г. калиф Эль Мамун основал в Багдаде высшую школу и при ней коллектив переводчиков под руководством Хонаина бен Исаака. Арабские и еврейские ученые переводили авторов Древней Греции непосредственно с греческого, но также с сирийского. Одним из значительнейших представителей грецизированной арабской мысли, сочетавшим, как Михаил Пселл, Аристотеля и неоплатонизм, был философ Аль-Фараби (870—950). В эпоху арабского владычества можно обнаружить некий параллелизм в развитии византийской и арабской научной мысли — явление вполне понятное на этом важном этапе развития человечества. Параллельные явления в эту эпоху наблюдаются равным образом в Малой Азии и на Кавказе — в Армении и Грузии. В арабской Испании процветало свободомыслие, граничащее не только с деизмом, но с прямым исповедованием материалистических взглядов, вызывавших отповедь и мусульманских вероучителей и католических богословов. Аверроэс (Ибн-Рошд, 1126—1198) из Кордовы рассматривал материальный мир как вечно существующий и создал опасную теорию о всеобщем объективном разуме [2]; он повлиял на итальянскую литературу — в XIII в. его идеи находим у Гвидо Кавальканти и Данте.

В XII—XIII вв. становится значительным в Италии влияние Прованса и Франции, которая в представлении современников стала «Новой Элладой» — восприемницей культуры Рима и Афин. Следует заметить, что и в этом процессе арабы играли важную роль: французы и их английские ученики устремлялись в XI—XII вв. в арабскую Испанию и даже в Сирию в поисках новых знаний. Первая из европейских литературных поэзий — провансальская — необъяснима без влияния арабских поэтов Кордовы и Севильи.

Не следует также упускать из вида литературную римскую традицию, источником которой была латинская литература V—VI вв. То замирая, то частично возвращаясь к своим истокам, традиции позднеримской культуры, особенно риторики и пиитики, а также римского неоплатонизма, проявились в XI—XIII вв. с удивительной силой, если не всегда с достаточной чистотой и ясностью.

Из всего вышесказанного следует, что культура эпохи «высокого Средневековья» или средневекового гуманизма XI—XIII вв. сочетала разные, но не противоречивые элементы. Она была гораздо более сложной, чем обычно принято думать, и име-

ла значительнейшее влияние на развитие западноевропейской мысли последующих веков.

В XII в., когда связи с Византией усилились, в Италии появляется несколько образованных людей, которые стремятся ознакомить своих соотечественников с греческими сочинениями, особенно научными. Внимание историков привлекает магистр Моисей из Бергамо (Moses di Bergamo), переводчик и поэт[3]. Вместе с другими итальянцами, знавшими греческий язык — Бургундием из Пизы и Яковом из Венеции, он участвовал в богословском споре, на котором присутствовал император Иоанн II Комнин (1136 г.).

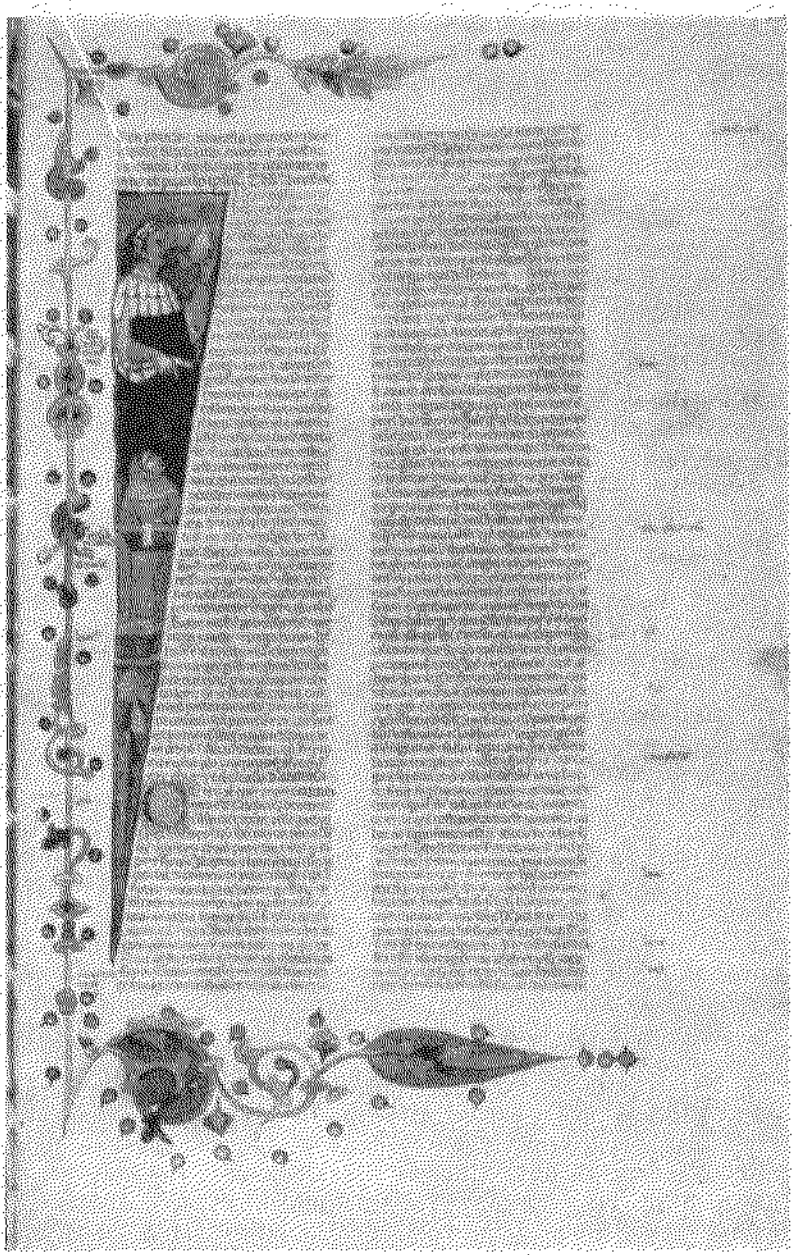
Поэма Моисея «Похвала Бергамо» (De laudibus Bergami) в рифмованных гекзаметрах передает древние легенды о галльских основателях его родного города и римском происхождении городской аристократии. В поэме встречаются грецизмы (она была написана в Константинополе по заказу византийского императора).

Сочинение Моисея «Expositio» (Изъяснение), весьма интересное для истории филологии, свидетельствует о том, что автору был известен Гомер в оригинале[4]. Основной целью этого трактата было объяснение греческих слов, употребленных Иеронимом в послании к Павлину, для чего Моисей прибегает к большому числу примеров из «Илиады» и «Одиссеи», а также поэтов классической латыни. Сочинение итальянского эрудита XII столетия, предворявшее штудии гуманистов, было написано по просьбе друга автора — английского клирика Пагануса.

Яков из Венеции (Jacopo di Venezia) перевел с греческого и комментировал «Топику» и Первую и Вторую «Аналитики» Аристотеля. Значительная часть переводов Аристотеля, сделанных «последним римлянином» Боэтием в VI в.,была в Италии забыта.

Переводы с греческого и арабского на латынь Аристотеля, Птолемея, Эвклида, Галена, Гиппократа и арабских их комментаторов преобразили западную науку. Благодаря этим переводам стало возможным основать высшие школы в Европе. Новые знания проникали на Запад из Сицилии, но главным образом из арабской Испании, где переводились и комментировались рукописи античных ученых. Из Константинополя любители науки привозили в Салерно, Неаполь, Палермо списки древнегреческих философов, медиков и математиков. Европа получила от Востока геометрию, арабские цифры, несколько позже — начала алгебры.

В Сицилии в середине XII в. Аристипп (Aristippus Palermitanus) перевел с оригинала два диалога Платона («Федон» и «Менон»)[5]. Он же привез из Константинополя арабский текст «Альмагеста» Птолемея[6].



Авиценна (Ибн Сина). Канон медицинской науки. Итальянская рукопись 1343 г. В миниатюре — магистр, читающий студенту лекцию по фармакологии. Ленинград, ГПБ. Lat. F. v. VI, 1

Обновление наук произошло не сразу — это был процесс постепенного, медленного накопления, однако последствия культурных заимствований у Востока для Западной Европы были весьма значительны. Появились первые средневековые университеты в Италии и во Франции. В них изучались прежде всего практические науки: медицина, юриспруденция, математика. К «практическим» наукам (сулившим студентам обеспеченное существование) принадлежало и богословие.

Гражданское римское право колебало устои феодального общества. Обновленная наука могла быть всегда использована как оружие в защиту не только государя против папы, но также городских коммун против всякой тирании. Филология и риторика были подготовительными ступенями для изучения остальных наук. В XII в. гуманитарные и философские знания развивались преимущественно во Франции и Англии. Итальянцы славились как медики, астрономы, юристы.

Первым европейским университетом считается Болонья, где блистал знаток римского права магистр Ирнерий (XII в.). Болонская юридическая школа стала университетом в 1158 г. на основании привилегии, данной императором Фридрихом I [7]. Старейшая в Европе медицинская школа — Салернская — восходит к середине XI в. В 30-х годах XIII в. была основаны университеты в Неаполе [8] и Падуе.

Купцам, астрологам и архитекторам были необходимы математические штудии. Европейской известностью пользовалась в течение нескольких столетий «Книга Счетов» (Liber Abaci, 1202) Леонардо Фибоначчи (Leonardo Fibonacci, ок. 1170—1240), купеческого сына из Пизы. Детство Леонардо Фибоначчи провел в Северной Африке, где выучился арабскому языку. Он переводил на латынь греческих и арабских математиков (в том числе Эвклида). При дворе императора Фридриха II в Палермо Фибоначчи участвовал в научных спорах. От него начинается школа итальянских математиков, преподавателей и практиков, которая в XV в. дала Леоне Баттиста Альберти, Пьеро де Франчески, Луку Пачиоли, оказав значительное влияние на Браманте, Леонардо да Винчи и других строителей, изобретателей и художников Возрождения [9].

В XII в. культурным центром Западной Европы стала Франция. Школы в Орлеане, Шартре и Париже привлекали иностранных студентов. Французский и провансальский языки добились в поэзии равноправия с латинским и постепенно заменяли и в других жанрах традиционный язык школы. Обаяние французской культуры испытал в начале XIII в. Вольфрам фон Эшенбах, а в конце века — Данте. Вряд ли можно изучать итальянскую литературу высокого Средневековья, обходя молчанием имена магистров Шартра, комментаторов Вергилия и Платона, и не упомянув Петра Абеляра и его парижского колле-

гу, неоплатоника Гильома де Конша. Европейски известен в те времена был Готье де Шатильон, выдающийся поэт и ученый, автор эпоса об Александре Великом и стихов, то приближавшихся к античным образцам, то ритмических, в духе лирики вагантов. Если «Doctor universalis» Алан из Лилля (ум. в 1202 г.), автор поэмы «Антиклавдиан», не пользовался в XII в. особенным успехом, то его аллегоризм, сложные построения и философия природы живо заинтересовали итальянских поэтов следующего столетия. Следует также упомянуть Матвея из Вандома, поэта и теоретика литературы, любителя мифологии, черпавшего свои сюжеты из Вергилия, Овидия и Стация. Его «Гермафродита» Полициано перевел на греческий в 1494 г., а филологи нового времени долго принимали это стихотворение за подлинное произведение античности [10].

На придворную поэзию XII—XIII вв. оказал влияние Андрей Капеллан, автор трактата «О любви» (De amore, 1174—1186), в котором сочетались Средние века с античностью, французская куртуазия и наука Овидия [11]. Многие из английских ученых и писателей XII в. тяготели к Парижу и были связаны с французскими научными кругами. Среди них следует прежде всего назвать Джона из Солсбери (John of Salisbury) — лучшего знатока Аристотеля в Западной Европе [12]. В 1159 г. появилось главное произведение Джона из Солсбери — «Поликратикус», посвященное его покровителю Фоме Бекету. Оно содержит остроумную критику нравов высшего общества, сопровождаемую советами королям. Поучения богато иллюстрированы сценами из придворной жизни Англии. Критиком придворных нравов был также Уолтер Мап (род. в 1140 г.), автор «De nugis curialium» (О придворных безделках), удивляющий совершенством изложения, ясностью формы и сатирической меткостью своих описаний, а также разнообразием сюжетов. Не приходится сомневаться в том, что латинская литература Франции и Англии была прекрасно известна итальянским писателям XII в. [13]

Два итальянца, рано покинувшие свою родину, один — для Франции, другой — для Англии: Петр Ломбард (Pietro Lombardo, ок. 1100—1160), упомянутый в «Рае» Данте (X, 107), и Ансельм из Аосты (Anselmo d'Aosto, ок. 1030—1109), также вознесенный на четвертое небо автором «Божественной Комедии» («Рай», XII, 137), были более известны на чужбине, чем в Италии. Ансельм стал архиепископом Кентерберийским. Для истории средневековой культуры он важен как один из основателей схоластики. Ансельм исходил в своих теориях из идей Аврелия Августина, однако считал, что следует понимать августиновское «credo ut intelligam» (верю, чтобы уразуметь), как способность человеческого ума рациональными путями подтвердить откровение. Ученик Болоньи и Петра Абеляра, Петр Лом-

бард также внес лепту в рационализацию философско-богословской мысли. Независимо от субъективных намерений их автора сочинения итальянского теолога создавали вокруг себя атмосферу полемики и дискуссий; тем самым они колебали незыблемость католической догматики и стимулировали философские искания.

В Италии XI—XII вв. началась ожесточенная борьба между папским престолом и императорами Запада, достигшая наивысшего напряжения при папе Григории VII (Гильдебранде; родился в Тоскане около 1013 г.; папа с 1073 до 1085 г.). Григорий VII сломил сопротивление императора Генриха IV (1056—1106) и заставил его унизительно каяться в Каноссе (1077 г.). Еще в IX—X вв. папы вполне зависели от воли императора, а часто даже от произвола местных тиранов. Необычайное усиление папской власти в XI столетии объясняется прежде всего ослаблением императорской власти, расшатанной своеволием феодалов. Императоры часто были лишь номинальными правителями и не имели за собой большой реальной силы. В то же время увеличилось богатство римского престола, собиравшего дань со всей Западной и части Восточной Европы.

Папский престол высоко вознесся и укрепил свои позиции в самой Италии. Папы владели значительной частью центральной Италии, распространив свое влияние и на Тоскану. Борьба между императорами и «святым престолом» привела к возникновению в Италии XII века двух партий; гвельфов и гибеллинов. Гвельфо-гибеллинские распри, продолжавшиеся в течение нескольких столетий, вобрали в себя социальные конфликты сословий, соперничество городских коммун и их борьбу с феодалами, сложную чересполосицу местных и групповых интересов [14].

В Неаполе и Сицилии папы терпели только тех правителей, которые помогали их планам. Они покровительствовали захвату Сицилии норманнами, благословили авантюру Роберта Гвискара (1015—1085) и были защитниками династии Анжу. Римские первосвященники боролись с непокорными Гогенштауфенами. При Фридрихе I Барбароссе (император в 1152—1190 гг.) и Фридрихе II (1194—1250) в Италии торжествовала императорская власть. Свободолюбивые коммуны Севера подчинились власти Барбароссы, но Фридрих I, разрушивший в 1162 г. Милан, потерпел тяжелое поражение при Леньяно (1176 г.) и должен был признать притязания ломбардских городов. Известна печальная судьба потомства Фридриха в XIII столетии. Король Сицилии Манфред погиб в битве при Беневенто, побежденный Карлом I Анжуйским (см. о его горестной судьбе в третьей песни Дантова «Чистилища»).

Крестовые походы, начавшиеся в 1096 г., имели для Италии, быть может, меньшее значение, чем для Франции и Германии. Контрнаступление Запада на Восток заставило мусульман-

ский мир временно отхлынуть, но не пошатнуло его основных позиций. Захваты крестоносцами территории Восточной империи привели к значительному ослаблению Византии и несомненно способствовали ее гибели в XV в. Следует отметить живой интерес к восточным событиям Венеции и Генуи. Венецианцы, освободившись от греческого покровительства, в немалой степени содействовали распаду Византийской империи. Они обосновались со своими торговыми факториями на островах греческого архипелага и даже на Черноморском побережье, где оставались до второй половины XV в.

Не приходится удивляться тому, что поэзия в Италии XI—XII вв. была актуальной и даже злободневной, отражая бурные политические события своего времени. В то время как во Франции и Британии наблюдается повышенный интерес к античной литературе, итальянцы были менее заняты прошлым, а больше настоящим.

Среди поэтов XI в.[15] заметно резкое разделение на сторонников императора и защитников папы. На рубеже X и XI вв. Лео из Верчелли (ок. 965—1026) мог еще быть «епископом империи» и в то же время не нарушать верности папскому Риму. В поэме «О папе Григории [Пятом] и Оттоне Августе» он воспел союз между двумя основными силами тогдашнего мира, прославляя восстановление былой римской славы при Оттоне III. В конце XI в. Рангерий из Лукки (умер в 1112 г.) отстаивал независимость папской политики, особенно по вопросу инвеституры. Ему покровительствовала графиня Матильда Тосканская, сторонница Григория VII. В политических стихах Рангерия встречается богатая рифма (castra — astra, nostra — rostra).

Наиболее значительным писателем Италии XI в. был Петр Дамиани (Pietro Damiani, 1007—1072), проявивший свою деятельность в различных жанрах. Он стал известен как сторонник папы Григория VII и участник его церковных реформ. Дамиани получил прекрасное образование в светских школах Равенны, Флоренции и Пармы, но оставил изучение наук и ушел в монастырь. Последователь идей Григория I, он забыл советы Августина, Иеронима и Кассиодора не пренебрегать светской наукой и стал проповедовать презрение к грамматике и риторике. Настоятель горной обители Санта Кроче а Фонте Авелано говорил: «Моя грамматика — Христос» (Epist., 8,8). В то же время с похвальной непоследовательностью он посылает своего племянника в один из главных центров тогдашнего просвещения — Клюни — и пишет против риторики, пользуясь всеми ухищрениями риторического стиля[16]. Ритмическая проза Петра Дамиани необычайно богата и может соперничать с прозой Бернарда Клервоского. Стихи Дамиани представляют как бы последнюю ступень, ведущую к триумфу ритмической (силлаботонической) поэзии XII в.[17]

Южная Италия в XI—XII вв. создает литературу исторического содержания, стремящуюся охватить местные события. Во времена аббата Дезидерия (1027—1087), происходившего из лангобардской герцогской семьи Беневента, аббатство Монтекассино достигает значительного культурного расцвета и становится одним из главных центров исторических штудий в Италии. Дезидерий был активным участником политических событий своего времени, противником императорской гегемонии. В 1087 г. он стал папой под именем Виктора III, но вскоре умер. Дезидерий воздвиг на территории аббатства много новых зданий, собрал большую коллекцию старых рукописей, заботился о монастырском скриптории. Константин из Африки (Константин Афр), нашедший убежище в Монтекассино, переводил здесь медицинские книги с арабского на латынь, монах Амаций написал по-гречески «Историю норманнов», и вместе с Лео из Остии — хронику монастыря. В следующем столетии эту хронику продолжил Петр Диакон.

Сам Дезидерий писал о чудесах основателя Монтекассино — Бенедикта. В его повествовании нередко встречаются новеллы и анекдоты. Заметно влияние на Дезидерия Вергилия и поэтов IV—V вв. Житиями святых в стихах и прозе известен также другой монах из Монтекассино — Альберик (Albericus de Monte Cassino). Он выступал на соборах и церковных съездах как защитник Григория VII. Из наследия Альберика наиболее примечателен трактат по теории литературы, метрике и эпистолографии. Советы Альберика о том, как следует писать письма, перешли к магистрам риторики XIII в. и в ренессансную литературу. Он приводит примеры «стилистического совершенства» из Цицерона, Теренция, Вергилия, Горация, Лукана и Саллюстия.

Когда восхищенный собственной эрудицией автор восклицает «His Albericus evolat, hic palmam sperat» (Здесь воспарил Альберик, здесь он надеется быть увенчанным!), он более походит на гуманиста XV столетия, чем на средневекового отшельника. Интересны его стилистические упражнения для учеников, например, рассуждение о синонимах и различных свойствах имени существительного [18]. Продолжателем Альберика, написавшим также сочинение об искусстве составлять письма, был Уго из Болоньи (20-е годы XII в.), который цитировал «Лелия» Цицерона.

Велика была роль Монтекассинского аббатства в поддержании литературных связей с Византией. Из многочисленных переводов с греческого, предпринятых в XI в. в Южной Италии, немалая часть принадлежит монахам аббатства, которым нередко случалось посещать Константинополь с различными дипломатическими миссиями и по церковным делам. Аббатство поддерживало также весьма оживленные сношения со своими

Аббат Монтекассино Дезидерий. С фрески XI в.

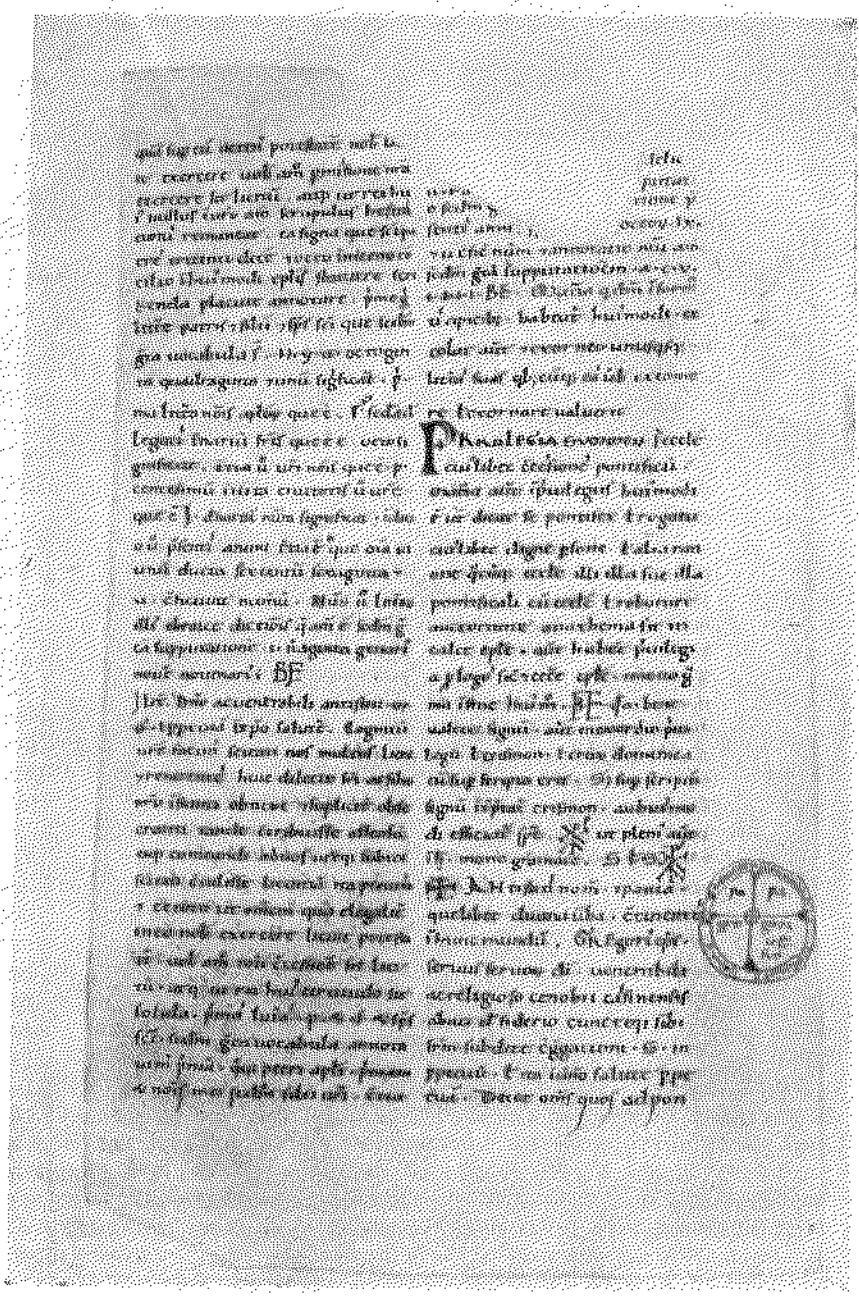
соседями — калабрийскими православными монастырями, которые являлись проводниками греческого влияния. По-видимому, в этой среде был сделан перевод на латинский греческого мартирия IX в. неким монахом Герольдом, посвятившим свой труд папе Виктору III — бывшему монтекассинскому настоятелю. Одним из героев этого вполне фантастического сочинения был основатель Вивария Кассиодор [19].

Авторы латинских эпических поэм «Песнь о победе пизанцев», «Деяния Фридриха Барбароссы» и «Деяния Роберта Гвискара» обращаются к политическим и историческим темам, волнующим их современников, и создают произведения, в которых весьма недвусмысленно выражают свои политические пристрастия и антипатии.

Поэма Гильельма из Апулии (Guilelmo d'Apulia) «Деяния Роберта Гвискара» (Gesta Roberti Guiscardi) в пяти книгах отличается художественным мастерством и красочной передачей событий. Она написана между 1088—1111 гг., вскоре после смерти героя поэмы (1085 г.) — одного из предводителей норманнов [20], успешно сражавшегося с византийцами (в Калабрии и Эпире), арабами (в Сицилии) и лангобардами (в Беневенте и Салерно). Напуганному бурной экспансионистской деятельностью Гвискара папе Григорию VII пришлось примириться с властителем всего итальянского Юга и даже призвать его на помощь Риму, осажденному войсками императора Генриха IV. Апулийский поэт использовал «Историю норманнов» Амация, анонимные анналы Бари и хроники других южноитальянских городов. Любопытно, что списки поэмы сохранились не в Италии, а в нормандских монастырях Франции.

Одним из лучших произведений латинской поэзии в средневековой Италии является «Песнь о победе пизанцев», написанная Генриком из Пизы (Henricus Pisanus). Взяв за образец Вергилия и Стация, Генрик прославил в эпических стихах победу своих соотечественников над сарацинами на острове Майорка (1114—1115 гг.). Генрик был прекрасно осведомлен о военных событиях. Экспедиция граждан Пизы против балеарских пиратов описана им с множеством верных исторических деталей. В поэме встречаются и классические реминисценции. Песок на морском берегу близ Пизы насыщен слезами жен и матерей, которые провожают уходящих в опасный поход — так некогда оплакивали ахеянки отплывающих в Трою. Пизанцы, прибывшие на Сардинию, уподоблены данайцам в Авлиде. Души нечестивых пиратов толпятся перед вратами ада, удивляя своей многочисленностью даже Цербера,— сцена, напоминающая Данте. Автор преисполнен муниципальным патриотизмом и горделивым сознанием мощи своего родного города-республики.

Из политической поэзии Северной Италии отметим поэму о войне между Миланом и Комо, начавшейся в 1118 г., хотя



Алберик из Монтекассино. Трактат по грамматике.
Рукопись XI в., возможно автограф.
Ленинград, ГПБ. Lat. O. v. XVI, N 3

она значительно уступает победной «Песни» пизанского капеллана.

Между 1162 и 1166 гг. клирик из Бергамо, хорошо знакомый с античным эпосом, написал довольно длинную поэму в гекзаметрах о деяниях Фридриха Барбароссы. Он был сторонником императора и сумел охватить его политическую деятельность не только в Европе, но и на Востоке. Просодия и метрика неизвестного поэта из Бергамо отличаются редким для XII в. мастерством.

К итальянским поэтам следует причислить также Готфрида из Витербо (Gotfridus de Viterbo), несмотря на его германское происхождение. Готфрид был секретарем императоров Фридриха I и Генриха VI. Этому последнему он посвятил книгу «Зерцало королей», в которой доказывается происхождение немецких императоров от троянцев и римлян. С исторической точки зрения интересно длинное стихотворение (смешанное с прозой) «Пантеон» (Pantheon) и его продолжение — «Деяния Фридриха» (Gesta Fridericis).

Готфрид из Витербо описывает события, произошедшие до 1186 г. В «Пантеоне» находятся необычно подробные сведения о раннем периоде ислама, не встречающиеся у других средневековых авторов на Западе. Следует предположить, что Готфриду были известны сирийские христианские источники о Магомете, Али и их ближайших преемниках.

Верен династии Гогенштауфенов, обосновавшихся в Сицилии, был и итальянский поэт Петр из Эболи (Pietro da Eboli, ок. 1160—1220 гг.). Учитель и медик, практиковавший в Салерно, он посвятил свои поэмы императору Генриху VI, отцу Фридриха II, который стал благодаря браку с последней представительницей норманнской династии Констанцией королем Сицилии. Петр из Эболи приветствовал рождение Фридриха II как появление на свет спасителя всего человечества. Писатели враждебного лагеря и проповедники нищенствующих орденов сравнивали скептического властителя Сицилии, собравшего при своем дворе арабских, еврейских и греческих ученых, не с мессией, а с антихристом. Ополчаясь на врагов Гогенштауфенов, Петр прибегал к карикатурам и сатирической гиперболизации.

Поэма Петра из Эболи «О Путеоланских водах» (De Balneis Puteolanis) — популярный медицинский трактат, восхваляющий целебные свойства источников курорта Путеоли в Кампаньи. Облекая в стихотворную форму предписания врачебной науки, Петр следовал давней традиции своих коллег — салернских медиков. Его опыт соединения Эскулапа с Аполлоном был продолжен в анонимном «Цвете врачебного искусства» (начало XIII в.) и спустя столетие — Арнольдом из Виллановы в небольшой поэме «Салернский кодекс здоровья» (Regimen sanitas Salernitanum). «Салернский кодекс здоровья», восходящий,

Миниатюра из сицилийской рукописи XIII в. поэмы Петра из Эболи «О путеоланских водах» Рим, Библиотека Анджелика

по всей вероятности, к анонимному произведению середины XI в., выдержал более 120 изданий и переведен почти на все европейские языки [21].

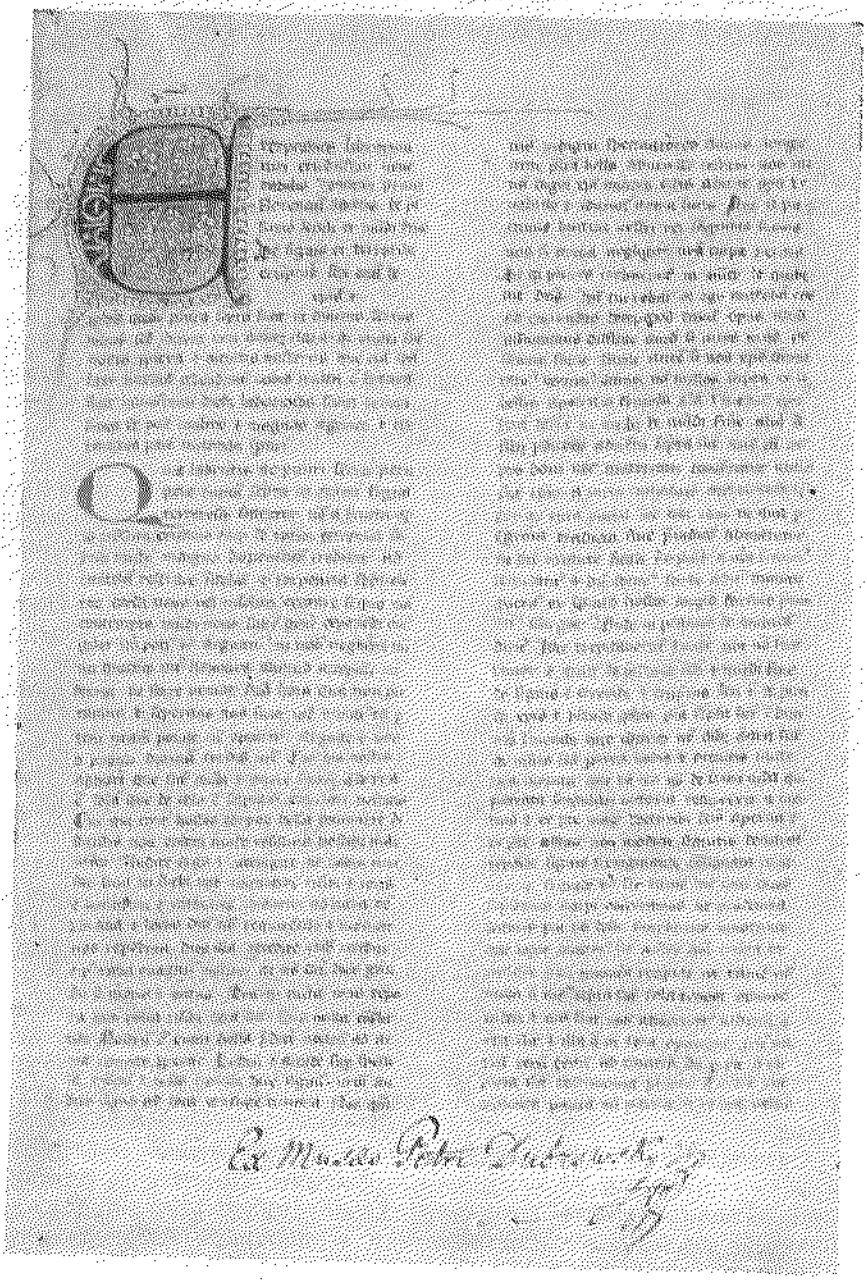
Поэма «О путеоланских водах» состоит из 36 эпиграмм по 12 чередующихся гекзаметров и пентаметров в каждой. В ней подробно описываются красоты и быт курорта, сохранившего постройки и статуи античных времен, и даются наставления о пользовании минеральными водами [22]. Сочинение это, в духе господствовавшего в окружении сицилийских владык свободомыслия и религиозного скептицизма, отличается рационализмом и совершенным отсутствием теологического элемента. Поэмы Петра из Эболи вводят нас в осложненный феерический мир Фридриха II в Южной Италии, во многом отличающийся от дворов средневековых правителей Европы [23].

Вдохновителем пропаганды против Фридриха II и его наследников являлся калабрийский аббат Иоахим Флорский (Gioachino di Fiore, 1130—1202 или 1205) — «одаренный пророческим духом», по словам Данте («Рай», XII, 140). Учение Иоахима Флорского о третьем царстве — царстве духа, которое приблизилось, дабы установить мир на земле, обновить и очистить церковь и сделать ненужным ее иерархию, было весьма распространено среди францисканцев и подверглось осуждению папы в 1255 г.

«Вечное Евангелие» Иоахима Флорского повлияло на Данте, на Савонаролу в XV в., Вико в XVII в., а в прошлом столетии — на романтиков и утопистов (Пьера Леру, Жорж Санд, Шопена).

К наиболее одаренным поэтам латинской средневековой литературы принадлежит Генрик из Сеттимелло (Henricus Septimellensis, Arrigo da Settimello, вторая половина XII в.). Несмотря на крестьянское происхождение, ему удалось получить образование в Болонском университете. Генрик начитан, как в античной, так и в средневековой литературе, и его латынь приближается к классической. Впрочем он любил и новые изысканные слова поэзии своего времени [24].

Поэма Генрика из Сеттимелло «О превратности Фортуны и утешении Философией» (De Diversitate Fortunae et Philosophiae Consolatione) [25], возникшая под влиянием книги Боэтия и «Tristia» Овидия, вобрала в себя личный горестный опыт автора. Генрик сочинял элегию после того, как в результате интриг епископа Флоренции Петра лишился своего прихода и состояния и стал объектом пересудов флорентийских сплетников. В первых двух книгах элегии он беспрестанно жалуется на нищету и преследующие его неудачи. Философия пытается утешить обиженного богиней счастья поэта, приводя многочисленные примеры непрочности даров фортуны. В качестве неудачников названы потерпевший поражение в Сицилии император Генрих VI,



Иоахим Флорский. Сборник трактатов и извлечений из них. Рукопись XIII в. Ленинград, ГПБ, Lat. F. v. I, 37

павший от рук убийц маркиз Коррадо Маласпина и, наконец, плененный после третьего крестового похода король Англии Ричард Львиное Сердце.

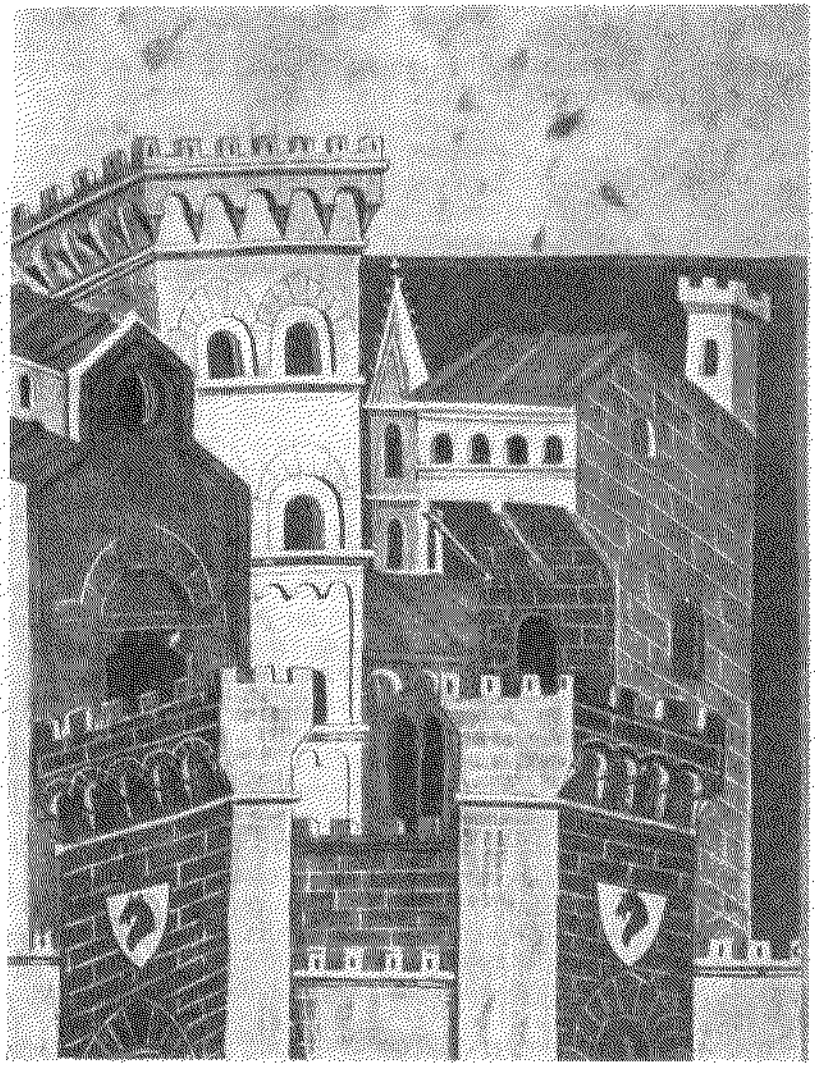
В окружающей действительности Бедному Генрику (Pauper Henricus — таково было прозвище поэта) видятся только беды — разруха и голод, распри сильных мира сего (духовных и светских), всеобщая испорченность нравов. Порой он разражается филиппиками против продажности судей, клира и даже против римской курии. Уходит в изгнание нигде не находящая себе пристанища Добродетель — эту тему разовьет Данте в канцоне «Мое три дамы сердце окружили». Хотя тосканский поэт сосредоточен главным образом на собственных переживаниях, он проявляет заинтересованность в современных событиях. Несмотря на склонность Бедного Генрика к морализированию, элегию оживляют бытовые сценки, сравнения, заимствованные из крестьянской жизни, иронические замечания. Не чуждо ему и ощущение красоты итальянской природы [26].

В XII в. появилось весьма любопытное латинское сочинение, свидетельствующее о все возрастающем интересе образованных итальянцев к греко-римской античности. Космография клирика из Равенны, составленная в VII столетии, была использована (в недошедшем до нас варианте) Гвидо, клириком из Пизы (Guido da Pisa), написавшим трактат в шести книгах под заглавием «Historiae variae».

В компиляцию Гвидо из Пизы вошли также труды Исидора Севильского, старые латинские путешествия, обработки историй об Александре Великом Псевдо-Каллисфена, легенды о разрушении Трои, неполный пересказ «Энеиды», «Римская история» Павла Диакона.

Для любознательных путешественников было составлено около 1200 г. описание римских древностей, известное под названием «Чудеса Рима» (Mirabilia Romae). Этот путеводитель встречается в нескольких вариантах и во многих списках. По-видимому, им пользовался магистр Григорий из Англии (XIII в.), автор «Narratio de Mirabilibus Romae». В «Повествовании о чудесах Рима» содержатся интересные подробности не только о римских древностях, но и об отношении к ним современников. Сам магистр Григорий был поражен необычайной красотой мраморной статуи нагой Венеры, которой он любовался в Риме.

Отметим еще одну особенность итальянского Средневековья — интерес к историческим событиям. Биографии римских пап, объединенные в сборнике «Liber Pontificalis», содержат, начиная от XI в., характеристики и портреты, обрисованные порою ярко и с реалистическими деталями; эта часть повествования житий отличается от бесхитростных и сухих записей «деяний» и «чудес» архаических времен [27].



Средневековый итальянский город (Сиена).
Миниатюра флорентийской школы.
Флоренция, Библиотека Лауренциана

На севере Италии появляются историки городов с местными патриотическими тенденциями. Из них особенно выделяются миланцы — старший и младший Ландольфо (Landolfi, XII в.), не скрывавшие в хронике ненависти к немцам и сторонникам германского императора. История начинается красноречивой похвалой Милану. Наиболее подробно в ней рассказывается о событиях второй половины XI столетия. Для древнейших периодов истории города использованы житие Амвросия Медиоланского, диалоги Григория I, сочинения Павла Диакона, старые хроники. Ландольфо заставляют своих героев произносить воображаемые речи и стараются драматизировать свое повествование. В хронике встречаются и рифмованные стихи.

Летопись Генуи (Annales Januensis) составлял патриций Каффаро (Caffaro, между 1100 и 1163 гг.), проявивший большую наблюдательность, живость и остроту суждений. Он сам был участником многих событий, им описанных: походов, посольств, заседаний синьории республики. Хроника Каффаро была продолжена после его смерти под официальным и строгим наблюдением отцов города (до 1293 г.).

Историческими изысканиями занимались также монахи аббатства Монтекассино, клирики и образованные придворные в Сицилии. Талантливым представителем этого жанра на юге был Уго Фалькандо (Hugo Falcandus), француз, обосновавшийся в Италии. Его стиль и манера изложения заслужили похвалы историков нового времени; Фалькандо даже назвали «средневековым Тацитом».

Если мы охватим в целом процесс литературного развития Италии XI—XII вв., мы увидим существенную разницу между путями итальянской культуры и французской. В итальянской среде этой эпохи наблюдается интерес главным образом к наукам практическим: юриспруденции и медицине, в то время как в Париже и Орлеане развивается изучение богословия, философии, а также филологии и теории литературы. Несомненно, что в Италии и после Оттонов процветали риторические школы, но они не пользовались такой славой, как Клюни или Шартр.

Итальянская поэзия на латинском языке в период борьбы пап с императорами была преимущественно политического или исторического содержания.

В конце XII в. в Южной Италии появляются поэты с классической культурой, родственные по своему складу латинским поэтам Франции: Генрик из Сеттимелло и Петр из Эболи, аулический певец Гогенштауфенов.

Для XI и XII столетий характерно увлечение прошлым Италии и возрождение интереса к древностям Рима. Литература в Италии XI в. была исключительно латинской, в XII в.— преимущественно латинской. Несмотря на то что некоторые поэты

хорошо владели латинским языком и знали правила просодии (как, например, Петр из Эболи), стихи на народных языках: провансальском, французском, вульгарно-латинском — т. е. итальянском — оказывали все более и более сильное воздействие на ритмический узор латинских поэтов Италии, которые тем самым подготовляли литературу следующего столетия на «volgare». Для ранних этапов развития итальянской поэзии важно творчество поэта и теолога Петра Дамиани, создателя новых поэтических и прозаических ритмов, восходящих к народным истокам. Латинская литература Италии передала XIII и XIV столетиям знания, пусть и несовершенные, античной культуры и спасла от забвения народные легенды «мрачного Средневековья».

ЗАРОЖДЕНИЕ ИТАЛЬЯНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ДРЕВНЕЙШИЕ ПАМЯТНИКИ ИТАЛЬЯНСКОГО ЯЗЫКА

В тот же период времени, особенно на юге Италии, народ создавал лирические и лиро-эпические песни, в которых древние романские ритмы и сюжеты осложнялись мотивами и формами поэзии арабской и, может быть, новогреческой. Несмотря на все доводы современных итальянских историков литературы (особенно Антонио Вискарди) [1], мы не можем не согласиться с мнением, высказанным литературоведами прошлого века, о том, что сама близость итальянского «volgare» к латинскому языку объясняет в значительной степени позднее возникновение итальянской литературы по сравнению с литературами Франции или Германии.

Следует принять во внимание, что латынь в Италии все более и более варваризировалась. В популярном анекдоте конца X в. рассказывалось, как германские монахи в Швейцарии высмеяли самоуверенного и авторитетного магистра Гунзо из Новары (Gunzo de Novara), когда чужеземец допустил ошибку в латинском падеже; он стремился оправдаться, ссылаясь на свое романское происхождение [2]. Из этого примера следует заключить о все усиливающемся влиянии простонародной речи («volgare») на образованных людей Италии.

В 1924 г. итальянский палеограф Скьяпарелли нашел в Вероне краткое стихотворение конца VIII или начала IX в. (т. е. эпохи Каролингов), написанное на языке, переходном от вульгарно-латинского к итальянскому.

Se pareba boves alba pratalia araba
e albo versario teneba e negro semen seminaba.

Смысл: быков погоняют вперед, пашут белое поле, держат белую палочку, указывающую направление, сеют черное семя. Загадка отгадывается просто: белая страница, перо, буквы (черное семя). Загадка из Вероны важна как самый древний памятник итальянского языка. Вокруг этого двустишия возникли оживленные споры, продолжающиеся и по сей день. Одни итальянские ученые защищают его народное происхождение, найдя весьма схожие загадки в современном итальянском фольклоре; другие считают, что веронский текст восходит к ученой латинской поэзии и указывают на общеевропейское распространение этого двустишия. Во всяком случае, веронская загадка свидетельствует о весьма раннем интересе к «volgare» среди клириков, магистров, администраторов и судей.

До того как была провозглашена полноценность «достославного народного наречия» («volgare illustre» Данте) [3], итальянские диалекты жили каждый собственной жизнью. Феодальная раздробленность, чужеземные завоевания, обособленность городских коммун способствовали развитию местных говоров [4]. Из них самый южный, сицилийский, впервые стал языком литературным, однако не надолго, так как его вытеснили во второй половине XIII в. тосканские диалекты, среди которых в основу литературного языка был положен флорентийский.

В латинских рукописях, написанных в Италии в VII—X столетиях, нередки слова и словосочетания, указывающие на то, что живой язык был иным, чем тот, которому учили в школе.

От X—XII вв. сохранились документы юридического характера, написанные на неправильной, сбивчивой латыни, приближающейся к народной речи. В эту «вульгаризованную» латынь вставлялись итальянские фразы. Нотариальные записи, судебные постановления должны были дословно передавать свидетельские показания людей, не знавших ученого языка и разве что приблизительно понимавших вульгаризованную латынь администраторов и людей церкви. Споры и соглашения касались главным образом земельных угодий; иногда дело шло о дарственных записях в пользу церкви или родственникам. Наибольшее число таких двуязычных документов, нарушавших нередко нормы латинской грамматики и пользовавшихся народной лексикой, находятся в архивах аббатства Монтекассино. Знаменитый монастырь был с VIII в. центром латино-лангобардского просвещения. Самый старый из дошедших до нас документов (из Абруцци) датируется 819 г. Следующие находим в хранилищах Монтекассино лишь через полтораста лет: Капуанский 960 г. и из Беневента и Теано 963 г.

От второй половины XI в. сохранились записи из Сардинии, которые хранятся в настоящее время в Кальяри, Сассари, а также в Пизе и Марселе. В период византийского владычества нотариусы и администраторы острова приучились поль-

зоваться греческим алфавитом для своих записей на латинском языке, в которые они охотно вставляли греческие слова. Эти навыки они перенесли и на народный язык. Так, например, в хартии из Кальяри, составленной между 1089 и 1103 гг., местный диалект передан греческими буквами.

В сардинских юридических документах, датируемых XII столетием, примечательна смесь латыни с диалектами острова, как, например, в рукописи на пергаменте 1173 г., хранящейся в архиве Пизы, или в документе на логудорском диалекте из архива университета в Сассари. Различные акты этого же времени из Южной и Средней Италии (как пиченский договор о купле-продаже (Анконская Марка) 1193 г., из государственного архива Рима) написаны нотариусами, которые должны были обращаться к итальянскому всякий раз, когда им не хватало для изложения сути дела формул, вызубренных в латинской школе. Среди памятников, сохранивших образцы архаического итальянского языка (вернее, его диалектов), нет документов Севера.

Мы видели таким образом, как в течение нескольких столетий «lingua volgare» проникала все сильнее и сильнее в судебные постановления и нотариальные записи. Возникает вопрос, когда появились первые литературные тексты на итальянском языке. Как известно, в XIII в. возникла лирика сицилийской школы, а затем поэзия и проза Тосканы. Этот период и рассматривается как начало итальянской литературы. Однако в XI в. можно найти следы поэтического творчества на народном языке (альба X в., открытая в 1888 г. И. Шмидтом, содержит, кроме латинских, провансальские, а не итальянские стихи).

Сохранился один стих по-итальянски после двух стихов на вульгарной латыни в приписке к дарственному акту 1087 г. (находится в государственном архиве Сиены). В римской церкви св. Климента надпись конца XI в. к фреске, изображающей чудо этого святого, передает слова нечестивых слуг царедворца Сисиния по-итальянски, а речь епископа — по-латыни. Эта надпись, по-видимому, является отрывком недошедшего до нашего времени древнейшего латинского «миракля» — театрального действа с шутками — на «volgare».

В XII в. встречается несколько произведений в стихах на народном языке, однако говорить о существовании итальянской литературы еще нельзя, так как древнейшие памятники итальянской поэзии не связаны между собой и по ним невозможно восстановить преемственность и последовательность общего процесса литературного развития. Тем не менее тексты, известные в настоящее время, приводят к заключению, что итальянская поэзия уже в XII столетии была распространена на Апеннинском полуострове наряду с латинской, провансальской и французской.

Примерно 1150 г. датируется четверостишие (одиннадцатисложники — endecasillabi) — надпись на фреске, изображающей

св. Георгия в соборе Феррары, и самым началом XII в.— отрывок, всего два стиха из жонглерской песни, с хореической тенденцией, о страже в Травале (архив Вольтерры, Тоскана). В 1147 г. составитель хроники из Флоренции записал народную песню, ее латинизируя:

Nelia, Telia in ripa de mari sedébat.
Telia dixit: «Sedemus».
Nelia dixit: «Secessemus».
Male de oculis fannu li maris.

Перевод: Нелия и Телия сидели на берегу моря. Телия сказала: «Посидим». Нелия сказал: «Уйдем». «Море причиняет боль моим глазам». Следует, вероятно, как утверждает Джироламо Лаццари, читать: «Male de oculi fami *lu mari*»[5], что указывает на южноитальянское происхождение песни. Эти стихи живо напоминают песню в десятой новелле пятой книги «Декамерона» Боккаччо: «L'onda del mare mi fa gran male».

На севере Италии нам известен поэтический текст на народном языке, восходящий к концу XII в. (1193 г.). Это эпическое четверостишие из Беллуно (провинция Венеция) о феодальных усобицах и распрях, написанное одиннадцатисложником.

Кроме уже упомянутых отрывков, до нашего времени дошли четыре поэтических произведения XII в. в более или менее цельном виде, сочиненных или местными сказителями, или захожими заальпийскими жонглерами, нередко владевшими несколькими языками. Размеры этих произведений — преимущественно восьми — девятисложные стихи с хореической тенденцией, напоминающие древнейшие ритмы соседних романских стран. Сохранились стихотворения: «Лаврентинский ритм» (Ritmo Laurenziano), «Ритм о св. Алексее» (Ritmo su Sant'Alessio), «Ритм из Монтекассино» (Ritmo Cassinense), «Иудейско-итальянская элегия» (Elegia Giudeo-Italiana). Упомянутые архаические произведения итальянской музы — анонимные.

Мы можем назвать лишь имя автора перемежающихся провансальских и итальянских строф — трубадура Рембаута де Вакейраса (Raimbautz de Vaqueiras, род. около 1160 г.). Этот трубадур жил в Ломбардии при дворе маркиза Бонифация II Монферратского, предводителя четвертого крестового похода (1206 г.). Он был посвящен маркизом в рыцари, отправился со своим итальянским покровителем на Восток и умер в 1207 г. в Салоникском королевстве. В своем двуязычном «Контрасте» Рембаут де Вакейрас влагает стихи на генуэзском диалекте в уста строптивой дамы, отвергшей его домогательства и презрительно называвшей его «жонглером» (jujar).

«Лаврентинский ритм» в настоящее время почитается самым древним итальянским стихотворением. Он сочинен жонглером,

хорошо владевшим техникой стиха, кое-что слышавшим о латинской школьной премудрости (он цитирует не без греха «Физиолога» и «Дистихи Катона»); автору были известны и некоторые ухищрения риторики. Хореический ритм жонглера — романский, народный. Каждая строфа объединяется одной рифмой. Этот «унисон», вероятно, восходит к арабским образцам (касыда). Жонглер восхваляет епископа-мецената и просит подарить ему в награду за труды берберского жеребенка. Он обещает прославить своего благодетеля и рассказать о его даре другим своим покровителям, имена которых названы, что дает возможность определить время возникновения ритма: между 1151 и 1157 гг.

«Ритм о св. Алексее» и «Ритм из Монтекассино» также являются образцами архаической романской поэзии. В «Ритме из Монтекассино» перемежаются восьми-девятисложные стихи на одну рифму и десяти-одиннадцатисложные — на другую[6]. Это произведение отражает, по-видимому, спор между бенедиктинцами и православными греческими монахами (василианами), имевшими монастыри в Южной Италии (Великой Греции) еще с римских времен. С достаточной степенью вероятности можно утверждать, что Кассиодор, который после падения государства Теодориха удалился в полумонашеский «Виварий», придерживался со своими последователями василианского устава.

Греко-итальянские монастыри Калабрии были центром, откуда распространялись восточные легенды и предания[7]. К василианам был близок Иоахим Флорский[8]. Спор в «Ритме из Монтекассино» идет между неким мудрецом с Востока («unu magun vir prudente») и представителем западного монашества, который возражает против сурового аскетизма. Эта тема встречается уже в диалогах Сульпиция Севера (363—406 н. э.), где во время препирательства с отшельниками Востока клирик Запада утверждает, что даже ангелы едят и пьют[9].

В среду южноитальянских бенедиктинцев при посредстве василиан проникла равным образом и восточная легенда (приуроченная затем к Риму) об Алексее, человеке божьем. Известно, что латинская версия этого предания существовала с X в., а первая романская (французская) версия восходит к XI в. Итальянский ритм о св. Алексее XII в. написан семи-восьмисложными стихами с одной рифмой в строфе, заканчивающейся двумя десяти-одиннадцатисложными стихами с другой рифмой[10].

Несколько обособленно стоит четвертое известное нам стихотворение на итальянском языке из этого периода времени — еврейская элегия. Ее размер основан на четырех ударениях, расположенных в стихах неравносложных. Стихи связаны одной рифмой в своеобразные примитивные терцины (aaa, bbb, ccc...). Этот плач детей Израиля на путях изгнания навеян текстами библейских пророков. Элегия написана на общем для евреев

Италии языке, не совпадающем ни с одним итальянским диалектом. Заметим, что в XI—XIII вв. евреи вместе с арабами играли значительную роль как медики, математики, финансовые советники, алхимики, переводчики при норманнском дворе и затем в окружении сицилийских Гогенштауфенов, способствуя научным связям между Сирией, Египтом, Испанией и Апеннинским полуостровом.

Литература на латинском языке в Италии XI—XII вв. была на том же уровне, как во Франции и в Англии. Хотя научные и исторические произведения преобладали в итальянской среде, можно назвать имена нескольких одаренных поэтов. Средневековая латинская образованность обусловила появление поэтов-эрудитов — Данте, Чино да Пистойя, Альбертино Муссато. XIII век не только воспринял, но продолжил и значительно углубил культуру предшествующих столетий.

В эпоху Дудженто латинский язык уступил важнейшие позиции языку народному. В это время, как бы догоняя утраченные века, создалась литература на «volgare», разнообразная и богатая. Мы не находим на Западе другого примера столь быстрого, столь стремительного творческого развития. Оно привело к тому, что в XIV—XV вв. итальянская литература заняла главенствующее место в Европе, в XII в. бесспорно принадлежавшее Франции. То же самое можно сказать об эволюции итальянского изобразительного искусства, в течение долгих столетий подражательного и ученического. В XIV—XV вв. итальянские живописцы и скульпторы создали произведения, которые — в той или иной степени — повлияли на живопись, архитектуру и скульптуру всей Европы.

Под влиянием трубадуров и арабской лирики итальянская поэзия XIII в. (первые ростки которой мы находим уже в XII столетии) осложнилась и приобрела необходимые технические навыки. Поэты Италии создали свои формы (сонет, усложненные строфы канцоны, терцины) для выражения новой системы чувств и новых мыслей. Первые истоки итальянского литературного языка и литературной поэзии следует искать в Сицилии на рубеже XII и XIII вв., в той многонациональной и свободомыслящей среде, в которой скрещивались сказания Востока и легенды Запада, песни трубадуров и лирика арабов, латинская традиционная риторика и архаические народные ритмы странствующих жонглеров [11]. Этот литературный процесс достиг наивысшего развития во второй половине века во Флоренции, где прозвучали стихи, столь возвышенные и гармонические, что провансальские музы должны были склониться и уступить пальму первенства музам Италии [12].

ПРОЗА ДУДЖЕНТО

За пределами Италии, в романских странах поэзия на народных языках существовала с XI в. Франция создала эпос, герои которого прославлялись по всей Европе. Французские стихи повествовали удивленным слушателям, не сведущим в латыни, о трагических судьбах Трои и древних Фив. Романы круглого стола, Повесть о Тристане и Изольде переводилась в германских и славянских странах. Поцелуй Ланселота соблазнил Паоло и Франческу, низвергнутых в огненный вихрь второго круга дантовского ада не без вины сочинителей куртуазных романов. Из Франции в Италию проникала также аллегорическая и дидактическая литература. Еще сильнее было влияние на Италию провансальской поэзии. Первый трубадур Прованса и первый поэт Европы — ибо память о его предшественниках, если они существовали, у нас не сохранилась — герцог Аквитанский Гильельм IX, обладал такой высокой техникой стиха и таким мастерством, что истоки его творчества были бы необъяснимы, если бы не связи его художественных приемов с испано-арабской поэзией, влияние которой нельзя не обнаружить также в Сицилии.

От первых стихотворцев Сицилии до поэтов Флоренции позднего Дудженто влияние провансальской поэзии в Италии не ослабевало; менялись лишь пристрастья к тем или иным трубадурам. В этой вековой истории провансальского воздействия на итальянскую литературу можно отметить постепенное освобождение итальянцев от ученической робости, от имитации литературных условностей, формул, канонов, даже чувств. С конца XIII в. наблюдается иной литературный процесс: творческое восприятие лучших образцов поэзии трубадуров поэтами сладостного нового стиля. Великий флорентиец уже не столько

следовал по стопам своих провансальских учителей, сколько боролся с ними за первенство, вызывая на состязание Арнаута Даниэля и Джираута де Борнеля.

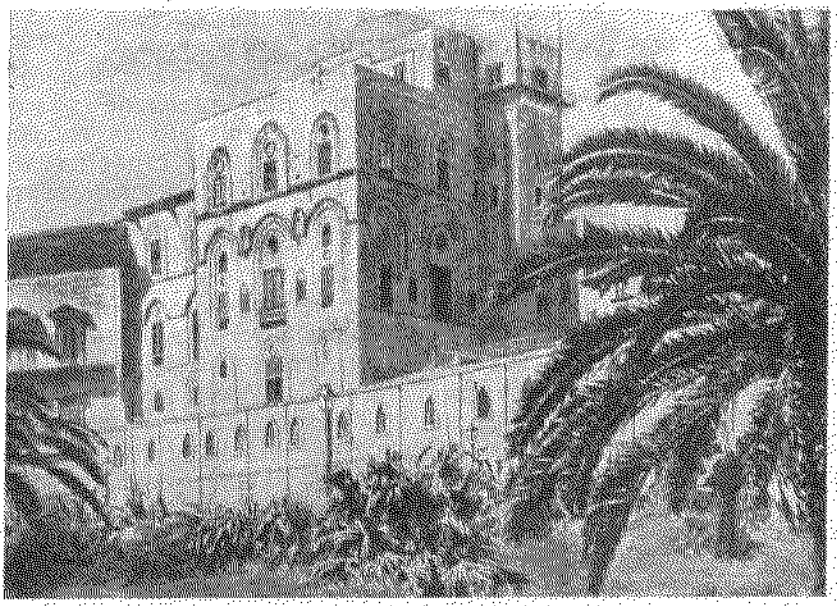
Итальянская литература Дудженто, по словам известного историка литературы Анджело Монтеверди,— «двойное чудо». Первое чудо заключается в том, что, «не имея ничего за собою» в предшествующих веках, она в течение одного столетия достигла недоступных ранее высот, превзойдя в творчестве Данте все, что было создано на европейских языках в Средние века [1].

С этим мнением нельзя вполне согласиться. Итальянская литература Дудженто имела за собою латинскую культуру нескольких столетий. Ритмика романских жонглеров XII в. и народная поэзия юга Италии положили основу итальянского стиха последующих времен. Всякое литературное «чудо» в значительной степени объясняется историческим развитием, особенно развитием ускоренным, как в Италии эпохи Данте. Вторым чудом Монтеверди считает неослабевающий интерес наших современников к итальянской поэзии XIII в., в то время как между средневековой литературой других стран (даже Франции) и читателем новейшего времени образовался провал, который лишь отчасти преодолевается историко-литературными комментариями. Наблюдение меткое и верное; все же и это чудо имеет свои исторические причины.

Поэты Тосканы второй половины XIII столетия, восприняв культуру средневекового гуманизма, литературные идеи куртуазии и высокую поэтическую технику трубадуров, философски переосмыслили, психологически углубили наследие прошлого и создали более совершенный стих. Тем самым они приблизились к восприятию нового времени и открыли пути в эпоху Возрождения — в этом их непреходящее значение для развития европейской и мировой литературы.

Поэзия на итальянском языке возникла в XIII в. из двух главных источников — лирики трубадуров и народной поэзии, образцы которой находим еще в XII столетии. Следует также отметить влияние на зарождающуюся итальянскую литературу французской и арабской поэзии. Сицилийские поэты Дудженто создали сонет, варьируя строфу провансальской канцоны. Возможно также, что на первоначальную форму сонета повлияла народная песня, расчлененная на строфы. Можно сказать не преувеличивая, что сонет зачаровал и покорил европейскую поэзию. Сама канцона, которую Данте объявил высшей формой поэтического творчества, была усовершенствована итальянцами. Данте развил и новую форму — терцины, воспринятые затем всеми европейскими литературами.

Итальянская поэзия Дудженто отличается большим тематическим и жанровым разнообразием. Превознесение благой и



Резиденция Фридриха II в Палермо (Палаццо Реале). Памятник арабо-норманнской архитектуры

прекрасной дамы в стихах поэтов сладостного нового стиля соседствует с «натуралистическими» любовными сценами поэтов-сатириков Тосканы. Разгульный Чекко Анджольери противополагает свою Беккину дантовой Беатриче.

Политические стихи в Италии XIII в. принимали то возвышенные и сложные формы провансальских стихов, то звучали в голиардических ритмах и в хореях простонародных песен.

На религиозные песнопения спиритуалов влияли и арабская лирика, и французские фаблио, и византийские литании.

В поэзии Дудженто нетрудно обнаружить элементы реалистические и натуралистические. Нередко один и тот же поэт (по мере своей одаренности и своих склонностей) пользовался разными стилистическими манерами. У основателя сладостного нового стиля Гвидо Гвиницелли встречаются и возвышенные и сенсуальные образы. Циник Рустико ди Филиппо слагал — порою не без изящества — куртуазные сонеты в честь жестокой дамы. Для отражения многосторонней реальности мира Алигьери свободно пользовался любыми красками и тонами поэтической палитры, с удивительным, классическим чувством меры охватывая и синтезируя лучшее, что осознали и воплотили

его предшественники, писавшие по-итальянски, по-провансальски, по-французски и по-латыни[2].

В XIII в. поэзия на народном языке вытеснила латинскую. Все же по-латыни продолжали писать ученые, философы и богословы. Из них наибольшей славой в Европе пользовались доминиканец Фома Аквинский (Tommaso d'Aquino, 1225—1274) и францисканец Бонавентура из Баньореа (в миру Giovanni Fidanza, 1221—1274), подвизавшиеся на теологическом факультете Парижского университета.

Интерес к сочинениям великого средневекового философа не угас и в эпоху Возрождения. Любопытно, что первой печатной книгой в Европе было сочинение Фомы Аквинского «Сумма теологии». Оно было выпущено в Майнце в 1459 или 1460 г. анонимным Печатником, которого большинство библиологов, в том числе крупнейший советский книговед проф. Н. П. Киселев, отожествляли с изобретателем книгопечатания Иоганном Гутенбергом (экземпляр этой книги имеется во Львове в библиотеке Академии наук).

«Золотая легенда». Народная агиографическая книга и ее автор

Тяготение к универсальности, стремление пересмотреть и привести в систему культурное наследие всего периода христианской цивилизации было характерной чертой XIII столетия, стоявшего в преддверии новой эпохи. В области философии и теологии оно проявилось в трудах Фомы Аквинского, в области латинской агиографической литературы — в «Legenda Sanctorum» собрата Фомы по ордену, Якопо из Варацце (Jacopo da Varazze или Voragine, Varagine, 1230—1298). Житийный свод итальянского писателя, получивший у переписчиков название «Золотая легенда» (Legenda aurea), и в эпоху Возрождения оставался излюбленным народным чтением в странах Западной Европы и мог поспорить популярностью с библией и рыцарскими романами. Уже при жизни автора книга получила необычайное распространение в Италии и за ее пределами — первая из известных немецких рукописей датирована 1282 г., первый французский перевод — началом XIV в.[3]

Причины, побудившие Якопо да Варацце, образованного теолога, автора нескольких сборников проповедей, приняться за свой труд, были иными, чем у его византийского предшественника Симеона Метафраста, предпринявшего огромную работу по собиранию и приведению в порядок греческой житийной литературы. Метафраста не удовлетворяла грубость слога и примитивность многих житий, составленных по большей части малообразованными монахами и вызывавших досаду и смех

у ученых византийцев X столетия. Симеон Логофет хотел придать им форму, которая бы удовлетворяла утонченным вкусам его времени, сообщить им стилистическую элегантность, соответствующую высокому уровню современной литературы[4]. Метафраст ориентировался прежде всего на читателя образованного, «Золотая легенда», по мысли ее автора, была обращена к более широкой и менее литературно искушенной и требовательной аудитории.

Где бы ни предпринималась новая переработка агиографического наследия — в Византии ли современником Якопо да Варацце Константином Акрополитом (получившим прозвище «второго Метафраста») или в России XVI в. митрополитом Макарием и его сотрудниками, она всегда была вызвана историческими и культурными переменами, происходившими в обществе. Каждая новая редакция житий адресовалась к читателю определенной эпохи, страны, местности и исходила из его уровня и потребностей.

Ориентируясь на массового народного читателя, сборник Якопо да Варацце явился до известной степени выражением духа итальянского XIII столетия — эпохи, когда различного рода конфликты, вызванные социальными потрясениями и экономическими сдвигами, облекались в формы народных еретических и полуеретических религиозных движений (иоахимизм, апостольские братья, восстание Дольчино и др.). Усиление роли пополанских масс в истории городских коммун, переживавших период бурного развития, не могло не сказаться и на деятельности возникших в первые десятилетия Дудженто нищенствующих монашеских орденов. И францисканцы, и доминиканцы возводили поначалу свои оратории и монастыри в городских предместьях, населенных самыми бедными и бесправными слоями горожан.

Как и прочая нищенствующая братия, Якопо из Варацце (маленького приморского городка близ Генуи) много странствовал по стране и многое видел собственными глазами, отнюдь не оставаясь сторонним наблюдателем событий своего века. Картины итальянской действительности XIII столетия в Хронике Генуи[5], которую он сочинял в годы старости, незадолго до смерти, хранят следы живых впечатлений. Не чужд был ему и местный генуэзский патриотизм.

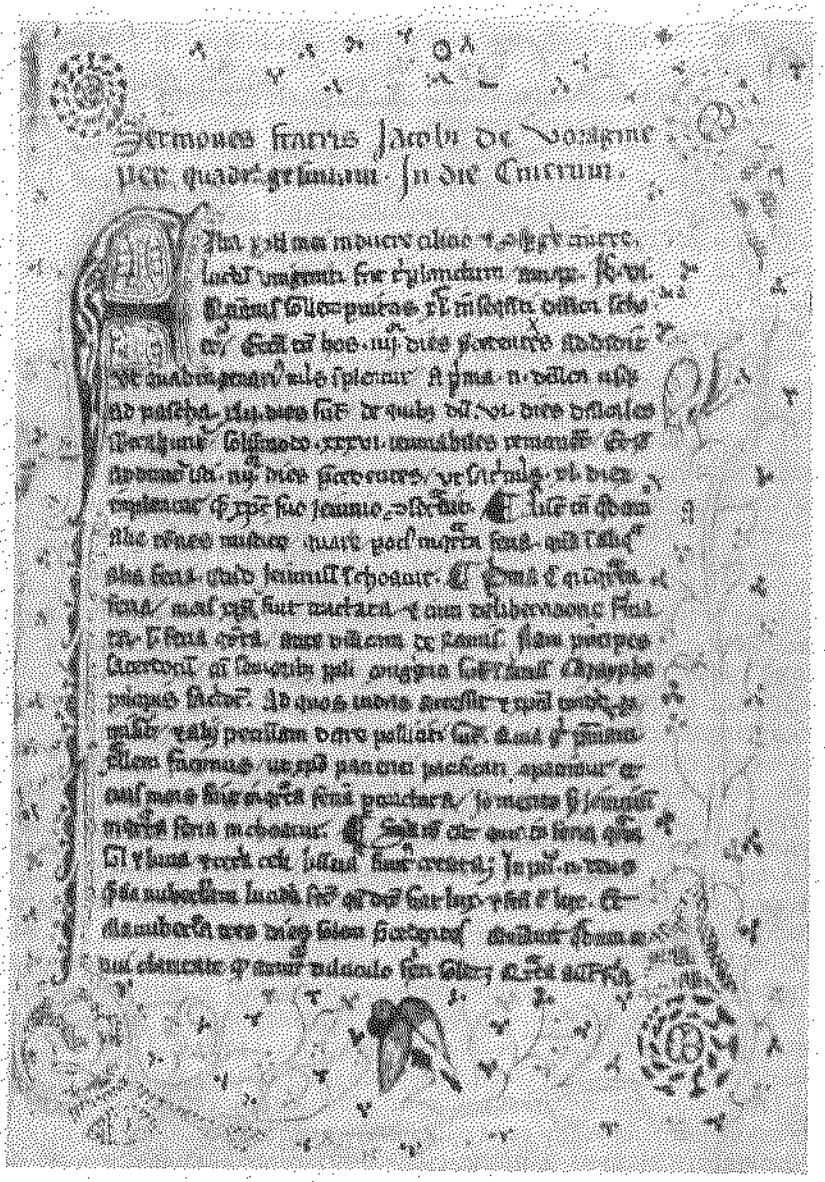
По политическим воззрениям автора «Золотой легенды» можно причислить к гвельфам. Подростком он стал свидетелем того, как, спасаясь от Фридриха II, папа Иннокентий IV укрылся за стенами Генуи; именно в этом, 1244 году, Якопо вступил в орден. В изобиловавшей драматическими коллизиями борьбе империи и папства симпатии доминиканца были на стороне римского престола. Описывая комету 1264 г., он усматривает в ней знамение близкого падения дома сицилийских Гогенштa-

уфенов. В таком духе рекомендовал толковать ее папа в проповеди, прочитанной в доминиканском монастыре в Витербо.

Не раз приходилось Якопо выполнять дипломатические поручения Генуэзской республики. В 1288 г. коммуна посылает его к римскому первосвященнику с ходатайством о снятии интердикта с города, который, несмотря на папский запрет, осмелился торговать с сицилийцами после восстания на острове против союзников папы — неаполитанских Анжу (так называемой Сицилийской вечери). Во время войны между соперничающими морскими державами — Венецией и Генуей — он снова участвует в посольстве к папе, предложившем свое посредничество. Став архиепископом Генуэзской республики, Якопо занял надпартийную позицию и приложил много усилий, чтобы прекратить раздиравшую город в течение нескольких десятилетий гвельфо-гибеллинскую распрю.

В своей «Хронике» Якопо описал первые волны движения флагеллантов, прокатившиеся по Италии в 1261 г. С нескрываемым волнением рассказывает он о процессиях полуобнаженных людей, которые, неистово избивая себя, «с ангелоподобными песнопениями» проходили по городам и селам Италии, доводя народ до религиозной экзальтации. Впереди них с распятиями и хоругвями шествовали присоединившиеся к бичующимся клирики и монахи. Возможно, что в толпе флагеллантов шел и будущий генуэзский архиепископ, тогда молодой бродячий проповедник. Во всяком случае отношение хрониста к этому массовому религиозному безумию, охватившему все слои итальянского общества, самое восторженное. Спустя три десятилетия он отдастся нахлынувшим на него воспоминаниям и запишет: «С наступлением холодов процессии их не прекратились. Не было удивительным, что они [т. е. почти раздетые флагелланты] не ощущали холода, ибо огромный жар любви, что они несли в себе, пылал в их сердцах и делал их нечувствительными к наружному холоду». В последней главе «Генуэзской Хроники» (Chronicon Genuense) Якопо пишет о себе и приводит названия своих сочинений и первых строк, которыми начинаются прологи к ним. Предосторожность эта была нелишней, учитывая привычку переписчиков часто опускать имя автора. Из этой главы мы узнаем, что «Генуэзскую Хронику» он начал писать в 1293 г.

Несмотря на политический и жизненный опыт хрониста, его объяснение причин столкновений различных социальных сил отличается наивным примитивизмом: Якопо видит в них лишь «происки врага рода человеческого», дьявольское «наваждение». И индивидуальный человек, и город, и страна, и вся человеческая история представляются ему ареной, где действуют трансцендентные силы. «В нашем мире,— пишет он в «Хронике» (XII, IX),— добро не может быть чистым, ибо чистая доброта пребывает на небе, а чистое зло — в аду; в нашем мире добро



Сборник проповедей Якопо да Вараццe. Рукопись XIV в.
Ленинград, ГПБ. Lat. Q. v. I, N 176

и зло перемешаны». Эти типично средневековые представления получили образное воплощение в рассказах «Золотой легенды».

Гуманисты Возрождения, в частности испанский эрудит Х.-Л. Вивес, говорили, что «Золотая легенда» — беспорядочное собрание произвольно объединенных рассказов. Их упреки в компилятивности, повторениях, стилевой пестроте в значительной степени адресовались книге в том виде, в каком она бытовала в XVI в.[6] Стараниями переписчиков разных стран творение итальянского писателя разбухло за несколько столетий почти вдвое. Количество последующих вставок и дополнений в первоначальный текст поистине фантастично. В настоящее время известно около семисот рукописей «Золотой легенды», причем более ста из них датируются концом XIII в. Только в немногих и самых ранних списках содержится около 180 легенд (столько, по-видимому, было и в авторском тексте). Но уже с начала XIV в. количество их стремительно нарастает за счет интерполяций житий местных национальных святых[7]. Процесс этот можно наблюдать и на французских, и на немецких, и на польских списках «Золотой легенды» (например, в краковской рукописи начала XIV в. добавлены легенды о польских святых Адальберте и Станиславе). К концу XV в. книга Якопо выдержала 143 издания, они также заметно разнятся по своему составу. Если первое печатное издание «Золотой легенды» 1471 г. включало около 280 легенд, то в появившемся через десятилетие французском издании (1480 г.) их становится почти вдвое больше (440), а в тексте отца английского книгопечатания Уильяма Какстона (1483 и 1493 гг.) их насчитывается 448.

Имя автора в ранних рукописях обычно не упоминается. В некоторых списках книга именуется «новой легендой»; тем самым переписчики как бы хотели подчеркнуть, что она отличается от старых агиографических сборников. В «Генуэзской Хронике» (XII, IX) Якопо называет свою книгу «Легендой святых», в первых печатных изданиях она озаглавлена «Historia Lombardica».

Наименьшее количество добавлений к авторскому тексту содержится в рукописях итальянского происхождения, что объясняется тем, что национальное предание было использовано Якопо с наибольшей полнотой. Реконструировать стиль агиографа из Варацце, судить о его композиционных приемах и манере рассказа можно только по ранним рукописям отечественного происхождения. Поскольку до настоящего времени отсутствует критическое издание текста «Золотой легенды» на языке оригинала, исследователю приходится учитывать серьезную текстологическую работу, которая была проделана в XX в. при подготовке изданий «Золотой легенды» на национальных языках: И.-Б. М. Роз — переводчиком и комментатором трехтомного французского издания 1902 г. (переиздано Х. Савон в 1967 г.),

А. Левасти, осуществившим итальянское издание 1924—1926 гг., Рихардом Бенцем, который положил в основу своего немецкого перевода (Берлин, 1963) латинскую мюнхенскую рукопись 1282 г., и, наконец, редактором польского перевода книги Якопо (издан в 1955 г.) Марианом Плезя [8].

При работе над сводом легенд Якопо из Варацце пользовался многочисленными источниками: «Трехчастной историей» Кассиодора, схоластикой, хрониками и разросшейся почти за тысячелетний период своего существования латинской житийной литературой, прежде всего обращавшейся в Италии. Эта литература возникла в результате взаимодействия анонимного коллективного творца и литератора, редактора, записывавшего и обрабатывавшего народные предания, который неизбежно должен был следовать в русле сложившейся традиции [9].

Якопо обычно указывает свои источники, нередко заимствует из них целые куски, но и в этом случае он, подобно Симеону Метафрасту, подвергает их литературной обработке, благодаря которой почерпнутые из разных мест материалы обретают единый ритм и интонацию. Итальянский агиограф создал единый в своей целостности христианский Олимп. Разностильные, принадлежавшие разным временным пластам рассказы связались в его сборнике не только единством стиля, но и смысловым: каждая из легенд как бы дополняет и развивает тему предыдущей.

Произведение писателя из Варацце отличается от бесчисленных средневековых житий, составленных мозаичным методом. При отсутствии понятия авторской собственности не считалось зазорным обогащаться за счет заимствований у других агиографов отдельных выражений, описаний целых периодов жизни подвижников, похвальных слов или характеристик. Метод адаптации широко практиковался в латинской и русской житийной литературе [10], не пренебрегали им и агиографы Сирии и Византии. Не отказавшись вполне от компилятивного метода средневековых книжников (например, в житии Фомы Бекета он упоминает добрый десяток источников), Якопо значительно свободнее оперирует известным ему материалом и заставляет его подчиняться своим замыслам. Пользуясь источниками порой весьма пространными, он их унифицирует, стараясь оставаться в пределах избранного им небольшого по объему и довольно лаконичного рассказа. «Золотая легенда» имеет выраженную авторскую физиономию и является продуктом индивидуального литературного творчества. Именно печать личности автора, очарование его искренности и подлинное волнение, с каким он повествует о судьбах своих героев, объясняют стойкий успех книги в продолжение трех столетий.

Расположены легенды в литургическом порядке, т. е. в порядке праздновавшихся западной церковью дней святых [11] (у

Метафраста и в наших Четьях-Минеях эти дни не совпадают). Жанр агиографической легенды требовал включения элементов историзма — он отличается от сказки тем, что повествует о лицах исторически существовавших (или же принимаемых за таковых) и имеет хронологическое и топографическое приурочивание. Впрочем, это приурочивание весьма поверхностно и условно, так как Якопо нередко опускает точный исторический костюм, названия местностей и городов, даже упоминавшиеся в его источниках те или иные исторические имена, если они кажутся ему необязательными для его повествования. Благодаря отбрасыванию исторических подробностей происходит слияние времен, а утратив многие из своих отличительных черт, персонажи легенд превращаются в типизированные образы. Однако от сказочных героев их отделяет известная грань — они живут не в сказочной стране по ту сторону всякого времени, а крепко вписаны в средневековый пейзаж. Реальность и вымысел в легендах причудливо перемешаны; в зависимости от преобладания того или иного элемента они могут приближаться либо к истории, либо к сказке.

Конструкции легенд у Ворагина довольно разнообразны. Он менее византийских и русских агиографов скован каноническими житийными схемами, жанровым «этикетом». Так, у него нет в конце традиционных похвал святому, нет предисловий, где авторы обычно занимались самоуничижением, печалясь о своем несовершенстве и недостоинстве. Нельзя упрекнуть его и в излишнем многословии, которым грешили многие его собратья. Как опытный проповедник, Якопо не хочет быть навязчивым и повествует о своих героях с наивозможной краткостью.

Каждая легенда сопровождается аннотацией, где дается основная сюжетная канва. Эти введения динамичны — в них отсутствует назидание и как в сценариях будущей комедии дель арте указана лишь последовательность действий. Такой характер аннотирования содержания перейдет в итальянскую новеллистику следующих столетий.

В начале легенд Якопо помещает подробные этимологии имен святых, часто не менее фантастичные, чем у других эрудитов XIII столетия, не знавших, так же как и автор «Золотой легенды», греческого языка. Этой средневековой страсти к этимологическим толкованиям отдал дань и Данте.

По большей части легенды дают описание не всей жизни подвижника, а лишь ряда отдельных, особенно примечательных, «торжественных» ее эпизодов. Как Григорий Великий в «Диалогах» или же как Иоанн Мосх в «Лимонарии», Якопо обходит молчанием многие факты биографий своих героев, даже если они ему известны, но кажутся будничными и несущественными. Такая структура легенд отвечала «потребности средневекового человека подниматься над обыденностью» [12].

В то время когда итальянец писал «Золотую легенду», имея за собой многовековую национальную традицию, русская агиография делала свои первые шаги. Эта дистанция станет ощутима, если сопоставить сборник Якопо из Вараццe, представляющий собой поздний этап эволюции агиографического жанра, и труд его современников — русских агиографов Симона (Владимиро-Суздальского епископа) и Поликарпа (Печерского игумена), которые прибегли для рассказов об отечественных подвижниках к самой древней житийной форме — посланию. Их эпистолярные рассказы легли в основу Киево-Печерского Патерика, самого старого житийного свода, созданного на Руси [13].

Основной прием создания характеров в «Legenda aurea» — типизация. Ворагин пользуется выработанными в течение столетий идеальными схемами, варьируя их добавлением в небольших дозах индивидуальных черт и обстоятельств. Этот прием порождает повторяемость событий и схожесть ситуаций. Но было бы неверно говорить об однообразии легенд Якопо. Повествование его оживляется театральными сценами, выразительными диалогами, неожиданными поворотами событий. Поскольку одним из главных требований к житийной литературе — основному в те времена народному чтению — была занимательность, Якопо в большом количестве вводит в свои очерки бытовые новеллистические рассказы, столь любимые горожанами его времени. В «Золотой легенде» они играют ту же роль, что exempla («примеры») в проповеди, т. е. имеют не самостоятельное значение, а используются в качестве иллюстраций определенных положений и идей, которые автор хочет утвердить в сознании своих читателей.

Немало в легендах и авантюрно-приключенческих и даже детективных сюжетов (некоторые из них восходят к античной литературе), элементов волшебной сказки (в частности, восточной, что связано с усилением арабского влияния на европейскую культуру), мотивов из эпических сказаний и chanson de geste. Якопо из Вараццe, как и другие агиографы, брал все, что могло поразить воображение читателя, даже самого неискушенного, однако никогда не забывал при этом основной цели своего произведения — религиозно-дидактической. Мы найдем в «Золотой легенде» и изъяснение сложнейшей символики христианского культа и головоломных построений католической доктрины.

Многочисленные персонажи «Золотой легенды» резко делятся на две противостоящие друг другу группы. Одна — и на ее стороне все симпатии автора — это мученики, отшельники, подвижники, святые девственницы. Другая — при ее изображении Якопо не скупится на черную краску — это неправедные судьи, языческие императоры — гонители христиан, предатели и палачи.

Положительные герои представлены как некие идеальные образы, абстрагированные от реальных деталей. Отдельные черты, которые могли бы сделать их менее привлекательными, намеренно оставлены в тени. В некоторых легендах Ворагин как бы отдает дань тому направлению в средневековой агиографии, которое предпочитало не затемнять ореола святости ничем человеческим. По ироническому замечанию И. Делейе, агиографы этого направления охотно выдрали бы из Евангелия рассказ об отречении от Христа первого из апостолов [14].

В ряде легенд, наоборот, человеческие слабости и недостатки героя, даже его преступления и пороки обрисовываются довольно выпукло, но все это относится к герою до того, как он вступил на путь праведной жизни. Сила греха, та страсть, с какой герой ранее предавался соблазнам мира, должны быть превзойдены мощью покаяния, тем неистовством, с каким он начинает предаваться всем крайностям аскезы (например, затворница Таис и пустынница Мария, в прошлом известные александрийские куртизанки). В народном представлении герой непременно есть личность сильная, недюжинная, подобная доблестной Фелисите, которая стоически выдержала гибель семи своих сыновей и приняла смерть последней. Автор «Legenda aurea», тесно связанный с народной традицией, изображает многих из своих положительных героев именно таким образом. На другом полюсе располагаются злодеи. Они обрисованы резкими энергичными штрихами и создают в совокупности впечатление некоей отвратительной, отталкивающей массы. Принципы типизации итальянской народной агиографической литературы были усвоены и получили дальнейшее развитие в масках комедии дель арте.

Большой удельный вес в книге занимают passiones — рассказы о мучениках (греч. мартирии). Они построены примерно по одной схеме. Завязка — начавшееся гонение на христиан. Преследования чрезвычайно жестоки. Кто может, спасается бегством, все переполнены страхом, свирепствуют доносы. Среди общей паники лишь герой легенды сохраняет душевное спокойствие и продолжает бесстрашно исповедовать свою веру. Его хватают и приводят к судье. Следует диалог между обвинителем и арестованным. Тональность диалогов различна в разных легендах. Иногда это длинные и довольно мирные беседы, где царит риторика, иногда — настоящие богословские диспуты (как в легенде об апостоле Андрее). Но чаще диалоги ведутся в более быстром темпе и больше походят на перепалку, в которой противные стороны не скупятся на резкие выражения и взаимные оскорбления. После чего непременно следуют сцены пыток. Они отличаются чудовищной жестокостью и описываются с крайним натурализмом. Автор словно хочет заставить читателей увидеть потоки крови и раздираемые пыточными

Джотто. Св. Стефан. Флоренция, собрание Х. П. Хорн

инструментами тела, почувствовать запах горелого мяса, услышать хруст ломаемых костей. Читатель содрогается, приходят в ярость палачи, но сами жертвы ни воплями, ни стонами не обнаруживают своих мук, зато демонстрируют сверхчеловеческую выдержку и несгибаемую веру. Сцены казней, естественно, кончаются смертью мучеников. Смертью, но не поражением. Концы passiones мажорны, и в целом этот жанр можно было бы назвать оптимистической трагедией. Погибая, герои легенд духовно и морально торжествуют над своими мучителями.

В описание отдаленных по времени событий (действие passiones происходит в давно миновавшую пору массовых гонений на христиан) Якопо вносит страстность непосредственного участника, которая станет понятна, если вспомнить, что ему довелось быть свидетелем мученической смерти своего собрата по ордену — доминиканского проповедника Петра. Как и у последующих писателей, разрабатывавших исторические сюжеты, перед глазами автора «Золотой легенды» стояли картины современной действительности и в прошлое проецировался личный опыт и лично пережитое.

Хорошо изучивший за годы странствий по Италии народную аудиторию, Якопо понимал, что она не может удовольствоваться одной надеждой на загробное возмездие злым и блаженство праведников. Стихийный материализм, свойственный народному восприятию, требовал, чтобы злые и несправедливые несли заслуженное наказание уже на земле и чтобы вознаграждение униженных и оскорбленных было вещно и зримо. Эта потребность облеклась в натуралистически выписанные сцены не только духовного, но и телесного торжества невинно убиенных мучеников. Едва успевают упасть их отсеченные секирами головы, как к ужасу обрызганных кровью палачей обезглавленные тела встают, наклоняются, берут в руки свои отсеченные главы и со спокойным достоинством шествуют с ними туда, где хотят быть погребенными. Дионисий Ареопагит, например, прошагал таким образом почти две мили от виноградников Монмартра до своей могилы.

Любопытно, что этот эпизод будет повторен в русском житии Меркурия Смоленского, написанном в том же веке, что и «Золотая легенда». Доблестный воитель за русскую землю был выходцем с Запада, так же как другой герой полународной русской агиографии — Антоний Римлянин.

Эта любимая народной агиографией сцена поразила и воображение Данте. Поэт перенес ее, переосмыслив, даже, пожалуй, спародировав, в «Божественную Комедию», но сохранил ощущение детского ужаса, которое испытал, когда слушал или читал легенды-мартирии. Не погибший мученической смертью святой, но отъявленный грешник, трубадур Бертран де Борн (вер-

нее его безголовое тело) шагает по адским безднам, держа перед собой, как фонарь, собственную голову. В эпизоде XXIX песни «Ада» (как и в некоторых других) мы усматриваем не повторение великим поэтом известной ситуации, а напротив, желание освободиться от привычных житийных схем. Образ Бертрана де Борна свидетельствует в то же время о силе влияния, какое имела агиографическая литература на воображение людей Средних веков.

Легенды об императоре Юлиане, примасе Англии Фоме Бекете и Доминике

Особенности житийного жанра особенно наглядны в жизнеописаниях лиц, чья историческая реальность не вызывает сомнений, и о ком сохранилось много свидетельств современников. В конце XIX — начале XX в. агиографические памятники изучались главным образом с точки зрения их исторической ценности. Именно с такими задачами подходили к исследованию латинской житийной литературы болландисты, древнерусской — В. Ключевский, византийской — В. Васильевский. Вывод из этих международного охвата штудий был поразительно единодушен — было показано, что историческая ценность агиографических памятников весьма невелика. Историки добровольно уступили место филологам, убедившись на собственном опыте в том, что агиографические тексты должны изучаться прежде всего как произведения литературного творчества (коллективного или личного) [15].

«Трудно найти другой род литературных произведений,— писал в магистерской диссертации о древнерусских житиях В. О. Ключевский,— в котором форма в большей степени господствовала бы над содержанием, подчиняя последнее своим твердым, неизменным правилам. Она представляет первую и главную преграду, стоящую между историком и историческим фактом, который заключается в житии. Ее изучением должен начаться критический разбор жития» [16].

Даже в том случае, если установлена историческая реальность житийного героя и в легенде сообщаются вполне достоверные топографические и хронологические сведения, это, как правило, лишь видимость достоверности. «История слишком часто не проясняется, а затемняется легендой»,— говорит один из самых крупных авторитетов в области агиографической литературы Ипполит Делейе [17].

Сопоставим образ последнего языческого императора, как он обрисован современником Юлиана Аммианом Марцеллином, с его «портретом» в «Золотой легенде». Аммиан Марцеллин — историк более или менее объективный. Он был чужд какому-

либо религиозному фанатизму и не проявлял вражды к христианству. Стоя на позициях веротерпимости, он даже упрекал императора в том, что тот запретил преподавать в школах риторам-христианам, и неодобрительно отзывался о склонности Юлиана к языческим суевериям.

В десяти книгах своей Истории (XVI—XXV) Аммиан повествует о деяниях Юлиана, о его мужественной борьбе за величие Рима, о его талантах полководца и личном бескорыстии. Юлиан и его окружение противопоставляются двору христианского императора Констанция, бездарного политика, погрязшего в интригах и бесконечных спорах о церковной догматике. Аммиан Марцеллин старается не идеализировать Юлиана: в специальной главе он разбирает не только достоинства, но и недостатки умершего императора. Положительными его качествами Аммиан считает целомудрие, непритязательность в еде, уменье переносить жару и холод, военную доблесть и личное мужество. Он хвалит Юлиана за справедливость и гуманность судебных приговоров, за простоту в обращении и доступность. Вызывает одобрение историка и любовь Юлиана к знанию и образованным людям, в особенности же — постоянное внимание к нуждам подданных [18].

Этих качеств с избытком хватило бы на нескольких идеальных «христианских государей». Но под влиянием церковной пропаганды образ последнего языческого императора в народном воображении покрылся таким плотным слоем легендарных измышлений и приобрел столь отвратительные очертания, что под ними почти невозможно узнать черты исторически реальной личности.

Легенда о Юлиане изобилует чисто сказочным материалом. Юлиан наделен всеми возможными отрицательными качествами. Утвердившееся за императором прозвище «Отступник» объяснено довольно примитивно; оказывается, он был сначала монахом и даже отличался набожностью. Почитая его за человека праведной жизни, одна женщина принесла ему на сохранение горшки с золотом, которое было сверху посыпано для маскировки золой. Но монашек оказался мошенником и вором; пользуясь отсутствием свидетелей, он украл доверенное его попечениям богатство. Юлиан убегает из монастыря и направляется в Рим, где с помощью краденого золота становится сначала консулом, а затем избирается в императоры.

Этот обманщик ко всему еще и волшебник, с детства знакомый с черной магией. Однажды, когда он в отсутствие учителя прочел заклинание, явилась бессчетная толпа дьяволов, предводительствуемая главным демоном. Но отрок перекрестился, и толпа исчезла. Став императором, Юлиан захотел поставить себе на службу дьявольские орды, для чего повсюду разрушал изображения креста и преследовал христиан. В противном случае, думалось ему, духи зла откажутся повиноваться

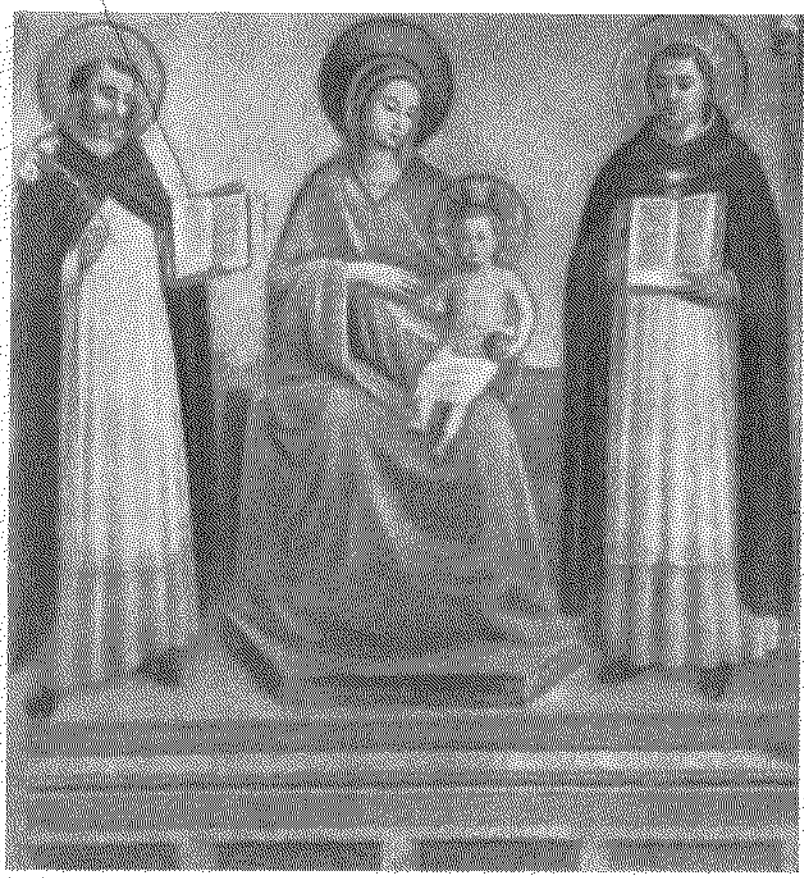
его воле. В Юлиане легенды не осталось никакого проблеска человеческого.

Этот отталкивающий образ имеет мало общего со своим историческим прототипом и является порождением народной фантазии. По нему можно судить, сколь зыбки границы, отделяющие житийную литературу от фольклора (на это неоднократно указывали болландисты [19] и Ф. И. Буслаев [20]). По методам своей обработки образ Отступника — один из наиболее характерных в галерее отрицательных персонажей «Золотой легенды».

Контрастность, отсутствие переходов, безмерность в хуле и похвалах — эти черты эпического и сказочного народного творчества были унаследованы Якопо и сближали его героев с героями фольклора, способствуя успеху «Золотой легенды» у народного читателя.

Если Юлиан Отступник — типичный образчик злодея, то Фома Бекет — праведника. В легенде о Фоме Якопо повествует об исторической личности, отделенной от него всего одним столетием, и ссылается на добрый десяток известных ему источников. Примерно на тех же материалах работал и писатель XIX в. Конрад Фердинанд Мейер, создавший проникнутую глубоким психологизмом историческую новеллу «Святой» (живыми ее красками восхищался А. М. Горький в предисловии к русскому изданию 1922 г.).

Итальянского агиографа не интересует ни политическая обстановка в Англии, ни отношения канцлера с королем, ни, наконец, перипетии духовной жизни Фомы Бекета — весь сложный клубок причин, обусловивших превращение могущественного правителя Англии и королевского любимца в аскета и злейшего врага Генриха II. В легенде о Фоме события, предшествующие кульминации,— именно они более всего занимают романиста нашего времени — остаются за сценой. Легенда начинается с того момента, как Фома Бекет принимает сан архиепископа Кентерберийского. Исторические факты служат для агиографа лишь канвой, которую он причудливо разукрашивает, особенно обильно вводя сказочный материал в раздел посмертных чудес. Какое отношение к примасу Англии имеет, например, рассказ о сосуде с водой, который в руках обманщика и вора становится пустым? Или история о легкомысленной кокетливой даме, явившейся к гробнице святого, чтобы похорошеть. Или же, наконец, сказочное чудо с говорящей птицей, преследуемой орлом. Достаточно было птице воззвать о помощи к Фоме, как хищник замертво упал на землю. Все это фантазия самой чистой воды, которая с равным успехом могла бы украшать любое другое житие. Но писатель сознательно предпочел эту сказочную новеллистику хорошо ему известным историческим фактам.



Фра Беато Анджелико да Фьезоле (1387—1455). Мадонна с Фомой Аквинским и Домиником. Ленинград, Эрмитаж.

Не подлежит сомнению, что Якопо да Варацце, приор доминиканских монастырей Ломбардии, вступивший в доминиканскую среду, когда еще были в живых братья, лично знавшие основателя ордена, располагал многочисленными материалами о его жизни. Но так же как Григорий Турский на заре Средневековья, или русский современник Якопо, автор жития печерского игумена Феодосия [21], и многие другие агиографы, он, опустив хорошо ему известные биографические факты, отдал предпочтение необычному, легендарному, чудесному. Напрасно стали бы мы искать в рассказе «Золотой легенды» историю духовной эволюции Доминика, отпрыска старинной дворянской фамилии Кастилии, ставшего гонителем альбигойцев и верным псом

римского престола. Между тем в латинской агиографии были попытки, и довольно успешные, освободиться от житийных шаблонов, как, например, в житии Бернарда Клервоского, составленном в XII в. аббатом Гильельмом. Это житие, написанное еще при жизни Бернарда (Якопо его читал), интересно как опыт правдивой истории человеческой души, где раскрыт процесс нравственного совершенствования, где представлено как бы развитие святости, а не только ее последовательное обнаружение [22].

Якопо да Варацце задался целью непременно доказать, что патрон доминиканцев — настоящий святой. Именно это обстоятельство вызывало, по-видимому, наибольшие сомнения у современников и ехидное подтрунивание братьев-миноритов. «Известно,— не без пренебрежения писал в своей Хронике францисканец Салимбене,— что св. Доминик 12 лет пролежал под землей и о святости его не было и помину, а канонизация его была устроена хлопотами брата Иоанна (из Виченцы)... с помощью епископа Модены... Будучи расположен к доминиканцам, он раззадорил их, говоря: «У меньших братьев есть свой святой, добудьте и вы себе, хотя бы пришлось вам сделать его из соломы» [23].

Тот факт, что в самых старых рукописях «Золотой легенды» нет жизнеописания Франциска Ассизского, чья популярность в народе затмевала славу Доминика (и к тому же канонизированного тотчас после смерти), говорит о еще не утихшем во второй половине века соперничестве обоих орденов.

Эти соображения, как мы думаем, не менее, чем условности жанра, определили характер и структуру жития Доминика в «Золотой легенде». Пророческие сны, чудеса и видения нагнетены в нем без всякой меры. Начинается житие подробным описанием сна, который увидела до родов мать Доминика. Ей привиделось, будто она носит во чреве собаку, держащую в зубах горящий факел (будущая эмблема ордена «псов господних»). Чудесные знамения сопутствуют мальчику с колыбели, он преисполнен редких в детском возрасте добродетелей. В течение десяти лет ревностного учения в Валенсии он не пригубил ни капли вина, а во время голода распродал все свои книги и имущество и раздал вырученные деньги беднякам. Юный кастилец преисполнен решимости бороться с еретиками и всеми инакомыслящими. Бумагу, на которой он написал аргументы, обличающие еретиков, трижды бросали в огонь, но она не сгорала. Рассказ об этом чуде (со слов единственного свидетеля-солдата) Якопо заимствовал из хроники графа де Монфора, предводителя французских рыцарей, потопивших в крови движение альбигойцев.

Доминик борется с еретиками в Испании и на юге Франции, выкупает попавших в плен к сарацинам христиан, затем на-

правляется в Рим. Папа медлит с согласием на создание нового ордена. И тогда первосвященник видит во сне, будто здание церкви вот-вот обрушится, и только Доминик подпирает его своими плечами. Эта символическая картинка отражала до известной степени реальное положение римского престола в начале XIII в., авторитет которого в народных массах неудержимо падал. Проснувшись, папа тотчас дает согласие, но только после смерти Иннокентия III, при папе Гонории III орден доминиканцев был окончательно утвержден. Этому важному событию также предшествовало чудесное явление апостолов Петра и Павла Доминику, за которым следуют еще три видения разным лицам, представляющие диалоги между богородицей и Христом, распаленным гневом на мир за его несовершенство и злые деяния. Мадонна коленопреклоненно молит сына сменить гнев на милость и испытать людей снова, уже в последний раз, послав им братьев-проповедников. К вящей славе ордена рассказ о третьем видении вложен в уста минорита. Это видение представляет собой трогательную идиллию сердечного единения между Франциском и Домиником, причем первым перед небесным престолом назван, естественно, Доминик (напомним, что рассказ ведется со слов францисканца).

После этого видения (датируемого 1216 г., но до утверждения ордена папой), Доминик «узнал» в римской церкви Франциска, заключил его в объятия и сказал: «Ты мой единомышленник, наши пути сходятся. Объединимся, и тогда никакой враг не сумеет нас одолеть!» Затем следует добавление от автора: «И они советовали своим последователям верно хранить эту взаимную дружбу». При явно дидактической установке автора «Золотой легенды», рисовавшего перед своими современниками желанный идеал, не всегда отвечавший действительным жизненным отношениям, сцены эти содержат все же какую-то часть исторической истины. Инициатива сближения исходила действительно не от миноритов. Известно также, что в новый устав ордена проповедников, принятый в 1220 г., Доминик внес существенные дополнения, заимствованные у францисканцев; главным из них был обет нищеты и запрет ордену владеть земными богатствами. Когда Якопо писал «Золотую легенду», этот запрет еще не был отменен Римом, и потому он с легкой душой мог заниматься в своих легендах апологией бедности.

В иерархии чудес самым почтенным считалось чудо воскресения, и Доминик, конечно, не мог уступить и в этом прославленным святым. Он вызывает к жизни юношу, разбившегося насмерть при падении с лошади, и архитектора, упавшего со стены. Как Бенедикт, он совершает чудо с хлебами, как прекрасная Схоластика — с дождем. Он запросто разговаривает с демонами (подобно пустыннику Антонию), торгуясь об условиях,

на каких они покинут одержимых ими людей. Далее следуют также обязательные для каждого порядочного святого чудеса с мощами. Мы не решились бы сказать, как это говорил В. О. Ключевский относительно древнерусских житий, что именно эти завершающие большинство легенд рассказы более других частей содержат исторически значимый материал [24]. Описания посмертных чудес в «Золотой легенде» почти лишены местного колорита и следов определенного исторического времени. Не случайно историки, обращавшиеся к «Золотой легенде», как к историческому источнику, уходили глубоко разочарованными, не скупясь на сердитые выражения в адрес ее автора. «Ученые были жестоки к доброму Якопо Ворагину»,— не без иронии заметил Ипполит Делейе.— С этим нельзя спорить, если допустить, что народная книга должна быть судима в соответствии с требованиями исторического критического метода. Но начинают понимать, что это метод мало справедливый, и что те, кто проникли в дух «Золотой легенды», остерегаются говорить о ней презрительно» [25].

Легенда о Варлааме и Иосафе

Среди легенд сборника Якопо из Варацце выделяется экзотическим восточным убранством и довольно значительным объемом легенда об индийском принце Иосафе и его наставнике, полководце Варлааме, ставшем христианским отшельником.

Поскольку латинская версия Якопо несколько разнится от известных у нас русских редакций, изложим вкратце содержание легенды. Действие ее происходит в индийской стране, где царствует могущественный король Авенир и где все, кто исповедует христианскую веру, подвергаются жестоким гонениям. Король приходит в ярость, когда узнает, что его любимый царедворец Варлаам, отказавшись от богатства и почестей, тайно бежал в пустынь и обрек себя на нищенское, полное лишений существование. Оставив Варлаама на много лет в пустыне, рассказчик переходит к описанию событий, происходящих в королевском дворце.

У Авенира после долгих ожиданий родился наконец наследник престола. Счастливый отец призывает 60 самых знаменитых астрологов, чтоб они предсказали судьбу, ожидающую королевича. Волхвы сулят младенцу богатство и доблесть, но один из них, самый мудрый, добавляет к этому предсказанию несколько уточняющих слов: «Да, мальчик действительно станет велик и могуществен, но только не в твоем царстве, а в ином, ибо суждено ему стать христианином».

Иосафа с пышной свитой поселяют в специально выстроенном для него замке, где по строжайшему приказу короля обе-

регают от всяких сношений с внешним миром. Окруженный сверстниками, отрок беспечно, в играх и забавах, проводит свои дни, думая, что юность и праздник будут длиться вечно. Но однажды, гуляя с друзьями, он встречает обезображенного проказой нищего, а затем дряхлого старика, и узнает, что старость, болезни и смерть подстерегают всех людей. Королевич потрясен внезапно открывшимся ему несовершенством мира и ничтожеством человеческой природы.

Аскету Варлааму становится известен (по наитию св. духа) душевный кризис, переживаемый принцем, и он, переодевшись в одежду купца, спешно направляется в столицу королевства. Мнимый купец просит воспитателя наследника отвести его во дворец, чтобы он мог показать принцу свой товар — чудодейственный драгоценный камень. Кроме Иосафа оценить его никто не сумеет, ибо магические свойства камня открываются только людям целомудренным и не запятнанным пороками.

Следующая часть легенды состоит из серии символически толкуемых рассказов Варлаама: о лучнике и соловье, о человеке, преследуемом единорогом, о неверных друзьях и бедной невесте. Новелла о правителе-чужеземце является вариантом арабской сказки о калифе на час. Эта часть легенды иногда переписывалась отдельно и именовалась в некоторых списках «Мудростью Варлаама». Притчи Варлаама любили и древнерусские книжники, включавшие их в Прологи до того, как был сделан русский перевод всего сказания. Одну из них (о единороге) использовал в «Исповеди» Л. Н. Толстой.

Вставные новеллы, прерывающие действие основного рассказа (ранее, например, это была история об оклеветанном придворном, которого спас мудрыми советами облагодетельствованный им нищий), создают композиционную рыхлость. Единство легенды поддерживается главным образом апологетическими идеями, пронизывающими всю ее сложную конструкцию.

Под влиянием бесед с Варлаамом принц принимает христианство, после чего отшельник снова удаляется в свою келью. Желая отвратить Иосафа от новой веры, Авенир устраивает богословский диспут. Он описан с помощью сказочного приема; и сам диспут (мнимый) и его главный участник — лже-Варлаам (астролог Нахор) — не те, за кого их выдают. На угрозы отца принц отвечает афоризмами: «Есть время любить, и время повиноваться, время мира и время войны». И сурово добавляет: «Тем, кто отвращает нас от бога, мы не должны повиноваться никогда, даже в том случае, если они наши родители».

Монашеская психология автора (вернее, авторов) легенды сказалась и в обстоятельном описании самых неодолимых (с точки зрения аскетов) искушений — искушений чувственностью и в изображении женщины как сосуда дьявольского. Эту особен-

ность средневековой житийной литературы любил пародировать Анатоль Франс. По совету заклинателя злых духов, призванного на помощь королем, Иосафа окружают прекрасными девами, которые денно и нощно должны возбуждать его сладострастие. Юноша изнемогает в борьбе с зовами плоти, но не сдается. Тогда, чтобы дать возможность проникнуть в сердце королевича духам похоти и порока, ему подсылают принцессу необычайной красоты. Она молит его стать ее мужем и обещает, что после брачной ночи откажется от идолопоклонства и примет его веру. Как опытный догматик, юная красавица доказывает Иосафу, что брак христианам не запрещен, что праотцы, пророки и даже сам апостол Петр были женаты. После мучительных внутренних борений юноша все же одерживает победу и сберегает свое целомудрие.

С несравнимо большей легкостью превозмогает он искушение властью. Только ради интересов веры и церкви Иосаф соглашается принять на себя обязанности правителя государства. Спустя некоторое время, несмотря на мольбы народа, он все же оставляет трон и удаляется в безмолвие пустыни, чтобы вдали от мира предаться подвигам самоотречения. Там он соединяется со своим учителем — старцем Варлаамом.

История эта, представляющая обработку в христианском духе сказаний о Будде, и известная во множестве версий, проникла на латинский Запад сравнительно поздно — во второй половине XI в.

Легенды о Будде, широко распространенные по всей Азии, слышал во время своих путешествий по Востоку Марко Поло. Они произвели сильнейшее впечатление на венецианца, и Марко рассказывал их своим многочисленным слушателям, как у себя на родине, так и в Генуе, где он находился в заключении в те годы, когда архиепископом города был автор «Золотой легенды».

Великий итальянский путешественник пересказывал буддийские легенды, не зная, что они давно уже известны в Европе в виде христианского жития, в котором основатель древней азиатской религии, возникшей на полтысячелетия ранее христианства, превратился в христианского пустынножителя Иосафа. Под этим именем Сиддхартха Гаутама (Будда Шакья Муни) появился в святцах едва ли не всех восточных и западных христианских церквей: от Грузии до Испании.

Метаморфоза эта была процессом длительным, и до того как буддийская легенда трансформировалась в житийное сказание, она была известна персам, арабам, туркам, по-видимому, и сирийцам (хотя гипотеза о возможном существовании сирийской версии, высказанная еще в конце XIX и в начале XX в. академиком В. Р. Розеном и Н. Я. Марром, пока не подтвердилась).

Первый латинский перевод «Варлаама и Иосафа» (текст его находится в житийном сборнике XIV в. Национальной библиотеки Неаполя) датирован «шестым годом царствования Константина Мономаха», т. е. 1048 г. В прологе к житию, написанном латинским переводчиком, говорится, что перевод сделан с греческого текста, который переводчик старался переводить точно и без сокращений: «verbum ex verbo, sensum ex sensu». Все же в ряде мест он не отказался от стилистической обработки: «opportunis locis coaequare sermonem aut parte transmutare».

Как показали исследования последних лет, латинский перевод был сделан с того же греческого текста (греческая рукопись «Варлаама и Иосафа», относящаяся к середине XI в., имеется в Библиотеке св. Марка в Венеции), что и перевод грузинский (сохранился в рукописи XI в. Иерусалимской патриаршей библиотеки). Причем все три версии: итало-латинская, греческая и грузинская — появились почти одновременно.

Мы остановимся несколько подробнее на генеалогическом древе «Варлаама и Иосафа», поскольку выяснение отношений между собой разноязычных редакций сказания дает возможность проникнуть в сложные пути взаимодействия литератур Востока и Запада в эпоху Средневековья. Не случайно миграция легенды и ее национальные изводы привлекали внимание крупнейших мировых ученых. Немало потрудились над изучением литературной истории «Варлаама и Иосафа» основатели отечественного востоковедения академики В. Р. Розен, С. Ольденбург, Н. Я. Марр, И. Ю. Крачковский. Занимался ею и А. Н. Веселовский [26].

Основываясь на данных, содержащихся в прологе к латинскому тексту неаполитанской рукописи, Пауль Пеетерс высказал предположение, что автором первого латинского перевода «Варлаама и Иосафа» был итальянский клирик из окружения герцога Аргироса. Он жил в Константинополе именно в те годы, когда там находились игумены афонских обителей, вызванные императором для подписания нового устава Афонской монашеской республики [27].

Латинский монастырь на Афоне был основан в конце X в. аббатом Леоном, братом властителя Беневентского герцогства. Первоначально италийцы жили в грузинской общине, с которой они продолжали поддерживать добрососедские отношения и дружбу и после того как покинули грузинский монастырь и перешли в собственный, подчинявшийся бенедиктинскому уставу [28].

Латинские монахи Афона находились в тесных сношениях с Константинополем и нередко выполняли дипломатические поручения италийских государей при византийском дворе. Из рук одного из афонцев (по имени Лео) и был получен греческий текст, послуживший оригиналом латинскому переводчику. Все

известные в настоящее время сирийские, арабские, коптские, армянские и другие версии жития являются более поздними и зависят от греческого текста.

Значительно сложнее обстоит дело с вопросом о генезисе греческой версии легенды. Существуют разные гипотезы, приверженцы которых ведут в течение последних десятилетий весьма бурную полемику [29].

В начале легенды Якопо да Варацце кратко сказано, что история о Варлааме и Иосафе была рассказана Иоанном Дамаскиным. Исходя из этого можно с полной определенностью утверждать, что Якопо пользовался не первым латинским переводом легенды, где в качестве авторов названы Евфимий Ивер и некий Иоанн Савваит, а более поздним латинским переводом, сделанным спустя столетие после первого. В нем имя Евфимия опущено, а Иоанн Савваит (т. е. монах лавры св. Саввы) конкретизирован как известный всему Западу византийский писатель VIII в. Иоанн Дамаскин.

Благодаря многолетним трудам Пауля Пеетерса вопрос об авторе греческого текста XI в. перестал быть дискуссионным. Им признан игумен грузинского монастыря на Афоне Евфимий Ивер, образованный книжник, владевший обширными познаниями в области патристической литературы и древней апологетики и знакомый с приемами византийской риторики. Указания о его авторстве имеются в самых старых рукописях и подтверждаются сведениями из жизнеописания Евфимия, составленного его преемником, известным писателем XI в. Георгием Афонцем. Согласно Георгию, Евфимий Ивер переложил на греческий с грузинского языка «Мудрость Балавара» (Варлаама). Именно грузинским монахам Палестины и Афона была обязана в первую очередь своим распространением эта легенда [30].

В книге «К происхождению греческого романа «Варлаам и Иосаф» (Тбилиси, 1956) Ш. И. Нуцубидзе доказывает зависимость греческого текста от грузинской версии «Мудрости Балавара» (сохранилась в рукописи монастыря на Синае), которую он относит к началу VII в. Грузинский текст легенды, являющийся первой известной христианской версией «Варлаама и Иосафа», Нуцубидзе атрибутирует Иоанну Мосху, автору известного житийного сборника «Луг духовный».

«Луг духовный», или «Лимонарий», был написан в Риме по-гречески в начале VII в. палестинским монахом Иоанном Мосхом и оказал значительное влияние на развитие агиографического жанра. Славянский перевод этого свода сказаний о жизни и подвигах восточных подвижников, приписываемый просветителю славян Мефодию, имел широкое хождение и на Руси (издан в 1967 г. по русской рукописи XI—XII в. [31]).

Свою гипотезу о тожестве авторов грузинской «Мудрости Балавара» и «Лимонария» Нуцубидзе основывает на сопостав-

лении отдельных мест, словоупотреблений, оборотов речи, а также идей обоих произведений. Он привлекает и грузинские литургические источники. Одним из наиболее убедительных аргументов в системе доказательств грузинского ученого следует, как нам кажется, признать тот факт, что в обоих произведениях упомянуто имя ученика и соавтора Мосха — Софрония Палестинского.

Евфимий Ивер не просто перевел грузинскую редакцию «Мудрости Балавара». Он использовал ее лишь как канву для греческого текста, более сложного по своему составу, идеям и стилю, и к тому же значительно более пространного. Замеченное учеными (а также, по-видимому, и средневековыми переписчиками) стилевое и идейное сходство между греческим текстом «Варлаама и Иосафа» и сочинениями Иоанна Дамаскина (на нем особенно настаивает германский византинист Ф. Дельгер) [32], по мнению бельгийского болландиста Ф. Алкена (F. Halkin) [33] и английского грузиноведа Д. М. Ланга [34], не доказывает, что Дамаскин действительно писал греческого «Варлаама», а только говорит о том, что автор или редактор греческого «Варлаама» был изрядно начитан в сочинениях Дамаскина и по обычаю средневековых книжников заимствовал у него целые куски. Известно, что Евфимий Ивер перевел на грузинский ряд произведений Дамаскина и обработал его главный труд «Источники знания».

Вне зависимости от того, какие очертания примет в науке ближайшего будущего генеалогическое древо «Варлаама и Иосафа», можно с полной определенностью сказать, что «Золотая легенда» отразила поздний этап эволюции текста. Но если с легкой руки Якопо из Варацце повесть об индийском королевиче получила широкое распространение на латинском Западе в своей поздней житийной редакции, то современница и соотечественница «Золотой легенды» — «Книга Марко Поло о чудесах мира» — популяризировала сказание о Будде в его древних азиатских вариантах.

Повесть о Варлааме и Иосафе пользовалась большой популярностью и на Руси, где она стала известна немногим позже, чем в Италии. Извлечения из славянского текста легенды сохранились в ряде памятников эпохи Киевской Руси, например у Кирилла Туровского (XII в.) — в притче «О человеце белоризце». Но этот ранний славянский перевод постигла, по-видимому, та же участь, что и многие произведения нашей домонгольской литературы. До середины XV в. на Руси имел хождение полный перевод легенды о Варлааме и Иосафе, сделанный в начале XIV столетия неизвестным переводчиком, вероятно сербом, с греческого оригинала. В славянских рукописях, так же как и в поздних латинских, к имени неизвестного Иоанна Саввaита было добавлено «Дамаскин». В XV в. на Руси по-

явилась новая редакция легенды о Варлааме и Иосафе, носящая сильный отпечаток латинского влияния, так называемый Афанасьевский извод. Она была предпринята в кругах, близких к Иосифу Волоцкому и новгородскому архиепископу Геннадию, в числе сотрудников которого были доминиканские монахи. Известно, что один из них, Вениамин, родом славянин, переводил с латинского текста Вульгаты книги Маккавеев для Геннадиева кодекса Библии. Первые печатные русские издания «Варлаама и Иосафа» (XVII в.) воспроизводили именно эту редакцию. К сожалению, исследователь Афанасьевского извода Н. П. Попов, видевший в его появлении признак расширения доминиканской пропаганды в самых широких слоях русского народа, не произвел сверки русского текста XV в. с латинским текстом «Золотой легенды» [35].

Поэт и собиратель христианской мифологии Якопо да Варацце сохранил детскость взгляда на мир. Несмотря на склонность к размышлениям, обширные познания в области теологии и даже попытки иногда критически оценить свои источники, Якопо рассказывает свои истории не как ученый, но как человек из народа. И хотя некоторые биографы называют одним из первых его произведений перевод Библии на итальянский язык [36], для житийного свода он избрал не народный язык, а латынь. Правда, латынь «Золотой легенды», ужасавшая гуманистов, была далека от классической, а простота синтаксической конструкции каждой фразы делала ее доступной пониманию даже необразованных людей (в особенности итальянцев), и к тому же интернациональной. Латынь Якопо была не мертвым языком, но языком достаточно понятным в его время — на ней изъяснялись при взаимном общении купцы, студенты и клирики разных народов.

«Золотая легенда» способствовала упрочению полуязыческого народного культа святых, в котором в новых формах возродился античный политеизм и языческий культ героев [37]. Якопо объяснял культ святых тем, что наше воображение и разум не в состоянии подняться до созерцания «горнего света в нем самом», что людям свойственно желание ощущать его в более близких и понятных образах. «Ибо вследствие скудной способности к любви, человек в своем несовершенстве часто чувствует бо́льшую любовь к какому-нибудь святому, чем к богу» [38].

В агиографической литературе получил выход стихийный материализм народа, его жажда человеческого, реального, ощутимого. Даже при изображении чудесного и сверхъестественного Якопо да Варацце, как и другие агиографы, пользуется реалистическими (вернее, натуралистическими) приемами описания. Этот метод унаследуют от житийной литературы писатели следующих столетий, прежде всего Данте.

Симоне Мартини. Чудесное спасение упавшего ребенка
Сиена, Сан Агостино

Не надо, впрочем, забывать, что натуралистическая живость деталей, вкус средневековых авторов к зримому и ощутимому — то, что в применении к древним литературам у нас именуют «элементами реализма», является только первым планом. Согласно требованиям средневековой поэтики этот первый план, имевший дело с земными формами, в которых проявлялись и действовали трансцендентные силы, должен был отличаться достаточной степенью правдоподобия. При последующем литературном развитии эта многопланность, неразрывно связанная со всей структурой средневекового мировоззрения, была утрачена. Сохранилось восприятие только первого, земного плана. В недрах народной и полународной средневековой житийной литературы вызревала поэтика литературы Возрождения. Она была

также одним из источников, питавших с детства воображение автора «Божественной Комедии».

«Золотая легенда» оказала влияние на фрески францисканских и доминиканских церквей Италии, на соборную скульптуру Франции и немецкие витражи. Она дала сюжеты и образы миниатюристам и живописцам Италии, Германии и Нидерландов. На темы «Золотой легенды» создают фрески Пьеро делла Франческа в Ареццо, Аньоло Гадди во Флоренции, Паоло Веронезе в Венеции, Падуе и Вероне.

В книге «Поэтика древнерусской литературы» (1967, переизд. 1971) Д. С. Лихачев с грустью писал о том, что у нас почти не изучаются такие обширные области средневековой отечественной литературы, как литература житийная (стр. 141). Добавим к этому, что остаются неисследованными также вопросы о связях русской агиографии с агиографией латинского Запада. «Золотая легенда» могла проникнуть на Русь через западнорусские земли, ибо в Польшу сборник Якопо да Варацце доминиканцы принесли еще в XIII в.[39] Вряд ли приходится сомневаться и в том, что эта настольная книга братьев проповедников была принесена ими в Новгород, где они обосновались в XV в. и где, по-видимому, была осуществлена переработка в латинском духе легенды о Варлааме и Иосафе. Как показал А. Стендер-Петерсен, некоторые мотивы «Золотой легенды» ожили спустя столетия в польской иезуитской школьной драме XVII в.[40], оказавшей известное влияние и на русскую драматургию.

Проповедническая практика ордена, к которому принадлежали автор «Золотой легенды» и тремя столетиями позже Михаил Триволис, вошедший в русскую культуру под именем Максима Грека, требовала от писателей и проповедников уменья просто и доходчиво говорить с народом. Это требование относилось в первую очередь к литературе житийной, рассчитанной на массового читателя.

В предисловии к житию соловецких чудотворцев Максим Грек писал, что похвалы подвижникам должны состоять «из простых бесхитростных слов», которые «каждому понятны и открыто служат на пользу всем слышащим». Автор жития Досифей удостоился его одобрительного отзыва прежде всего за отсутствие «хитрословия и красноречия», за простоту и ясность слога. Максим Грек озабочен тем, чтобы труд агиографа и его последующего редактора был понятен местному населению, неграмотному и к тому же плохо знающему русский язык[41]. «Агиографическому идеалу», которому Максим Грек призывал следовать на Руси (противопоставляя его византийской витиеватости), вполне отвечал сборник легенд Якопо из Варацце.

Трудно предположить, чтобы Максиму Греку, который много лет жил в Италии и был некоторое время монахом флорентийской обители доминиканцев Сан Марко[42], остался неизве-

стным популярный труд его собрата по ордену Якопо да Варацце. Сопоставительный анализ произведений Максима Грека и Савонаролы показал, что русский писатель учился литературным приемам у своего бывшего приора, которого он глубоко чтил до самой своей смерти [43]. Подобные исследования следовало бы углубить, распространив их и на «Золотую легенду».

Хроника Салимбене Пармского

Для воссоздания культурной и духовной атмосферы итальянского XIII столетия важна «Хроника» францисканца Салимбене (Salimbene da Parma, 1221 — около 1288), человека, искренне увлекавшегося всем, чем увлекался, во что верил, о чем мечтал XIII век, но не приставшего всецело ни к одному течению [44]. Сын пармского аристократа, Салимбене, несмотря на протесты семьи, семнадцати лет покинул дом и постригся в минориты. До самой старости он вел жизнь бродячего нищенствующего проповедника, исходил всю Италию, подолгу жил во Франции (куда был послан для завершения образования), посетил Женеву. Он встречался со многими замечательными людьми своего времени. Постоянно находясь среди низов итальянского общества, он более всего интересовался тем, как реагирует народ на современные политические события. При изображении истории своего века францисканец наибольшее значение придавал рассказам очевидцев.

Салимбене в весьма неприглядном свете описывает многих представителей церковной иерархии: епископов, нескольких папских легатов, самого Гонория IV. Отрицательно относится он и к тем переменам во францисканском ордене, которые начались тотчас после смерти Франциска Ассизского и умело направлялись Римской курией. Генеральный министр Илья из Кортоны, человек властный и нетерпимый, отстранив коллегию старейшин — сподвижников Франциска,— забрал в свои руки всю власть и деспотически и единолично правил орденом. Францисканцы первого призыва всю его деятельность считали отступлением от заветов основателя движения. По словам сверстника Салимбене Анджело Кларено, они «скорбели и стенали, взирая на наводнение зол и на огромное отступление от возвещенного совершенства» [45]. Салимбене был близок к кружку смещенного генерала ордена Иоанна Пармского и к знаменитому иоахимиту Уго де Динья и испытал сильное воздействие (не в мистическом, а в политическом плане) идей Иоахима Флорского. Подобно другим миноритам, Салимбене не скрывал своих оппозиционных настроений в отношении официальной церкви, и именно это обстоятельство, по-видимому, оказалось роковым для судьбы его литературного наследия. Из

многих им написанных сочинений (одно из них — «Хроника Фридриха II» — было известно гуманисту Флавио Биондо [46]) уцелела лишь Хроника, да и та, по-видимому, была изъята и обнаружена только в конце XVIII в. в единственном экземпляре (список Ватиканской библиотеки, являющийся, вероятно, автографом).

Широтой взгляда, способностью возвыситься до понимания общеитальянских интересов Салимбене стоит много выше современных ему историков городов, одержимых местным или областным патриотизмом и не желавших видеть ничего за пределами городских стен или контадо. Описывая борьбу и междоусобные распри итальянских коммун, даже родного города Пармы, Салимбене старается сохранить объективность и беспристрастие. Неоднократно на страницах его Хроники возносятся хвалы гражданскому миру. Интерес Салимбене к политике и экономике явился выражением роста самосознания итальянских горожан в эпоху укрепления коммунального строя [47].

Мировоззрение Салимбене гораздо более рационалистично, нежели взгляды его ровесника, автора генуэзской хроники Якопо да Варацце. Несмотря на долгое пребывание в монашеской среде, идеалы Салимбене отнюдь не аскетические. Его восхищает в людях красивое телосложение, высокий рост, изобилие плоти и житейская разумность. Хвалит он воинские доблести, великодушие и мужество, и с особой пылкостью — щедрость. Как впоследствии нищему изгнаннику Данте, жившему милостыней Салимбене более всего ненавистна скупость. Иные, чем у автора «Золотой легенды», у него и представления о святости. Он понимает под святостью умеренную жизнь, без преступлений и дурных поступков, но и без излишней экстравагантности. К чудесам, совершаемым живыми, он относится весьма иронично. Понятие «sanctus» (и для мирян и для клириков) связывается у него с добродетелями коллективного свойства — это уменье жить в обществе, быть приятным, терпимым и доброжелательным. Внимание и интерес к людям относятся к тем качествам, которые вызывают наибольшую его похвалу.

Салимбене — прекрасный рассказчик с острым наблюдательным глазом горожанина. Характеристики его метки, а иногда и злы. Впитанные с детства идеалы рыцарского сословия нередко одерживают победу над монашескими. Это явственно проступает, например, в портрете пармского епископа Обиццо. Епископ скорее солдат, чем монах. С мирянами он мирянин, с баронами барон. Он отличается щедростью, обладает куртуазными манерами, хорошо играет в шахматы и пасет жезлом железным свою паству.

Салимбене чуждо францисканское воспевание бедности. Нищету он считает едва ли не матерью всех пороков. Рожденные в бедности, по его мнению, обычно недоброжелательны

к людям, завистливы и черствы. Отпрыску старинного аристократического рода де Гренонибус Адам, возводившему себя к тосканской маркграфине Матильде, куда больше по душе качества, которые делают жизнь легкой и приятной: веселость, острословие, уменье рассказывать забавные истории, в особенности же петь и сочинять песни.

Почтительно относится хронист к людям образованным («litteratus»). Он сообщает, например, что брат Плано Карпини (знаменитый путешественник в Азию, оставивший одно из ранних описаний России), кроме других языков, владел еще и арабским. Иерархии по образованию Салимбене отдает предпочтение перед иерархией церковной.

Симптомом зарождения нового мировоззрения является и обилие в «Хронике» автобиографического элемента, и авторское отношение к самому себе. Здесь мы не найдем ни смирения, ни самоуничижения, напротив, Салимбене полон самодовольства. Он не устает восхвалять собственное трудолюбие, начитанность, проповеднический талант и обходительность. Он преисполнен ощущения собственной личности и то и дело сообщает о своих вкусах, пристрастиях, привычках. В некоторых местах Хроники центральной фигурой повествования становится сам автор: его родословная, факты его биографии, различные обстоятельства его богатой впечатлениями и встречами жизни. Как и Якопо да Варацце, Салимбене принимал участие в движении флагеллантов, но о секте апостольских братьев он отзывается весьма неодобрительно. Возможно, что его, как и других францисканцев, раздражал чрезвычайный успех последователей Сегарелли в народе. Искусный проповедник, постигший все тонкости своего ремесла, Салимбене чисто профессионально удивляется примитивности агитационных средств этих «идиотов» (апостолов).

Рационализм, обмирщение идеалов, попытка проникнуть в причины социальной борьбы своего века (не объясняя их дьявольскими кознями, как Якопо да Варацце) отличали «Хронику» Салимбене от трудов средневековых анналистов. Но литературная его техника еще органически связана и с житийным жанром и с жанром проповеди. Многочисленные персонажи «Хроники» делятся на ряд определенных типов, каждый из них описывается по известному шаблону-схеме, которая является как бы идеальной для данного сословия или социальной группы. Рыцарский канон включал в себя красоту внешнего облика, воинские доблести и куртуазные манеры. Таковы в его изображении Роберт Гвискар, король Энцо, Пьетро Арагонский, Гвидо да Монтефельтро и другие князья и кондотьеры. В идеальном образе светской дамы куртуазные добродетели непременно сочетались с красотой и мудростью, проявляющейся в умелом ведении хозяйства. Клирики должны были быть свя-

той жизни (о содержании этого понятия уже говорилось) и образованны. Обязательное включение куртуазии в число virtú, отличающих лиц благородного происхождения, связано с усиленным проникновением в итальянскую среду идей поэзии трубадуров.

При всей живости прозы Салимбене, образы, им рисуемые, производят впечатление некоторого однообразия и поверхностности. Искусством психологического портрета он не владеет. Как и автору «Золотой легенды», Салимбене лучше всего удаются описания действий. Хроника его полна событий и движения, но в ней почти совершенно отсутствует анализ чувств и побуждений. Эта поэтика определяется морализаторскими целями повествования. Приемы, культивируемые Салимбене, связаны с «exempla» (примерами) проповеди [48]. Склонность к проповедническому стилю обнаруживается и в том, что некоторые из своих характеристик (например, антиохийского патриарха [49]) он конструирует в форме проповеди.

Много общего имеет язык «Хроники» и «Золотой легенды». Это вульгаризованная латынь, причем и ритмика латинской фразы Салимбене и его синтаксис — итальянские. Язык Салимбене выдает его незнакомство со схоластической наукой почти полным отсутствием «ученых» слов, философских и богословских терминов. Зато он обильно уснащен пословицами, поговорками и присловьями, бытовавшими в народной среде.

УЧЕНАЯ ЛАТИНСКАЯ ПРОЗА

Чино да Пистойя

В XIII в. школы в Италии были исключительно латинские. На важной латыни поддерживали славу своих предшественников профессора Болонского университета, куда стекалась молодежь не только из итальянских городов, но и из других европейских стран. Магистр Аккурсий (Accursius, умер около 1260) и его сын Франческо усовершенствовали преподавание юридических наук. Гвидо из Мантуи (умер около 1283 г.) составлял латинские трактаты о судебном процессе.

Учеником знаменитого правоведа, толкователя римского права Франческо д'Аккурсио был Чино да Пистойя (Cino da Pistoja, 1270—1337), продолживший традиции латинских легистов Италии. После Болонского университета Чино совершенствовал свои знания в области юридических наук и философии в Париже и Реймсе. В Орлеане он сидел у подножья кафедры известного ученого Пьера де Бельперш (P. de Bellapertica), передовые взгляды которого оказали на молодого итальянского ученого благотворное влияние. Магистр Чино был основательно

знаком с латинской литературой. Он упоминает произведения Саллюстия, которого он назвал повелителем историков (historicorum princeps), Цицерона, Вергилия, Овидия, Сенеки, Ювенала, Кассиодора и Боэтия. Круг его чтения приблизительно тот же, что у флорентийского эрудита Брунетто Латини, но Чино, как можно судить, непосредственно черпал из источников древней мудрости, в то время как Латини часто пользовался материалами из вторых рук.

Вернувшись на родину, Чино примкнул к партии черных гвельфов. Его жена Маргарита ди Ланфранко дельи Уги и дама, в которую он был влюблен,— Сельваджа Верджолези происходили из влиятельных семейств белых гвельфов. Таким образом, сердце Чино разрывалось, по собственным его словам, «между белым и черным». В 1303 г. он был изгнан из Пистойи. В изгнании Чино да Пистойя возобновил переписку в стихах и прозе с Данте, с которым познакомился, по-видимому, в Болонье, в студенческие годы. Через три года он снова вернулся в родной город.

Когда Генрих VII Люксембургский, избранный императором Священной Римской империи, вступил на землю Италии, Чино стал его сторонником, так же как и будущий автор «Божественной Комедии». Мессер Чино был назначен советником императорского суда и сопровождал Генриха VII в походе на Рим. Смерть Генриха VII (скоропостижно скончался в 1313 г.), а с ней и гибель надежд на объединение Италии и политические реформы, Чино оплакал в одной из своих лучших канцон.

После смерти императора Чино да Пистойя снова приступил к научным работам и прокомментировал первые девять книг Кодекса Юстиниана. В разных городах Италии магистр Чино был судьей и профессором права (он преподавал в университетах Сиены, Перуджи, Неаполя). Чино умер в конце 1336 или в начале 1337 г. Франческо Петрарка, связанный с ним узами дружбы (а по некоторым, вряд ли верным сведениям, бывший его учеником), написал сонет, в котором говорится, что пишущие по-итальянски и по-латыни одинаково оплакивают «нашего исполненного любви мессера Чино».

Чино был одаренным поэтом. В трактате о народном языке Данте объявил его первым среди поэтов любви в Италии. Но юрист из Пистойи писал не только любовную лирику; в его стихах нередки политические мотивы, как, например, в тенцоне против тирании в Неаполитанском королевстве. Главное поэтическое достоинство Чино — гармония стиха. Многие его строки близки по звучанию стихам Гвидо Кавальканти и Данте. Все же высокая оценка его творчества в трактате великого флорентийца была преувеличенной. Даже в лучших стихотворениях поэта из Пистойи — траурном цикле, где Чино оплакал

смерть своей возлюбленной Сельваджи, нет ни глубины Данте, ни просветленной печали Петрарки. Рядом с именами Беатриче и Лауры имя Сельваджи забылось и упоминается разве что историками литературы.

Более долгая жизнь была суждена латинской ученой прозе последнего поэта сладостного нового стиля. Политические идеи Чино да Пистойя явились продолжением и развитием мыслей Данте («Монархия») об освобождении светского государства от опеки церкви. Предваряя Марсилия Падуанского, Чино писал о том, что император должен получать власть от народа, а не от папы. Только в этом случае он сможет стать вполне независимым в своих действиях. Чтобы императорская власть была не деспотической, а основанной на требованиях справедливости и разума, главе государства надлежит быть философом и знатоком законов.

Свои политические идеи Чино развивал также в комментариях к «Старым Дигестам» (Lectura super Digesto Veteri) и во многих документах, которые он составлял в качестве юридического советника итальянских коммун. Несмотря на то, что деятельность Чино как политика, ученого и правоведа весьма интенсивно изучается начиная с начала нашего века[50], в архивах городов все еще хранятся неизвестные страницы, написанные его рукой[51].

Последователь Чино да Пистойя, основатель ренессансной юриспруденции Бартоло да Сассоферрато, особенно настаивал на том, что подданные имеют право оказывать тиранической власти вооруженное сопротивление. Идея эта проистекала из комментариев его учителя к Кодексу Юстиниана (Lectura in Codicem), где магистр из Пистойи утверждал священное право народа (ius gentium), превосходящее права государя.

Ученик болонских законоведов и французских юристов, Чино обосновывал свои весьма передовые для его времени мысли на римском праве; тем самым он способствовал разрушению средневековой иерархии и утверждал начала светского государства. От Чино да Пистойя через Бартоло да Сассоферрато и Марсилия Падуанского проходит новая линия развития юридической и политической мысли, заканчивающаяся в эпоху Возрождения политическими сочинениями Макиавелли.

Заметим, что идеи Чино и его последователей проникли не только в страны Западной Европы, но в XV и XVI вв. произвели неизгладимое впечатление на юристов Польши и оттуда во времена Василия III проникли на Русь. Мы усматриваем влияние школы Чино в рассуждениях боярина-западника Федора Карпова о справедливом государстве.

Альбертино Муссато

В те годы, когда Чино да Пистойя неутомимо трудился над воспитанием в итальянцах нового политического и правового сознания, падуанский историограф и поэт Альбертино Муссато (Albertino Mussato, 1261—1329) призывал своих сограждан к сопротивлению тирании и к верности республиканским идеалам. Все свои сочинения Муссато писал по-латыни, которая была более очищенной, чем разговорная латынь Салимбене или Якопо да Варацце, и представляла собой как бы переходную ступень к языку гуманистов следующего поколения.

Муссато принадлежит первая в средневековой литературе латинская трагедия — после гибели Римской империи никто до него не обращался к этому жанру.

Пятиактная трагедия «Эцеринис» (Ecerinis) [52] написана в подражание кровавым драмам Сенеки, которые на несколько столетий станут образцами для драматургов Италии. Прототипом главного героя трагедии Муссато избрал падуанского тирана Эццелино да Романо, современника Фридриха II, память о зверствах которого еще не стерлась в начале XIV в. Однако немногие из черт реальной исторической личности Муссато передал своему герою. Образ Эцериниса в трагедии мало индивидуализирован, он еще тесно связан с обобщенным, типизированным образом злодея народной средневековой литературы. Почти так же прямолинейно, как в агиографических легендах Якопо да Варацце, понимается адская природа тирана. Не в иносказательном, а в буквальном смысле объявляется он дьявольским порождением, истинным сыном сатаны. Эту тайну происхождения обоих своих сыновей раскрывает в первом акте Аделаида, мать Эцериниса и Альберикуса. И Эцеринис с гордостью повторяет, что отцом его был сам дьявол:

Рука, не дрогнув, совершит злодейство.
О Дьявол, испытай такого сына!

Пер. И. Г.-К.

В пьесе Муссато нет динамизма, действие не реализовано в драматических формах. О жестоком правлении сеньора Падуи, о восстании против него городских коммун и о падении тирана мы узнаем из монологов (вестника, брата Луки, самого Эцериниса). Рассказы о происходящем где-то за сценой комментируются хором, служащим как бы рупором общественного мнения. Заканчивается трагедия известием о страшной гибели Эцериниса и сентенцией хора о небесной справедливости, которая воздает каждому по его деяниям. Трагедия перегружена морализующими партиями хора и длинными монологами. Но слабость действия и атрибуты античной трагедии, плохо

вяжущиеся со средневековой итальянской действительностью, искупаются духом пламенного патриотизма и тираноборчества, которым проникнута историческая драма Муссато. Написанная в годы борьбы Падуи с сеньором Вероны Кан Гранде делла Скала (в чьих притязаниях падуанцы видели угрозу своим муниципальным свободам), трагедия была воспринята согражданами автора как злободневное политическое произведение.

Не библейский или мифологический сюжет, а недавняя история родного города, реальная фигура в центре трагедии, связь с политическими событиями своего времени и, наконец, обращение к античному образцу — всех этих нововведений достаточно, чтобы назвать имя автора «Эцериниса» первым в истории европейской драматургии нашего тысячелетия.

Пылкий гибеллинизм Муссато соединял с верной службой интересам Падуанской республики. Он принимал деятельное участие в политических событиях во время итальянского похода Генриха VII, подробное описание которого дал в шестнадцати книгах «Императорской истории» (Historia Augustae seu de Gestis Henrici VII Caesaris). Также на материале преимущественно личных впечатлений возникло второе его большое историческое сочинение — «De Gestis italicorum post Henricum VII Caesarem», где Муссато рассказывает о событиях, происходивших после смерти Генриха VII вплоть до 1329 г.[53]

Историческая проза Альбертино Муссато выдержана в высоком стиле. Мастерству исторического повествования он учился у своего соотечественника Тита Ливия. Итальянский историк старался следовать римскому историографу даже в построении периодов, в приемах передачи авторской речи и речи действующих лиц. Для обозначения современных ему учреждений и должностей Муссато вводит римскую терминологию. Однако ему не всегда удается творчески использовать опыт Тита Ливия, рабское же копирование стиля античного историка делает прозу падуанца местами запутанной и тяжелой. Как справедливо заметил А. Гаспари, «тон, который был уместен там, где дело шло о развитии Римского государства, не всегда подходил к описанию мелких коммунальных распрей, и вместе с тем изложение, усваивая чуждую форму, теряло в свежести, делалось мертвым и скованным»[54].

Желая заинтересовать своей историей не только людей образованных, Муссато переложил собственный прозаический рассказ об осаде Падуи Кан Гранде в 1320 г. в латинскую эпическую поэму в гекзаметрах. Последняя историческая работа Муссато о Людовике Баварском осталась неоконченной. Она знаменовала отказ падуанца от былых гибеллинских иллюзий.

Личность цельная и бескомпромиссная, стремившаяся и словом и делом к осуществлению идеалов республиканской гражданственности, Альбертино Муссато заслужил уважение даже

Изображение автора на первой странице рукописи «Повести о падении Трои» Гвидо да Колумна (XV в.) Ленинград, ГПБ, Lat. F. v. IV, N 5

своего злейшего врага — властителя Вероны. «Поэт и историограф града Падуи», увенчанный некогда лавровым венком, был изгнан из родного города и умер в бедности и на чужбине, оставаясь до конца верен своим политическим убеждениям [55].

Латинский язык исторической прозы падуанского предгуманиста приближался к изысканному стилю Петрарки и Колуччо Салутати.

Напомним, что в трактате «О народном красноречии», включавшем первое описание диалектов Италии и рассуждение о романских языках, Данте избрал для защиты народного итальянского языка («volgare») — латынь. К латыни он должен был прибегнуть также (ибо латынь была языком интернациональным), задумав своей знаменитый политический трактат о светском государстве («Монархия»).

ВЛИЯНИЕ ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. ФРАНКОЯЗЫЧНАЯ ПРОЗА ИТАЛИИ

Французская повествовательная литература была написана в стихах, предваряя европейские романы в прозе. Ее техника, сюжеты, стилистика оказали огромное влияние на развитие итальянской новеллы.

Гвидо делле Колонне (да Колумна), которого можно идентифицировать с сицилийским поэтом при дворе Фридриха II, переложил французскую поэму Бенуа де Сент Мора латинской прозой. Повесть о Трое Гвидо да Колумна была переведена с латыни на романские, германские и славянские языки. Первые русские переводы возникли в XVI в. «История о Трое» издавалась по-русски несколько раз в XVIII в. В Англии она послужила источником «Троила и Крессиды» Шекспира.

Уже в XII в. песни о Карле Великом и его паладинах распространились по всей Италии — от Ломбардии до Сицилии. В XIII в. произошло слияние цикла Карла Великого с куртуазными романами круглого стола и появились сюжеты любовные и романтические, в которых главными героями были Роланд и его сподвижники. Песни о рыцарских деяниях обрели в Италии новую жизнь. Они исполнялись по-французски, затем на смеси северных диалектов с языком оригинала. Литературный процесс усвоения и переработки французских тем завершился в XVI в. в творениях Ариосто и Тассо. Напомним, что в XVI в. рыцарскими романами увлекались не менее, чем в XIII, о чем свидетельствует пародия итальянца Мерлина Кокайо (Фоленго) «Бальдус» и «Дон Кихот» Сервантеса.

Итальянцы XIII столетия охотно писали по-французски, особенно те, которые обращались к придворным и феодальным кругам, где знание французского и провансальского было почти

«Повесть о падении Трои» Гвидо да Колумна (XV в.)
Ленинград, ГПБ. Lat. F. v. IV, N 5

обязательным. Магистр Риккардо посвятил императору Фридриху II «Пророчество Мерлина», откуда, вероятно, Данте почерпнул свои сведения о бретонце-чародее. Рустичелло из Пизы (Rusticiaus da Pise, записавший впоследствии под диктовку Марко Поло воспоминания знаменитого путешественника), составил в 70-х годах XIII в. по-французски с примесью итальянских слов и выражений повествование о рыцарях и дамах, воспользовавшись разными версиями романов круглого стола, в которые он вставлял также сюжеты и мотивы из каролингского цикла [56]. К тосканскому диалекту обратился переводчик повести о Тристане. К французским источникам восходят также «Деяния Цезаря», «Бово д'Антонио» (откуда через далматинскую версию происходит наш Бова Королевич) и другие забавные и поучительные повести [57].

Брунетто Латини

Более высокую ступень в развитии прозы представляет «Книга сокровищ» (Li livres dou tresor) Брунетто Латини — энциклопедическое сочинение, написанное в оригинале по-французски и прекрасно переведенное на итальянский язык Боно Джамбони [58]. Кроме «Книги сокровищ», Боно Джамбони (Bono Giamboni), наиболее продуктивный из итальянских переводчиков XIII в., переложил на родной язык «Историю против язычников» Павла Орозия, «Искусство войны» Вегеция и другие сочинения поздней античности.

Боно был также автором философского и аллегорического романа «Введение в добродетель», в котором заметно влияние Марциана Капеллы, Пруденция и Боэтия.

Брунетто Латини (Brunetto Latini, ок. 1220—1294), флорентийский юрист, дипломат и государственный деятель, избрал для своего обширного энциклопедического труда французский язык, как «наиболее приятный и наиболее распространенный среди людей» (plus delitable e plus commune a toutes gens) [59]. «Книга сокровищ» была написана в начале 60-х годов XIII в. во время вынужденного пребывания Латини в Париже, куда он прибыл из Испании. После государственного переворота во Флоренции и прихода к власти гибеллинов гвельфскому послу, который ездил к Альфонсу X Мудрому с просьбой помочь республике против короля Манфреда, пути на родину были закрыты. Во время своего путешествия по Европе — по некоторым сведениям, он посетил Англию и был в Оксфорде гостем Роджера Бэкона — флорентиец мог убедиться в международном распространении французского языка. Действительно, французскую речь можно было услышать в Италии (в Неаполь и Сицилию ее занесли норманны), в Англии, где фран-

цузский оставался официальным языком до конца XIV в., а также на Кипре и в Морее, в Константинополе и на Ближнем Востоке, куда французский был принесен крестоносцами Годефруа де Буйона, Бодуэна, Филиппа II Августа и Ричарда Львиное Сердце. Из итальянских современников Брунетто им особенно охотно пользовались венецианцы, а Мартино да Канале даже написал по-французски историю Венеции.

После «Speculum universale» Винсента из Бовэ «Книга сокровищ» Брунетто Латини стала одной из самых популярных средневековых энциклопедий. Флорентиец, конечно, пользовался трудами своих предшественников: Исидора Севильского, Петра Коместора, Готфрида из Витербо и других,— но, кроме сведений, извлеченных из старых рукописей, он привлекал также (при описаниях фауны и флоры далеких стран, а также нравов жителей) свидетельства очевидцев — путешественников и моряков, в особенности, когда рассказывал о явлениях, которые могли показаться невероятными его читателям. По предположению издателя «Книги сокровищ» Ф. Кармоди, Латини прибегал и к заметкам, которые делал во время диспутов в Сорбонне. Энциклопедия итальянского ученого стоит на уровне знаний своего века, ее составителю известны, правда через посредников, новые труды по астрономии, базирующиеся на Птолемее, и по метеорологии[60]. Разнообразие источников «Сокровища» свидетельствует о большой эрудиции автора, который хотел дать в своей книге сумму познаний, необходимых, как он сам говорил, чтобы стать достаточно образованным человеком.

Первая книга «Li Livres dou Tresor» довольно хаотична и пестра по составу. В ней излагается библейская история, история Трои и Рима, новозаветная, а затем и средневековая, которая представлена как прямое продолжение римской. Этим разделам предшествуют рассуждения о происхождении всех вещей и природе ангелов. Далее следует история естественная, где сообщается множество сведений по астрономии (из всех небесных тел наибольшее внимание уделено Луне), по географии (дано описание трех частей света: Азии, Африки и Европы), подробно рассказывается о видах зверей и птиц (включая птицу феникс). Классификация не выдержана, объемы глав не соответствуют значимости предметов, о которых идет речь.

Бо́льшим единством и целостностью отличается книга вторая, посвященная этике. Здесь излагаются суждения моралистов, древних и новых, и разбираются пороки и добродетели, свойственные людям. Вопросы нравственности трактуются в согласии с «Никомаховой этикой»* и имеют целью способствовать воспита-

* Т. е. «Этикой» Аристотеля, названной именем Никомаха, сына философа, погибшего в молодые годы на войне. По-видимому, текст этого произведения был подготовлен после смерти Аристотеля его преемником Теофрастом.

нию достойных граждан. По мнению Латини, укрепление моральных принципов способствует уважению к законам и осознанию гражданского долга. Рассуждения перемежаются забавными рассказами, иногда совершенно анекдотического характера, в которых любознательный читатель знакомится с целой плеядой знаменитых людей, ставших жертвами женского коварства. Сам Брунетто не пожелал быть в их числе, за что по суровому приговору своего ученика Данте женоненавистник был обречен на тяжкие муки в «Аде» (см. песнь XV).

Третья книга рассматривает вопросы политики и искусство управления. Она наиболее оригинальна из всех. Политические проблемы для Латини — не абстрактные понятия, а конкретно-исторические, тесно связанные с политической практикой эпохи. Латини настойчиво подчеркивает, что все науки зависят от политики, что наиболее возвышенное и благородное из всех знаний — есть искусство государственного управления. Как показал в философско-лингвистическом исследовании «Сокровища» П. А. Месселаар, политическая терминология разработана у Латини с наибольшей тщательностью, причем его интересуют не универсальные политические идеи, а понятия, порожденные итальянской коммунальной жизнью XIII в. Область политики является для него одновременно областью права [61].

Риторика представлялась государственному деятелю Флорентийской республики наукой, неразрывно связанной с политикой. Именно поэтому он начинает ее изложением последнюю, третью, книгу своего труда. Материал риторической части заимствован в значительной степени из трактата Цицерона «О подборе материала» (De Inventione), над переводом которого на итальянский язык Брунетто работал либо одновременно с «Сокровищем», либо несколько ранее. По наблюдениям Месселаара, лексика разделов риторического и этического отличается наибольшим богатством, в них, более, чем в других местах, содержится объяснений слов и понятий.

Стиль «Книги сокровищ» простой и неукрашенный, синтаксические конструкции правильны. Удивительна свобода, с какой мессер Брунетто владеет чужим языком, и смелость, с какой он, не изменяя духу французского языка, вводит в него изменения, чтобы лучше передать свои идеи.

Своеобразным поэтическим комментарием к французской энциклопедии Брунетто явилась его итальянская поэма в двадцати двух песнях «Il Tesoretto» (Малое сокровище), также написанная в изгнании. Она состоит из более чем трех тысяч семисложных стихов и содержит много автобиографических сведений. Самого себя автор характеризует в ней как человека вполне светского «un poco mondanetto» [62].

План «Tesoretto» повторяет схему «Сокровища». После песен, где в аллегорической форме представлены проблемы тео-

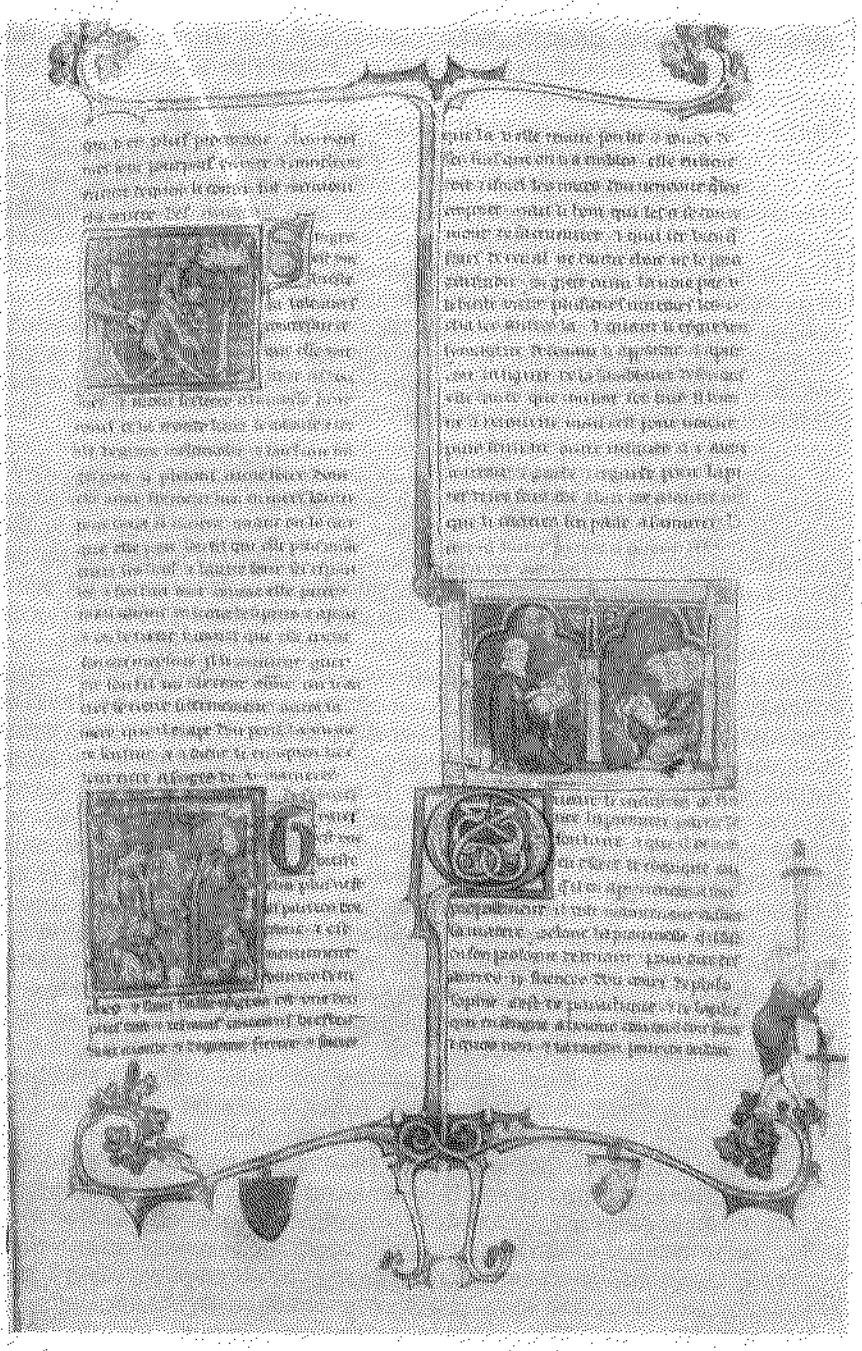
логические и история мира, следует натурфилософия с частями космологическими и географическими, затем рассуждения о добродетелях и пороках. Завершается поэма экспозицией семи свободных искусств (неполной). На темы своего ученого французского сочинения Брунетто Латини создал первую дидактическую поэму на итальянском языке [63].

Вскоре после поражения гибеллинов под Беневентом (16 марта 1266 г.) Латини возвращается на родину. До самой смерти он занимает различные должности в коммуне: заседает вместе с Дино Компаньи и Гвидо Кавальканти в совете подестà, является приором, оказывая большое влияние на государственные дела. Обычно скупой на похвалы Джованни Виллани говорит с величайшим почтением о достоинствах «великого философа и магистра риторики, смягчившего грубые нравы родного города», и об уважении, которым пользовался сер Брунетто среди своих сограждан («Хроника», VIII, 10) [64].

Во Флоренции Латини заново отредактировал текст «Сокровища» и дополнил его историческую часть главами о Фридрихе II, Манфреде и Карле Валуа. В этих написанных на родине главах мессеру Брунетто изменяет привычная сдержанность и он разражается филиппиками в адрес ненавистных Гогенштауфенов и не скупится на похвалы анжуйскому принцу. С этой, второй, редакции «Li Livres dou Tresor» и был сделан итальянский перевод Боно Джамбони, получивший большую известность и многократно переиздававшийся.

Популярность французской энциклопедии Брунетто Латини затмевала долгое время его деятельность писателя, писавшего на народном языке. Брунетто был зачинателем не только в жанре дидактической поэмы на итальянском языке, велика его роль и в становлении итальянской прозы. Первостепенно важны для развития национальной литературы были предпринятые флорентийским эрудитом переводы из Цицерона. Работа над текстами Туллия дала ему возможность глубинно сопоставить латынь и вольгаре. Перевод блестящей латинской прозы античного оратора, знакомого со всеми ухищрениями римской риторики, требовал энергичных усилий для нахождения адекватных форм в родном, еще не выработанном языке. Брунетто первый пытался сблизить оба языка, обогатить выразительные возможности вольгаре, перенеся в него нечто от силы и элегантности стиля своего учителя. Подобно Цицерону, Латини стремился украсить свою итальянскую прозу курсусом, ритмом, риторическими фигурами. Стремился упорядочить синтаксическую структуру периодов. В «Риторике» флорентийского предгуманиста уже присутствуют те элементы, которые получат завершение в прозе дантовского «Пира» [65].

Сопоставление перевода Латини с цицероновскими переводами гуманистов Кваттроченто показало, что у писателя XIII в.



Брунетто Латини. «Сокровище». Рукопись XIII—XIV вв.
Ленинград, ГПБ. Fr. F. v. III, 4

меньше книжных слов и латинизмов и более итальянский синтаксис. Ренессансный перевод речи Цицерона «За Марцелла», приписываемый Леонардо Бруни, более точен и ближе к оригиналу, чем перевод Дудженто, но в нем нет свежести, широты и элегантности переводной прозы Латини. Если рассматривать их с точки зрения качества итальянской прозы, то в художественном отношении перевод Латини окажется выше. Учитель Данте сильнее гуманистов чувствует стихию родного языка. Перевод же XV в. не обогащает выразительных средств языка народного, а старается рабски следовать оригиналу.

Брунетто Латини создал стилистический идеал для прозы своего времени, опираясь не на средневековое, а на античное наследие. Именно на этом пути литературного развития смогла возникнуть впоследствии проза Боккаччо[66].

Книга Марко Поло о чудесах мира

Литература на французском языке, который Латини считал самым совершенным на свете, конкурировала в Италии XIII в. не только с латинской, но и с прозой на диалектах. В Ломбардии, Генуе и Венеции французский язык был хорошо известен, особенно купцам и мореплавателям. Франко-венецианское наречие создало на севере литературу, которую понимали не только образованные люди, но и широкие массы. Особенно охотно пользовались этим наречием жонглеры, которые пели о деяниях Карла Великого и его рыцарей. Поэтому не приходится удивляться, что попавший в генуэзскую тюрьму в 1296 г. во время одной из постоянно происходивших стычек между вооруженными галерами Венеции и Генуи венецианский купец Марко Поло (Marco Polo, 1254—1323) и заключенный вместе с ним литератор из Пизы Рустичелло[67] избрали для совместно написанной ими книги о путешествиях Поло на Дальний Восток французский язык. Правда, французский язык «Книги Мильоне о чудесах мира»[68] довольно варварский и содержит множество итальянских и итальянизированных слов и оборотов речи. Впрочем, книгу очень скоро перевели на латынь, на итальянские диалекты и на все языки Европы, даже на гэльский язык Ирландии.

Марко Поло и его редактор создали один из самых интересных в средневековой литературе приключенческих романов и в то же время одно из наиболее обстоятельных описаний труднейшего и наиболее длинного в истории человечества путешествия. Изыскания поколений географов, этнографов и антропологов подтвердили точность многих рассказов итальянского путешественника. Его труд оказал огромное влияние на развитие мореплавания в эпоху Возрождения. С экземпляром латинско-

го перевода книги Марко Поло отправился на открытие Нового Света Колумб. Как полагают современные исследователи, в плавании Колумба и в открытии Америки сыграла большую роль ошибка венецианца, который поместил Японию слишком далеко на восток. Флорентийский космограф Тосканелли послал Колумбу в 1474 г. изготовленную им карту мира, изобразив на ней восточную часть Азии главным образом по материалам путешествий Марко Поло. Ученый хотел показать, что, плывя от Португалии на запад, можно было достичь Азиатского материка (Колумб через Атлантику надеялся попасть в Индию). Экземпляр книги Марко Поло, принадлежавший Колумбу, испещрен пометками (хранится в библиотеке Колумба в Севилье) [69].

В середине XIII в. значительная часть Европы оказалась во власти монгольских полчищ, хлынувших из азиатских степей. Отлично организованное, подчиненное строгой дисциплине войско монголов после захвата и разграбления русских земель и Киева обрушилось на Польшу, Силезию и Моравию. Батый после долгой осады разрушил столицу Венгерского государства город Пешт, вырезав поголовно всех его жителей. Конница Батыя достигла восточных берегов Адриатического моря — здесь жертвой монголов стал далматинский город Котор. От границ Индии до Северного Ледовитого океана и от Тихого океана до Далмации простирались владения необъятной империи монголов. Раздираемый междоусобной враждой, борьбой папства с империей и обескровленный неудачными крестовыми походами, Запад не смог оказать сопротивления и сдержать всесокрушающий натиск монгольских армий. Убедившись в неосуществимости идеи общеевропейского крестового похода против монголов, папы меняют тактику: в земли великого хана одна за другой снаряжаются миссионерские миссии. Целью их был сбор информации, установление дипломатических связей и обращение в христианство, т. е. покорение огромного азиатского мира власти римского первосвященника не силою оружия, а идеологической пропагандой. Надежды на возможность христианизации монголов питались распространившимися в это время в Европе легендами о сибирском царстве пресвитера Иоанна. В основе их лежали реальные факты о принадлежности к христианской вере (правда, несторианского толка) кереитов — влиятельного монгольского племени, из которого происходили жены и матери многих великих ханов, потомков Чингиса.

Первыми, следуя примеру основателя ордена, отправились на Восток францисканцы [70]. Вслед за ними устремляются по караванным путям предприимчивые торговые люди, в большинстве своем поначалу также итальянцы. Занятые устройством внутренних дел на огромных покоренных территориях, монголы, казалось, оставили Европу на время в покое. И у пап возникает план использовать их в качестве союзников против мусуль-

манского мира, полумесяцем окружившего Европу и держащего ее в тисках уже несколько столетий.

Марко Поло происходил из венецианской купеческой семьи, издавна торговавшей в Причерноморье и на Ближнем Востоке. Его дед, Андреа Поло, имел лавки и склады в Константинополе, дядя Маттео заведовал торговой факторией в Крыму (Судак). Оттуда в 60-х годах XIII в. братья Никколо и Маттео Поло предприняли путешествие в Золотую орду и Среднюю Азию, а затем в столицу великого хана Хубилая, внука Чингисхана — Ханбалык (Пекин). К немалому своему удивлению итальянцы узнали, что в ханской столице было много христиан разных сект, пользовавшихся значительным влиянием при дворе: они служили врачами, учителями и даже министрами. Оказалась христианкой-несторианкой и мать Хубилая, Соркуктани, происходившая из племени кереитов.

Хан проявил большую заинтересованность в установлении связей с папским Римом. В послании, которое Хубилай вручил братьям Поло для передачи папе, он просил направить в Китай сто ученых, искусных в науках и диалектике. В случае успеха их миссии хан обещал вместе со своими подданными принять христианство. Кроме того, он поручил венецианцам привезти в Китай из Иерусалима масла от лампады, горящей над гробом Христа. Обратный путь занял три года. После пятнадцати лет странствий Поло вернулись на родину.

В 1271 г. братья Поло вместе с семнадцатилетним сыном Никколо, Марко, отправились из Аккры в свое второе трансазиатское путешествие. Они везли письма и дары Хубилаю от вновь избранного папы Григория X. Вместо просимых ста ученых мужей с ними были посланы два монаха-доминиканца, да и те после первых встретившихся на пути трудностей сбежали. В течение трех с половиной лет венецианцы упорно двигались со своим караваном на Восток. Им приходилось совершать многодневные переходы по раскаленным пескам пустынь, одолевать горные перевалы и бурные реки, иногда подолгу задерживаясь из-за восстаний и мятежей.

В подробном описании Малой Армении — первой страны, которую они проехали, отчетливо проявились интересы и склонности Марко Поло. Он пишет о торговле, об охоте, о религии и политических событиях, о нравах и обычаях жителей. После фанатической ограниченности и нетерпимости к инакомыслящим в Европе XIII столетия Марко был особенно чувствителен к наблюдаемой им повсеместно на территории огромной монгольской империи свободе вероисповеданий. «Эти татары,— читаем в тексте одной из латинских рукописей,— не заботятся о том, какому богу поклоняются в подвластных им землях. Если сохранять верность хану, проявлять ему покорность и таким образом выполнять свой долг, предусмотренный законами, и при

этом не наносить ущерба справедливости, каждый может свободно распоряжаться своей душой. Но они не хотят, чтобы при этом дурно отзывались об их духах и вмешивались в их дела. Поступай как хочешь со своим богом или со своей душой, будь ты иудей или язычник, сарацин или христианин, какие и живут среди татар» [71].

Марко упоминает о бакинской нефти, которую широко применяли в древности, но в современной ему Европе забыли. В Персии караван подвергся нападению разбойников, и семейство Поло чудом спаслось, большинство их людей было перебито или продано в рабство, а товары разграблены. Об этом и многих других своих опасных приключениях Марко рассказывает в простом, сдержанном и даже бесстрастном стиле. Не решившись плыть в Китай из Ормуза на показавшихся им ненадежными судах, Поло повернули на северо-восток, в глубь страны, по направлению к Памиру.

Некоторое время венецианцы жили среди развалин Балха, бывшей столицы Бактрийского царства, где некогда праздновал свою свадьбу с персиянкой Роксаной Александр Македонский. Марко не забыл отметить необыкновенную красоту иранских, а позднее кашмирских женщин, равных которым, по его словам, он нигде более не встречал. Он вообще проявляет вкус к благам жизни и с удовольствием описывает наряды женщин, убранство жилищ, различные азиатские кушанья и вина. Описывая горы Бадахшана, Марко говорит о целебном воздухе их вершин, который он испытал на самом себе. Проболев целый год, он исцелился только после того, как пожил в горах.

Миновав Кашмирскую долину, Поло поднялись на Памир. Восхождение на крышу мира так остро врезалось в память Марко, что спустя тридцать лет он помнил, как тускло горел разложенный в горах Памира костер, как он светился необычным светом и насколько труднее обычного было сварить там пищу. Спустившись с Памира по ущелью реки Гез, Поло пересекли равнины Восточного Туркестана (Синьцзян) и пустыню Гоби и, наконец, достигли летней резиденции Хубилая, Шанду. Они были встречены с церемониальной торжественностью, подобающей их положению ханских послов. Спустя полтысячелетия эти описания вдохновили романтика Кольриджа на создание поэмы «Кубла-хан» (переведена Бальмонтом в 1908 г.).

Молодой итальянец полюбился великому хану, который использовал его как своего посла в отдаленные пределы империи. А когда Марко возмужал и приобрел опыт в государственных делах, он был назначен правителем богатого торгового города Янчжоу в провинции Цзянси на Великом канале, который насчитывал четверть миллиона жителей. И Венеция и Генуя, кичившиеся своим могуществом, по сравнению с этим китайским городом могли бы показаться небольшими го-

родами. На службе у Хубилая Марко Поло пробыл 17 лет. Он свободно владел татарским, арабским, персидским, уйгурским и, по-видимому, тибетским языками. Всюду, куда посылал его хан, Марко собирал сведения и делал записи об экономическом состоянии, обычаях и нравах народов и племен, населявших Китай и соседние страны. Как гласит текст издания Рамузио (1559 г.), он обследовал столько этих неведомых областей, сколько не обследовал никто другой.

Читая книгу Марко Поло, мы постоянно дивимся зоркости его глаза, остроте его ума, точности его описаний,— а ведь он был самоучка, не прошедший никакой специальной школы. Многие из рассказов Марко казались фантастическими его современникам. Между тем доминиканец Якопо д'Аккви, автор малоизвестной латинской хроники «Образ мира», которому мы обязаны ценными биографическими подробностями о Марко и семействе Поло, сообщает, что великий путешественник говорил перед смертью, что он не рассказал и половины того, что ему довелось увидеть.

Прожив в Азии, главным образом в Китае, 23 года, Марко Поло хорошо изучил нравы и обычаи восточных народов и мысленно все время сравнивал их с итальянскими — обычно не в пользу родной Венеции. В начале 1292 г. венецианцы в свите невесты персидского хана Аргуна отплыли из Китая на Запад. Хубилай уполномочил семейство Поло быть ханскими послами к римскому первосвященнику, к французскому и испанскому королям и другим христианским государям.

Обратный путь венецианцев лежал вдоль берегов Индокитая. Они останавливались на Суматре, Яве, Цейлоне, на южном побережье Индии. В Японии Марко не был, и его описание сказочных богатств островов Сипанго, соблазнявшее мореходов Возрождения, было основано не на собственных наблюдениях и не на рассказах старших Поло (как обычно в его книге), а на чужих. Первым из европейцев Марко видел охоту с гарпунами на китов в Индийском океане и дал описание островов Мадагаскар и Занзибар. Третья книга заканчивается рассказом о южных землях Аравийского полуострова. В четвертой дается описание России и Сибири (значительная ее часть имеется только в найденной в 1933 г. толедской рукописи).

Путешествие из Китая по Индийскому океану длилось два с половиной года. В результате опасностей и невзгод из шестисот человек пассажиров и экипажа, отправившихся в путь на нескольких больших кораблях, осталось в живых всего восемнадцать. Между тем о превратностях этого долгого, полного рискованных приключений плавания Марко рассказывает кратко и скупо, в спокойном эпическом тоне, который появляется у него всякий раз, когда речь идет о событиях, касающихся его лично. Прибыв, наконец, в столицу персидского хана

Тебриз и пожив там около года, Поло вновь устремились на Запад. Из-за войны Персии с Египтом им пришлось ехать до Трапезунда старинным караванным путем, проходившим близ Черного моря.

Когда трое путешественников вернулись в Венецию, их, по словам итальянского издателя XVI в. Рамузио, ждала участь Улисса, вернувшегося спустя двадцать лет после троянской войны в родную Итаку,— их никто не узнал. Говорить по-венециански они почти разучились (ведь они отсутствовали 26 лет!), в их внешности и речи сквозило что-то татарское. Сравнение Марко Поло с прославленным героем античности возникло не случайно. Жажда неведомого, благородная страсть к познанию, более сильная, чем страсть к наживе, были отличительными чертами Марко и его соотечественников, бесстрашных мореходов Вивальди. Рассказы о их полных опасностей путешествиях могли дойти до Данте и вдохновить великого поэта на создание образа Улисса в «Божественной Комедии». Победным гимном в честь отважных пролагателей новых путей, гимном человеческой дерзости и воле звучат строки об Улиссе и его спутниках, погибших в океанских пучинах на тех путях, которыми через два столетия пройдут каравеллы Колумба:

«О братья,— так сказал я,— на закат
Пришедшие дорогой многотрудной!
Тот малый срок, пока еще не спят

Земные чувства, их остаток скудный
Отдайте постиженью новизны,
Чтоб, солнцу вслед, увидеть мир безлюдный!

Подумайте о том, чьи вы сыны:
Вы созданы не для животной доли,
Но к доблести и к знанью рождены»

«Ад», XXVI, 112—121.
Пер. М. Лозинского

И хотя великий флорентиец не упоминает о своем современнике — авторе «Книги о чудесах мира», это молчание отнюдь не служит доказательством его незнания книги венецианца.

И образ дерзкого Улисса, и описание неба Южного полушария в «Чистилище» (I, 28—30; VIII, 89—93), и строки-раздумья о праведном индусе с берегов Инда («Рай», XIX, 70—81), навеянные, возможно, образом Будды, нарисованным Марко Поло, и знакомство Данте с Пьетро д'Абано, неоднократно ссылавшимся в своем латинском трактате «Примиритель разногласий философов» на Марко, к которому падуанский профессор медицины специально приезжал за сведениями,— все это делает вполне вероятным предположение, что творец «Божественной

Комедии» знал о великом путешественнике и имел в руках рукопись его книги [72].

Книга Марко Поло рассеяла в значительной степени сказочные представления о Востоке, возникшие под влиянием романа об Александре, бестиариев и средневековых «Описаний мира».

Несмотря на множество сведений из области экономики и торговли, книга Марко Поло не преследовала одних лишь утилитарных целей. Этим она отличалась от «Практики торговли» его современника, флорентийца Пеголотти, агента банкирского дома деи Барди в Леванте. Для флорентийского коммерсанта вся земля представлялась только огромным торжищем, для венецианца — великолепным зрелищем изобилия форм животного и растительного мира и удивительного многообразия человеческих рас и племен. Тем не менее она оказала огромное влияние на практическую деятельность итальянцев эпохи Возрождения. В XIV в. в Венеции возникли объединения купцов, желавших торговать с Персией, Индией и даже Китаем. После знаменитой карты мира, составленной в Каталонии в 1375 г., все последующие европейские картографы пользовались данными Марко Поло. Книга венецианского путешественника поразила воображение современников, она расширяла границы мира, знакомя европейцев с великими и древними азиатскими цивилизациями.

В начале книги Марко говорит, что свои воспоминания он попросил записать находившегося с ним вместе в тюрьме Рустичелло из Пизы. Путем сопоставления исторических фактов и сравнительного текстологического анализа сотрудник Марко был идентифицирован с пизанским литератором, автором компилятивных французских рыцарских романов. При записи и обработке текста, который ему диктовал Марко, Рустичелло вводил термины и выражения из романов о рыцарях круглого стола (особенно в описании битв), пользуясь привычными для него штампованными оборотами. Даже книгу Марко он начал теми же словами «Государи и императоры, короли, герцоги и маркизы, графы, рыцари и граждане», какими начинал свои произведения. Старофранцузский текст (сохранился в единственной рукописи Парижской Национальной библиотеки), по мнению комментатора книги Х. Юла, носит безусловные признаки того, что он является воспроизведением устного рассказа. Отсюда проистекают отсутствие соразмерности, повторения, внезапные переходы от одного предмета к другому, возвращение к уже рассказанному, чтоб дополнить его какой-либо забытой подробностью, и т. п. [73]

При работе над книгой Марко пользовался своими записками, которые он вел в Азии и которые, как он сам сообщает, были присланы ему отцом в тюрьму. По характеристике Лунджи Фосколо Бенедетто, издавшего полный сводный текст

«Мильона»[74], книга написана в ясной и простой форме. Исторический и повествовательный элемент сочетаются в ней с суховатыми географическими описаниями, а некоторые страницы, как, например, о Будде, полны примитивной силы лучших образцов романической прозы тех времен. Книга Марко от начала до конца выдержана в спокойном уверенном стиле, изобличающем руку литератора, перед которым был подходящий материал и который стремился сделать свою работу как можно лучше. Нельзя все же отрицать, что в книге встречаются повторения, иногда монотонность и неровность стиля. В последних разделах географические заметки становятся короче и суше, вместо них появляются описания малоизвестных битв, исчезают свежесть и богатство деталей, отличавшие первые главы.

В настоящее время известно около 120 полных рукописей книги, большинство из них, так же как и первые печатные издания, восходят к различным версиям. Уже при жизни автора существовали переводы и сокращенные переложения книги. Снискавший наибольшую популярность в эпоху Возрождения латинский перевод 1320 г., сделанный болонцем Пипино, имел оригиналом не первоначальную французскую, а венецианскую рукопись[75]. На тосканском диалекте читал воспоминания Марко Поло флорентиец Джованни Виллани, ссылавшийся на них в своей «Хронике» при описании монголов. Возможно, что, кроме текста, записанного Рустичелло, существовали записи и других людей, слышавших в разное время рассказы Марко или имевших в руках его дневники. Так, например, найденный в 1933 г. в библиотеке Толедского собора латинский текст, датируемый концом XIV — началом XV в.[76], содержит много нового материала, в особенности сведений о России.

Со всеми своими недостатками и достоинствами книга венецианского путешественника вместе с энциклопедией флорентийца Брунетто Латини являются значительнейшими памятниками итальянской культуры XIII в. Книга Марко Поло осталась в числе немногих средневековых произведений, которые читаются еще в наше время.

ИТАЛЬЯНСКАЯ ПРОЗА

Сравнительно ранними памятниками итальянской письменности являются счетная книга флорентийских банкиров 1211 г. и «Сиенская хроника», в которой описываются события за тридцать лет — с 1231 по 1262 г. Эти памятники представляют интерес прежде всего для истории языка. Поскольку школы этого времени были исключительно латинскими, большое распространение получила (с легкой руки болонских магистров начала века) литература письмовников, которые предназначались для нужд людей, не знающих латыни. Заглавия такого рода сочинений

бывали обычно пышными и аллегорическими. Так, например, популярный письмовник Гвидо Фаба именовался «Царственным камнем» (Gemma purpurea). В нем давались образцы писем на «volgare». Всякий мог научиться, как следует писать, пользуясь родным языком, письма папе, императору, судьям и городским властям; содержались также советы, как обращаться к друзьям и родственникам. Забавно письмо сына к отцу с просьбой о деньгах, необходимых школяру для того, чтобы попасть в прекрасный и веселящий душу сад философии и сорвать там плоды мудрости.

Однако ростки латинской риторики, пересаженные на итальянскую почву, давали вначале лишь скудные побеги. Более скорому их произрастанию способствовали труды Брунетто Латини. Его итальянская «Риторика» представляла собой комментированный перевод первых книг юношеского произведения Марка Туллия Цицерона «De Inventione» (О подборе материала) и имела целью приобщить соотечественников автора к литературной культуре древнеримского мира. Дополнив Цицерона материалом, почерпнутым из других античных писателей, который он перемежал замечаниями и изложением собственных идей, Латини составил первую часть третьей книги своего энциклопедического сочинения. Латини учил искусству произнесения речей и эпистолярному мастерству, давал наставления, как составлять деловые бумаги. Уроки флорентийского ученого и государственного деятеля были весьма полезны в условиях расцвета городских коммун, когда большое число горожан разных сословий вовлекалось в дела управления.

Для знакомства с поэтикой античности в Италии важен был также перевод приписывавшейся Цицерону «Риторики к Геннию» (Rhetorica ad Herennium) в книге «Цвет риторики» (Fiore di Rettorica), которую Гвидотто из Болоньи составил и преподнес королю Манфреду (середина XIII в.).

Итальянскую эпистолярную прозу усовершенствовал тосканский стихотворец Гвиттоне д'Ареццо. Письма Гвиттоне изобилуют метафорами, повторами, игрою слов, унисонами, единоначалиями, всеми ухищрениями поздней латинской стилистики. В прозу аретинского литератора врывались стихи; она становится нередко рифмованной. Как во всех сочинениях с литературными претензиями, письма Гвиттоне обнаруживают латинские ритмические окончания фразы, так называемый «курсус» (cursus) [77].

Один из ранних опытов научной прозы на родном языке представляет «Книга об устройстве мира» (Libro della composizione del mondo), написанная Ристорто из Ареццо в 1282 г. на аретинском диалекте. Сочинение аретинского естествоиспытателя свидетельствует о том, что интерес к природоведению, оживший в Европе XIII в., затронул и Италию. Ристорто проявил

Брунетто Латини. Воображаемый ренессансный портрет
Флоренция, галерея Уффици

редкую для его времени наблюдательность. Не удовлетворяясь пересказом суждений авторитетов, он стремился сам проникнуть в тайны Вселенной. Руководствуясь советами Аристотеля, Птолемея и арабских ученых, Ристорто из Ареццо наблюдал течение светил, атмосферические и телурические явления. Собранный ученым Дудженто материал продолжал привлекать к себе внимание гуманистов Возрождения. Спустя почти три столетия трудом Ристорто д'Ареццо пользовался Леонардо да Винчи.

Хроники Дино Компаньи и Джованни Виллани

Во Флоренции конца XIII — начала XIV в. итальянский язык вступил в конкуренцию с латинским и французским также в сочинениях исторического характера. Стало возможным не только записывать исторические события на родном языке, но делать общие выводы, позволять себе лирические отступления и риторические инвективы, не прибегая к латинскому или к французскому. Возникли первые памятники итальянской историографии: хроники Дино Компаньи и Джованни Виллани.

Дино Компаньи (Dino Compagni, около 1260—1324) происходил из флорентийской торговой семьи. Ему приписываются канцоны и сонеты, в которых заметно подражание провансальским образцам, а также дидактическая поэма «Смышленность» (Intelligenza).

Торговец шелком, Дино Компаньи стал политическим деятелем, одним из зачинателей демократических реформ 1282 г. Во время гражданских распрей он был вместе с Данте сторонником белой партии. Во время его приората осенью 1302 г. Карл Валуа вступил во Флоренцию. Вожаки белых, в том числе Данте, были приговорены к изгнанию. Воспользовавшись законом о том, что гражданин, бывший не менее одного года приором, не может подвергнуться изгнанию, Дино Компаньи остался во Флоренции. Но политическая карьера врага магнатов была окончена. Однако в душе его продолжали бушевать политические страсти, и, когда он начал описывать события, происходившие в 1280—1312 гг., пером его водила ненависть к правителям города, к банкирам и рыцарям, к предводителям партий, которые, борясь за власть, разрушили прекрасный город, осквернили законы и посрамили честь, приобретенную их предками. Долгие годы живший на положении внутреннего эмигранта, Дино Компаньи воспрянул духом при вести о появлении в Италии императора Генриха VII. Дино заканчивал «Cronica delle cose occorrenti ne'tempi suoi», преисполненный надежд на скорое торжество своих гибеллинских идей, в те дни, когда после коронации в Риме император готовился к походу на Флоренцию. В последних строках «Хроники» он громил «преступных

сограждан, развративших и заразивших весь мир своими дурными нравами и бесчестными прибылями» почти в тех же выражениях, что и Данте в гневном письме, адресованном флорентийцам.

Как и «Хроника» Салимбене, обличительная летопись Дино, поборника демократических свобод и ненавистника олигархии, была обречена на долгое забвение и только в XVIII в. была вызвана из небытия Муратори. Сохранилось всего два ее рукописных списка, датируемых XV и началом XVI в.[78]

Подобно Цицерону, флорентийский историограф все время обращается к своей политической деятельности. «Я, Дино»,— мелькает на каждой его странице. «Хроника» Дино Компаньи — мемуары политика, потерпевшего крах. Он не только историк, но и моралист, оплакивающий несчастья родины (под родиной он понимал узко — Флоренцию).

Проза Дино повышенно эмоциональна, она насыщена ламентациями, пророчествами, лирическими отступлениями, инвективами. По мнению Луиджи Руссо, «Хроника» Компаньи напоминает «Ад» и «Чистилище» Данте, если не достоинствами поэтическими, то страстностью, непримиримостью и строгостью суждений[79]. Дино весьма чувствителем к классовым интересам борющихся между собой групп. Даже бог и дьявол ощущаются в хронике флорентийца как некие политические силы, действующие в обществе, как вожди политических партий. Тайна красноречия Дино заключалась, как думал Франческо Де Санктис, «в его оскорбленных событиями моральных чувствах», в том потрясении, которое пришлось ему испытать, когда его прекраснодушие столкнулось с жестокой действительностью и со злобными и коварными врагами, как папа Бонифаций VIII, принц Карл Валуа, и глава магнатов Корсо Донати[80]. Добавим, что красноречие Дино питалось и той горечью, которую он чувствовал, наблюдая за переменами в родной Флоренции, которые воспринимались им, как измена демократическим идеалам времен его молодости.

В 70-х годах XIX в. литературоведы гиперкритического направления позитивистской школы объявили «Хронику» Дино Компаньи фальсификатом. В тексте Дино были вскрыты многочисленные хронологические ошибки, обнаружены заимствования из «Хроники» Виллани, противоречия и необъяснимые пропуски важных событий. На защиту подлинности «Хроники» Дино Компаньи выступил Изидоро дель Лунго[81]. Мы считаем несостоятельной новую попытку возбудить вопрос о подлинности «Хроники» Дино, предпринятую Елизаветой фон Роон-Бассерман в исследовании «Флорентийские Белые и Черные»[82]. Отвергая авторство исторического Дино Компаньи, Роон-Бассерман стремится объяснить «Хронику» аллегорически, забывая, что в основе средневекового толкования текста всегда лежит реальный смысл[83].

Не приходится сомневаться в том, что замечательный средневековый историограф был «импрессионистом», т. е. обращал внимание только на то, что ему казалось главным и существенным. Он был также в высшей степени тенденциозен. Живость его стиля и красочность образов, им нарисованных, определялись глубокой личной заинтересованностью во всем, о чем он рассказывал. Пристрастия и антипатии историка дают себя знать на каждой странице «Хроники». Именно эти качества позволили рассматривать Дино Компаньи как одного из зачинателей итальянской прозы [84].

Гораздо обстоятельнее в своих повествованиях был младший современник Дино, Джованни Виллани (Giovanni Villani, род. во Флоренции в 70-х годах XIII в.). По торговым делам Виллани путешествовал во Францию и во Фландрию, всюду присматриваясь пристальным взором флорентийского купца к экономической жизни городов. Хотя он придерживался основных гвельфских воззрений, его нельзя назвать последователем белых или черных. Начало «Хроники» Виллани содержит общие сведения «о мировой истории», почерпнутые из Библии и польской хроники (Martinus Pollonus). Однако от вавилонской башни он вскоре переходит к башням Флоренции.

Главная заслуга Виллани как историка — его интерес к экономике. Он хорошо знает торговые дела Тосканы, Умбрии, Романьи и Лация. Он изучил торговые пути, ведущие на север, в Германию и Фландрию. Флорентийского хрониста можно упрекнуть разве что в «буржуазной объективности»: он стремится отмечать и положительные и отрицательные черты изображаемых им лиц. Так, например, в характеристике папы Бонифация VIII говорится о больших знаниях папы, о его прекрасной памяти, но вместе с тем историк пишет о гордости, жестокости и своекорыстии римского первосвященника. «Хроника» Виллани сохранила описание многих событий начала XIV в., которые без этого источника были бы нам плохо известны.

Примечательны строки о соотечественнике Виллани — авторе «Божественной Комедии», написанные в год смерти великого поэта (1321): «Он был возвышенным поэтом и философом, совершенным ритором, а также прославился сочинением стихов на volgare и по-латыни, кроме того, его следует назвать превосходнейшим оратором. Особенно искусен он был в стихах на volgare, отличаясь наиболее изысканным и прекрасным стилем, на котором когда-либо писали на нашем языке, как в его время, так и в прошедшие времена... Среди других сочинений он написал три послания; одно из них он отправил правителям Флоренции, жалуясь на свое незаслуженное изгнание; другое — императору Генриху, когда этот государь осаждал Брешию, упрекая его в бездействии словами почти пророческими; третье — итальянским кардиналам, в те дни, когда оставался свободным

святой престол после смерти папы Климента, призывая выбрать папой итальянца. Он сочинил «Комедию», где в отточенных стихах разработал весьма утонченно большие вопросы морали, природоведения, астрологии, философии и теологии при помощи прекрасных и новых сравнений и поэтических фигур; так он сочинил сто глав или сто песен о сущности и положении ада, чистилища и рая. Ему нравилось в этой Комедии поносить и громко восклицать, по обычаю поэтов, и там, где это не подобало, но причиной этому было, верно, его изгнание».

В своем некрологе Виллани отметил, что Данте был раздражителен и высокомерен и, как многие философы, не умел разговаривать с людьми непосвященными. «Однако благодаря другим его добродетелям, знаниям и великим достоинствам гражданина, нам кажется, что следует воздать ему вечную память в этой нашей хронике, вместе со всеми благородными его произведениями, которые свидетельствуют о нашем граде и прославляют его»[85]. Как гвельф, Виллани не мог не осудить гибеллинские инвективы Данте против Флоренции, вместе с тем он воздал должное великому поэту, равного которому не было в Италии, отметил несправедливость приговора своих сограждан и тем самым открыл пути для реабилитации великого поэта в стенах его родного города.

Следует также отметить, что Виллани не был чужд общеевропейским интересам и отразил первоначальные события Столетней войны. Хроника была продолжена братом Джованни Виллани — Маттео и его племянником Филиппо, который умер в начале XV в.[86]

«Новеллино»

Итальянский язык, проникая в различные жанры — эпистолярный, риторический, научный, дидактический, исторический и мемуарный, стал на рубеже XIII и XIV столетий также языком художественной прозы.

В середине XIV в. неизвестный составитель собрал новеллы, сочиненные в конце Дудженто. Так возник сборник «Новеллино»[87]. Авторство «Новеллино» без достаточного основания приписывалось гвельфам Брунетто Латини и Франческо да Барберино, долгие годы состоявшему на службе в коммуне Болоньи и Венецианской республике. Между тем анализ текста не оставляет сомнений в том, что неизвестный автор, составитель или редактор сборника, был гибеллином — очевидны его симпатии к сицилийскому двору. Особенности языка «Новеллино» и обилие специфических местных подробностей дают возможность определить, что происходил он из Флоренции. Что же касается датировки, то, по-видимому, эти ранние флорентийские новеллы возникли во второй половине Дудженто, когда в памяти людей события предшествующего XII столетия стали ме-

шаться с более близкими, о чем свидетельствует контаминация в «Новеллино» анекдотов об императоре Фридрихе I и его внуке Фридрихе II.

Можно с уверенностью сказать, что сюжеты «Новеллино» не являются изобретением анонимного автора XIII в., который широко использовал французские и провансальские источники: легенды о Тристане и Изольде, романы круглого стола, биографии трубадуров, а также народные анекдоты о Фридрихе II, Эццелино да Романо, Карле Анжуйском. Он перекладывал также в итальянскую прозу стихотворные французские фаблио.

Рассказы «Новеллино» обычно кратки и прямолинейны; психология в них не глубока; язык энергичен и выразителен. Автор любит вольную, часто непристойную шутку. Он рассказывает не только о пирах, охотах, празднествах феодальных дворов, но также о жизни горожан, порою создавая сцены, напоминающие зарисовки повседневной жизни в сонетах Рустико ди Филиппо и Чекко Анджольери.

К тому же периоду, что и «Новеллино», относится «Книга о семи мудрецах», известная едва ли не всем народам Азии и Европы. Эта обрамленная новелла возникла в Индии. Арабский ее текст был переведен на латынь, латинский — на французский, с французского был сделан перевод на итальянский. В европейских версиях действие повести о семи мудрецах приурочено к императорскому Риму.

Мы показали, что в XIII в. итальянцы писали прозаические произведения на нескольких языках: по-латыни, по-французски, по-провансальски и на многих наречиях отечественного volgare. Итальянский язык постепенно проникал в различные жанры. Он преодолевал конкуренцию более развитых европейских языков — французского и провансальского. Впервые решился написать по-итальянски научный трактат («Пир») Данте Алигьери. В «Новой жизни» он пользовался народным языком для комментирования своих стихов. Великий поэт был также первым теоретиком итальянского языка, осудив все диалекты, даже родной тосканский, во имя общего литературного языка всей Италии. Он был не только его теоретиком, но и первым автором, последовательно преодолевавшим диалектальную раздробленность, которая отражала раздробленность политическую.

Соперничество итальянского с латынью, которая ощущалась как италийский язык древних времен, продолжалось и в эпоху Возрождения. Лишь в начале Сеиченто (XVII век), после стилистической реформы Пьетро Бембо, итальянский язык стал главенствовать во всех видах художественной и научной прозы.

ПРИМЕЧАНИЯ

УПАДОК ЗАПАДНОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ И РОЖДЕНИЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

[1] *H. St. L. B. Moss.* The Birth of the Middle Ages (395—814). Oxford, 1947, p. 1—3.

[2] О торговле Рима с Востоком, в частности с Индией и Китаем, см.: *М. Хвостов.* История восточной торговли греко-римского Египта. Казань, 1907; *M. P. Charlesworth.* Trade Routs and Commerce of the Roman Empire. Cambridge, 1926; *E. H. Warmigton.* The commerce between the Roman Empire and India. Cambridge, 1928; *C. F. Hudson.* Europe and China. London, 1931.

[3] *G. Boissier.* La fin du paganisme. Vol. I—II, Paris, 1891; *F. Cumont.* Les religions orientales dans le paganisme romain. Paris, 1919; *J. Geffken.* Der Ausgang des griechisch-römischen Heidentums. 1929; *F. Klingner.* Römische Geisteswelt. München, 1956.

[4] *F. J. E. Raby* A History of Secular Latin Poetry in the Middle Ages. T. 1. Oxford, 1957, p. 2—4. См. также: *T. Frank.* Economic History of Rome. London, 1927; *T. Frank.* Race Mixture in the Roman Empire.— «American Historical review», 1915—1916, vol. XII, p. 690.

[5] «Римская сатира». Переводы с латинского. Составление и комментарии Ф. А. Петровского. М., 1957, стр. 180—181.

[6] *Э. Гиббон.* История упадка и разрушения Римской империи. Т. I—III. М., 1883—1884; *Ф. Момсен.* Римская история, т. V. Пер. В. Неведомского. М., 1885; *O. Seeck.* Der erste Barbar auf dem römischen Kaiserthron.— «Preussische Jahrbücher», 1885, Bd. 56; *O. Seeck.* Geschichte des Untergangs der antiken Welt. Bd. I—III. Berlin, 1910—1911; *P. Vinogradoff* Social and Economic conditions of the Roman Empire in the Fourth Century.— In: «Cambridge Medieval History». T. I, 1911, p. 543; *L. Homo.* Essai sur le règne de l'empereur Aurélien. Paris, 1904; *L. Homo.* L'empereur Gallien et la crise de l'empire romain.— «Revue historique», 1913, vol. 113; *L. Homo.* La grande crise de l'an 238 après J. Christ et le problème de «L'histoire Auguste».— «Revue historique», 1919, vol. 131—132; *F. Lot.* La fin du monde antique et le début du moyen âge. Paris, 1951; *M. Rostovtzeff.* The Social and Economic History of the Roman Empire. Vol. I—II. Oxford, 1957.

[7] *H. St. L. B. Moss.* The Birth of the Middle Ages. Op. cit., p. 27—28.

[8] Jugum — ярмо, парная запряжка, отсюда мера земли: югер — площадь однодневной вспашки в III—IV вв. н. э., достаточная для прокормления земледельца — «одной головы» (caput) и его семьи. См. *M. Rostovtzeff.* The Social and Economic History of the Roman Empire. Vol. I. Op. cit., p. 518—519.

[9] *Ф. Энгельс* и *К. Каутский.* Юридический социализм.— В кн.: *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Сочинения. Изд. 2-е. Т. 21. М., 1961, стр. 501; См. также: *Ф. Энгельс.* Происхождение семьи, частной собственности и государства. Там же, стр. 148—149.

[10] *П. Виноградов.* Происхождение феодальных отношений в лангобардской Италии. СПб., 1880, стр. 44—52; *А. Ранович.* Колонат в римском законодатель-

стве II—V веков.— «Вестник древней истории», М.— Л., 1951, № 1, стр. 83—109; *Е. М. Штаерман.* Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи. М., 1957.

[11] *M. Rostovtzeff.* Op. cit. Vol. II, p. 510—511; *H. St. L. B. Moss.* Op. cit., p. 19—21.

[12] *L. Maurice.* Constantin le Grand et l'origine de la civilisation chrétienne. Paris, 1924; *N. H. Baynes.* Constantin the Great and the christian Church. London, 1931; *Ch. Dawson.* Medieval Essays. New York, 1954, (Chapter II: The Christian West and the Fall of the Empire, p. 28—52).

[13] *Ф. Энгельс.* Бруно Бауэр и первоначальное христианство.— В кн.: *К. Маркс* и *Ф. Энгельс,* Сочинения. Изд. 2-е. Т. 19. М., 1961, стр. 307.

[14] *Ф. Энгельс.* Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии.— В кн.: *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Сочинения. Изд. 2-е. Т. 21. М., 1961, стр. 313—314.

[15] *J. Bidez.* La vie de l'empereur Julien. Paris, 1930.

[16] *H. St. L. B. Moss.* Op. cit., p. 33.

[17] Валерий Брюсов в романе «Алтарь Победы», основываясь на самом тщательном изучении исторических материалов, изобразил римское общество конца IV в., раздираемое борьбой между язычеством и христианством. См. Собрание сочинений. Т. XII—XIII. М., 1913.

[18] *E. R. Curtius.* La littérature européenne et le Moyen Age latin. Paris, 1956, p. 25; *O. Seeck.* Geschichte des Untergangs... Op. cit. Bd. V, S. 220.

[19] *М. Е. Грабарь-Пассек.* Ораторская проза IV—V вв.— В кн.: «История греческой литературы», т. 3. М., 1960, стр. 297—298.

[20] *Ch. Dawson.* Op. cit., p. 43—45; *H. St. L. B. Moss.* Op. cit., p. 37.

[21] *Н. А. Васильев.* Проблема падения Западной Римской империи и античная цивилизация. Казань, 1921; *J. B. Bury.* History of the Later Roman Empire from the death of Theodosius to the death of Justinian. Vol. I—II, London, 1923; *J. B. Bury.* The invasion of Europe by the Barbariens. London, 1928; *F. Lot, C. Pfister, F. L. Ganshof.* Les destinées de l'Empire en Occident de 395 à 888. Paris, 1937; *R. Grousset.* L'empire des steppes. Paris, 1939; *P. Courcelle.* Histoire littéraire des grandes invasions germaniques. Paris, 1948.

[22] *P. Trouvenot.* Salvien et la ruine de l'empire romain.— «Mélanges de l'École Française de Rome», 1920, N 38, p. 145.

[23] Об отношениях Византии с Западом см.: *Ф. Успенский.* История Византийской империи. СПб., 1914; *G. Ostrogorsky.* Geschichte des byzantinischen States. München, 1940; *L. Brèhier.* Vie et mort de Byzance. Paris, 1947; *A. A. Vasiliev.* History of the Byzantine Empire. Bd. 1—2. Madison, Wis., 1952; *З. В. Удальцова.* Италия и Византия в VI в. М., 1959.

[24] «История средних веков» под ред. Е. А. Косминского и С. Д. Сказкина. М., 1952, стр. 72.

[25] *П. Г. Виноградов.* Римское право в средневековой Европе. М., 1910, стр. 5.

ЛАТИНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА IV—V СТОЛЕТИЙ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ЛИТЕРАТУРУ СРЕДНИХ ВЕКОВ

ЯЗЫЧНИКИ И РАВНОДУШНЫЕ

[1] *H. Waddel.* The Wandering Scholars. London, 1927, p. XXII; ср. «Antologia Latina». Ed. A. Riese, F. Buechler. Bd. I. Leipzig (Teubner), 1894, S. 24.

Авзоний и *Клавдиан*

[2] *O. Seeck.* Geschichte des Untergangs der antiken Welt. Op. cit. Bd. V, S. 558.

[3] *M. Schanz — C. Hosius.* Geschichte der römischen Literatur. Vierter Teil. Erste Hälfte, München, 1959, S. 21—43; *F. J. E. Raby.* A History of Secular

Latin Poetry in the Middle Ages. Vol. I. Oxford, 1957, p. 54—65; *В Брюсов.* Великий ритор. Жизнь и сочинения Децима Магна Авзония. М., 1911. (Оттиск из журнала «Русская мысль», 1911, март.) На стр. 49—54 приведены брюсовские переводы стихов латинского поэта.

[4] *P. de Labriolle.* La correspondence d'Auson et de Paulin de Nole. Paris, 1910.

[5] *A. Delachaux.* La latinité d'Ausone. Lausanne, 1909.

[6] *E. Norden.* Die römische Literatur. Leipzig, 1954, S. 100.

[7] Самое распространенное изд. сочинения Авзония: *D M. Ausonii* Opuscula. Recensuit R. Peiper. Leipzig, 1886.

[8] Ср. также: *A. Biese.* Die Entwicklung des Naturgefühls bei den Römern. Kiel, 1883, S. 183.

[9] «Мозеллу» издал по-латыни с немецким переводом и комментарием L. Tross (Hamm, 1820 и 1824). Латинские и немецкие тексты поэмы изд. E. Böcking (Berlin, 1828). Немецкие переводы: O. H. A. von Oppen (Köln, 1837), H. Viehoff (свободный в октавах: Trier, 1885); R. E. Ottmann (Trier, 1895), K. Hessel (Bonn, 1904), M. W. Besser (Marburg, 1908). См. также издание с комментариями W. John: Mosella. Das Mosellied des Ausonius. Trier, 1932. Французский эрудит E. F. Corpet издал в оригинале и переводах «Oeuvres complètes» Авзония в двух книгах (Paris, 1842). Критический текст «Мозеллы» с комментарием и предисловием издал H. de la Ville de Mirmont (Bordeaux, 1889), автор диссертации «De Ausonii Mosella» (Paris, 1892). На английский «Мозеллу» переводили: H. G. Evelyn White (London, 1919—1921), отметивший влияние поэмы на Попа, и E. H. Blakeney (*Ausonius.* The Mosella. Лат. текст и перевод — London, 1933). На итальянском имеется перевод «Мозеллы» с коммент. Canal (Venezia, 1855).

[10] *M. Manitius.* Geschichte der Lateinischen Literatur des Mittelalters. Bd. I. München, 1965, S. 196, 307, 495, 498—499; Bd II. München, 1965, S. 267, n. 4; Bd. III. München, 1964, S. 255, 266.

[11] *G. Highet.* The Classical Tradition. Greek and Roman Influences on Western Literature. New York, 1957, p. 188; ср. *P. Willey.* Les sources et l'évolution des Essais de Montaigne. Paris, 1908.

[12] *F. J. E. Raby.* A History of Secular Latin Poetry. Op. cit. Vol. I, p. 60, n. 3.

[13] *G. Higet.* Op. cit., p. 340.

[14] *P. Fargues.* Claudien. Étude sur sa poésie et son temps. Paris, 1933; *H. Steinbeiss.* Das Geschichtsbild Claudians. Halle, 1936.

[15] *Claudii Claudiani* Carmina. Recognovit Julius Koch. Leipzig (Teubner), 1893.

[16] *F. J. E. Raby.* Op. cit. Vol. I, p. 94.

[17] *E. Norden.* Die Römische Literatur. Op. cit., S. 100.

[18]

...mons latus Ionium Cypri praeruptus obumbrat,
invius humano gressu, Phariumque cubile
Proteos et septem despectat cornua Nili.
hunc neque canentes audent vestire pruinae,
hunc venti pulsare timent, hunc laedere nimbi,
luxuriae Venerique vacat, pars acrior anni
exulat; aeterni patet indulgentia veris.
...
vivunt in Venerem frondes omnisque vicissim
felix arbor amat; nutant ad mutua palmae
foedera, populeo suspirat populus ictu
et platani platanis alnoque adsibilat alnus.

(Epitalamium, 49—68)

Ср. *F. J. E. Raby.* Op. sit. Vol. I, p. 94; *E. Donadoni.* Claudiano la guerra getica, epitalamio per le nozze di Onorio e Mario. Palermo, 1896.

[19] *M. Manitius.* Op. cit. Bd. I, S. 128, 209, 633; Bd. II, S. 52, 223, 224, 7—99; Bd. III, S.801, 809, 161, 205, 267, 413, 467, 614, 624, 630, 636, 639—640, 692, 751, 779, 796, 813, 993.

[20] *E.-R. Curtius.* La littérature européenne et le Moyen Age latin. Paris, 1956. Chap. VI: La Déesse Nature, p. 131—133; 143—149; *E.-R. Curtius.* Dante und das lateinische Mittelalter.— «Romanische Forschungen», 1943, Bd. LVII, S. 153—185. О влиянии Алана де Лилля на Мильтона см. *M. Manitius.* Op. cit. Bd. III, S. 799.

[21] *H. Waddel.* Op. cit., p. 133: (Ср. *Henri d'Andeli.* Oeuvres, Ed. Héron, Paris, 1881); *E.-R. Curtius* La littérature européenne... Op. cit., p. 69.

[22] *G Highet.* Op. cit., p. 100, 592; *M. A. Pratt.* Chaucer's Claudian.— «Speculum», 1947, vol. XXII, p. 419.

[23] *F. Flora.* Storia della Letteratura italiana. Vol. I. Verona, 1952, p. 506, 513.

Авиан, Рутилий Нумациан, Аполлинарий Сидоний

[24] *M Schanz — C. Hosius.* Op. cit., IV_2, S. 32—35; *M Manitius* Op. cit. Bd. III, S. 773, 775. О баснописце Бабрии см.. «История греческой литературы». М., 1960. Т. III, стр. 313—316, Федр. Бабрий. Басни. Издание подготовил М. Гаспаров. М., 1962, стр. 221—222.

[25] *Rutilius Namatianus.* Sur son retour (De reditu suo). Texte établi et traduit par J. Vessereau et F. Préchac. Paris, coll. «Bude», 1933; *R. Pichon.* Les derniers écrivains profanes Paris, 1906.

[26] «De reditu», I, 47—66: Exaudi, Regina tui pulcherrima mundi... etc.

[27] «De reditu», I, 37—42: Electum pelagus...etc.

[28] *Schanz — Hosius.* Op. cit., T. IV_2, S. 43—55; *C. E. Stevens.* Sidonius Apollinarius and His Age. Oxford, 1933; *K. F. Stroheker.* Der Senatadel im spätantiken Gallien. Tübingen, 1948.

[29] *Th. Mommsen.* Apollinarius Sidonius und seine Zeit.— «Sitzungsberichte der Berliner Akademie», 1885, S. 215; Ср. *Th. Mommsen.* Reden und Aufsätze. Berlin, 1905, S. 132.

[30] *M. Manitius.* Op. cit. Bd. I, S. 219—220, 435; Bd. III, S. 112, 258, 467, 627—632, 638—640, 754.

[31] *E.-R. Curtius.* La littérature européenne et le Moyen Age latin. Op. cit., p. 652. См. там же (стр. 200) о «топосе» («общем месте»), который Курциус удачно назвал «формулой надбавки цен». Этот «топос» был рекомендован своим ученикам Сидонием Аполлинарием. Затем на стр. 223 (о топосе «Природа»), стр. 335 (о маньеризме у Аполлинария и у Шекспира), стр. 509 (о формуле «смирение»). Заметим, что одним из первых ученых, занимавшихся Аполлинарием как стилистом, был С. Ешевский: Сидоний Аполлинарий. Эпизод из литературной и политической истории Галлии V века. М., 1885; Ср *E Faral.* Sidoine Apollinaire et la technique littéraire du Moyen Age.— «Miscelanea Giovanni Mereati». Vol. II. 1946. О литературной жизни Галлии V в. имеются сведения (хотя и несколько приукрашенные) в диссертации: *A. Loyen.* Sidoine Apollinaire et l'esprit précieux en Gaule aux derniers jours de l'Empire romain. Paris, 1943.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРОЗА

[32] *Schanz-Hosius.* Op. cit. T. IV_1, S. 65—77; Русский перевод «Книги о Цезарях» и других приписываемых Аврелию Виктору произведений сделан В. С. Соколовым. См. приложение к «Вестнику древней истории», 1963, № 4; 1964, № 1 и вступит. ст. к переводу (стр. 215—226).

[33] *M. Manitius.* Op. cit. Bd. I, S. 263, 269, 487; Bd. III, S. 394, 483.

[34] См. также: *Eutropium* breviarum Romanae Historiae. Recensuit Christophorus Callarius. Cizae, 1678 Критич. издание H. Droysen (с греческими переводами) появилось в томе II «Monumenta Germaniae» (Berlin, 1879). Единственный перевод на русский язык был сделан еще в XVIII в. *С. Воронцовым*: «Евтропия сокращение Римской истории до времен кесарей Валента и Валентиниана», издание Моск. ун-та, 1759. В последнее десятилетие деятельность позднеримских историографов привлекает все большее внимание со-

ветских историков античности. См. статью *В. С. Соколова*: Евтропий, историк IV в. н. э.— «Вестник Моск. ун-та. Историч. науки», 1960, № 6, стр. 52—70.

[35] *Schanz-Hosius.* Op. cit., T. IV, S. 82—84; *O. Seeck.* В кн.: Pauly — Wissowa's Real. Encyclopädie der classischen Altertumwissenschaft. VI, col. 2257.

[36] «Historiae Augustae scriptores VI», accurante Cornelio Schrevelio. Lugduni Batavorum, 1661. Перевод С. П. Кондратьева под ред. А. И. Доватура печатался в виде приложения к «Вестнику древней истории» за 1957—1960 гг.

[37] 1889, XXIV, p. 337; 1892, XXVII, p. 561; Diehl-Pauly-Wissowa's Real. Encyclop. VIII, col. 2051. Подробный разбор вопроса дан М. Ростовцевым: The Social and Economic History of the Roman Empire. Op. cit., Vol. I, p. 433—438; Vol. II, p. 429—730; Немецкий ученый *O. Seeck* полагал, что «Истории Августов» были подделаны в V в. См. Geschichte des Untergangs der antiken Welt. Op. cit. T. VI, 1920, S. 33, 309; По мнению N. H. Baynes (The Historia Augusta, its date and purpose. London, 1926) — это произведение возникло под влиянием императора Юлиана и было предназначено в пропагандных целях для широких масс. Мнение M. Schanz и C. Hosius о том, что «Жизнеописания Августов» были написаны в начале IV в., повторенное и в новом издании 1959 г. «Geschichte der römischen Literatur» (T. IV, S. 51—62), устарело.

[38] *N. E. Griffin.* Dares and Dyctys, an Introduction to the Study of Medieval Versions of the Story of Troyan. Baltimore, 1907; *O. Schissel von Fleschenberg.* Dares-Studien. Halle, 1908; *O. Rosbach.*— В кн.: Pauly-Wissowa's Real. Encycl. IV, col. 2213; *L. R. Loomis.* Medieval Hellenism. Lancaster, 1906. p. 55—59.

[39] *B. P. Grenfell, A. S. Hunt and J. G. Smyly.* The Tebtunis Papyri. University of California Publications.— «Graeco-Roman Archaeology», N 2, London, 1907.

[40] *E. Rohde.* Der griechische Roman und seine Vorläufer. Leipzig, 1914; *E. Haighet.* Essays on the Greek Romances. New York, 1943; *E. Haighet.* More Essays on Greek Romances. New York, 1945; *G. Highet.* The Classical Tradition. New York, 1957, p. 574—575.

[41] *H. Haupt.* Dares, Malalas und Sisyphos.— «Philologus. Zeitschrift für das klassische Altertum», 1879, Bd. XXXVIII, S. 91, *K. Krumbacher.* Geschichte der byzantinischen Literatur. München, 1897, S. 525; *Schanz — Hosius.* Op. cit T. IV_2, S. 86—87.

[42] В «Истории греческой литературы» (М., 1946, т. I, стр. 143) читаем: «В XV в. занесен был к нам югославский (sic.!) перевод «Притчи о Трое». К тому же веку относится переделка этого сюжета под названием «Притча о кралех». Источником для всех этих обработок послужил так называемый «Дневник троянской войны», относящийся к III в. н. э., приписанный *греку Диктису и фригийцу (т. е. троянцу) Дарету*», (курсив мой.— *И. Г.-К.*). Далее следует ссылка на труд А. Н. Пыпина «Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских» (СПб., 1857, стр. 306—316) и А. С. Орлова «Переводные повести феодальной Руси и Московского государства XII—XVII вв.» (Л., 1934, стр. 43—45). Заметим, что венгерский славист Л. Хадрович убедительно показал, что южнославянский «Роман о Трое» (в хорватской версии) был переведен с латинского на венгерский (текст до нас не дошел). Обнаруживаются венгерские формы собственных имен и другие мадьяризмы в хорватском «Руманце тройском» 1468 г. и в сербской версии конца XV или начала XVI в. См. *И. Н. Голенищев-Кутузов.* Славяноведение в Венгрии.— «Известия АН СССР. Отд. литературы и языка». 1957, т. XVI, вып. 6, стр. 531. Литературу конца XIX и начала XX в. о славянских версиях «Романа о Трое» см. в библиографии к книге П. Поповича «Обзор истории сербской литературы» (СПб., 1912). Известно, что перевод «Истории разрушения Трои» Гвидо де Колумна был напечатан при Петре I в 1709 г. и до 1817 г. выдержал шесть изданий. Гомер не дошел до многих русских читателей XVIII в. и был «заменен» Даресом, «очевидцем» гибели Илиона.

[43] *Isidorus Hispalensis.* Ethymologiae, I, 42.

[44] *P. Lehmann.* Pseudo-antike Literatur des Mittelalters. Leipzig, 1927, S. 10; *M. Manitius.* Op. cit., Bd. III, S. 209, 364, 616, 646, 649—652, 891; *W. B. Sedgwick.* The Bellum Troianum of Joseph of Exeter.— «Speculum», 1930, Vol. V, p. 49—76; *J. de Ghellinck.* L'essor de la Littérature Latine au XII siècle. T. II. Bruxelles — Paris, 1946, p. 212—213.

[45] *L. Constans.* Le Roman de Troie par Benoit de Sainte-Maure. Paris, 1904—1912.

[46] *E. Faral.* Recherches sur les sources latines des contes et romans courtois au Moyen âge. Paris, 1913.

[47] *P. Savj-Lopez.* Il Filostrato del Boccaccio.— «Romania», 1898, vol. XXVIII; *V. Pernicone.* Il Filostrato di G. Boccaccio.— «Studi di filologia italiana», 1929, vol. II; *G. Highet.* Op. cit., p. 54.

[48] *Guido de Columnis* Historia destructionis Troiae. Ed. N. E. Griffin. Cambridge Mass., 1936.

[49] *Sir Philip Sidney.* Apologie for Poetry. Cambridge, 1922; Ср. *G. Highet.* Op. cit., p. 54.

[50] *P. Meyer.* Alexandre le Grand dans la littérature française du Moyen Âge. Vol. I—II, Paris, 1886.

[51] *К. Э. Бертельс.* Роман об Александре и его главные версии на Востоке. М.— Л., 1948.

[52] *K. Krumbacher.* Geschichte der byzantinischen Literatur. München, 1897, S. 849; *A. Ansfeld.* Der griechische Alexanderroman. Leipzig, 1907.

[53] История греческой литературы. Т. III, 1960, стр. 192, 246; Арриан. Поход Александра. Пер. М. Е. Сергеенко. М.— Л., 1962.

[54] *Schanz — Hosius* Op. cit. T. IV, S. 47—50.

[55] *G. Landgraf.* Die vita Alexandri Magni des Archipresbyters Leo (Historia de preliis). Erlangen, 1885; *F. Pfister.* Untersuchungen zum Alexanderroman des Archipresbyters Leo. Heidelberg, 1912 (см. о влиянии архипресвитера Льва на средневековую литературу). Его же изд. текста: «Der Alexanderroman des Archipresbyters Leo» в «Sammlung mittellateinischer Texte», N 6, Heidelberg, 1913; ср. *M Manitius.* Op. cit Bd. I, S. 529—531.

[56] *H. Christensen.* Das Alexanderlied Walters von Châtillon. Halle, 1905; *A. Henry.* Etudes sur les sources du Roman d'Alexandre.— «Romania», 1936, p. 433—480; О влиянии Льва на Ламбера Ли Тор и Александра де Бернэ см. *J. de Ghellinck.* Op. cit., t. II, p. 210—212.

[57] *E. C. Armstrong, A. Foulet.* The Medieval French «Roman d'Alexandre». Vol. I—V. Princeton — Paris, 1937—1942; Старофранцузский роман об Александре в прозе издал A. Hilka (Halle, 1920). См. также *R. Bossuat.* Manuel bibliographique de la littérature française du Moyen âge. Melun, 1951. Новое издание «Epitome»: Incerti auctoris epitoma rerum gestarum Alexandri Magni cum libro de morte testamentoque Alexandri. Ed. P. H. Thoman. Lipsiae, 1960.

Аммиан Марцеллин

[58] *J. Gimazane.* Ammien Marcellin, sa vie et son oeuvre Bordeaux, 1889; *E. A. Thompson.* The Historical Work of Ammian Marcellinus. Cambridge, 1947; *Schanz—Hosius.* Op. cit., p. 93—107. *В. С. Соколов* Аммиан Марцеллин как последний представитель античной историографии.— «Вестник древней истории», 1959, № 4, стр. 43—62; *В. Д. Неронова.* Отражение кризиса Римской империи в «Истории» Аммиана Марцеллина.— «Уч. зап. Пермского ун-та», 1961, т. 20, вып. 4, стр. 71—100; *J. Vogt.* Ammianus Marcellinus als erzählender Geschichtsschreiber der Spätzeit.— «Abhandlungen der Geistes — und Sozialwissenschaftlichen Klasse (Akademie der Wissenschaften und Literatur)», Mainz, 1963, N 8, S. 3—27; *З. В. Удальцова.* Мировоззрение Аммиана Марцеллина.—«Византийский временник», М., 1968, т. XVIII, стр. 38—59.

[59] *E. Norden.* Antike Kunstprosa, Leipzig, 1923, S. 647; *A. M. Harmon.* The Clausula in Ammianus Marcellinus.— «Transactions of the Connecticut Academy of Arts and Sciences», Vol. XVI, 1910, p. 117 сл.

[60] *M. Schuster.* Die Hunnenbeschreibung bei Ammianus, Sidonius und Jordanis.— «Wiener Studien», 1940, Bd. 58, S. 119 сл.
[61] История греческой литературы. Т. III, стр. 200.
[62] *C. Marchesi.* Storia della letteratura latina. Vol. II. Milano, 1957 (глава VII).
[63] *Аммиан Марцеллин.* История. Перевод с латинского Ю. Кулаковского и А. Сонни. Киев, 1906, кн. XXV, 4, 19.
[64] Кесари или императоры на торжественном обеде у царя Ромула, где и все боги. Одно из творений Юлиана императора и т. д. Перевод А. Урусова. СПб, 1820 (вместо предисловия: Свидетельство Аммиана Марцеллина о Юлиане — по парижскому изд. 1681 г.).
[65] XIV, 7. Перевод Ю. Кулаковского; См. *В. Брюсов.* Собрание сочинений. Т. XII, СПб., 1913, стр. 279.

Макробий и Марциан Капелла

[66] *Schanz-Hosius.* Op. cit. T. IV_2, S. 189—195; *Th. Whittaker.* Macrobius. Cambridge, 1923.
[67] *E.-R. Curtius.* Op. cit., p. 183, 250, 544.
[68] *E. O. Wallace.* The Notes on Philosophy in the Commentary of Servius on the Eclogues, the Georgics, and the Aeneid of Vergil. Columbia University, 1938, p. 185—186. Ср. издание комментариев Сервия: Servianorum in Vergilii carmina commentariorum editio Harvardiana. Lancaster, 1946. О рукописи Сервия в Ленинграде см.: *И. И. Холодняк.* Петербургский отрывок неизвестной рукописи Сервия. СПб., 1910 (оттиск из журнала «Гермес», 1910, № 11—12); *А. И. Малеин.* Рукопись комментария Сервия к «Энеиде», принадлежащая БАН (XIII в.).— «Известия АН СССР». VI серия. Л., 1926, т. 20, № 1—2, стр. 39—46.
[69] *A. O. Lovejoy.* The Great Chain of Being. Cambridge Mass., 1936; *E. Wolff.* Die goldene Kette. Die «aurea catena Homeri» in der englischen Literatur. 1947.
[70] «Dichtung und Wahrheit», II, 8.
[71] См. в кн.: *P. Courcelle.* Les lettres greques en Occident. De Macrobe à Cassiodore. Paris, 1948, p. 3—36.
[72] *M. Schedler.* Die Philosophie des Macrobius und ihr Einfluss auf die Wissenschaft des christlichen Mittelalters. Münster, 1916; *Цицерон.* Диалоги. М., 1966, стр. 81—87.
[73] *M. Manitius.* Op. cit. Bd. III, S. 763—765.
[74] *E.-R. Curtius.* Op. cit., p. 134—138, 297; Ср. *R. L. Poole.* Illustrations of the History of Medieval Thought and Learning London, 1920, p. 148.
[75] *M Manitius.* Op. cit. Bd. III, S. 112, 209, 216, 267, 296, 299, 469, 803.
[76] *G. Highet.* Op. cit., p. 63, 184.
[77] См. изд. A. Dick. Leipzig, (Teubner), 1925.
[78] *P. Monceaux.* Les Africains. Etude sur la Littérature Latine d'Afrique. Les Païens. Paris, 1894. (Ch. IX. M. Capelle); *Schanz-Hosius.* Op. cit. T. IV_2, S. 166—170.
[79] *A. Sondermeyer.* De re metrica et rhytmica Marciani Capellae. Marburg, 1910.
[80] *H. W. Fiscner.* Untersuchungen über die Quellen der Rhetorik des Martianus. Capella. Breslau, 1936; *H. Dahlmann.* Varro de poematis und hellenistisch — römische Poetik, Mainz, 1953.
[81] *E.-R. Curtius.* Op. cit., p. 45, 359.
[82] *H. Hagendahl.* Latin Fathers and the Classics. Göteborg, 1958, p. 392—395. («Studia Graeca et Latina Gotgoburgensia», VI); С. И. Ковалев. Причины возникновения христианства.— «Вестник древней истории». М., 1962, № 3.
[83] *E. Norden.* Excurs über das christliche Purgatorium.— В кн.: Vergilius M. P. Aeneis. Buch. VI. Berlin, 1916, S. 29.

ХРИСТИАНСКИЕ ПИСАТЕЛИ

ПОЭТЫ

[84] *F. J. E. Raby.* A History of Secular Latin Poetry. Op. cit. Vol. I, p. 45—46; *E.-R. Curtius.* La littérature européenne et le Moyen Age latin. Op. cit., p. 344—345. См. также издание стихов Оптациана Порфирия: Carmina. Recensuit L. Mueller. Lipsiae, 1877.

[85] *Sentio, fugit hiems*: Zephyrisque animantibus orbem.
Jam tepet Eurus aquis. *Sentio fugit hiems.*
(*A. Riese.* Anthologia Latina. N 235); ср. *F. J. E. Raby.* A History of Secular Latin Poetry. Op. cit. Vol. I, p. 44).

[86] Proba Falconia. Cento Virgilianus historiam Veteris et Novi testamenti complexus. Ed. J.-H. Kromayer. Halle, 1719; E.-R. Curtius. Op. cit., p. 562.

[87] *A. Pompeati.* Storia della Letteratura Italiana. Torino, 1950, p. 14.

[88] Текст «Evangeliorum Libri IV» опубликован Hümer в XVI томе венского «Corpus Scriptorum Ecclesiasticorum Latinorum»; Ср. *G. Boissier.* La fin du paganisme. Vol. II, Paris, 1913, p. 43. Как правильно заметил Э.-Р. Курциус (op. cit., p. 182—183), поэма Ювенка, а также произведения других христианских поэтов IV—V вв. на Западе и Востоке, перелагавших Библию и апостольские деяния в стихи, восходят по прямой линии к латинской школьной риторике, рекомендовавшей, в соответствии с советами Квинтилиана, превращать прозу в стихи и стихи в прозу. Над таким переложением «Энеиды» трудился в юные годы Аврелий Августин («Исповедь» I, 17, 27). В Средние века широко практиковались стихотворные переложения (translatio) житий святых (Беда Досточтимый, Алкуин, Рабан Мавр и др.).

[89] *F. J. E. Raby.* A History of Christian-Latin Poetry from the Beginnings to the Close of the Middle Ages. 2. ed. Vol. I. Oxford, 1953, p. 20—28; *W. Meyer aus Speyer.* Gesammelte Abhandlungen zur mittellateinischen Rythmik. Bd. I—III. Berlin, 1905—1936; *F. Crusius.* Römische Metrik. München, 1955.

[90] *M. M. Dondo.* Vers libre a logical development of french Verse. Paris, 1922, p. 13.

[91] *H. Usener.* Reim in der altlateinischen Poesie.— In: *Usener H.* Kleine Schriften. Bd. II. Leipzig, 1913, S. 255—257; *F. Crusius.* Römische Metrik. Op. cit.

[92] *G. Paris.* Lettre à M. Léon Gautier sur la versification latine rythmique.— «Bibliothèque de l'École de Chartes», vol. XXVI, p. 578—601.

[93] *C. Daux.* Le chant abécédaire de Saint Augustin contre les Donatistes. Arras, 1905; *H. Vroom.* Le psome abécédaire de Saint Augustin et la poésie latine rythmique. Paris, 1934.

[94] *F. H. Dudden.* The Life and Times of St. Ambrose. Vol. I—II. Oxford, 1935.

[95] *Schanz — Hosius.* Op. cit. T. IV_1, S. 226—231.

[96] *W. Bulst.* Hymni latini antiquissimi. Heidelberg, 1956.

Пруденций и Драконтий

[97] Книгу о Пруденции написал П. И. Цветков (М., 1890). Она в значительной степени устарела. Исследование сопровождено прозаическими переводами. Из иностранных изданий оригиналов Пруденция и переводов его стихотворений укажем на следующие: *Prudence.* Texte établi et traduit par M. Lavarenne. Vol. I—IV. Paris, ed. «Budé», 1943—1951; Prudentius with an english translation by H. J. Thomson. T. I—II. London, 1949—1953; Исследования: *A. Puech.* Prudence. Paris, 1888; *M. Lavarenne.* Étude sur le langue du poète Prudence. Paris, 1933. См. также: *R. J. Deferrari, J. Marschall Campbell.* A Concordance of Prudentius. Cambridge, Mass., 1932; *M. Schanz — C. Hosius.* Geschichte der römischen Literatur. T. IV_1, 1959, S. 233—258.

[98] *L. Piccini.* Da Prudenzio a Dante. Torino, 1916.

[99] *P. Lehmann.* Iohannes Sichardus und die von ihm benutzten Bibliotheken und Handschriften. München, 1912 («Quellen und Untersuchungen zur lateinischen Philologie des Mittelalters», Bd. IV, Heft 1), S. 49.

[100] См. исследование проф. Туринского университета *M. Pellegrino* Structure et inspiration de «Peristephanon» de Prudence.— «Bulletin de la Faculté des Lettres de Strassbourg», 1961, N 8, p. 437—450.
[101] *F. J. E. Raby*. A History of Christian-Latin Poetry. Op. cit., p. 60.
[102] Poetae Latini Minores. Ed. E. Balbiens, recensuerunt F. Vollmer, W. Morel. Leipzig, 1914, p. 108; *M. St. Margaret*. Dracontii Satisfactio. With introduction, translation, commentary. Philadelphia, 1936; *J. F. Irwin*. Liber I Dracontii de laudibus dei. With introduction, text, translation and commentary. Philadelphia, 1942; *F. J. E. Raby*. Christian Poetry in Africa.— In. *Raby*. A History of Christian-Latin Poetry. Op. cit., p. 95—100.
[103] *Schanz — Hosius*. Op. cit. T. IV_2, S. 60—61.
[104] *J. Baylis*. Minucius Felix. London, 1928.

ПРОЗАИКИ

Апологеты
(Тертуллиан, Арнобий, Лактанций, Амвросий Медиоланский)

[105] См. библиографию Тертуллиана у Э. Нордена, (Die römische Literatur. Op. cit., S. 197—198). См. также: *E. Norden*. Die antike Kunstprosa von VI Jahrhundert v. Chr. bis in die Zeit der Renaissance. Bd. II. Leipzig, 1923, S. 606.
[106] *F. C. Copleston*. A History of Philosophy. Vol. II. Mediaeval Philosophy. Westminster, 1950, p. 25.
[107] *E. Rapisarda*. Arnobio. Catania, 1946; Arnobius of Sicca. The Case against the Pagans. New translated and annotated by G. E. Mac Crackeh. Vol. I—II. Westminster, 1949. Подражания Лукрецию отмечены в примечаниях к этому изданию; *H. Hagendahl*. Latin Fathers and the Classics. Op. cit., p. 12—47.
[108] Далеко не исчерпывает тему средневекового Лукреция работа: *J. Philippe*. Lucrèce dans la théologie cretienne du III au XIII s. («Revue d'Histoire des Religions», t. XXXIII, p. 19—125). См. *P. Renucci* L'aventure de l'humanisme européen au Moyen Âge. Paris, 1953, p. 106, 122, 152—153. Необходимо исследовать не только прямые упоминания Лукреция в Средние века, но также цитаты из него, перифразы и аллюзии на его поэму.
[109] *E. Norden*. Die römische Literatur. Op. cit., S. 121—122.
[110] *R. Pichon*. Lactance. Étude sur le mouvement philosophique et religieux sous le règne de Constantin. Paris, 1901, p. 58; см. *H. Hagendahl*. Op. cit., p. 53; *А. И. Садов*. Лактанций. СПб., 1892.
[111] *C. Marchesi*. Storia della letteratura latina. Vol. II. Milano, 1957, p. 448—450.
[112] *P. de Labriolle*. St. Ambroise. Paris, 1908; *F. H. Dudden*. The Life and Times of St. Ambrose. Vol. I—II. Oxford, 1935; *C. Marchesi*. Op. cit., p. 452—455; *M. Schanz — C. Hosius*. Op. cit. T. IV_1, S. 315—365.
[113] *C. Marchesi*. Op. cit., p. 452—455.
[114] *Ф. Энгельс* и *К. Каутский* Юридический социализм.— В кн.: *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 21, М., 1961, стр. 502.
[115] *J. A. McGeachy*. Q. A. Symmachus and the senatorial Aristocracy of the West. Chicago, 1942.

Иероним

[116] *H. Hagendhal*. Op. cit., p. 92—99, 269—328.
[117] *F. Bulić*. Wo lag Stridon, die Heimat des Heiligen Hieronymus.— In: Festschrift für O. Benndorf. Wien, 1898, S. 276; *F. Bulić*. Stridon — Grahovo u Bosni rodno mjesto sv. Jeronima.— «Vjesnik za archeologiju i historiju dalmatinsku», 1930, N 43, str. 6—104.
[118] О жизни и сочинениях Иеронима см.: *J. Brochet*. Saint Jérôme et ses ennemis. Paris, 1905; *F. Cavallera*. Saint Jérôme, sa vie et son oeuvre. Vol. I—II. Paris — Louvain, 1922; *A. Penna*. San Gerolamo. Torino, 1949; *R. Eiswirth*

Hieronymus Stellung zur Literatur und Kunst. Wiesbaden, 1955. Первое собрание сочинений Иеронима было издано под редакцией Эразма Роттердамского в Базеле между 1516 и 1520 гг. Лучшее издание, от которого зависят все последующие, подготовил D. Vallarsi (Verona, 1734—1742 гг. в 11 томах; 2-е изд., также в 11 томах, Venezia, 1766—1772).

[119] Предисловие Иеронима к его изложению хроники Евсевия Кесарийского.— В кн.: Творения бл. Иеронима Стридонского. Ч. 5. Киев. 1879, стр. 345—346.

[120] *P. de Labriolle.* S. Jérôme. Vie de Paul de Thèbes et vie d'Hilarion. Traduction, introduction et notes. Paris, 1907.

[121] *J. Klapper* und *K. Burdach.* Schriften Johannes von Neumarkt. Bd. VI. T. 2: Hieronymus. 1932. (Vom Mittelalter zur Reformation).

[122] *L. Jelić* Hrvatski zavod u Rimu.— «Vjesnik zemaljskog Arheološkog društva», Zagreb, 1902, IV.

Аврелий Августин

[123] *A. Pincherle.* Sant'Agostino. Bari, 1929; *G. Bardy.* Saint Augustin. Paris, 1946; *H.-I. Marrou.* Saint Augustin et la fin de la culture antique. Paris, 1949; *Schanz—Hosius.* Op. cit. T. IV_2, S. 398—472.

[124] *F. Alfaric.* L'évolution intellectuelle de Saint Augustin. Vol. I. Du Manichéisme au Néoplatonisme. Paris, 1918.

[125] *É. Gilson.* Introduction à l'étude de Saint Augustin. Paris, 1928; *J. Barion.* Plotin und Augustinus. Berlin, 1935; *B. Switalski.* Neoplatonism and the Ethics of St. Augustine. New York, 1946.

[126] Editio princeps A. Justinianus. Paris, 1520. О влиянии «Тимея» в переводе Хальцидия на Скотта Эриугену см.: *B. Heuréau.* Histoire de la philosophie scolastique. Paris., 1872, p. 92.

[127] См. двухтомное издание «Confessiones» P. de Labriolle в «Collection Budé» (Paris, 1925—1926; Introduction, t. I, p. V—XXXI); *P. Courcelle.* Recherches sur les Confessions de Saint Augustin. Paris, 1950.

[128] *H.-I. Marrou.* St. Augustin et la fin de la culture antique. Rectractatio. Op. cit., p. 686—691. См. также: *R.-M. Reitzenstein.* Augustin als antiker und als mittelalterlicher Mensch. Leipzig, 1934 («Vorträge der Bibliothek Warburg», I, 1922—1923). S. 24—65.

[129] См. издание «De Civitate Dei» в «Collection Budé». Исследования этого произведения, а также общественно-исторических воззрений Аврелия Августина: *J. Martin.* La doctrina sociale de Saint Augustin. Paris, 1912; *E. Troeltsch.* Augustin, die christliche Antike und das Mittelalter. München, 1905 («De Civitate Dei». Historische Bibliothek, XXXVI); *N. H. Baynes.* The Political Ideas of St. Augustine's De Civitate Dei. 1936; *F. C. Copleston.* Mediaeval Philosophy. Westminster, 1950, p. 87—90.

[130]
Pourquoi larron me faiz nommer?
Pour ce qu' on me voit escumer
En une petiote fuste?
Si comme toi me peusse armer,
Comme toy empereur je feusse».

(Почему называешь меня разбойником, не потому ли, что я бороздил моря на малом корабле? Если бы я смог вооружиться, как ты, я стал бы императором). *Fr. Villon.* Le Testament. Ed. A. Jeanroy. Paris, 1922, p. 16.

[131] Проза Августина исследована в работах: *C.-J. Balmus* Étude sur le style de Saint Augustin dans les Confessions et la Cité de Dieu. Paris, 1930; *S. Joseph-Arthur.* L'art dans St. Augustin. Montréal, 1945. См. также: *C. Daux.* Le chant abécédaire de Saint Augustin contre les Donatistes. Arles, 1905; *H. Vroom.* Le psome abécédaire de Saint Augustin et la poésie latine rythmique. Paris, 1934.

[132] *L. Laurand.* Étude sur le style des Discours de Ciceron. Paris, 1938, p. 118—132; *M. G. Nicolau.* L'origine du cursus rythmique. Paris, 1930. См. также:

J. Cousin. Étude sur Quintilien. Paris, 1936; *W. Schmid.* Über die klassische Theorie und Praxis der antiken Prosarhythmus. Wiesbaden, 1959.

[133] *F. Amerio.* Il «de Musica» di S. Agostino. Torino, 1929; ср. *H.-I. Marrou.* Op. cit. T. I, p. 266—273.

[134] *E.-R. Curtius.* Op. cit., p. 186—187.

[135] *В. П. Зубов.* Августин (Переводы и вступит. заметка).— В кн. Памятники мировой эстетической мысли. Т. I. М., 1962, стр. 258—279.

Сульпиций Север, Павел Орозий, Сальвиан

[136] *T. R. Glover.* Life and Letters in the Fourth Century. Cambridge, 1901, p. 278; *J. Brochet.* La correspondance de Saint Paulin de Nole et de Sulpice Sévère. Paris, 1906; *Schanz — Hosius.* Op. cit. T. IV_2, S. 472—480. Перевод этого латинского писателя появился в России в XVIII в.: «Сульпиция Севера священная история. Переведена с латинского языка. В царствующем граде Москве, в лето 1793».

[137] Pauly — Wissowa's Real. Encyclopädie der classischen Alterthumwissenschaft, 1916, IX, 2, col. 2079; *Schanz — Hosius.* Op. cit. T. IV_2, S. 483—491.

[138] *Ф. Энгельс.* Происхождение семьи, частной собственности и государства.— В кн.: *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Сочинения. Изд. 2-е. Т. 21. М., 1961, стр. 149—150.

[139] *J. J. Ampère.* Histoire littéraire de la France. Vol. II. Paris, 1839, p. 178; *W. A. Zschimmer.* Salvianus, der Presbyter von Massilia, und seine Schriften. Halle, 1875; *S. Dill* Roman Society in the last Century of the Western Empire. 1899, p. 137; *Schanz — Hosius.* Op. cit. T. IV_2, S. 523—528.

ЛАТИНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИТАЛИИ

ИТАЛИЙСКАЯ КУЛЬТУРА ВО ВРЕМЕНА ТЕОДОРИХА (VI В.)

[1] *F. L. Ganshof.* Note sur les origines bysantines du titre «Patricius Romanorum».— In: Mélanges Henri Gregoire. II. Bruxelles, 1950, p. 261.

[2] *M. Brion.* Théodoric, roi des Ostrogoths. Paris, 1935; *L. Salvatorelli.* L'Italia Medievale.— In: Storia d'Italia. Vol. III. Milano, s. d.; *G. Volpe.* Il Medioevo. Firenze, 1939; *H. St. L. B. Moss.* The Birth of the Middle Ages. Oxford — London. 1947, p. 395—814; *З. В. Удальцова.* Италия и Византия в VI в. М., 1959, стр. 222—234.

Боэтий

[3] *P. Vollari.* Le invasioni barbariche in Italia. Milano, 1920, p. 167—170; *E. K. Rand* The Founders of the Middle Ages Cambridge (U. S. A.), 1928, p. 135—180; *A. Josz* Severino Boezio nel dramma della romanità. Milano, 1937; *M. Barrett* Boethius, some Aspect of His Time and Work. Cambridge, 1940; *C. H. Coster.* The Fall of Boethius: His Character.— In Mélanges Henri Grégoire. IV. Bruxelles, 1953, p. 45.

[4] *E. K. Rand.* Founders of the Middle Ages. Harward, 1941. (Ch. V, Boethius the Scholastic).

[5] *E. Sh. Duckett.* The Gateway to the Middle Ages. New York, 1932, p. 193, 147—212.

[6] *P. Courcelle.* Les lettres greques en Occident de Macrobe à Cassiodore. Paris, 1948, p. 278—300 (Bibliothèque des Écoles françaises d'Athènes et Rome, fasc. 159).

[7] Истории греческой литературы. Т. III. М., 1960, стр 379.

[8] *Ф. Энгельс.* Анти-Дюринг.— В кн.: *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Сочинения. Изд. 2-е. Т. 20. М., 1961, стр. 19. В «Капитале» Маркс назвал Аристотеля «испо-

лином мысли» и «величайшим мыслителем древности». См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 23, М., 1960, стр. 92, 419.

[9] Cassiodorus Variae. Ed. Th. Mommsen. Berlin, 1894. Письмо I, 45. (Ср. *E. Sh. Duckett*. Op. cit., p. 149). См. также письма I, 10 и II, 40.

[10] О значении арифметики Боэтия для средневековой математики и школьного преподавания см. *И. М. Бубнов*. Абак и Боэций. Пг., 1915; *Nicomachus of Gerasa*: Introduction to Arithmetic. Translated by M. L. D'Ooge. Там же см. исследования о греческой арифметике Ф. Л. Роббинса и Луиса Карпинского.

[11] *F. von Lepel*. Die antike Musiktheorie im Lichte des Boethius. Berlin, 1958; см. переводы В. П. Зубова текстов Боэтия относящихся к музыке, в кн.: История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли. Т. I. М., 1962, стр. 248—258.

[12] *E. Sh. Duckett*. Op. cit., p. 155, n. 20.

[13] *N. Bubnov*. Gerberti opera mathematica. Berlin. 1899, p. 99.

[14] *E. Sh. Duckett*. Op. cit., p. 158—159; *J. Bidez*. Boèce et Porphyre.— «Revue Belge de philosophie et d'histoire», 1923, t. I, p. 189; История греческой литературы, Т. III, стр. 385.

[15] *H. Rashdall*. The Universities of Europe in the Middle Ages. Vol. I. Oxford, 1936, p 350 (Ср. *E. Sh. Duckett*. Op. cit. p. 161, n. 37).

[16] *M. Manitius*. Geschichte der Lateinischen Literatur des Mittelalters Bd. I. München, 1911, S. 29—32 (см. упоминания о переводах «Аналитики» в рукописях XI—XV вв. на стр. 30). То же в изд. 1965 г.

[17] *Ch. H. Haskins*. Studies in the History of Mediaeval Science. Cambridge University Press, 1927, p. 228.

[18] *M. Grabmann*. Forschungen über die lateinischen Aristotelsübersetzungen des XII Jahrhunderts.— «Beiträge zur Geschichte der Philosophie des Mittelalters», Münster, 1916, Bd. XVII, Hf. 5—6; *E. Franceschini*. Aristotile nel Medio Evo Latino.— В кн.: Atti del XI Congresso Nazionale di Filosofia. Padova, 20—23 settembre 1934. Padova, 1935.

[19] *E. Sh. Duckett*. Op cit., p. 164.

[20] Мы пользуемся изданием: *Boethius*. Trost der Philosophie. Lateinisch und Deutsch übertragen von Eberhard Gothein. Zürich, 1949.

[21] *E. K. Rand*. On the Composition of Boethius «Consolatio Philosophiae».— «Harvard Studies in Classical Philology». Vol. XV, 1904; *E. Rapisarda*. Consolatio Poesis in Boezio. Catania, 1956; *F. J. E. Raby* A History of Christian-Latin Poetry. Op. cit., p. 112—114.

[22] *H. R. Patch*. The Tradition of Boethius, a Study of his Importance in Medieval Culture. New York, 1935; *P. Courcelle*. La Consolation de Boèce — ses sources et son interpretation par les commentateurs latins. Paris, «Écoles Nationale des Chartes», 1934 (особенно интересен анализ неоплатонизма Боэтия). См. также: *E. T. Silk*. Saeculi novi auctoris in Boetii Consolationem Philosophiae Commentarius. American Academy in Roma, 1935.

[23] *M. Manitius*. Op. cit. Bd. I, S. 337; *M. Cappuyns*. Jean Scot Erigène, sa vie, son oeuvre, sa pensée. Paris, 1933.

[24] *G. Highet*. The Classical Tradition. New York, 1957, p. 45—46. См. современное издание: *W. J. Seldgefield* (Oxford, 1900); *Manitius*. Op. cit. Bd. II, S. 639—651, 655.

[25] *H. Naumann*. Notkers Boethius. Untersuchungen über Quellen und Stil. Strassburg, 1913. («Quellen und Forschungen zur Sprachgeschichte der germanischen Völker». Bd 121).

[26] *M. Manitius*. Op. cit. Bd III, S. 218.

[27] *P. Renucci*. L'aventure de l'humanisme européen au Moyen Âge (IVe — XIVe s.). Paris, 1953, p. 61—62; ср. *A. Jourdain*. Dissertation sur l'état de la philosophie naturelle en Occident pendant la première moitié du XIIe siècle. Paris, 1838

[28] *G. Spagnolo*. La cultura letteraria di Arrigo da Settimello.— «Giornale storico della letteratura italiana», 1929, vol. XCIII, p. 1.

[29] *V. Rabotin*. Le Boèce provençal. Étude linguistique. Strassbourg, 1930.

[30] *R. Murari.* Dante e Boezio. Bologna, 1905; *F. von Falkenhausen* Dante und Boethius.— «Deutsches Dante-Jahrbuch». Bd. XXII. Weimar, 1940. *G. Toffanin.* Storia dell'umanesimo dal XII al XVI s. Napoli — Città di Castello, 1933, p. 96.

[31] *S-ti Thomae de Aquino.* Expositio super librum Boethii De trinitate. Recensuit B. Decker. Leiden, 1955.

[32] *B. L. Jefferson.* Chaucer and the Consolation of Philosophy of Boethius. Princeton, 1917; *G. Highet.* Op. cit., p. 99—100.

[33] *K. Krumbacher.* Geschichte der byzantinischen Litteratur. München, 1897, S. 545; *A Petrusi.* La fortuna di Boezio a Bisanzio.— В кн.. Mélanges Henri Gregoire. III. Bruxelles, 1953, p. 301.

[34] *Boezio.* Della consolazione della filosofia. Trad. di lingua latina in volgare fiorentino da B. Varchi. Firenze, Torrentino, 1551 (экземпляр Всесоюзной библиотеки им. Ленина. Отдел редких книг).

[35] *G Highet.* Op. cit., p. 571.

[36] *Боэтий А М.* Утешение философское. Пер. иеромонаха Феофилакта. СПб., 1794; *F K. Freytag* (Riga, 1794 — с примечаниями). Ф. А. Петровский, предпринявший недавно новый перевод «Утешения», ограничился, к сожалению, одной первой книгой сочинения Боэтия. См.: Памятники средневековой латинской литературы IV—IX вв. М., 1970. стр. 134—146.

Эннодий

[37] Издание сочинений Эннодия; *M. F. Ennodii* Opera. Rec. Fr. Vogel. Berolini, 1885 (Monumenta Germaniae Historica. Auctores antiquissimi. Bd. VII). О жизни и творчестве ритора-епископа см.: *Schanz-Hosius.* Op. cit. T. IV_2, S. 131—148; *F. Ermini.* Storia della Letteratura Latina Medievale delle origini alla fine del secolo VII. Spoleto, 1960, p. 475—500.

[38] *M. Dumoilin.* Le gouvernement de Théodoric et la domination des Ostrogoths en Italie d'après les oeuvres d'Ennodius.— «Revue historique», 1902, vol. LXXVIII—LXXIX; *H. Laufenberg.* Die historische Wert des Panegyrikus des Bischofs Ennodius. Rostock, 1902; *C. Cipolla.* Del «Panegyricus» di Ennodio in lode di re Teoderico.— In: *C. Cipolla* Per la storia d'Italia e de'suoi conquistatori. Bologna, 1895, p. 527—573.

[39] *A Pompeati.* Storia della letteratura Italiana Vol I. Il Medioevo. Torino, 1950, p. 18—19. Подобные же нарекания встречаются в книге F. Ermini (Op. cit , p. 497).

[40] *F. J. E. Raby.* A History of Christian-Latin Poetry. Op. cit., p. 117.

[41] *M. Manitius.* Op. cit. Bd. I, S. 262; Bd. III, S. 510, 636.

Аратор, Присциан, Фульгенций

[42] *G. L. Perugi.* Aratore. Venezia, 1909; *M. Manitius* Op. cit. Bd. I, S. 162—167; *F. Ermini* Op. cit., p. 338—348.

[43] *Schanz-Hosius.* Op. cit. T. IV_2, S. 221—238; *C. Marchesi.* Storia della letteratura Latina. Vol. II. Milano, 1957 (глава VII); *A. Buttmann.* Des Apolonios Dyskolos vier Bücher über die Syntax übersetzt und erläutert. Berlin, 1877.

[44] *M. Zink.* Der Mytholog Fulgentius. Würzburg, 1867; *A. Gasquy.* De Fabio Planciade Fulgentio Virgili interprete.— «Berliner Studien für klassische Philologie», 1887, Bd V, S.1; *Schanz-Hosius* Op. cit. T. IV_2, S. 196—205.

Бенедикт из Нурсии

[45] Regula S. Benedicti. Ed. E. Wölfflin. Lipsiae (Bibl Teubneriana), 1895; *E. Wölfflin.* Die Latinität des Benedikt von Nursia.— «Archiv für lateinische Lexicographie und Grammatik», 1896, Bd. IX, S. 493; *Schanz-Hosius.* Op. cit. T. IV_2, S. 591—596; *J. Chapman.* Benedict and the Sixth Century. London, 1929; *L. Salvatorelli.* San Benedetto e l'Italia del suo tempo. Bari, 1926; *F. Ermini.* Op. cit., p. 390—416 (О языке Бенедикта см. на стр. 413—416).

[46] *Schanz-Hosius.* Op. cit. T. IV_2, S. 92—109; *M. Manitius.* Op. cit. Bd. I, S. 36—52; *F. Ermini.* Op. cit., p. 425—432; *A. van der Vyver.* Cassiodore et son oeuvre.— «Speculum», 1931, vol. VI, p. 244; *A. Momigliano.* Cassiodorus and the Italian Culture of His Time.— «Proceedings of the British Academy», 1955, XLI, p. 207. Издание произведений: *Cassiodory Senatoris* Opera omnia ... accurante J. P. Migne. Vol. I—II, Paris, 1865 (Patrologia Latina, 69—70).

[47] Большинство современных итальянских историков литературы обходит этот вопрос. Не без колебаний Эрмини все же склоняется к тому мнению, что Виварий следовал василианскому уставу (см. *F. Ermini.* Op. cit., p. 434).

[48] См. новое издание: *Cassiodori Senatoris* Institutiones. Edited from the Manuscripts by R. A. B. Mynors. Oxford, 1937. О преподавании в Виварии и о знании Кассиодором греческой светской литературы см.: *P. Courcelle.* Les lettres greques en Occident. De Macrobe à Cassiodore. Op. cit., p. 321 etc.

[49] *E.-R. Curtius.* La littérature européenne et le Moyen Age Latin. Paris, 1956, p. 549—552.

[50] *E.-R. Curtius.* Op. cit. p. 550.

[51] *Schanz-Hosius*, Op. cit., T. IV_2, S. 100—101.

[52] *Åke J. Fridh.* Terminologie et Formules dans les Variae de Cassiodore. Étude sur le développement du style administratif aux derniers siècles de l'antiquité. Stockholm — Göteborg, 1956, p. 4 (Studia Graeca et Latina Gothoburgensia. II). Основное издание: *Cassiodori Senatoris* Variae. Rec. Th. Mommsen. Berlin, 1894 (Monumenta Germaniae Historica. Auctores Antiquissimi, XII).

[53] *H. Getzeny.* Stil und Form der ältesten Papstbriefe bis auf Leo den Grossen. Tübingen, 1922.

[54] *A. J. Fridh.* Op. cit., p. 7, n. 5.

[55] О языке Кассиодора см.: *O. J. Zimmermann.* The Late Latin Vocabulary of the Variae of Cassiodorus. Washington, 1944.

[56] Произведения Кассиодора были изданы не полностью Себастианом Нивеллием с примечаниями Форнерия к «Variae» в Париже в 1579 г. Последовало еще четыре издания у Нивеллия. Известны также женевские издания XVII в. (1650, 1656). Бо́льшей тщательностью отличалось издание I. Garet (Rothomagi, 1679), перепечатанное в 1729 г. в Венеции. О занятиях Кассиодором в начале XVI в. Иоанна Сиккарда см.: *P. Lehmann.* Johannes Sichardus und die von ihm benutzten Bibliotheken und Handschriften.— «Quellen und Untersuchungen zur lateinischen Philologie des Mittelalters», Bd IV, Heft 1, München, 1912, S. 206.

[57] См. издание Т. Моммзена «Jordanis Romana et Getica». Berlin, 1882 (Monumenta Germaniae Historica. Auctores Antiquissimi. V, I); *F. Werner.* Die Latinität der Getica des Jordanis. Halle, 1908; *Ch. C. Mierow* The Gothia History of Jordanes. Princeton, 1915. В прекрасно подготовленном русском издании Иордана (М., 1960) Е. Ч. Скржинская пишет: «Значение «Getica» как важного исторического источника определяется тем, что Иордан, развивая основную тему, окружил ее множеством сообщений из истории всей эпохи в целом. Таким образом, вовсе не будучи талантливым писателем, он тем не менее сумел представить в своем изложении грандиозную картину «переселения народов» в IV—VI вв.» (стр. 7). О заимствованиях Иордана у Кассиодора см. стр. 26—27. О неудаче политики Теодориха и Кассиодора, стр. 34—36.

[58] *H. Uzener.* Anecdoton Holderi. Ein Beitrag zur Geschichte Roms in ostgotischer Zeit. Bonn, 1877.

[59] *E.-R. Curtius.* Op. cit., S. 381; *О. Добиаш-Рождественская.* Мастерские письма на заре западного Средневековья и их сокровища.— «Труды комиссии по истории знаний», Л., 1930, вып. 10.

[60] *L. W. Jones.* The Influence of Cassiodorus on Medieval Culture.— «Speculum», 1945, vol. XX, p. 433; 1947, vol. XXII, p. 254.

[61] См. *F. Ermini.* Op. cit., p. 585—626.

[1] См. *П. Виноградов.* Происхождение феодальных отношений в лангобардской Италии. Пб., 1880, стр. 107; *А. И. Неусыхин.* Общественный строй лангобардов в VI—VII веках.— «Средние века». М.— Л., 1941, вып. I, стр. 20—25.

[2] Homiliarum in Ezechielem Libro II, Homil. VI— *J. P. Migne.* Patrologia latina. T. 76. Sancti Gregorii papae I Opera omnia. T. 2. Paris, 1865, Col. 1009—1011.

[3] *П. Виноградов.* Цит. соч., стр. 115.

[4] *П. Виноградов.* Цит. соч., стр. 128—141.

[5] *Л. А. Котельникова.* Итальянское крестьянство и город XI—XIV вв. (по материалам Средней и Северной Италии). М., 1967, стр. 326.

[6] *L. Schmidt.* Alteste Geschichte der Langobarden. Leipzig, 1884, S. 65—73; *L. M. Hartmann* Geschichte Italiens im Mittelalter. Bd 2. I. Hälfte. Gotha, 1900, S. 34—280; Bd 2. 2. Hälfte. 1903, S. 1—156; *H St. L. B. Moss.* The Birth of the Middle Ages. Oxford, 1947, p. 125—134, *L. Salvatorelli.* L'Italia medioevale dalle invasioni barbariche agli inizi del secolo XI. Milano, s. d., p. 212—336, *G. Pepe.* Il medio evo barbarico d'Italia. Torino, 1963, p. 106—253; *A. Tagliaferri.* I Longobardi. Nella civiltà e nell' economia. Milano, 1965; *А. И Неусыхин.* Лангобардское королевство в Италии.— В кн.: История Италии. Т. I М., 1970, стр. 34—70.

Венанций Фортунат

[7] *S. Dill* Roman Society in Gaul in the Merovingian Age. London, 1926; *R. Köbner.* Venantius Fortunatus, seine Persönlichkeit und seine Stellung in der geistigen Kultur des Merowinger-Reiches. Leipzig, 1915.

[8] *M. Manitius.* Geschichte der lateinischen Literatur des Mittelalters. Bd. I. München, 1965, S. 170—180, *F. J. E. Raby.* A History of Secular Latin Poetry in the Middle Ages. Vol. I. Oxford, 1957, p. 127—142.

[9] *D. Tardi* Fortunat. Étude sur un dernier représentant de la poésie latin en Gaule méroving. Thèse. Paris, 1927; *F. Ermini* Storia della letteratura latina medievale. Spoleto, 1960, p. 463—473.

[10] *H. Waddel.* The Wandering Scholars. London, 1927, p. 23—27.

Григорий I

[11] *О. А. Добиаш-Рождественская.* Мастерские письма на заре западного Средневековья и их сокровища в Ленинграде.— «Труды Комиссии по истории знаний», Л., 1930, вып. 10, стр. 8.

[12] S. Eligii episcopi Noviomensis Vita.— *J. P. Migne.* Patrologia latina. T. 87. Paris, 1863, col. 566.

[13] *А. Л. Люблинская.* О. А. Добиаш-Рождественская как историк.— «Средние века», 1942, вып. 1, стр 212—226. В фондах библиотеки им. Салтыкова-Щедрина имеются в рукописных списках VIII в. «Гомилии на Иезекииля» (полный текст и фрагмент 11-й гомилии), «Письма» (53 избранных послания), и никогда не публиковавшаяся «Эклога» Латиена о моралиях Григория на книгу Иова. См.: Древнейшие латинские рукописи ГПБ. Каталог рукописей VII — начала IX в. Л., 1965.

[14] *F. H. Dudden.* Gregory the Great. Vol. 1—2. London, 1905; *M. Manitius.* Op. cit., Bd. I, S. 92—93.

[15] *П. Б. Шаскольский.* Роль римской церкви в обороне Италии в эпоху нашествия лангобардов.— В кн.: К 25-летию учено-педагогической деятельности И. М. Гревса. Сборник статей его учеников. СПб., 1911, стр. 70—93; *L. Bréhier et R. Aigrain.* Gregoire le Grand, les Etats barbares et la conquête arabe. Paris, 1938, p. 17—70.

[16] *J. P. Migne.* Patrologia latina. T. 75—78. Кроме писем и «Moralia», все тек-

сты Григория имеются в русских переводах. «Правило пастырское» (Киев, 1873).

[17] См. *Sulpicii Severi* Dialogi.— Migne. Patrologia latina. T. 20. Paris, 1845, col. 192—202, 204—205, 221—222.

[18] Святаго отца нашего Григория Двоеслова, епископа Римского, Собеседования о жизни италийских отцев и о бессмертии души Казань, 1858, стр. 11—12.

[19] *М. С. Корелин* Важнейшие моменты в истории средневекового папства. СПб., 1901, стр. 28.

[20] *Migne*. Patrologia latina. T. 83. Paris, 1862. Sancti Isidori... Opera omnia, col. 1102.

[21] *Migne*. Op cit T. 106, col. 198.

[22] *А. Пономарев*. Собеседования св. Григория Великого о загробной жизни в их церковном и историко-литературном значении. Опыт исследования памятников христианской агиологии и эсхатологии. СПб., 1889, стр. 11, примеч. 3.

[23] *Л. Карсавин*. Григорий I Великий.— Новый энцикл. словарь Брокгауза — Эфрона Т. 15, стб. 7—8.

[24] *В. Певницкий*. Св. Григорий Двоеслов — его проповеди и гомилетические правила. Киев, 1871, стр. 108; об аллегорических толкованиях Григория см. также на стр. 222—230.

[25] Русский перевод: «Беседы на книгу пророка Иезекииля». Киев, 1863.

[26] Книги 1—2. СПб., 1860.

[27] Из сохранившихся славянских списков «Диалогов» самый древний — XIV в.— находился в библиотеке Вильно. См. *А. Пономарев*. Цит. соч., стр. 217—223.

[28] *П. М Копко*. Исследование о языке «Бесед на Евангелия», памятника южнорусского XII века. Львов, 1909.

[29] *Gregorii I papae* registrum epistolarum. T. 1—2. Ed. P. Ewald und L. M. Hartmann. Berlin. 1887—1893. (Monumenta Germaniae historica).

[30] *F. Ermini*. Storia della letteratura latina medievale. Spoleto, 1960, p. 363—384; *А. И. Садов*. Обзор языка папы Григория I (по его письмам). Пг., 1916, стр. 25—26.

[31] *L. Radermacher*. Aus Lucians Lügenfreund.— В кн.: Festschrift Theodor Comperz dargebracht. Wien, 1902, S. 204.

[32] *Ф. Успенский*. Церковно-политическая деятельность папы Григория I-Двоеслова. Казань, 1901, стр. 239—243; *Ф. Грегоровиус*. История города Рима в Средние века. Т. 2. СПб., 1888, стр. 262.

Ирландское влияние. Колумбан

[33] Архив Маркса и Энгельса. Т. X. М., 1948, стр. 92

[34] *М Э. Шайтан*. Ирландские эмигранты в Средние века.— В сб.: Средневековый быт. Л., 1925, стр. 179—204; *F. J. E. Raby*. A History of Christian-Latin Poetry from the Beginnings to the close of the Middle ages. 2 ed. Oxford. 1953, p. 131—140; *F. J. E. Raby*. A History of Secular Latin Poetry. Op. cit. Vol. I, p. 161—166; *H. Waddel*. The Wandering Scholars. Op. cit., p. 27—36, *F. Ermini*. Op. cit., p. 571—591; *G. Pepe*. Op. cit., p. 304—311.

[35] *L. A Muratori*. Antiquitates Italicae medii aevi. T. 3. Mediolani, 1740, p. 817—824.

[36] См. *S. J. Crawford*. Anglo-Saxcon Influence in Western Christendom (600—800). Oxford, 1933.

[37] *M. Manitius* Op. cit., Bd. I, S. 181—187; *P. F. Kendig*. The Poems of Saint Columban. Diss. Philadelphia, 1949.

[38] *W Beare*. Latin Verse and European Song. A Study in Accent and Rhythm. London, 1957, p. 264—265.

[39] *Sancti Columbani* Opera. Ed. by G. S. M. Walker. Dublin, 1957. Полное критическое издание произведений Колумбана с параллельным латинским

и английским текстом, обстоятельным критико-биографическим исследованием (стр. IX—LXXXIII) и библиографией (стр. LXXXIII—XCIV).

[40] См. *M Manitius*. Op. cit. Bd I, S. 104. В этом письме речь идет о «Liber regulae pastoralis», но не подлежит сомнению, что Колумбан знал и другие произведения Григория I.

Возникновение латино-лангобардской литературы

[41] *A. Colombo* Il versus de Mediolana civitate dell' anonimo liutprandeo.— In: Miscellanea di storia lombarda in onore di Ettore verga. Milano, 1931.

[42] См. *А. Гаспари*. История итальянской литературы. Т. I. М., 1895, стр. 3; *G. Pepe*. Op. cit., p. 289—332.

[43] *R. Bezzola*. Les origines et la formation de la littérature courtoise en Occident. T. 2. Paris, 1960, p. 221—229.

[44] См. *Ф. Грегоровиус*. История города Рима в средние века Т. 3. СПб., 1887, стр. 89, *G. Mengozzi*. Ricerche sull'attività della scuola di Pavia nell'alto Medio evo. Pavia, 1924, p. 236—280; *G. Pepe*. Il medio evo barbarico d'Italia. Torino, 1963, p. 289—332.

ЭПОХА КАРОЛИНГОВ И ОТТОНОВ

[1] *P. Brezzi*. Roma e l'impero medioevale (774—1252). Bologna, 1947, p. 3—82.

[2] *G. Pepe*. Il medio evo barbarico d'Italia. Torino, 1963, p. 333—344.

[3] *L. M. Hartmann*. Geschichte Italiens im Mittelalter. Bd 2. 2. Hälfte. Gotha, 1903, S. 157—353; *G. Romano, A. Solmi*. Le dominazioni barbariche in Italia. Milano, 1940, p. 460—668.

[4] *П. Виноградов*. Происхождение феодальных отношений в лангобардской Италии. Пб., 1880, стр. 145; *Н М. Пакуль*. Итальянская политика Карла Великого.— «Уч. зап. Харків. ун-ту», 1940, № 19, стр. 105—115; *H. St. L. B. Moss*. The Birth of the Middle ages. Oxford, 1947, p. 210—221; *Дж. Луццато*. Экономическая история Италии. М., 1954, стр. 197—234.

[5] *H. Fichtenau*. Das karolingische Imperium. Soziale und geistige Problematik eines Grossreiches Zürich, 1949; *J. Calmette*. L'effondrement d'un empire et la naissance d'un Europe IXᵉ — Xᵉ siecles Paris, 1941; *L. Salvatorelli*. L'Italia medioevale dalle invasione barbariche agli inizi del secolo XI. Milano. s. d., p. 397—464.

[6] *Б Я. Рамм*. Каролингское Возрождение и проблемы школьной образованности в раннем Средневековье.— «Уч. зап. Ленингр. пед. ин-та им. М. Н. Покровского», 1940, т. V. Историч. фак-т, вып 1, стр 89—116 *M Manitius*. Op. cit. Bd I, S. 243—256.

[7] *D Norberg*. La poesie latin rythmique du haut Moyen Age. Stockholm, 1954, p. 87—99; *F. J E. Raby*. Op. cit., vol. I, p. 209—220.

[8] *C. M. Bowra* Heroic Poetry. London, 1952.

[9] См. *E. Golenistcheff-Koutouzoff*. Étude sur «Le livre de la vertu du sacrement de mariage et reconforts des dames mariées» de Philippe de Mézieres. Belgrad, 1937, p. 23.

Павел Диакон

[10] *E. Sestan* Qualche aspetto della personalità di Paolo Diacono nella sua «Historia romana».— In: *Sestan A*. Italia medievale. Napoli, 1966, p. 50—75. Критическое издание текста: *Pauli Diaconi* Historia Romana. A cura di A. Crivellucci Roma, 1914.

[11] *M. Manitius* Op. cit. Bd I, S. 257—272.

[12] Опубликованы в «Poetae Latini aevi Carolini». Recensuit E. Dümmler (Berlin, 1880) и в критическом издании K. Neff'a 1908 г.

[13] *K. Neff.* Gedichte des Paulus Diaconus. München, 1908, S. 3. См. также: *L. Traube* Zu den Gedichten des Paulus Diaconus.— «Neues Archiv», 1890, Bd XV, S. 199—204; *F. Ermini.* La poesia enigmistica e faceta di Paolo Diacono.— In: Medio Evo Latino. Studi e ricerche. Modena, 1938, p. 127—135; *F. J. E. Raby.* A History of Christian-Latin Poetry. Op. cit., p. 162—167.

[14] *А. А. Фортунатов.* Алкуин как деятель Каролингского Возрождения.— «Уч. зап. Моск. гор. пед. ин-та», 1941, т. 3. Кафедры историч. факультета, вып. 1, стр. 26—46.

[15] *О. А. Добиаш-Рождественская.* Ранний фриульский минускул и одна из проблем жизни и творчества лангобардского историка VIII в.— В кн.: Сборник статей по вспомогательным историческим дисциплинам. Л., 1935, стр. 135.

[16] *О. Л. Вайнштейн.* Западноевропейская средневековая историография. М.— Л., 1964, стр. 127, примеч. 21.

[17] Тем более, что письмо Павла его ученице Адальперг, где ученый писал, что если она захочет, а он будет жив, то он продолжит свое повествование до событий современных, датируется исследователями по-разному. К. Нефф относит его к 766—769 гг., причем указывает, что в нем идет речь не об истории лангобардов, тогда еще не начатой, а о «Римской истории». См.: *K. Neff.* Op. cit., S. 11—12.

[18] *О. А. Добиаш-Рождественская.* Цит. ст., стр. 129. См. в переводе Б. Ярхо эпитафию племяннице поэта Софье (Хрестоматия по зарубежной литературе средних веков. М., 1953, стр. 18).

[19] *Н. А. Сидорова* Очерки по истории ранней городской культуры во Франции. М., 1953, стр. 341—342.

[20] См. *M. Manitius.* Op. cit., Bd. I, S. 325—327, 678—688; *P. Devos.* Un passion grecque inédite de S. Pierre d'Alexandrie et sa traduction par Anastase le Bibliothécaire.— «Analecta Bollandiana», 1965, t. 83, fasc. 1—2, p. 157—187; латинский перевод «Хронографа» Феофана, сделанный Анастасием, помещен в кн.: *Theophanis* Chronographia, t. 2. Leipzig, 1885, S. 401—435.

[21] *А. Петров.* Письмо Анастасия Библиотекаря. (Новый источник по кирилло мефодиевскому вопросу).— «Журнал Министерства народного просвещения», Пб., 1893, янв., ч. 285, стр. 186—193.

[22] S. Gregorii Magni vita, a *Ioanne diacono* scripta libris quator.— *J. P. Migne.* Patrologia latina, t. 75, col. 60—242.

[23] Там же, col. 42—60.

[24] *M. Manitius.* Op. cit. Bd I, S. 689—695.

[25] *U. Westerbergh.* Beneventan ninth century poetry. Stockholm, 1957, p. 8—29.

[26] *U. Westerbergh.* Op. cit., p. 73.

[27] *P. Brezzi.* Roma e l'impero medioevale. Bologna, 1947, p. 137—215; *L. Salvatorelli.* Op. cit., p. 543—588.

[28] *D. Norberg.* La poesie latin rythmique. Op. cit., p. 104—111.

[29] *M. Manitius.* Op. cit. Bd I, S. 632—635.

[30] *M. Manitius.* Geschichte der lateinischen Literatur des Mittelalters. Bd 2. München, 1965, S. 166—175; *M Lintzel.* Studien über Liudprand von Cremona. Berlin, 1933.

[31] К сожалению, до сих пор не опубликован перевод «Донесения о Константинопольском посольстве», над которым работал акад. Ф. И. Успенский (находится в Архиве АН в Ленинграде). См. *О. Л. Вайнштейн.* Западноевропейская средневековая историография. М.— Л., 1964, стр. 139, примеч. 38.

[32] Die Werke Liudprands von Cremona. 3-e Auflage. Herausgegeben von J. Becker. Hannover — Leipzig, 1915. С вступ. ст. издателя, стр. VII—XXXVII.

КУЛЬТУРА И ЛИТЕРАТУРА ИТАЛИИ ВЫСОКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ (XI—XII ВВ.)

[1] Основные работы: *E. Ronca.* Cultura medievale e poesia latina nei secoli XI e XII. Vol. I—II. Roma, 1891; *F. Novati.* L'influsso del pensiero latino sopra la civiltà italiana del medio evo. Milano, 1897; *G. Bertoni.* Il Duecento. Milano, 1910 (4 ed.— 1954); *M. Manitius.* Geschichte der lateinischen Literatur des Mittelalters, Bd. II—III. München. 1965—1964; *J. de Ghellinck.* Littérature latine au moyen âge. Vol. I—II. Paris, 1939; *J. de Ghellinck.* L'essor de la littérature latin au XII siécle. Vol. I—II. Paris, 1946; *G. Vecchi.* Poesia latina medievale. Parma, 1952; *F. J. E. Raby.* A History of Secular Latin Poetry in the Middle Ages. Vol. I—II. Oxford, 1957.

[2] *G. Quardi.* La Philosophie arabe dans l'Europe médiévale des origines à Averroes. Paris, 1947.

[3] *Ch. H. Haskins.* Moses of Bergamo.— «Byzantinische Zeitschrift», 1920, Bd 23, S. 133—142.

[4] *P. Renucci.* L'aventure de l'humanism européen au Moyen Age. Paris, 1953. p. 63—64.

[5] *R. Klibanski.* Plato Latinus. Vol. I—II. London, 1940. Переводы Аристиппа знал Петрарка. Леонардо Бруни в XV в. при переводе «Федона» использовал в значительной степени текст сицилийца.

[6] *Ch. H. Haskins.* Studies in the History of Medieval Science. Cambridge, Mass., 1924, p. 143, 166, 190; *P. Renucci.* Op. cit., p. 64—65.

[7] *A. Sorbello.* Storia della Università di Bologna. T. I. Bologna, 1949.

[8] Неаполитанский университет был основан в 1224 г. императором Фридрихом II, чтобы студенты не ездили на Север, где была сильна пропаганда гвельфов.

[9] См. *Л. Ольшки.* История научной литературы на новых языках. Т. 1. М.— Л., 1933, стр. 44—45.

[10] *P. Lehmann.* Pseudo-antike Literatur des Mittelalters. Leipzig, 1927.

[11] *G. Vinay.* Il «De Amore» di Andrea Capellano nel quadro della letteratura amorosa e della rinascita del secolo XII.— «Studi Medievali», Torino, 1951. vol. XVII, fasc. 2, p. 203—276; *S. Battaglia.* Il trattato d'amore d'Andrea Capellano.— В кн.: *Battaglia S.* La coscienza letteraria del Medio evo. Napoli, 1965, p. 331—416.

[12] *H. Liebeschutz.* Mediaeval Humanism in the Life and Writings of John of Salisbury. London, 1950.

[13] *A. Jeanroy.* La lirica francese in Italia nel periodo delle origini. Firenze, 1897; *Renucci P.* L'aventure de l'humanism européen au Moyen âge. Paris, 1953, p. 138—157.

[14] *L. Salvatorelli.* l'Italia comunale dal secolo XI alla metà del secolo XIV. Milano, 1940.

[15] *A. Pompeati.* Storia della letteratura italiana. Vol. I. Il Medioevo. Torino, 1950, p. 76—113.

[16] *O. J. Blum.* St. Peter Damian. His Teaching and the Spiritual Life. Washington, 1947; *J. A. Endres.* Petrus Damiani und die weltliche Wissenschaft. Münster, 1910.

[17] L'opera poetica di S. Pier Damiani. Descrizione dei manoscritti, edizione del testo, esame prosodico-metrico, discussione delle questioni d'autencità. A cura di M. Lokrantz. Stockholm, 1964. С библиогр. (стр. 253—258).

[18] *Ch. H. Haskins* Albericus Cassinensis.— In: «Cassinensia». Miscellanea di studi cassinesi... Vol. 2. Montecassino, 1929, p. 115—124; *A. Lentini.* Note su Alberico Cassinense maestro di retorica.— «Studi Medievali», 1952, Vol. XVIII, p. 121—139.

[19] *H. Delehaye.* Mélanges d'hagiographie greque et latin. Bruxelles, 1966, p. 179—188.

[20] *G. Chiri.* La poesia epico-storica latina dell'Italia medioevale Modena, 1939; *A. De Stefano.* La cultura in Sicilia nel periodo normanno. Bologna, 1954, p. 58—60.
[21] Русский перевод Ю. Ф. Шульца. М., 1964.
[22] *Е. Скржинская.* Об одном средневековом курорте.— В кн.: Средневековый быт. Л., 1925, стр. 260—271.
[23] См. *G. Pepe.* Lo stato ghibellino di Federico II. Bari, 1951.
[24] *G. Spagnolo.* La cultura letteraria di Arrigo da Settimello.— «Giornale storico della letteratura italiana», Torino, 1929, vol. XCIII, p. 1—68; *K. Strecker.* Henricus Septimellensis und die Zeitgenössische Literatur.— «Studi Medievali», Torino, 1929, vol. II, p. 110—133.
[25] Издана *A. Merigo:* Henricus Septimellensis Elegia. Patavia, 1926.
[26] Д. К. Петров. Генрих Сеттимелло и его значение для истории итальянского Возрождения.— «Журнал Министерства народного просвещения», Пб., 1894, № 11, стр. 130—176; *E. Bonaventura.* Arrigo da Settimello e l' «Elegia de diversitate fortunae et philosophiae consolatione».— «Studi Medievali», Torino, 1913, vol. IV, p. 110—128; *E. Torraca.* L'elegia di Arrigo da Settimello.— «Atti della reale Accademia di archeologia, lettere e belle arti», Naples, 1938, vol. X, p. 257—270.
[27] Le Liber Pontificalis. Texte, introd. et comment. par l' abbé L. Duchesne. Paris, 1886.

ЗАРОЖДЕНИЕ ИТАЛЬЯНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ДРЕВНЕЙШИЕ ПАМЯТНИКИ ИТАЛЬЯНСКОГО ЯЗЫКА

[1] *A. Viscardi.* Storia della letteratura italiana dalle origini al Rinascimento. Milano, 1960 (Cap. I. Pseudoproblema delle «tarde origini» italiane; Cap. II. Dogmi, idoli, miti della storia letteraria dell'età delle origini, p. 7—110).
[2] Об этом инциденте в Сант-Галленском монастыре подробно писал сам Гунзо братии в Рейхенау в 965 г. Ученый клирик, которого Оттон I вывез из Италии в Германию, весьма гордится своим италийским происхождением. Он называет себя «Gunzonem Italicum» и объясняет свою ошибку в латинской грамматике привычкой к народному разговорному языку: Falso putavit sancti Galli monachus me remotum a scientia grammatice artis, licet aliquando retarder usu *nostre vulgaris lingue, que Latinitati vicina est*». См. *Gunzo* Epistola ad Augienses. Herausgegeben von K. Manitius. Weimar, 1958, S. 27
[3] *Dante.* «De vulgari eloquentia», I, XIV, 8.
[4] Издания древнейших текстов итальянского языка и литературы XII—XIII вв. см. в след. сборниках: *V. De Bartholomaeis.* Rime giullaresche e popolari d'Italia. Bologna, 1926; *G. Lazzari.* Antologia dei primi secoli della letteratura italiana. I. Primi documenti del volgare italiano. II. La scuola siciliana. 2 ed. Milano, 1954; *A. Monteverdi.* Testi volgari italiani dei primi tempi. 3 ed. Modena, 1948; Poeti del Duecento. A cura di G. Contini. T. I. Milano-Napoli, 1960. См. также: *P. Savj-Lopez.* Le origini neolatine. Milano, 1920; *V. De Bartholomaeis.* Primordi della lirica d'arte in Italia. Torino, 1943; Questioni e correnti di storia letteraria. Milano, 1949; *A. Pompeati.* Storia della letteratura italiana. Vol. I. Il Medioevo. Torino, 1950, p. 114—139.
[5] *G. Lazzari.* Antologia. Op. cit., p. I.
[6] В исследовании: *Lucio de Palma.* Poesia arcaica italiana. Buon umore a Monte Cassino (Bari, 1946) дан критический обзор реконструкций текста Джорджи, Навоне, Новати, Моначи, Торрака и Д'Овидио и предлагается новое чтение.
[7] В неаполитанских архивах хранятся греческие рукописи X—XI вв. из Калабрии и Сицилии. В Калабрии и даже в Кампаньи в этот период времени греческая церковная служба была весьма распространена. Когда вождь

норманнов граф Рожер I вошел в Палермо (1089 г.), благодарственный молебен служил православный архиерей. См. *M. Amari*. Storia dei musulmani di Sicilia. T. III. Catania, 1939, p. 130.

[8] *É. Anitchkof*. Joachim de Flore. Roma — Paris, 1933.

[9] *C. Segre*. La fonte diretta del «Ritmo cassinese».— «Giornale storico della letteratura italiana», Torino, 1957, vol. 134, fasc. 4, p. 473—481; *A. Pagliaro*. «Il ritmo cassinese».— «Atti della Academia nazionale dei Lincei». Ser. 8. Rendiconti della Classe di scienze morali, storiche e filologiche. Roma, 1957, vol. 12, fasc. 5—6, p. 163—248; *C. Segre*. Per l'interpretazione del Ritmo Cassinese.— В кн.: Studi in onore di Italo Siciliano. Vol. 2. Firenze, 1966, p. 1081—1093.

[10] *V. Bertolucci Pizzorusso*. La versioni otrantine della leggenda di S. Alessio.— «Studi mediolatini e volgari», Bologna, 1959, vol. 6—7, p. 1—24.

[11] О поэзии сицилийской и старой тосканской школ см.: *И. Н. Голенищев-Кутузов*. Данте и итальянская поэзия XIII века.— В кн.: *И. Н. Голенищев-Кутузов*. Творчество Данте и мировая культура. М., «Наука», 1971, стр. 155—174.

[12] См. *И. Н. Голенищев-Кутузов*. Данте и сладостный новый стиль.— В кн.: Данте и всемирная литература. М., 1967, стр. 59—84; а также: *И. Н. Голенищев-Кутузов*. Поэтика Данте.— В кн.: *Данте*. Малые произведения. М., «Наука», 1968, стр. 448—473.

ПРОЗА ДУДЖЕНТО

[1] *A. Monteverdi*. Studi e saggi sulla letteratura italiana dei primi secoli. Milano — Napoli, 1951, p. 3—18.

[2] См. *И. Н. Голенищев-Кутузов*. Данте и итальянская поэзия XIII века.— В кн.: *И. Н. Голенищев-Кутузов*. Творчество Данте и мировая культура. М., «Наука», 1971, стр. 155—174.

«Золотая легенда». Народная агиографическая книга и ее автор

[3] *R. Benz*. Einleitung.— В кн.: Die Legenda aurea des Jacobus de Voragine aus dem lateinischen übersetzt von R. Benz. Berlin, 1963, S. XXXVI—XXXVIII.

[4] О целях и методах работы Симеона Метафраста писал спустя столетие Михаил Пселл в «Похвале Метафрасту». См. *Michaelis Pselli* Scripta minora, t. 1. Milano, 1936, p. 94—107. Агиографа Метафраста идентифицировал с Симеоном Логофетом, известным византийским политическим деятелем и историком конца X в., В. Васильевский.

[5] *Jacobi a Varagine* archiepiscopi Genuensis Chronicon Genuense ad origine Urbis usque ad Annum MCCXCVII.— В кн.: Rerum italicarum Scriptores, t. 9. Mediolani. 1726, p. 1—56; См. также: *F. L. Mannucci*. La cronaca di G. da Varazze. Genova, 1904; Jacopo da Varagine e la sua Cronaca di Genova. Ed. G. Monleone. Vol. 1—3. Roma, 1941.

[6] Мнение испанского ученика Эразма Роттердамского было известно И. Болландусу, который в предисловии к первому тому «Acta Sanctorum» (1643, p. XVII—XIX) выступил в защиту «Золотой легенды». Величайший знаток агиографии говорил, что стиль и метод этого произведения средневековой литературы могут быть правильно поняты и оценены только в контексте современной ему культуры. См. также: *B. de Gaiffier*. Légende dorée ou légende de plombe? — «Analecta Bollandiana», 1965, t. 83, fasc. 3—4, p. 350.

[7] Та же участь постигла и труд византийского агиографа Симеона Метафраста. Многие сочинения, находившиеся в обращении задолго до его времени, были ему приписаны в позднейших рукописях. В состав метафрасто-

ва тома, желая иметь в сборнике жития всех святых, в том числе и местных, включали и новые жития, приписываемые ему только по догадке или даже анонимные. (*В. Г. Васильевский.* Синодальный кодекс Метафраста. СПб., 1899, стр. 11).

[8] Издания Теодора Грэссе (Th. Grässe) — Dresden — Leipzig, 1846 и 1850, а также Breslau, 1890, основаны не на рукописях, а на печатных изданиях, к тому же не лучших, и изобилуют ошибками, особенно последнее. Парижское издание 1913 г. T. Wizewa дает адаптированный текст лионского издания 1513 г. и научного значения не имеет.

[9] *H. Delehaye.* Les légendes hagiographiques. 2 ed. Bruxelles, 1906, p. 11—12.

[10] Метода составления житий, представляющих порою мозаику из кусков различных текстов, была в латинской агиографии исследована П. Понселе (*P. A. Poncelet.*— «Analecta Bollandiana», т. XII, p. 422—440), И. Делейе и Б. де Гэффье, а в русских (на примере жития Алексея, человека божьего) — В. П. Адриановой-Перетц (Из истории русской агиографии XVI века.— В кн.: Sertum bibliologicum в честь президента Русского библиологического общества проф. А. И. Малеина. Пб., 1922, стр. 146—154).

[11] Известное влияние на «Золотую легенду» оказало «L'Abbrevatio in gestis et miraculis sanctorum» доминиканца Жана де Мэйи, которое стало мало-помалу использоваться как церковный календарь. См. *A. Dondaine.* Jean de Mailly et la Légende dorée.— «Archives d'histoire dominicaine», 1946, t. I, p. 91—98. Сборник французского современника Якопо впервые издан в 1947 г.

[12] Поэтика древнерусской литературы. М., «Наука», 1967, стр. 357.

[13] *Л. А. Сердобольская.* Отражение социальных противоречий в памятнике церковной идеологии начала XIII в.— «Ежегодник Музея истории религии и атеизма (АН СССР)», М.— Л., 1958, т. 2, стр. 137—150.

[14] *H. Delehaye.* Les légendes hagiographiques, p. 80—81.

[15] О чисто литературной специфике агиографических памятников много писал бельгийский ученый И. Делейе (H. Delehaye), особенно в книгах: Cinq leçon sur la methode hagiographique (Bruxelles, 1934) и Les passions des martyrs et les genres littéraires (1-е изд.— Bruxelles, 1921, 2-е — 1966).

[16] *В. Ключевский.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871, стр. 358.

[17] *H. Delehaye.* Les légendes hagiographiques, p. 242—243.

[18] *Аммиан Марцеллин.* История. Пер. с латинского Ю. А. Кулаковского и А. Сонни. Вып. 1. Киев, 1906 (о Юлиане — книги XVI—XIX, стр. 108—283); вып. 2 (кн. XX—XXV), 1907; *В. С. Соколов.* Аммиан Марцеллин как последний представитель античной историографии.— «Вестник древней истории», М., 1959, № 4, стр. 43—62.

[19] Например, Б. де Гэффье (B. de Gaiffier) в кн.: Études critiques d'hagiographie et d'iconologie. Bruxelles, 1967, p. 50.

[20] Главным образом в «Исторических очерках русской народной словесности и искусства». См.: *Ф. И. Буслаев.* Сочинения. Т. 2. СПб., 1910. Например, в исследовании о смоленской легенде св. Меркурия он заметил, что «это произведение принадлежит столько же письменной литературе, как и безыскусственной народной поэзии, и хотя дошло до нас по преданию письменному, но во всей ясности обнаруживает свое древнейшее, чисто народное происхождение» (стр. 156).

[21] «Если к примеру разобрать житие Феодосия, игумена Печерского, писанное его современником, монахом того же монастыря, который, очевидно, хорошо знал биографические факты Феодосия,— писал А. С. Орлов,— то увидим, что не только стилистика, но и эпизоды этой биографии пересажены чисто книжным путем из целого ряда византийских житий. Проблески живого реализма часто намеренно стирались, заменяясь бесцветными каноническими формулами, как это, например, явствует из сличения красочного «Сказания» о Борисе и Глебе с обезличенным чтением Нестора об этих

князьях». (*А. С. Орлов.* К изучению средневековья в русской литературе.— В кн.: Памяти П. Н. Сакулина. М., 1931, стр. 190).

[22] S. Bernardi vita et res gestae auctore Guillelmo.— Patrologia latina. T. 185, 1855, p. 225—268.

[23] Cronica fratris Salimbene de Adam. Ed. O. Holder-Egger. Hannoverae — Lipsiae, 1913, S. 72.

[24] *В. О. Ключевский.* Древнерусские жития святых как исторический источник, стр. 438.

[25] *H. Delehaye.* Les légendes hagiographiques. 4. éd. Bruxelles, 1955, p. 216.

[26] В. Р. Розен интересовался арабской мусульманской версией повести о Варлааме и Иоасафе и до самой смерти работал над переводом текста, сохраненного Бомоейской рукописью. Этот перевод увидел свет лишь спустя сорок лет стараниями И. Ю. Крачковского (М.— Л., 1947). С. Ольденбург исследовал персидский извод повести (по рукописи Британского музея), представляющий собой дохристианскую редакцию, более древнюю, чем греческая, но также не первоначальную. См. «Записки Восточного отделения Рус. археологич. общества». СПб., 1889, т. 4, вып. 1—2, стр. 229—265. Н. Я. Марр ввел в научное обращение грузинскую версию, которую сличал с арабской и греческой. Указав на бо́льшую сложность рассказа в греческой, он воздержался от каких-либо выводов, считая необходимым продолжить изучение других списков грузинской версии. См. «Записки Восточного отделения Рус. археологич. общества», СПб., 1888, т. 3, вып. 1—2, стр. 223—260. В направлении, намеченном Марром, продолжают исследования легенды о Варлааме ученые Грузии. А. Н. Веселовский писал о необычайной крепости и живучести легенды, чье влияние сказалось и на духовных стихах русских старообрядцев и на народной итальянской драме. Внимание Веселовского было обращено на трансформацию повести на византийской и русской почве. См. «Журнал министерства народного просвещения», СПб., 1877, июль, стр. 122—154

[27] *P. Peeters.* La première traduction latin de «Barlaam et Joasaph» et son original grec.— «Analecta Bollandiana», 1931, t. 49, p. 276—312.

[28] О дружбе грузин и латинян, большая часть которых была родом из Италии, рассказывается в жизнеописании грузинского ученого и переводчика Евфимия Ивера, написанном Георгием Афонцем в XI в. (опубликовано в «Analecta Bollandiana», t. 36—37, 1917—1919, p. 36—38).

[29] Краткий ее обзор дан Ш. И. Нуцубидзе. См. «Византийский временник», М., 1960, т. XVII, стр. 250—257.

[30] Замечательный ученый-болландист занимался проблемами «Варлаама и Иосафа» более четверти века. В последней своей работе «Le tréfonds oriental de l'hagiograhie byzantine» (Bruxelles, 1950), увидевшей свет уже после смерти автора, Пеетерс вновь писал о Евфимии Ивере как о создателе греческой версии легенды и о роли грузинской агиографии в передаче Западу наследия византийской культуры (см. стр. 204—217).

[31] Синайский патерик. Издание подготовили В. С. Голышенко и В. Ф. Дубровина. М., «Наука», 1967.

[32] *F. Dölger.* Der griechische Barlaam-Roman ein Werk des H. Johannes von Damaskos. Ettal, 1953.

[33] См. «Analecta Bollandiana», Bruxelles, 1953, t. 71, fasc. 4, p. 475—478.

[34] *D. M. Lang.* St. Euthymius the Georgian and the Barlaam and Joasaph romance.— «Bulletin of the School of Oriental and African Studies University of London», 1955, vol. XVII, part. 2, p. 306—325.

[35] См. *Н. П. Попов.* Афанасьевский извод повести о Варлааме и Иосафе.— «Известия Отделения русского языка и словесности АН СССР», М., 1926, т. 31, стр. 189—230.

[36] Об этом говорится в биографии Якопо, помещенной в «Истории знаменитых доминиканцев». См. *Jaque de Voragine.* La légende dorée. Vol. 1. Paris, 1902, p. XXIII—XXVI.

[37] См. *H. Delehaye.* Les origines du culte des martyrs. Bruxelles, 1933.

[38] Legenda Aurea, LXX. Изд. Th. Grässe, стр. 316.
[39] *M. Plezia.* Eine neue polnische Übersetzung der «Legenda aurea».— В кн.: Aus der Altertumswissenschaftlichen Arbeit Volkspolens. Berlin, 1959, S. 97.
[40] *A. Stender-Petersen.* Tragoediae Sacrae Materialen und Beiträge zur Geschichte der polnisch-lateinischen Jesuitendramatik der Frühzeit. Tartu, 1931, S. 272—276.
[41] *Максим Грек.* Сочинения. Ч. 3. Троице-Сергиева лавра, 1911, стр. 175—176.
[42] Открытие это было сделано И. Денисовым. См. *E. Denissoff.* Maxime le Grec et l'Occident. Paris — Louvain, 1943. Когда Н. К. Гудзий в работе «Максим Грек и его отношение к эпохе итальянского Возрождения» (Киев, 1911) писал о том, что Максим Грек противопоставлял распущенной жизни русского монашества латинян доминиканского монастыря, приором которого был Савонарола (стр. 14), он еще не знал, что это был монастырь Сан Марко, где гуманист Михаил Триволис вступил в орден доминиканцев.
[43] *А. И. Иванов.* Максим Грек и Савонарола.— «Труды Отдела древнерусской литературы», т. 23, 1968, стр. 217—226.

«Хроника» Салимбене Пармского

[44] *П. Бицилли.* Элементы средневековой культуры. Одесса, 1919, стр. 92.
[45] Цит. в кн.: *П. М. Бицилли.* Салимбене. Одесса, 1916, стр. 231.
[46] *П. М. Бицилли.* Салимбене, стр. 28—33.
[47] *G. Violante.* Motivi e carattere della cronica di Salimbene.— «Annali della Scuola normale superiore di Pisa», Firenze, 1953, vol. 22, fasc. 1—2, p. 124—136.
[48] См. *J. Paul.* L'éloge des personnes et l'ideal humain au XIII siècle d'après la chronique de fra Salimbene.— «Le Moyen âge», Bruxelles, 1967, vol. 73, N 3—4, p. 403—430.
[49] Cronica fratris Salimbene de Adam ordinis minorum. Ed. O. Holder-Egger. Hannoverae — Lipsiae, 1913, S. 179—181. (Monumenta Germaniae Historica Scriptorum, t. 32).

УЧЕНАЯ ЛАТИНСКАЯ ПРОЗА

Чино да Пистойя

[50] Итогом этих штудий до середины 30-х годов явился юбилейный сборник «Cino da Pistoja» (Pistoia, 1937), где были помещены работы о латинской прозе Чино А. Solmi, L. Chiapelli, C. M. Monti. Из работ последнего времени упомянем книги D. Maffei: La «Lectura Super Digesto Veteri» di Cino da Pistoia (Milano, 1963) и «La Donazione di Constantino nei giuristi medievali» (Milano, 1964, p. 134—145).
[51] Например, опубликованный недавно В. М. Бовски (W. M. Bowsky) «Consilium» 1324 года. См. «Speculum», Cambridge Mass., 1967, Juli, vol. 42, N 3, p. 431—441.

Альбертино Муссато

[52] *A. Mussato.* Ecerinide. Tragedia. A cura di L. Padrin. Bologna, 1900. С послесловием Дж. Кардуччи (стр. 251—283) и описанием рукописей (стр. II—LIX).
[53] Книги VIII—XIV истории впервые были изданы в 1904 г. Л. Падрином (L. Padrin): Sette libri inediti del De Gestis italicorum post Henricum VII di Albertino Mussato. Venezia, 1904.
[54] *А. Гаспари.* История итальянской литературы. Т. I. М., 1895, стр. 336; *M. T. Dazzi.* Il Mussato storico.— «Archivio veneto», 1929, anno 59, ser. 5, vol. 6.
[55] *M. Minola.* Della vita e delle opere di Albertino Mussato. Roma, 1884.

ВЛИЯНИЕ ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. ФРАНКОЯЗЫЧНАЯ ПРОЗА ИТАЛИИ

[56] *E. Löseth.* Le Roman en Prose de Tristan et la compilation de Rusticien de Pise.— «Pubication de l'Ecole des Hautes Études», Paris, 1891, fasc. 82.
[57] *G. Bertoni.* Il Duecento. Milano, 1957, p. 37—59.

Брунетто Латини

[58] Критические издания: P. Chabaille (Paris, 1863) и F. J. Carmody (Los Angeles, 1948). Итальянский текст «Сокровища» Боно Джамбони в четырех томах («Il Tesoro») был издан L. Gaiter (Bologna, 1878—1883).
[59] «Li Livres dou Tresor», I, 1, 1.
[60] «Li Livres dou Tresor», 1948, p. XXVII.
[61] *P. A. Messelaar.* Le vocabulaire des idées dans le «Tresor» de Brunet Latin. Amsterdam, 1963, p. 10.
[62] Песнь XXI, стих 23. Il Tesoretto e il Favoletto di ser Brunetto Latini. Ed. G. B. Zannoni. Firenze, 1824.
[63] *P. Renucci.* L'aventure de l'humanisme européen au moyen âge. Paris, 1953, p. 148—149.
[64] «...e fu dittatore del nostro comune. Fu mondano uomo, ma di lui avemo fatta menzione, perocch'egli fu cominciatore e maestro in digrossare i Fiorentini, e farli scorti in bene parlare, e in sapere guidare e reggere la nostra repubblica secondo la politica» (Cronica di G. Villani, t. 2, Firenze, 1845, p. 17).
[65] *C. Segre.* La Sintassi del periodo nei primi prosatori italiani. Roma, 1952 p. 113—153 и его же предисловие в кн.: *Brunetto Latini.* La Rettorica. Testo critico di F. Maggini. Firenze, 1968.
[66] *J. Thomas.* Brunetto Latinis Übersetzung der drei «Caesarianae» Pro Marcello, Pro Ligario, Pro Rege Deiotaro. Ein Beitrag zur Geschichte der italienischen Sprache des Duecento. Köln, 1967.

Книга Марко Поло о чудесах мира

[67] Пизанец Рустичелло попал в плен к генуэзцам, по-видимому, после битвы при Мелории в 1294 г., когда Генуя разгромила флот своей морской соперницы — Пизанской республики.
[68] Мильоне — прозвище или часть имени Марко Поло. В некоторых итальянских рукописях, в хронике Д. Виллани (начало XIV в.) и ныне в Италии книга именуется просто «Мильоне» (Il Milione) См. *R. Gallo.* Marco Polo. La sua famiglia e il suo libro. Venezia, 1956.
[69] *Г. Харт.* Венецианец Марко Поло. М., Географгиз, 1956, стр. 303—304.
[70] В середине XIII в. в ставке великих ханов побывали францисканские миссии итальянца Плано Карпини (его образованностью восхищался знавший его лично Салимбене) и фламандца Рубрука. Но составленные ими отчеты о путешествиях не получили такого распространения, как книга Марко Поло. См. *И. П. Магидович.* Вступительная статья.— В кн.: Книга Марко Поло. Пер. со старофранц. И. П. Мишаева. М., Географгиз, 1956, стр. 11—18; *L. Olschki.* L'Asia di Marco Polo. Venezia — Roma, 1956 (о литературных предшественниках Поло, см. стр. 39—50).
[71] Цит. в кн.: *Г. Харт.* Марко Поло, стр. 113.
[72] *L. Olschki.* Marco Polo, Dante Alighieri e la cosmografia medievale.— В кн.: Oriente poliano. Studi e conferenze ... in occasione del VII centenario della nascita di Marco Polo (1254—1954). Roma, 1957, p. 45—66.
[73] *H. Jule.* The Book of Ser Marco Polo. Vol. 1. London, 1875, p. 91—92 (3-е издание — London, 1921).
[74] *L. F. Benedetto.* Il Milione. Firenze, 1928. См. также: *Ch. Langlois.* Marco Polo.— В кн. Histoire littéraire de la France. Vol. 35, Paris, 1921, p. 232—259.

[75] См. *R. Gallo.* Marco Polo, p. 88.
[76] *J. H. Herriott.* The «Lost», Toledo Manuscript of Marco Polo.— «Speculum», Cambridge Mass., 1937, vol. XII, N 4, p. 456—463.

ИТАЛЬЯНСКАЯ ПРОЗА

[77] *C. Segre.* Le lettere di Frate Guittone.— В кн.: *C. Segre.* La Sintassi del periodo nei primi prosatori italiani. Roma, 1952, p. 50—112; *C. Marqueron.* Recherches sur la vie et l'oeuvre de Guittone d'Arezzo. Clermont — Ferrand, 1966, p. 375—386. Текст писем и канцон Гвиттоне сопоставляет С. Сантанджело в кн.: *S. Santangelo.* Saggi critici. Modena, 1959, p. 275—290. Изданы письма в 1923 г. в Болонье Ф. Мериано (*F. Meriano*).

Хроники Дино Компаньи и Джованни Виллани

[78] *I. Del Lungo.* Dino Compagni e la sua Cronica. Firenze, 1879—1887.
[79] *L. Russo.* Storia della Letteratura Italiana, Vol. I. Firenze, 1957, p. 73—74.
[80] *Ф. Де Санктис.* История итальянской литературы. Т. I. М., 1963, стр. 148—162.
[81] См. цит. соч. Изидором дель Лунго было подготовлено критическое издание «Хроники» с комментарием в новом издании «Rerum Italicarum Scriptores» (t. IX, 2. Città di Castello, 1913).
[82] *E. von Roon-Basserman.* Die Weissen und die Schwarzen von Florenz. Freiburg, 1954.
[83] С концепцией Роон-Бассерман полемизировал Л. М. Баткин. См. «Средние века», М., 1960, т. XVII, стр. 374—387.
[84] Из многочисленных работ, посвященных Дино Компаньи, упомянем исследование Г. Паранцоли: *G. Parazzoli.* Dino Compagni e la sua Cronaca. Milano, 1956 (см. стр. 103—131) и эссей Дж. Папини в кн.: *G. Papini.* L'aurora della letteratura italiana. Firenze, 1956, p. 359—379.
[85] Cronica di Giovanni Villani. T. II (кн. IX, гл. 136). Firenze, 1845, p. 233—235.
[86] Croniche di Giovanni, Matteo e Filippo Villani. Vol. 1—2. Trieste, 1858.

«Новеллино»

[87] Последнее критическое издание текста: Novellino e Conti del Duecento. A cura di S. Lo Nigro. Torino, 1968. Библиографию литературы см. на стр. 51—53.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Абеляр, Петр, франц. философ и богослов (1079—1142) — 40, 56, 88, 93, 107, 108, 174, 175

Абдуррахман, калиф Кордовы (X в.) — 96

Август, Гай Октавий, римский император (27 г. до н. э.—14 г. н. э.) — 11

Августин, Аврелий, епископ Гиппона (Сев. Африка), писатель и теолог (354—430) — 20, 29, 36, 39, 56, 60, 61, 65, 66, 73, 77, 85—96, 106, 107, 113, 124, 143, 175, 177, 264, 266, 267

Аверроэс (Ибн Рошд) из Кордовы, араб. философ (XII в.) —74, 171, 275

Авзоний, Децим Маги, римский поэт (IV в.) — 16, 28—33, 37, 114, 115, 147, 258, 259

Авиан, Флавий, римский баснописец (IV в.) — 37, 260

Авит, галльский ритор, консул, затем император (V в.) — 24, 39

Аврелиан, римский император (III в.) — 13, 14, 257

Аврелий Виктор (Афр), римский историк (IV в.) — 41—43, 260

Агапит, папа (VI в.) — 123, 139

Агилульф, король лангобардов (591—616) — 130, 145, 150

Агнеллий из Равенны, историк (IX в.) — 164, 169

Адальберт Пражский (Богемский), миссионер, обративший в христианство население северных земель Польши (X в.) — 203

Адальперг, герцогиня Беневента (VIII — нач. IX в.) —156, 274

Адельхардт из Бата, англ. философ (XII в.) — 111

Адриан I, папа (VIII в.) — 153

Адрианова-Перетц В. П.— 278

Айстульф, король лангобардов (VIII в.) — 159

Аккурсий Старший, болонский профессор правоведения (XIII в.) — 228

д'Аккурсио, Франческо (Младший), профессор права в Болонском университете (XIII в.) —228

Алан из Лилля (Аланус аб Инсулис, Доктор универсалис), писатель, философ, поэт (ок. 1128—1202) — 36, 37, 56, 111, 175, 260

Аларих I, король вестготов (ок. 370—410) — 23, 33, 88

Аларих II, король вестготов (VI в.) — 27, 116

Александр Великий (Александр Македонский, IV в. до н. э.) — 49, 51, 89, 175, 186, 243, 246, 262, 266

Александр де Бернэ (или де Пари) поэт, автор старофранц. поэмы об Александре Великом (XII в.) — 51, 262

Александр Север, римский император (III в.) — 13

Али, сподвижник и зять Магомета (Мухаммеда, VII в.) — 182

Алигьери см. Данте

Алкивиад, афинский полководец и политич. деятель, ученик Сократа (V в. до н. э.) — 22

Алкуин, Флакк Альбин, англо-сакс. ученый и педагог, аббат в Туре (735—804) — 62, 124, 147, 159, 264, 274

Альберик, правитель Рима (X в.) — 165

Альберик де Безансон, автор старофранц. «Александрии» (XII в.) — 51

Альберик из Монтекассино, филолог, агиограф, теоретик литературы (XI в.) — 178, 275

Альберт из Флоренции, францисканец, переводчик Боэтия (XIV в.) — 112

Альберти, Леоне Баттиста, итал. гуманист (XV в.) — 174

Альбин, римский патриций (VI в.) — 102

Аль Фараби, Абу Наср ибн Мухаммед, араб. философ и ученый, комментатор Аристотеля и Порфирия (870—950) — 171

Альфиери, Витторио, итал. поэт (1749—1803) — 156
Альфонс X Мудрый, король Кастилии и Леона (XIII в.) — 235
Альфред Великий, король Англии (IX в.) — 96, 111, 112
Амалы, остготский королевский род — 126
Амаций из Монтекассино, историк южноитал. норманнов (XI в.) — 178, 180
Амвросий Медиоланский, епископ Милана, писатель и гимнограф (IV в.) — 18, 20, 22, 39, 65, 66, 73, 77, 78, 82, 84, 86, 92, 114, 116, 188, 264, 265, 267
Аммиан Марцеллин, римский историк (IV в.) — 41, 42, 44, 52—54, 60, 126, 210, 211, 262, 263, 278
Аммоний Саккас, александрийский философ (175—242) — 104
Анастасий I, император Византии (491—518) — 113, 116
Анастасий Библиотекарь, ученый, переводчик (IX в.) — 6, 160 — 164, 169, 274
Анджело Кларено, историк францисканского ордена (1247—1337) — 225
Анджольери, Чекко, итал. поэт (ок. 1260 — ок. 1312) — 198, 254
Андрей из Бергамо, историк (IX в.) — 164
Андрей Капеллан, франц. писатель, автор сочинения «О любви» (XII в.) — 175, 275
Анжу, династия. Неаполитанская ветвь — 176, 201
Анри д'Андели, франц. поэт (XIII в.)— 37, 260
Ансельм из Аосты, архиепископ Кентерберийский, философ, богослов (ок. 1030—1109) — 175
Антемий, император Западной Римской империи (V в.) —24, 40
Антоний Великий (Пустынник), основатель монашества (251—356) — 22, 138, 143, 215
Антоний, Марк, римский полководец (I в. до н. э.) — 41
Антоний Римлянин, рус. св., уроженец Рима (1067—1147) — 209
Антонин Пий, римский император (II в.) — 53
Антонины, римская императорская династия (96—192) — 11, 14
Анции, семейство римских землевладельцев — 16, 137
Аньоло Гадди, итал. живописец (XIV в.) — 224
Апионы, семейство египетских землевладельцев — 16
Аполлинер, Гийом, франц. поэт (XX в.) —62
Аполлоний Дискол, греч. грамматик (II в.) — 118, 269
Апулей, римский писатель и ритор, родом из Сев. Африки (II в.) — 58, 64, 71
Аратор, ритор и поэт (VI в.) — 116, 269
Арборий, ритор (IV в.) —29
Аргирос, герцог Беневента (XI в.) — 219
Аргун, монгольский хан Ирана (XIII в.) — 244
Ардерик из Беневента, поэт (IX в.) — 165
Аревало Ф.— 72
Арий, александрийский богослов; на соборах IV в. его учение было осуждено как еретическое — 20
Ариосто, Лудовико, итал. поэт и драматург (XVI в.) —233
Ариперт, король лангобардов (VII в.) — 151
Аристипп из Палермо, ученый, переводчик (XII в.) — 172, 275
Аристотель, греч. философ (IV в. до н. э.) — 37, 49, 73, 74, 86, 104—108, 136, 149, 170—172, 175, 236, 250, 267, 268
Аркадий, император Восточной Римской империи (395—408) — 15, 22
Арнаут Даниэль, прованс. трубадур (XII в.) — 197
Арнобий, писатель-апологет (III — нач. IV в.) — 73—75, 84, 265
Арнольд из Виллановы, поэт-медик (XIV в.) — 182
Арнульф, германский император (IX в.) — 154
Арриан, Флавий, греч. писатель и историк (II в.) — 262
Арриго да Сеттимелло см. Генрик из Сеттимелло
Архимед, греч. математик и механик (III в. до н. э.) — 105
Атаульф, король вестготов (V в.) — 23, 39
Аттила, предводитель гуннов (V в.) — 23, 24
Афанасий, император Византии (VI в.) — 100
Афанасий Александрийский, богослов и агиограф (IV в.) — 138
Аэций, полководец и правитель Западной Римской империи (V в.) — 23, 24

Бабрий, греч. баснописец (II—III в.) — 37, 260
Баиф, Жан Антуан, де, франц. поэт-петраркист (XVI в.) — 62
Бальбин, римский император (III в.) — 13
Бальдерик де Бургейль, англ. латинский поэт (XII в.) — 47
Бальмонт К.— 243
Барберино, Франческо, итал. поэт, прозаик, политич. деятель (1264—1348) — 111, 253
Барди, флорентийский банкирский дом —246
Бароний, Цезарь, кардинал, историк церкви (XVI в.) —165
Бартоло да Сассоферрато, итал. правовед, политич. писатель (XIV в.) — 230, 273, 274
Баткин Л. М.— 282
Батый, монгольский хан, внук Чингисхана (XIII в.) — 241
Беда Досточтимый, англо-сакс. ученый-энциклопедист и историк (673—735) — 55, 62, 68, 96, 134, 137, 151, 156, 160, 163, 264
Бекет, Фома, канцлер Англии, архиепископ Кентерберийский (XII в.) —36, 175, 204, 210, 212
Бембо, Пьетро, писатель и теоретик итал. литературы (1470—1547) — 9, 254
Бенедикт из Нурсии, реформатор западноевроп. монашества, основатель аббатства Монтекассино (480—543) — 120, 122, 139, 142, 156, 178, 215, 269
Бенедикт Крисп, архиепископ Милана, поэт (VII — нач. VIII в.) — 151
Бенуа де Сент Мор, франц. поэт (XII в.) — 47, 49, 233, 262
Беренгарий I Иврейский, король Италии (X в.) — 154, 155, 167
Беренгарий II Иврейский, король Италии (X в.) —165, 167, 168
Бернард из Шартра, франц. философ и филолог (XII в.) — 74, 120
Бернард Клервоский, франц. теолог, писатель и проповедник (XII в.) — 40, 139, 177, 214, 279
Бернард Сильвестр, философ и филолог, комментатор Вергилия (XII в.) — 36, 47, 55, 56, 111
Бертельс К. Э.— 262
Бертран де Борн, прованс. трубадур и феодальный сеньор (ок. 1140 — ок. 1215) — 209, 210
Биондо, Флавио, итал. гуманист, историк Италии и древнего Рима (1392—1463) — 226
Бицилли П. М. — 280
Бодуэн дю Бур, третий король Иерусалима (XII в.) — 236
Боккаччо, Джованни, итал. гуманист (XIV в.) — 47, 49, 156, 193, 240, 262
Болландус И., историк агиографической литературы (XVII в.) — 277
Бонавентура из Баньореа, теолог и агиограф, генерал францисканского ордена (XIII в.) — 73, 199
Бонифаций VIII, папа (ок. 1235—1303) — 251, 252
Бонифаций II Монферратский, маркиз, предводитель IV крестового похода (XII — нач. XIII в.) — 193
Боно Джамбони, итал. писатель и переводчик (XIII в.) — 235, 238, 281
Боссюэ, Жак Бенинь, франц. писатель (1627—1704) —60
Боэтий, Аниций Манлий Северин, писатель, поэт, переводчик, политич. деятель (480—524) —56, 58, 60, 86, 92, 102—112, 116, 124, 126, 172, 184, 229, 235, 267—269
Боэтий, Флавий Аниций Манлий, сенатор, консул в 487 г.— 102
Браманте, Донато д'Анджело, итал. зодчий, живописец, гравер и поэт (1442—1514) — 174
Браччолини, Поджо, итал. гуманист, политич. писатель, новеллист и моралист (1380—1459) — 54
Брунгильда, вестготская принцесса, королева Австразии (VI в.) —132
Бруни, Леонардо, итал. гуманист и историк (ок. 1372—1444) — 240, 275
Бруно из Кельна, архиепископ, брат императора Оттона I—68
Брюсов В. Я.— 29—33, 258, 259, 263
Бубнов И. М.— 268
Будда (Сиддхартха Гаутама, Будда Шакья Муни), основатель религ.-философ. учения буддизма (VI в. до н. э.) — 218, 221, 245, 247
Бургундий из Пизы, итал. грецист (XII в.) — 172
Буслаев Ф. И.— 212, 278
Бэкон, Роджер, англ. философ и естествоиспытатель (XIII в.) —235

Вайнштейн О. Л.— 159, 274
Валафрид Страбон из Алеманнии, поэт и теолог (IX в.) — 32
Валент, римский император (IV в.) — 15, 43, 44, 53, 260
Валентиниан I, римский император (364—375) —20, 29, 260

Валентиниан II, римский император (375—392) —15, 20, 29, 77
Валентиниан III, император Западной Римской империи (V в.) —24, 54
Валерий, епископ Гиппона (Сев. Африка, IV в.) —88
Валла, Лоренцо, итал. гуманист (XV в.) — 153
Варки, Бенедетто, итал. писатель, историк и теоретик итал. языка (XVI в.) —112, 269
Варрон, римский поэт, философ, ученый-энциклопедист (116—27 до н. э.) —30, 56, 58, 105, 136
Василий III, великий князь Московский (1479—1533) —230
Василий Кесарийский, греч. писатель, богослов и церк. деятель (IV в.) — 22
Васильев Н. А.—258
Васильевский В. Г.—210, 277, 278
Вегеций (Флавий Вегеций Ренат), римский теоретик военного дела (IV — нач. V в.) — 41, 235
Венанций Фортунат, Гонорий Клементий, епископ Пуатье, поэт, агиограф (ок. 530 —ок. 600) —68, 94, 132, 134, 135, 271
Вениамин, доминиканец, переводчик, сотрудник новгородского архиепископа Геннадия (XV в.) —222
Вергилий, Марон Публий, римский поэт (I в. до. н. э.) —33, 35, 45, 46, 49, 51, 54, 55, 60, 61, 63, 68, 72, 75, 79, 84, 109, 115, 116, 120, 136, 147, 149, 159, 164, 167, 168, 174, 175, 178, 180, 186, 229, 263, 264, 269
Верджолези, Сельваджа, пистойская патрицианка —229, 230
Верлен, Поль, франц. поэт (XIX в.) — 65
Веронезе, Паоло, итал. живописец (XVI в.) — 224
Веселовский А. Н.— 219, 279
Веспасиан, Тит Флавий, римский император (I в. н. э.) —43
Веттий Агорий Претекстат, римский философ, переводчик Аристотеля (IV в.) —54
Вивальди, итал. купцы и мореплаватели (XIII—XIV вв.) —245
Вивес Х.-Л., испан. философ, просветитель и гуманист (XVI в.) — 203
Вигилий, папа (VI в.) — 116
Вийон, Франсуа, франц. поэт (XV в.) 89, 266
Вико, Джамбаттиста, итал. философ (1668—1744) —184
Виктор III, папа (XI в.) см. Дезидерий, аббат Монтекассино
Виктор Афр см. Аврелий Виктор
Виллани, флорентийские хронисты (XIII—XV вв.)
Джованни —151, 238, 247, 250, 252, 253, 281, 282
Маттео — 253, 282
Филиппо —253, 282
Виноградов П. Г.—257, 258, 271, 273
Винсент из Бовэ, писатель-энциклопедист, доминиканец (1190—1264) — 236
Вольтер, франц. писатель, философ, историк (XVIII в.) —31, 33
Вольфрам фон Эшенбах, нем. поэт-миннезингер (ок. 1170—1220) — 174
Ворагин см. Якопо да Варацце
Воронцов С.—260
Вулькаций Галликан, историк, один из шести «Авторов Жизнеописаний Августов» (IV в.) —44

Гален, римский врач и теоретик медицины (II в.) —172
Галл, цезарь, брат императора Юлиана (IV в.) —53
Галла Плацида Августа, римская императрица, дочь Феодосия Великого, мать Валентиниана III (V в.) — 23, 24
Галлиен, римский император (III в.) — 257
Ганнибал, карфагенский полководец (247—183 до н. э.) —78
Гартман фон Ауе, нем. поэт-миннезингер (XII в.) —137
Гарун аль-Рашид, багдадский калиф (786—809) —154
Гаспари А.—232, 273, 280
Гаспаров М. Л.—71, 260
Гвидо да Колумна (Гвидо делле Колонне), итал. поэт (XIII в.) —49, 233, 261, 262
Гвидо да Монтефельтро, итал. полководец (XIII в.) —227
Гвидо из Мантуи, итал. легист (XIII в.) —228
Гвидо из Пизы, писатель-энциклопедист (XII в.) —47, 186
Гвидо Фаба, составитель руководства по эпистолографии (XIII в.) —248
Гвидотто из Болоньи, составитель антологии античной поэтики и риторики (XIII в.) —248
Гвиницелли, Гвидо, итал. поэт, основатель школы сладостного нового стиля (XIII в.) —198
Гвиттоне д'Ареццо, итал. поэт, осно-

ватель старо-тосканской поэтич. школы (XIII в.) —248, 282
Гейзерих, король вандалов (V в.) — 24, 25, 88
Гелений, Сигизмунд (Жигмунт Грубый из Елени), чешский гуманист (XVI в.) —54, 60
Геннадий, архиепископ Новгорода (умер в 1505 г.) — 222
Генри из Хэнтингдона, епископ Линкольна, англ. историк (XII в.) — 42
Генрик из Пизы, поэт (XII в.) 180
Генрик из Сеттимелло (Арриго да Сеттимелло), итало-латин. поэт (XII в.) —58, 111, 184, 186, 188, 268, 276
Генрих II Плантагенет, король Англии (XII в.) —36, 47, 51, 60, 212
Генрих IV, германский король, император Священной Римской империи (1050—1106) —176, 180
Генрих VI Гогенштауфен, император Священной Римской империи и король Сицилии (XII в.) — 182, 184
Генрих VII Люксембургский, император Священной Римской империи (нач. XIV в.) —167, 229, 232, 250—252, 280
Георгий Афонец, визант. писатель, игумен грузинского монастыря на Афоне (XI в.) —220, 279
Георгий Синкелл, визант. хронист (умер после 810 г.) —161
Герберт Боахэм из Суссекса, англ. ученый (XII в.) —36
Герберт из Реймса, нем. математик (X — нач. XI в.) —106, 111, 268
Герман, епископ Парижа (VI в.) — 132
Герман из Рейхенау, нем. ученый (XI в.) —55, 111
Геродот. греч. историк (V в. до н. э.) —47, 136
Герольд, южноитал. монах, переводчик с греческого (XI в.) —180
Гесперий, сын поэта Авзония —30
Гёте И.-В.—55, 263
Гиббон, Эдуард, англ. историк древнего Рима (XVIII в.) —17, 257
Гильельм, аббат, франц. агиограф (XII в.) —214, 279
Гильельм IX, герцог Аквитании, прованс. поэт (1071—1127) —196
Гильельм из Апулии, поэт (XI — нач. XII в.) —180
Гильом де Конш, франц. философ (XII в.) —56, 74, 111, 175
Гильом де Лоррис, франц. поэт, автор «Романа о Розе» (XIII в.) — 56, 71, 111
Гиппократ, греч. врач и теоретик медицины (ок. 460—356 до н. э.) — 172
Глицерий, император Западной Римской империи (V в.) —24
Гнедич Н. И.—46
Гогенштауфены Сицилийские, династия —86, 176, 182, 188, 195, 200, 201, 238
Годефруа де Буйон, герцог Лотарингии, предводитель I крестового похода (XI в.) —236
Гозидий, римский поэт из Сев. Африки (III в.) —63
Голенищев-Кутузов И. Н.—5—7, 36, 38, 39, 62, 66, 108, 115, 149, 150, 231, 261, 273, 277
Голенищева-Кутузова И. В.—7
Голышенко В. С.—279
Гомер, древнегреч. поэт (даты жизни неизвестны) —33, 45—47, 55, 136, 172, 261, 263
Гонорий, император Западной Римской империи (395—423) —15, 16, 22, 23, 33, 35—38
Гонорий III, папа (1216—1227) — 215
Гонорий IV, папа (1285—1287) — 225
Гораций (Квинт Гораций Флакк) римский поэт и теоретик литературы (I в. до н. э.) —39, 40, 68, 79, 80, 136, 147, 149, 178
Гордиан I, римский император (238 г.) —13
Гордиан II, римский император (238 г.) —13
Гордиан III, римский император (238—244) —13
Горький А. М.— 212
Готфрид из Витербо, поэт, историк (XII в.) —42, 47, 182, 236
Готье (Уолтер) де Шатильон из Лилля, поэт и ученый (XII в.) — 51, 175, 262
Готье, Леон, франц. литературовед-медиевист (XIX в.) —65, 264
Грабарь-Пассек М. Е.—258
Гракх, Тиберий или Гай, римские трибуны (II в. до н. э.) — 136
Грасиан, Балтасар, испан. писатель и теоретик барокко (XVII в.) —60
Грациан, римский император (IV в.)— 15, 16, 18, 20, 29, 30
Грегоровиус Ф.—272, 273
Григорий I Великий, папа, писатель, проповедник (ок. 540—604) —6, 130, 136—147, 149, 150, 156, 159, 163, 177, 188, 205, 270 —274
Григорий V, папа (X в.) —177

Григорий VII (Гильдебранд), папа (XI в.) —176—178, 180
Григорий X, папа (XIII в.) —242
Григорий из Англии, магистр (XIII в.) — 186
Григорий Назианзин (Богослов), архиепископ Константинополя, греч. писатель (IV в.) — 80
Григорий Турский, историк, агиограф, церк. деятель (VI в.) — 40, 58, 96, 132, 137, 139, 156, 160, 213
Гросвита из Гандерсгейма, нем. драматург (X в.) — 111
Гроций, Гуго де Гроот, голланд. политич. писатель, философ, историк и правовед (1583—1645) —60
Гудзий Н. К.— 280
Гукбальд из Сент-Омана, франц. поэт (X в.) — 62
Гундобад, король Бургундии (VI в.)— 105
Гундулич, Иван, дубровницкий поэт (ок. 1589—1638) — 35
Гунзо из Новары, ученый итал. клирик (X в.) — 190, 276
Гунтамунд, король вандалов (V в.) — 71

Дамасий, папа, поэт-агиограф (IV в.) — 20, 28, 63, 80, 82
Данте Алигьери, итал. поэт, мыслитель, политич. писатель (1265—1321) — 9, 28, 37, 55, 56, 60, 61, 66, 68, 71, 78, 88, 93, 96, 98, 104, 109, 111, 143, 145, 167, 171, 174—176, 180, 184, 186, 191, 195—199, 205, 209, 222, 224, 226, 229, 230, 233, 235, 237, 238, 240, 245, 246, 250—254, 260, 264, 269, 276, 277, 281
Дарес (Дарет) Фригиец, полулегендарный автор «Истории о разрушении Трои» — 45—47, 49, 261
Дезидерий, аббат Монтекассино (XI в.) —178, 180
Дезидерий, король лангобардов (VIII в.) — 152 153, 156, 159
Демокрит, греч. философ, естествоиспытатель, теоретик поэзии (ок. 460—370 до н. э.) — 74, 111
Демосфен, греч. оратор (IV в. до н. э.)— 136, 149
Де Санктис Ф.— 251, 282
Дефевр, Рауль, франц. поэт (XV в.) — 49
Джеральд из Камбрии, англ. поэт (XII в.) — 36, 40
Джирауд из Бэрри, англ. историк, агиограф, профессор канонического права (XII в.) —115
Джираут де Борнель, прованс. трубадур (XII в.) —197
Джон из Солсбери, англ. ученый, философ, политич. писатель (XII в.) —33, 40, 96, 108, 120, 175, 275
Джорджи — 276
Джофруа де Вэнсов (Галфредус де Виносальво), франц. теоретик литературы (XII в.) —40
Диктис из Крита, полулегендарный автор «Дневника Троянской войны» — 45—47, 49, 261
Диоген Синопский, греч. философ-киник (IV в. до н. э.) —40
Диоклетиан, римский император (284—305) —14—17, 23, 42, 44, 74
Дион, Кассий, римский сенатор, грекоязычный историк Рима (ок. 160—ок. 230) — 52
Дионисий Ареопагит, первый епископ Афин, ученик ап. Павла (I в. н. э.) см. Псевдо-Дионисий Ареопагит
Добиаш-Рождественская О. А.—5, 137, 159, 160, 270, 271, 274
Доватур А. И.—261
Д'Овидио — 276
Дольчино, руководитель крестьянско-еретического восстания в Сев. Италии 1304—1307 гг., последователь Сегарелли (секта апостольских братьев) —200
Доминик, основатель нищенствующего монашеского ордена братьев-проповедников (доминиканцев) (1170—1221) —210, 213—216
Донат, североафриканский епископ, основатель религ. движения донатистов (IV в.) — 88
Донат, Элий, римский грамматик и ритор (IV в.) — 79
Донати, Корсо, один из руководителей флорентийских черных гвельфов (XIII в.) — 251
Досифей, рус. агиограф, автор жития соловецких чудотворцев (XVI в.)— 224
Драконтий, Блоссий Эмилий, римский поэт из Сев. Африки (V в.) —32, 68, 71, 72, 116, 149, 264, 265
Дубровина В. Ф.— 279
Дунгал, ирландский ученый монах из Боббио (Сев. Италия, VIII в.)—149
Дунгал, ирландский поэт и ученый, монах в Боббио (XI в.) — 149
Дэвис, Чарльз — 96
Дэккэт, Элеонора см. Duckett E. Sh.
Дюперье, Франсуа, франц. юрист, известный только из посвящения Малерба (XVI в.) —31

Евгений Вульгарий, поэт (X в.) — 40
Евгений из Толедо, поэт, филолог (VII в.) — 32, 72, 159
Еврипид, греч. драматург (V в. до н. э.) — 45
Еврих, король Прованса (V в.) — 40
Евсевий, римский ритор (IV в.) — 54
Евсевий (Эузебий) из Стридона, отец Иеронима —79
Евсевий Кесарийский, греч. историк (ок. 265—340) —73, 84, 266
Евстахий, римский философ (IV в.) — 54
Евстохия, римская патрицианка, ученица Иеронима (IV в.) — 82
Евтропий, римский историк (IV в.) — 42—44, 156, 260, 261
Евфимий Ивер, визант. писатель, настоятель грузинского монастыря на Афоне (XI в.) —220, 221, 279
Елизавета, королева Англии (XVI в.) — 112
Епифаний, епископ Павии (V — нач. VI в.) — 114, 115
Ешевский С.— 260

Жан де Мэйн, франц. агиограф, доминиканец (XIII в.) — 278
Жан де Мень, франц. поэт, автор «Романа о Розе» (XIII в.) —71, 111
Жильбер де ля Поррэ, франц. философ (XII в.) — 108
Жирмунский В. М.— 5
Жироду, Жан, франц. писатель (1882—1944) —46
Жорж Санд, франц. писательница (XIX в.) — 184

Захарий, папа (VIII в.) —145
Зенон Исаврянин, император Византии (V в.) — 25, 99, 100
Зоил, греч. ритор и теоретик ораторского искусства, автор полемических сочинений против Гомера, Исократа и Платона (IV в. до н. э.) — 45
Зубов В. П.— 267, 268

Иванов А. И.— 280
Иероним, Евсевий Софроний, из Стридона (Далмация), писатель, теолог, переводчик Библии (ок. 340 — ок. 420) — 22, 36, 40, 42, 74, 78—85, 124, 138, 172, 177, 265, 266
Иларий из Пуатье, римский поэт-гимнограф (IV в.) — 22, 65, 66, 80, 266
Ильдефонс Толедский, писатель, историк христианской литературы (VII в.) — 142, 143
Илья из Кортоны, генеральный министр ордена францисканцев (XIII в.) — 225
Иннокентий III, папа (1160—1216) — 215
Иннокентий IV, папа (ок. 1195—1254) — 200
Иоанн, герцог Неаполя (X в.) — 51
Иоанн I, папа (523—526) —143
Иоанн II, папа (533—535) или Иоанн III (561—574) —139
Иоанн XII, папа (X в.) —165
Иоанн Дамаскин, визант. писатель, поэт, теолог (VIII в.) — 220, 221, 279
Иоанн Диакон из Рима, историк и агиограф (IX в.) —137, 146, 161, 163, 274
Иоанн из Виченцы, популярный проповедник, доминиканец (XIII в.) — 214
Иоанн II Комнин, император Византии (XII в.) —172
Иоанн Малала, визант. хронист (VI в.) — 46, 261
Иоанн Мосх. визант. агиограф (VII в.) — 205, 220, 221
Иоанн Новифорензий (Ян из Стжеды, Иоганнес фон Неймаркт), чешский и немецкий гуманист (XIV в.) — 85, 266
Иоанн Пармский, генерал францисканского ордена (XIII в.) — 225
Иоанн Сиккард, нем. гуманист, издатель Пруденция, Сальвиана, Кассиодора (XVI в.) — 68, 98, 126, 264, 270
Иоанн Скотт Эриугена см. Эриугена
Иоанн Хризостом (Златоуст), греч. писатель, патриарх Константинополя (ок. 346—407) — 20
Иоанн Схоластик, епископ Скифопольский (в Палестине), визант. писатель, древнейший комментатор Псевдо-Дионисия Ареопагита (VI в.) — 162
Иоанн Цец, визант. поэт, писатель, комментатор античных авторов (XII в.) — 46
Иоахим Флорский, итал. религ. мыслитель, создатель мистич. хилиастич. учения, осужденного церковью (XII в.) —92, 184, 194, 225
Иоганн Гутенберг, изобретатель книгопечатания в Европе (XV в.) — 44, 199
Иордан, готский историк (VI в.) — 44, 126, 156, 263, 270

Иосиф Волоцкий, рус. церк. писатель и публицист (ок. 1440—1515) — 222
Иосиф (Джозеф) из Эксетера (Искануc), англ. латинский поэт (умер в 1210 г.) — 36, 47, 262
Иосиф Флавий, грекоязычный римский историк (I в. н. э) — 126
Ирнерий, болонский магистр правоведения (XII в.) — 174
Исаак Порфирогеннет, визант. писатель, автор двух сочинений о Троянской войне (XI в.) — 46
Исидор Севильский (Исидорус Хиспаленсис); ученый — энциклопедист и историк (570—636) —32, 44 47, 58, 60, 63, 68, 74, 96, 107, 109, 124, 129, 142, 160, 163, 186, 236, 261, 272

Кавальканти, Гвидо, итал. поэт (XIII в.) — 74, 171, 229, 238
Казанова, Джованни Джакомо, итал. писатель и мемуарист (XVIII в.) — 112
Какстон, Уильям, англ. типограф и переводчик (XV в.) — 49, 203
Каллимах Эксперинс (Филиппо Буонаккорси), итал. гуманист, историк (XV в.) —23
Каллисфен, племянник Аристотеля, которому приписывалось авторство первоначальной греческой версии романа об Александре Великом — см. Псевдо-Каллисфен
Кан Гранде делла Скала, сеньор Вероны (XIV в.) — 232
Кардуччи Дж., итал, поэт и ученый (XIX в.) — 280
Карл I Анжуйский, король Неаполя (XIII в.) — 176, 254
Карл Великий, король франков, император (742—814) —25, 62, 68, 109, 145, 147, 152 — 155, 158—160, 233, 240
Карл IV Люксембург, император Священной Римской империи и король Чехии (XIV в.) — 85
Карл Валуа, брат короля Франции Филиппа IV Красивого (1270—1325)— 238, 250, 251
Карл Лысый, король Франции и император (IX в.) —62, 111, 161, 162, 164
Карл Мартелл, майордом Франкского государства (VIII в.) — 152
Каролинги, франкская королевская и императорская династия (VIII—X вв.) — 6, 9, 32, 36, 55, 63, 98, 134, 147, 152, 154—156, 169, 190, 273
Карпинский, Луис — 268
Карпов, Федор Иванович, рус. писатель и политич. деятель, ученик Максима Грека (XVI в.) — 230
Карсавин Л.—272
Кассиодор, сенатор (V в.), дед писателя Ф. М. А. Кассиодора —23
Кассиодор, Флавий Магн Аврелий, писатель и политич. деятель (VI в.)— 6, 58, 92, 105, 107, 116, 120, 122— 126, 129, 136, 177, 180, 194, 204, 229, 263, 268, 270
Катон Старший, гос. деятель и историк Древнего Рима (234—149 до н. э.)—12
Катулл, Гай Валерий, римский поэт (I в. до н. э.) — 147
Каутский К.— 15, 77, 257, 265
Каффаро, генуэзский хронист (XII в.) — 188
Квинт Арадий Руфин, префект Рима (IV в.) — 45
Квинт Курций Руф, римский историк, автор «Истории Александра Великого» (I в. н. э.) — 51
Квинтилиан, Марк Фабий, теоретик литературы и ораторского искусства (I в. н. э.) — 58, 72, 264, 267
Кедвела, король англо-саксов (VII в.) — 151
Киприан, епископ Карфагена, писатель и богослов, «латинский Златоуст» (умер в 258 г.) — 64, 143
Кирилл из Салоник (Солуни), просветитель славян (IX в.) —163, 274
Кирилл Туровский, рус. писатель, гимнограф, проповедник (XII в.) — 221
Киселев Н. П.—199
Клавдиан, Клавдий, римский поэт (IV в.) — 29, 32, 33, 35—40, 52, 56, 115, 118, 147, 258—260
Клавдий II, римский император (III в.) —13
Климент, епископ Рима (умер ок. 103 г.). По преданию, его останки были перенесены Кириллом и Мефодием в IX в. из Херсонеса Таврического в Рим — 163
Климент V, папа (ок. 1264—1314) — 253
Климент Александрийский, греч. философ, раннехр. богослов (ок. 150— ок. 220) — 73
Клодий Цельсин Адельф, префект Рима (IV в.) — 63
Ключевский В. О. — 210, 216, 278, 279
Ковалев С. И. — 263
Кола ди Риенцо, народный трибун Римской республики (XIV в.) — 78

Колумб, Христофор, генуэзец, мореплаватель, открыватель Американского континента (1451—1506) — 241, 245
Колумбан, ирландский поэт, теолог, агиограф, основатель Боббио (Сев. Италия, 533—615) — 109, 147, 149, 150, 272, 273
Кольридж С. Т., англ. поэт, критик и философ (1772—1834) —243
Комгал, ученый ирландский монах, живший в Боббио (Сев. Италия, VII в.) — 149
Коммод, римский император (II в.) — 11, 18
Компаньи, Дино, флорентийский хронист и поэт (ок. 1260—1324) —238, 250—252, 282
Кондратьев С. П. — 44, 260
Констант, римский император (IV в.)— 75
Константин Акрополит, визант. агиограф (XIII в.) — 200
Константин Афр, переводчик с арабского (XI в.) — 178
Константин I Великий, римский император (IV в.) —15—17, 23, 29, 43, 44, 62, 75, 94, 153, 258, 265, 280
Константин VII Багрянородный, император Византии (X в.) — 167
Константин Кефала, визант. писатель (IX в.) — 170
Константин Мономах, император Византии (XI в.) — 219
Констанций, консул (V в.) — 24
Констанций I, римский император (IV в.) — 65, 75, 211
Констанция, супруга императора Фридриха II (XIII в.) — 182
Копко П. М. — 272
Корелин М. С. — 137, 142, 272
Корнелий Непот, римский историк и поэт (II—I в. до н. э.) — 41, 46
Косминский Е. А. — 258
Котельникова Л. А. — 271
Крачковский И. Ю. — 219, 279
Кретьен де Труа, франц. поэт (XII в.) —56
Крисп, сын императора Константина I — 75
Кулаковский Ю. А. — 263, 278
Куммиан, ирландский писатель и ученый, монах в Боббио (VII в.) — 149

Лактанций, Луций Целий Фирмиан, филолог, богослов, историк (ок. 250— ок. 325) —73—75, 92, 98, 265
Ламбер Ли Тор из Шатодэна, поэт, автор старофранц. «Александрии» (XII в.) — 51, 262
Лампрехт из Трира, автор старонем. «Песни об Александре» (XII в.) — 51
Ландольфо из Милана, хронист (XII в.) —43, 115, 161, 188
Латини, Брунетто, флорентийский писатель, ученый, политич. деятель (XIII в.) — 7, 229, 235—240, 247, 248, 253, 281
Латцен из Испании, комментатор Григория Великого (VII—VIII в.)— 271
Лев, министр вестготского королевства Прованс (V в.) — 40
Лев I, император Восточной Римской империи (V в.) —40
Лев I Великий, папа (V в.) — 23, 92
Лев III, папа (750—816) —154
Лев из Неаполя, архипресвитер, переводчик греческого романа об Александре (X в.) — 51, 262
Левасти А. — 204
Лейбниц Г. В., нем. философ, естествоиспытатель, историк (1646—1716) —60
Лелий, Кай, римский полководец, консул в 190 г., друг Сципиона Африканского Старшего — 30
Лео из Верчелли, поэт (ок. 965—1026) —177
Лео из Остии, хронист Монтекассинского аббатства (XI в.) —178
Леон, аббат латинского монастыря на Афоне (X в.) — 219
Леонардо да Винчи, итал. ученый, художник, писатель (XVI в.) — 174, 250
Леонардо Фибоначчи из Пизы, итал. математик (XIII в.) — 174
Леру, Пьер Анри, франц. политич. писатель, социалист-утопист (XIX в.) —184
Лесков Н. С. — 84
Либаний, греч. философ и ритор из Антиохии, учитель императора Юлиана, Иоанна Златоуста, Аммиана Марцеллина (IV в.) — 20
Либий Север III, император Западной Римской империи (V в.) — 24, 40
Ливий, Тит, римский историк (I в. н. э.) — 41, 43, 45, 52, 91, 94, 126, 136, 232
Лисий, афинский оратор (459—380 до н. э.) —136
Лиутпранд, епископ Кремоны, политич. писатель, дипломат (X в.) — 6, 167—169, 274

Лиутпранд, король лангобардов (VIII в.) — 151, 152, 159, 160
Лихачев Д. С. — 224, 278
Лозинский М. — 112, 245
Локк, Джон, англ. философ (1632—1704) —74
Лотарь I, король Италии и Прованса, франкский император (IX в.) —154
Лу из Ферьера, историк, теоретик литературы (IX—X в.) —42, 109
Лукан, Марк Анней, римский поэт, автор историч. поэмы «Фарсалия, или О гражданской войне» (I в. н. э.) — 30, 35, 51, 63, 178
Лукиан из Самосаты, греч. писатель-сатирик (II в.) — 146, 168, 272
Лукреций (Тит Лукреций Кар), римский поэт, автор энциклопедич. философ. поэмы «О природе вещей» (I в. до н. э.) — 30, 35, 63, 74, 75, 79, 149, 265
Луций Анней Корнут, римский грамматик (I в. н. э.) — 129
Луций Септимий, переводчик «Дневника Троянской войны» Диктиса из Крита (IV в.) — 45
Луццато Дж. — 273
Люблинская А. Л. — 271
Людовик Баварский, германский король, император Священной Римской империи (XIV в.) — 232
Людовик I Благочестивый, король Аквитании, франкский император (778—840) — 161
Лютер, Мартин, вождь Реформации в Германии, писатель, переводчик, теолог (1483—1546) — 78, 92

Магидович И. П. — 281
Магомет (Мухаммед), основоположник ислама, автор Корана (умер в 632 г.) — 182
Майориан, император Западной Римской империи (V в.) — 24, 39, 40
Макарий, митрополит Московский, писатель, политич. и церк. деятель, инициатор создания и редактор рус. агиографич. свода «Минеи Четьи» (XVI в.) — 200
Макиавелли, Никколо, итал. политич. писатель, историк, драматург (1469—1527) — 151,230
Макробий, Амвросий Феодосий, философ -неоплатоник, латин. писатель и грамматик (IV — нач. V в.) — 37, 42, 54—56, 60, 86, 263
Максим Грек (Михаил Триволис), рус. писатель, мыслитель, переводчик (ок. 1475—1556) — 224, 225, 280
Максим Исповедник, визант. писатель-полемист и богослов (580—662) — 162
Максим Плануд, визант. писатель, философ, филолог, переводчик Августина и Боэтия (ок. 1260 — ок. 1310) — 112, 118
Максимин, римский император (III в.) — 13
Маласпина, Коррадо, маркиз (XII в.) — 184
Малеин А. И. — 263
Малерб, Франсуа, поэт, реформатор франц. стиха (ок. 1555—1628) — 31
Мани, основатель религ. учения манихейства (III в.) — 85
Манфред Гогенштауфен, король Сицилии (XIII в.) — 176, 235, 238, 248
Маргарита ди Ланфранко дельи Уги, жена Чино да Пистойя — 229
Марий из Аванша (Мариус Авентисенсис), бургундский хронист (VI в.) — 130
Марий Викторин Афр, римский ритор, переводчик и комментатор Платона, Аристотеля, Порфирия (IV в.) — 79, 86, 106, 107
Марин, герцог Неаполя (X в.) — 51
Марино, Джамбаттиста, итал. поэт и теоретик барокко (1569—1625) — 35
Мария, императрица, супруга Гонория (V в.) — 35
Марк Аврелий, римский император, философ-стоик (II в.) — 53, 88
Марк из Монтекассино, поэт (VI в.) — 122
Маркс К. — 27, 267
Маро, Клеман, франц. поэт (1496—1544) — 62
Мароция, правительница Рима (X в.) — 165
Марр Н. Я. — 218, 219, 279
Марсилий Падуанский, итал. политич. писатель (ок. 1280 — ок. 1343) — 230
Мартин I, папа (VII в.) — 163
Мартин, епископ Тура, ученик Илария из Пуатье (IV в.) — 94, 134, 139
Мартино да Канале, историк Венеции (XIII в.) — 236
Марулич, Марко, далматинский поэт, писатель-моралист (1450—1524) — 85
Марциал, Марк Валерий, римский поэт, мастер эпиграмматич. жанра (I в. н. э.) — 115, 159
Марциан, император Западной Римской империи (V в.) — 24
Марциан Капелла, римский писатель-энциклопедист (V в.) —54, 56, 58, 60, 105, 107, 235, 263

Матвей из Вандома, поэт и теоретик литературы (XII в.) —175
Матильда, маркграфиня Тосканы (XI в.) —177, 227
Мейер, Конрад Фердинанд, швейцар. поэт и новеллист (XIX в.) — 212
Менандр, греч. комедиограф (ок. 343—ок. 291 г. до н. э.) —136
Менипп из Гадары, греч. писатель, один из создателей жанра менипповой сатиры (III в. до н. э.) — 56
Мерлин Кокайо (Фоленго), итал. макаронический поэт (XVI в.) —233
Меровей, родоначальник первой франкской королевской династии Меровингов (V—VIII вв.) —23, 25
Метафраст см. Симеон Метафраст
Мефодий, просветитель славян (IX в.) —163, 220, 274
Мефодий, патриарх Константинопольский, визант. писатель, автор мартирия Дионисия Ареопагита (IX в.) —163
Мильтон, Джон, англ. поэт (XVII в.)—37, 70, 260
Минаев И. П.—281
Минуций Феликс из Африки, философ-неоплатоник (III в.) —73, 75, 104, 264
Михаил Пселл, визант. философ (XI в.)—170, 171, 277
Моисей из Бергамо, поэт, филолог, переводчик (XII в.) —172, 275
Моммзен Т. (см. также Mommsen Th.)—40, 105, 257
Моначи —276
Монтень, Мишель, франц. философ и писатель (XVI в.) —33, 259
Монфор, Симон, де, граф, предводитель крестового похода сев.-франц. рыцарей против альбигойцев (ок. 1150—1218) —214
Муратори, Лодовико Антонио, философ, историк, писатель, издатель памятников средневековой литературы Италии (1672—1750) —251, 272
Муссато, Альбертино, итал. историк, поэт, драматург (1261—1329) —7, 195, 231—233, 280

Навоне—276
Неведомский В.—257
Неккам, Александр, баснописец (XII—XIII в.) —37
Нерва, Марк Кокцей, римский император (I в. н. э.) —53
Нерон, Клавдий Цезарь, римский император (I в. н. э.)—11, 42, 45
Неронова В. Д.—262
Нестор, рус. летописец (XI—XII вв.) —278
Неусыхин А. И.—271
Нибур Б. Г., историк Древнего Рима (1776—1831) —41
Нивеллий Себастиан, парижский издатель Кассиодора (XVI в.)—270
Низами Гянджеви, персоязычный азербайдж. поэт (ок. 1141—ок. 1209) —49,51
Низоллий, Марио, итал. гуманист, исследователь Цицерона (1498—1576)—92
Никифор, император Византии (X в.)—168
Никифор, Константинопольский патриарх, визант. историк (IX в.) —161
Никомах из Геразы Палестинской, математик-неопифагореец (ок. 50—150) — 105, 106, 268
Никомах, сын Аристотеля; его именем названа «Этика» — 236
Никомах Флавиан, римский патриций (IV в.) — 54
Николай I, папа (IX в.) — 162
Ноткер Заика, нем. поэт, теолог, историк (840—912) — 165
Ноткер из Сант-Галлена (Ноткер Губастый), переводчик и комментатор латинских классических поэтов (950—1022) — 36, 58, 111, 268
Нуцубидзе Ш. И.— 220, 279

Обиццо, епископ Пармы (XIII в.) — 226
Овидий (Публий Овидий Назон), римский поэт (43 г. до н. э.— 17 г. н. э.) — 35, 39, 47, 68, 72, 147, 149, 159, 168, 175, 184, 229
Одоакр, король германцев, вождь племени скиров, правитель Италии, наместник императора Восточной Римской империи (V в.) — 25, 99, 100, 113, 114
Олибрий, император Западной Римской империи (V в.) — 24
Ольденбург С.— 219, 279
Ольшки Л.— 275
Оптациан Порфирий, префект Рима, поэт (IV в.) — 62, 64, 114, 264
Ориген, философ александрийской школы, создатель первой догматической (доникейской) системы хр. богословия (185—253) — 73, 82
Орлов А. С.— 261, 278, 279
Орозий, Павел, римский историк (ок. 380 — ок. 420) — 29, 43, 94, 96, 156, 235, 267

Отто фон Фрейзинг, нем. историк (XII в.) — 96, 108
Оттон I, император Священной Римской империи (X в.) — 165, 168, 276
Оттон II, император Священной Римской империи (X в.) — 165, 168
Оттон III, император Священной Римской империи (980—1002) — 111, 165, 167, 177
Оттоны, династия германских королей и императоров Священной Римской империи (X в.) — 6, 152, 156 168, 169, 188, 273

Павел I, папа (VIII в.) — 161
Павел Диакон, лангобардский историк и поэт (VIII в.) — 6, 42—44, 63, 96, 115, 122, 130, 134, 137, 145, 151, 155, 156, 158—160, 163, 164, 169, 186, 188, 273, 274
Павел Орозий см. Орозий, Павел
Павел Фиваидский, первый хр. монах-отшельник (умер ок. 341) — 138, 266
Павла, римская патрицианка, ученица Иеронима, настоятельница женского монастыря в Вифлееме (IV в.) — 82
Павлин из Аквилеи, поэт (VIII в.) — 155, 169
Павлин, Понтий Мероний, из Бордо, епископ Нолы, поэт и писатель (355—431) — 30, 94, 139, 140, 142, 172, 259, 267
Паганус, ученый англ. клирик (XII в.) — 172
Пакуль Н. М.— 273
Палладий Рутилий, римский писатель, автор сочинения о сельском хозяйстве (IV в.) — 41
Парис, Гастон см. Paris G.
Паскаль, Блез, франц. писатель, философ, ученый (XVII в.) — 88
Пахомий, составитель первых «Правил» монашеского общежития (ок. 293—346) — 22
Пачиоли, Лука, итал. математик (XV в.) — 174
Певницкий В.— 137, 272
Пеголотти, флорентийский коммерсант, автор «Практики торговли» (XIII в.) — 246
Пелагий, создатель этико-богословского учения (пелагианства), осужденного на III Вселенском соборе в 431 г. как еретическое (ок. 360—ок. 418) — 84, 88
Пелагий II, папа (VI в.) — 138
Пентадий, римский поэт из Сев. Африки (III в.) — 62
Персий, римский поэт (I в. н. э.) — 37, 129
Петр, ап.— 115, 207, 218
Петр I, император России (XVIII в.) — 261
Петр, епископ Александрии, писатель, теолог (погиб в 311 г.) — 163, 274
Петр, епископ Флоренции (XII в.) — 184
Петр Дамиани, итал. поэт и теолог (XI в.) — 68, 177, 189, 275
Петр Диакон из Монтекассино, хронист (XII в.) — 178
Петр из Вероны, доминиканец (убит в 1252 г.) — 209
Петр из Пизы, итал. грамматик и поэт (VIII — нач. IX в.) — 155, 158
Петр из Эболи, итал. поэт и медик (ок. 1160—1220) — 182, 184, 188, 189
Петр Коместор, франц. теолог, автор библейского бревиария (XII в.) — 236
Петр Ломбард, философ и теолог, ученик П. Абеляра (XII в.) — 175, 176
Петрарка, Франческо, итал. поэт-гуманист (XIV в.) — 9, 37, 56, 64, 88, 114, 229, 233, 275
Петров А.— 274
Петров Д. К.— 276
Петровский Ф. А.— 12, 13, 69, 134, 257, 269
Петроний Максим, император Западной Римской империи (V в.) — 24
Пиндар, греч. поэт (V в. до н. э.) — 80
Пипин Короткий Каролинг, франкский король и король Италии (VIII в.) — 153, 155, 161
Пипино из Болоньи, латинский переводчик книги Марко Поло (XIV в.)— 247
Пифагор, греч. философ (VI в. до н. э.) — 105, 106, 136
Плавт, Тит Макций, римский комедиограф (умер ок. 184 г. до. н. э.) — 30, 79, 136
Плано Карпини, Джованни, итал. путешественник, автор «Истории монголов», францисканец (1182—1252)— 227, 281
Платон, греч. философ и писатель (ок. 427 — ок. 347 до н. э.) — 54—56, 73, 74, 86, 104—106, 111, 136, 168, 170, 174, 266, 275
Плезя М. см. Plezia M.
Плиний Младший, римский писатель (эпистолограф) и оратор (ок. 62—ок. 114) — 40
Плиний Старший, римский писатель, автор сочинений по естественным нау-

кам, истории, военному делу (ок. 24—79 н. э.) — 58
Плотин, греч. философ, основатель неоплатонизма (III в.) — 266
Поликарп, игумен Печерский, рус. агиограф (XIII в.) — 206
Полициано, Анджело, итал. поэт, переводчик античных авторов, теоретик литературы (XV в.) — 37, 175
Поло, семейство венецианских купцов и путешественников (XIII —XIV вв.)
Андреа — 242
Марко, писатель (1254—1323) — 7, 218, 221, 235, 240—247, 281, 282
Маттео — 242—245
Никколо — 242—245
Помпоний, римский поэт (IV в.) — 63
Пономарев А.— 137, 143, 272
Поп, Александр, англ. поэт, переводчик античных авторов (1688—1744)— 33, 259
Попов Н. П.— 222, 279
Попович П.— 261
Порфирий, равеннский ритор (VI в.)— 116
Порфирий из Тира, философ-неоплатоник, ученик Плотина (III в.) — 54, 106, 107, 268
Поэт из Асти (Астензис поэта, нач. XII в.) — 37
Пратт М. А.— 37
Присциан из Кесарии (Сев. Африка), грамматик, теоретик стиха (VI в.) — 116, 118, 120, 129, 269
Присциллиан, епископ Авилы (Испания), создатель рел.-философ. учения (присциллианства), осужденного на соборе в Сарагосе в 380 г. как еретическое — 96
Проба Фальконна, римская поэтесса (IV в.) — 63, 64, 264
Прокопий Кесарийский, визант. историк (VI в.) — 102
Пруденций (Аврелий Пруденций Клемент), римский поэт, гимнограф, уроженец Испании (348 — ок. 405) — 5, 16, 29, 33, 65, 68—71, 98, 116, 147, 149, 235, 264, 265
Псевдо-Дионисий Ареопагит, неизвестный греч. философ-неоплатоник, автор Ареопагитик (V в.?) — 109, 161—163, 209
Псевдо-Каллисфен, неизвестный автор первоначальной греч. версии романа об Александре Великом — 49, 51, 186
Птолемеи, династия правителей эллинистического Египта (305—30 гг. до н. э.) — 49
Птолемей, александрийский астроном, математик и оптик, создатель геоцентрической системы (II в.) — 105, 106, 172, 236, 250
Пупиен, римский император (III в.) — 13
Пушкин А. С.— 31
Пыпин А. Н.— 261
Пьер де Бельперш, франц. правовед (XIV в.) — 228
Пьер де Блуа, франц. теоретик литературы (XII в.) — 56
Пьеро де Франчески, итал, математик (XV в.) — 174
Пьеро делла Франческа, итал. живописец (XV в.) — 224
Пьетро Арагонский, король Сицилии (XIII в.) — 227
Пьетро д'Абано, итал. медик и философ, основатель падуанской аверроистической школы (1257—1315) — 245

Рабан Мавр, аббат Фульда, затем архиепископ Майнца, ученик Алкуина, ученый и поэт (784—856)— 62, 68, 165, 264
Рабле, Франсуа, франц. писатель (1494—1553) — 56
Радульф из Дисето, декан св. Павла в Лондоне, англ. историк (XII в.)— 36, 40
Рамм Б. Я.— 273
Рамузио, Дж. Б., издатель Марко Поло (XVI в.) — 244, 245
Рангерий из Лукки, итал. поэт (умер в 1112 г.) — 177
Ранович А.— 257
Ратерий из Вероны, итало-латин. писатель (X в.) — 36
Рей, Миколай, польский поэт, драматург, писатель-моралист (XVI в.)— 115
Рембаут де Вакейрас, прованс. трубадур (1160—1207) — 193
Ристорто из Ареццо, естествоиспытатель (XIII в.) — 248, 250
Рицимер, полководец и правитель Западной Римской империи (V в.) — 39
Ричард Львиное Сердце, король Англии (XII в.) — 184, 186, 236
Ричардсон, Сэмюэл, англ. писатель (1689—1761) — 33
Роббинс Ф. Л.— 268
Роберт Гвискар, предводитель норманнов, завоевавших Южную Италию и Сицилию, герцог (XI в.) — 176, 180, 227

Роджер из Хаудена, англ. хронист (XII в.) — 36
Рожер I, граф, брат Роберта Гвискара (XI в.) — 276
Роз И.-Б. М. — 203
Розен В. Р.— 218, 219, 279
Роман II, император Византии (X в.)— 96
Ромул Августул, император Западной Римской империи (V в.) — 25, 99
Ронсар, Пьер, де, франц. поэт, глава «Плеяды» (XVI в.) — 49
Ростовцев М. см. Rostovtzeff M.
Ротари, король лангобардов (VII в.)— 151
Рубрук, фламандский путешественник по странам Азии, францисканец (XIII в.) — 281
Руссо, Ж.-Ж., франц. писатель, философ, композитор (XVIII в.) — 77, 88
Рустико ди Филиппо, итал. поэт (XIII в.) — 198, 254
Рустичелло из Пизы, итал. франкоязычный писатель, соавтор Марко Поло (XIII в.) — 235, 240, 246, 247, 281
Рутилий Намациан, Клавдий, римский поэт (IV—V в.) — 32, 37—39, 118, 260
Рутилий Руф, римский правитель о. Крит (I в. н. э.) — 45
Руфин из Аквилеи, писатель, теолог, историк, переводчик Оригена (340—410) — 78, 79, 82
Руфин из Аквитании, префект претория, фаворит восточноримского императора Аркадия (IV—V в.) — 33, 36

Савон Х.— 203
Савонарола, Джироламо, итал. политич. писатель, теолог, рел.-политич. реформатор, приор флорентийского монастыря доминиканцев Сан Марко (XV в.) — 184, 225, 280
Садов А. И.— 137, 265, 272
Салимбене Пармский, хронист, францисканец (XIII в.) — 214, 225—228, 231, 251, 279 — 281
Саллюстий, Гай Криспи, римский историк (I в. до н. э.) — 45, 46, 79, 91, 136, 229
Салутати, Колуччо, итал. гуманист (1331—1406) — 126, 233
Сальвиан из Трира, писатель, проповедник, священник (или епископ) в Марселе (390 — ок. 484) — 24, 94, 96, 98, 258, 267
Саннадзаро, Якопо, итал. поэт и прозаик (1455—1530) — 38
Сапфо, греч. поэтесса (VI в. до н. э.)— 32
Светоний, Транквилл Гай, римский историк и писатель (ок. 70 — ок. 123 н. э.) — 41, 43, 44, 64, 79, 84, 94
Северы, римская императорская династия (193—235) — 13, 14, 24
Сегарелли, Герардо, основатель секты апостольских братьев (казнен в 1300 г.) — 227
Седулий, римский поэт, гимнограф (IV—V в.) — 65
Сенека, Луций Анней (Младший), римский философ, писатель, драматург (ок. 4 г. до н. э.— 65 г. н. э.) — 30, 72, 79, 88, 229, 231
Септимий Север, Луций, римский император (193—211) — 41, 42
Сервантес Сааведра, Мигель, де, испанский писатель (1547—1616) — 233
Сервий, римский философ-неоплатоник, комментатор Вергилия (IV в.) — 54, 55, 60, 263
Сергеенко М. Е.— 262
Сердобольская Л. А.— 278
Сигиберт, франкский король Австразии из династии Меровингов (VI в.) — 132
Сигизмунд Люксембургский, король Венгрии и Чехии, император Священной Римской империи (1361—1437) — 92
Сидней, Филипп, англ. поэт и теоретик литературы (XVI в.) — 49, 262
Сидоний Аполлинарий, Клавдий Солий Модест, епископ Оверня (Клермон-Феррана в Галлии), поэт (V в.) — 16, 22, 24, 28, 36, 37, 39—41, 68, 115, 260, 263
Сидорова Н. А.— 274
Силий Италик, Тибериус Катий, римский поэт и гос. деятель, предполагаемый автор «Латинской Илиады» (26—101 н. э.) — 45
Сильван, римский военачальник, солдатский император в 355 г.— 52
Симеон Метафраст (Логофет), визант. агиограф и гос. деятель (X в.) — 199, 200, 205, 277, 278
Симмах, Квинт Аврелий (Старший), консул в 391 г., вождь языческой партии в сенате, писатель-эпистолограф — 30, 39, 40, 44, 54, 60, 68, 69, 77, 78, 86, 114, 265
Симмах, Квинт Аврелий Меммий (Младший), сенатор, консул в 485 г., пра-

внук Симмаха Старшего, тесть Боэтия (казнен в 525 г.) — 102, 104, 106, 114, 116, 126, 143
Симон, Владимиро-Суздальский епископ, рус. агиограф (XIII в.) — 206
Симон Ауреа Карпа, франц. латинский поэт (XII в.) — 47
Синезий, греч. философ-неоплатоник, поэт и оратор, епископ Птолемаиды в Ливии, ученик Ипатии (379—412)— 22
Сириан, философ (V в.) — 106
Сирмон Ж.— парижский издатель Эннодия (XVII в.) — 113, 115
Сказкин С. Д.— 258
Скалигер Юст, филолог-гуманист, издатель и комментатор античных писателей (1540—1609) — 33
Скржинская Е. Ч.— 270, 276
Скьяпарелли — 190
Соколов В. С.— 43, 260—262, 278
Сократ, греч. философ (V в. до н. э.)— 136
Сонни А.— 263, 278
Соркуктани, монгольская императрица, мать хана Хубилая (XIII в.) — 242
Софроний Палестинский, патриарх Иерусалима, визант. писатель, богослов, поэт, соавтор Иоанна Моска (умер ок. 642 г.) — 221
Стагирит см. Аристотель
Станислав, епископ Кракова (1030—1079), почитался патроном Польши, канонизирован в 1253 г.— 203
Стаций, римский поэт (I в. н. э.) — 51, 63, 147, 149, 167, 175, 180
Стефан Магистр, лангобардский латинский поэт (VII в.) — 151
Стилихон, вандал, римский полководец и гос. деятель (умер в 408 г.) — 33, 39
Сульпиций Север, римский историк, агиограф (363—406) — 94, 134, 139, 194, 267, 272
Схоластика, сестра Бенедикта из Нурсии — 139, 215
Сципион Африканский Младший, римский полководец и гос. деятель (ок. 185—129 до н. э.) — 55
Сципион Африканский Старший, римский полководец, победитель Ганнибала (234—183 до н. э.) — 30, 55

Тассо, Торкватто, итал. поэт (XVI в.) — 35, 233
Тацит, римский историк и писатель (ок. 55—120) — 52, 53, 94, 96, 126, 188
Теоделинда, королева лангобардов, жена Аутари и Агилульфа (VI—VII вв.) — 142, 149
Теодора, правительница Рима (X в.)— 165
Теодорих I, король вестготов (419—451) — 23
Теодорих I Великий, король остготов (451—526) — 26, 99—105, 113—116, 122, 124—126, 143, 194, 267, 269, 270
Теодульф, епископ Орлеанский, поэт, теолог, проповедник (умер в 821 г.)— 62, 159
Теофраст, греч. философ, ученик Платона, преемник Аристотеля, глава школы перипатетиков в Ликее (ок. 370—288 до н. э.) — 107, 236
Теренций, римский комедиограф (II в. до н. э.) — 30, 79, 178
Тертуллиан, Квинт Септимий Флоренс, хр. теолог и писатель (ок. 160 — после 220) — 64, 73, 74, 90, 265
Тибериан, римский поэт, правитель Сев. Африки (IV в.) — 28
Тит Ливий см. Ливий, Тит
Тит Флавий, римский император (I в. н. э.) — 53
Толстой Л. Н.— 88, 217
Тосканелли, Паоло, итал. физик, космограф и астроном (1397—1482) — 241
Тотила, остготский король Италии (VI в.) — 139, 142
Тразимунд, брат вандальского короля Гунтамунда (V в.) — 72
Траян, римский император (98—117 н. э.) — 53
Требеллий Поллион, римский историк, один из шести «Авторов Жизнеописаний Августов» (IV в.) — 44
Туллий см. Цицерон
Тьерри из Шартра, франц. ученый (XII в.) — 108

Убальдини, Оттавиан, кардинал (XIII в.) — 74
Уго де Динья, францисканец, последователь Иоахима Флорского (XIII в.) — 225
Уго из Болоньи, теоретик литературы и грамматик (XII в.) — 178
Уго Фалькандо, итал. историк (XII в.) — 188
Удальцова З. В.— 258, 262, 267
Уильям из Молмсбери, англ. писатель, агиограф, теолог и историк (1080—ок. 1142) — 36, 40, 56
Уолтер Мап, англ. поэт и ученый (1140—1209) — 33, 36, 56, 175

Урсин, антипапа (IV в.) — 20
Урсиции, римский полководец (IV в.)— 52
Урусов А.— 263
Успенский Ф. И.— 137, 258, 272, 274

Фабий, ученик Боэтия (VI в.) — 107
Фарината дельи Уберти, флорентийский нобиль, гибеллинский военачальник (XIII в.) — 74
Федр, греч. баснописец (I в. н. э.) —37
Феликс IV, папа (VI в.) — 137
Феодор Студит, визант. писатель, богослов, церк. деятель (759—826) — 163
Феодосий, игумен Печерский, писатель, один из основателей рус. монашества (XI в.) — 213, 278
Феодосий I Великий, римский император (IV в.) — 15, 16, 18, 20, 22, 24, 41, 44, 75, 77, 90, 258
Феодосий II, император Восточной Римской империи (V в.) — 54
Феофан Исповедник, визант. хронист (ок. 758—817) — 161, 163, 274
Феофана, визант. царевна, супруга Оттона II (X в.) — 165
Феофилакт, рус. переводчик Боэтия (XVIII в.) — 269
Фест, римский историк (IV в.) — 42, 44
Фидий, греч. скульптор (V в. до н. э.)— 22
Филипп II Август, король Франции (1180—1223) — 236
Филипп IV Красивый, король Франции (1268—1314) — 111
Филон Александрийский, греч. философ (I в. до н. э.) — 73
Фирмик Матерн, римский писатель, автор руководства по астрологии и антиязыческого апологетич. сочинения (IV в.) — 75, 76
Флавиан, ритор, учитель Павла Диакона (VIII в.) — 151
Флавии, римская императорская династия (I в. н. э.) — 43
Флавий Арриан из Никомедии, греч. историк (II в.) — 49
Флавий Вописк, римский историк, один из шести «Авторов Жизнеописаний Августов» (IV в.) — 44
Флавий Филострат, философ-неопифагореец (ок. 170 — ок. 244) — 46
Флавий Юстин, римский философ, раннехр. теолог (II в.) — 73
Флакк см. Гораций
Флобер Г.— 22, 84
Фока, император Византии (VII в.)— 138
Фома Аквинский, итал. философ и теолог, доминиканец (XIII в.) — 73, 112, 199, 269
Форнерий, комментатор Кассиодора (XVI в.) — 270
Фортунат см. Венанций Фортунат
Фортунатов А. А.— 274
Франс А.— 22, 84, 218
Франциск Ассизский, итал. поэт, основатель францисканского движения и нищенствующего монашеского ордена (1182—1226) — 139, 214, 215, 225
Фридрих I Барбаросса, император Священной Римской империи (XI в.) — 174, 176, 180, 182, 254
Фридрих II Гогенштауфен, император Священной Римской империи и король Сицилии (1194—1250) — 74, 174, 176, 182, 184, 200, 226, 233, 235, 238, 254, 275, 276
Фробен, Иероним, базельский типограф (XVI в.) — 54
Фронтин, Секст Юлий, римский военный писатель, автор сочинений по инженерному делу (40—103) — 156
Фукидид, греч. историк (ок. 455 — ок. 396 до н. э.) — 45
Фульгенций, Фабий Планциад, писатель, автор сочинения об античной мифологии, комментатор Вергилия (V — нач. VI в.) — 116, 118, 120, 269

Хадрович Л.— 261
Хальцидий, диакон, переводчик Платона (IV в.) — 86
Харт Г.— 281
Хвостов М.— 257
Хиндасвинт, вестготский король Испании (VII в.) — 72
Хильперик I, франкский король из династии Меровингов (VI в.) — 132
Хлодвиг I, франкский король из династии Меровингов (ок. 466 — 511) — 25, 105
Хлотарь II, франкский король из династии Меровингов (584—629) — 132
Холодняк И. И.— 263
Хонаин бен Исаак, багдадский ученый и переводчик (IX в.) — 171
Хубилай (китайск. Ши-цзу), монгольский император, внук Чингисхана (XIII в.) — 242—244

Цветков П. И.— 264
Цинциннат, Люций Квинт, римский политич. деятель, консул в 460 г., диктатор в 458 и 439 гг. до н. э.,

вернувшийся после окончания срока своих полномочий к земледельческому труду — 12
Цицерон, Марк Туллий, римский писатель, оратор, теоретик ораторского искусства, политич. деятель (106—43 до н. э.) — 40, 55, 56, 60, 64, 72, 75, 78—80, 85, 86, 88, 89, 91, 98, 107, 114, 136, 149, 178, 229, 237, 238, 240, 248, 251, 263, 266

Чингисхан, Темучин, основатель Монгольской империи (ок. 1155—1227)— 241, 242
Чино да Пистойя, итал. поэт и правовед (1270—1337) — 195, 228—231, 280
Чосер, Джеффри, англ. поэт и писатель (XIV в.) — 37, 49, 112, 260, 269

Шайтан М. Э.— 272
Шаскольский П. Б.— 137, 271
Шатобриан, Франсуа-Огюст, франц. писатель, переводчик, политич. деятель (1768—1848) — 88
Шекспир, Уильям, англ. драматург и поэт (1564—1616) — 49, 51, 233, 260
Шишмарев В. Ф.— 5
Шмидт И.— 192
Шопен, Фредерик, польский композитор (XIX в.) — 184
Штаерман Е. М.— 258
Шульц Ю. Ф.— 276

Эвклид, греч. математик (ок. III в. до н. э.) — 105, 106, 172, 174
Эвтарих, консул в 519 г.— 129
Эзоп, греч. баснописец (VI в. до н. э.) — 51
Эйнхард, франкский поэт, писатель, историк, автор «Жизни Карла Великого» (ок. 770—840) — 165
Эйрих, вестготский король Тулузы (V в.) — 114
Элий Лампридий, римский историк, один из шести «Авторов Жизнеописаний Августов» (IV в.) — 44
Элий Спартиан, римский историк, один из «Авторов Жизнеописаний Августов» (IV в.) — 44
Эльзевир, голландский типограф (XVII в.) — 68
Эль Мамун, калиф Багдада (IX в.) — 171
Энгельс Ф.— 15, 17, 27, 77, 98, 105, 147, 257, 258, 265, 267
Эннодий, Маги Феликс, епископ Павии, поэт, писатель, ритор (473—521) — 100, 112—116, 120, 132, 269
Энцо, король Сардинии, бастард Фридриха II (XIII в.) — 227
Эпикур, греч. философ (341—270 до н. э.) — 55
Эразм Роттердамский, Дезидерий, голланд. писатель-гуманист, ученый, теолог (1469—1536) — 60, 78, 91, 126, 266, 277
Эриугена, Иоанн Скотт, ирланд. философ, переводчик Псевдо-Дионисия Ареопагита (IX в.) — 7, 109, 161, 162, 266, 268
Эрменрих фон Эльванген, нем. поэт, ученик Валафрида Страбона (IX в.) — 32
Эрхемперт из Монтекассино, историк и поэт (IX в.) — 164, 165
Эццелино да Романо, военачальник Фридриха II, тиран Падуи и Вероны (XIII в.) — 231, 254

Ювенал, римский поэт (ок. 42 — ок. 125) — 12, 147, 149, 168, 229
Ювенк (Гай Веттий Аквилин), римский поэт из Испании (IV в.) — 63, 64, 66, 149, 264
Юлиан Отступник, римский император (IV в.) — 18, 20, 41, 52—54, 60, 210—212, 258, 261, 263, 278
Юлии, римская императорская династия (Юлиев — Клавдиев, 27 г. до н. э. — 68 г. н. э.) — 11, 14
Юлий Валерий Александр Полемон, латинский переводчик романа Псевдо-Каллисфена об Александре Великом (IV в.) — 49, 51
Юлий Капитолин, римский историк, один из «Авторов Жизнеописаний Августов» (IV в.) — 44
Юлий Непот, номинальный император Западной Римской империи (V в.) — 24, 99
Юлий Цезарь, римский гос. деятель, полководец и писатель (I в. до н. э.)— 64
Юстин II, император Византии (VI в.) — 137
Юстина, римская императрица, супруга Валентиниана II (IV в.) — 20, 66
Юстиниан I, император Византии (VI в.) — 27, 102, 116, 122, 139, 156, 229, 230, 258

Яков из Венеции, переводчик Аристотеля (XII в.) — 107, 108, 172
Якопо д'Аккви, хронист (нач. XIV в.) — 244

Якопо из Вараццe (Якопо да Вараццe, Ворагин, Варагин), хронист, агиограф, проповедник (XIII в.) — 7, 139, 199—228, 231, 277—280

Ямвлих, философ-неоплатоник, ученик Плотина (ок. 280 — ок. 330) — 12, 54, 60
Ярхо Б.— 63, 155, 158, 274

Aigrain R.— 271
Alfaric F.— 266
Amari M.— 277
Amerio F.— 267
Ampère J. J.— 267
Anitchkof E.— 277
Ansfeld A.— 262
Armstrong E. C.— 262

Balbiens E.— 265
Balmus C.-J.— 266
Bardy G.— 266
Barion J.— 266
Barrett M.— 267
Battaglia S.— 275
Baylis J.— 265
Baynes N. H.— 258, 261, 266
Beare W.— 272
Becker J.— 274
Benedetto L. F.— 247, 281
Benz R.— 204, 277
Bertolucci Pizzorusso V.— 277
Bertoni G.— 275, 281
Besser M. W.— 259
Bezzola R.— 273
Bidez J.— 258, 268
Biese A.— 259
Blakeney E. H.— 259
Blum O. J.— 275
Böcking E.— 259
Boissier G.— 257, 264
Bonaventura E.— 276
Bossuat R.— 262
Bowra C. M.— 156, 273
Bowsky W. M.— 280
Bréhier L.— 258, 271
Brezzi P.— 273, 274
Brion M.— 267
Brochet J.— 265, 267
Bubnov N.— 268
Buechler F.— 258
Bulić F.— 265
Bulst W.— 264
Burdach K.— 266
Bury J. B.— 258
Buttmann A.— 269

Callarius Christophorus — 260
Calmette J.— 273
Canal — 259
Cappuyns M.— 268
Carmody F. J.— 236, 281
Cavallera F.— 265
Chabaille P.— 281
Chapman J.— 269
Charlesworth M. P.— 257
Chiapelli L.— 280
Chiri G.— 276
Christensen H.— 262
Cipolla C.— 269
Colombo A.— 273
Constans L.— 262
Contini G.— 276
Copleston F. C.— 265, 266
Corpet E. F.— 259
Coster C. H.— 267
Courcelle P.— 104, 258, 263, 266—268, 270
Cousin J.— 267
Crawford S. J.— 272
Crivellucci A.— 273
Crusius F.— 264
Cumont F.— 257
Curtius E. R.— 124, 258, 260, 263, 264, 267, 270

Dahlmann H.— 263
Daux C.— 264, 266
Dawson Ch.— 17, 258
Dazzi M. T.— 280
De Bartholomaeis V.— 276
Decker B.— 269
Deferrari R. J.— 264
Delachaux A.— 259
Delehaye H.— 207, 210, 216, 275, 278, 279
Del Lungo I.— 251, 282
Dénissoff E.— 280
Dessau H.— 44
De Stefano A.— 276
Devos P.— 163, 274
Dick A.— 263
Dill S.— 267, 271
Dölger F.— 221, 279
Donadoni E.— 259
Dondaine A.— 278
Dondo M. M.— 264
D'Ooge M. L.— 268
Droysen H.— 260
Duchesne L.— 276
Duckett E. Sh.— 108, 267, 268
Dudden F. H.— 264, 265, 271
Dümmler E.— 273
Dumoilin M.— 269

Eiswirth R.— 265
Endres J. A. — 275
Ermini F.— 113, 129, 269—272, 274
Evelyn White H. G.— 259
Ewald P.— 272

Falkenhausen F. von — 269
Faral E.— 260, 262
Fargues P.— 259
Fichtenau H.— 273
Fischer H. W.— 263
Flora F.— 260
Foulet A.— 262
Franceschini E.— 268
Frank T.— 13, 257
Freytag F. K.— 269
Fridh Åke J.— 270

Gaiffier B. de — 277, 278
Gaiter L.— 281
Gallo R.— 282
Ganshof F. L.— 258, 267
Garet I.— 270
Gasquy A.— 269
Geffken J.— 257
Getzeny H.— 270
Ghellinck J. de — 262, 275
Gilson E.— 266
Gimazan J.— 262
Glover T. R.— 267
Golenischeff-Koutouzoff E. см. Голенищев-Кутузов И. Н.
Gothein E.— 268
Grabmann M.— 268
Grässe Th.— 278, 280
Grenfell B. P.— 261
Griffin N. E.— 261, 262
Grousset R.— 258

Hagendahl H.— 61, 263, 265
Haighet E.— 261
Halkin F.— 221
Harmon A. M.— 262
Hartmann L. M.— 271—273
Haskins Ch. H.— 107, 268, 275
Haupt H.— 261
Henry A.— 262
Héron — 260
Herriott J. H.— 282
Hessel K.— 259
Heuréau B.— 266
Highet G.— 49, 259—263, 268, 269
Hilka A.— 262
Holder-Egger O.— 279, 280
Homo L.— 257
Hosius C.— 258, 260—267, 269, 270
Hudson C. F.— 257
Hunt A. S.— 261

Irwin J. F.— 265

Jeanroy A.— 266, 275
Jefferson B. L.— 269
Jelić L.— 266
Jean de Mailly см. Жан де Мэйи
Johannes Sichardus см. Иоанн Сиккард
John W.— 259
Jones L. W.— 270
Joseph-Arthur S.— 266
Josz A.— 267
Jourdain A.— 268
Jule H.— 246, 281
Justinianus A.— 266

Kendig P. F.— 272
Klapper J.— 266
Klibanski R.— 275
Klingner F.— 257
Köbner R.— 271
Koch J.— 259
Kromayer J.-H.— 264
Krumbacher K.— 261, 262, 269

Labriolle P. de — 259, 265, 266
Landgraf G.— 262
Lang D. M.— 221, 279
Langlois Ch.— 281
Laufenberg H.— 269
Laurand L.— 90, 91, 266
Lavarenne M.— 264
Lazzari G.— 193, 276
Lehmann P.— 262, 264, 270, 275
Lentini A.— 275
Lepel F. von — 268
Liebeschutz H.— 275
Lintzel M.— 274
Lokrantz M.— 275
Lo Nigro S.— 282
Loomis L. R.— 261
Löseth E.— 281
Lot F.— 17, 257, 258
Lovejoy A. O.— 263
Loyen A.— 260

Mac Crackeh G. E.— 265
Maffei D.— 280
Maggini F.— 281
Manitius K.— 276
Manitius M.— 259—263, 268—275
Manucci F. L.— 277
Marchesi C.— 263, 265, 269
Margaret M. St.— 265
Marqueron C.— 282
Marrou H.-I.— 266, 267
Marschall Campbell J.— 264
Martin J.— 266
Maurice L.— 258

Mc Geachy J. A.— 265
Mengozzi G.— 273
Meriano F.— 282
Merigo A.— 276
Messelaar P. A.— 237, 281
Meyer P.— 262
Meyer aus Speyer W.— 64, 264
Mierow Ch. C.— 270
Migne J. P.— 124, 270—272, 274
Minola M.— 280
Momigliano A.— 270
Mommsen Th.— 260, 268, 270
Monceaux P.— 263
Monleone G.— 277
Monteverdi A.— 197, 276, 277
Monti C. M.— 280
Morel W.— 265
Moss H. St. L. B.— 11, 257, 258, 267, 271, 273
Mueller L.— 264
Murari R.— 269
Muratori L. A. см. Муратори Л. А.
Mynors R. A. B.— 270

Naumann H.— 268
Neff K.— 159, 273, 274
Nicolau M. G.— 266
Norberg D.— 273, 274
Norden E.— 31, 35, 61, 259, 262, 263, 265
Novati F.— 275, 276

Olschki L.— 281
Oppen O. H. A. von — 259
Ostrogorsky G.— 258
Ottmann R. F.— 259

Padrin L.— 280
Pagliaro A.— 277
Palma L. de — 276
Papini G.— 282
Parazzoli G.— 282
Paris, Gaston — 65, 264
Patch H. R.— 268
Paul J.— 280
Pauly A. F.— 261, 267
Peeters P.— 219, 220, 279
Peiper R.— 259
Pellegrino M.— 265
Penna A.— 265
Pepe G.— 271—273, 276
Pernicone V.— 262
Perugi G. L.— 269
Petrusi A.— 269
Pfister C.— 258
Pfister F.— 262
Philippe J.— 265
Piccini L.— 264
Pichon R.— 260, 265
Pincherle A.— 266
Plezia M.— 204, 280
Pompeati A.— 63, 115, 264, 269, 275, 276
Poncelet P. A.— 278
Poole R. L.— 263
Pratt M. A.— 260
Préchac F.— 260
Puech A.— 264

Quardi G.— 275

Rabotin V.— 268
Raby F. J. E.— 115, 257—259, 264, 265, 268, 269, 271—275
Radermacher L.— 146, 272
Rand E. K.— 267, 268
Rapisarda E.— 265, 268
Rashdall H.— 268
Reitzenstein R.-M.— 266
Renucci P.— 265, 268, 275, 281
Riese A.— 258, 264
Rohde E.— 261
Romano G.— 273
Ronca E.— 275
Roon-Basserman E., von — 251, 282
Rosbach O.— 261
Rostovtzeff M.— 257, 258, 261
Russo L.— 251, 282

Salvatorelli L.— 267, 269, 271, 273—275
Santangelo S.— 282
Savj-Lopez P.— 262, 276
Schanz M.— 32, 118, 258, 260—267, 269, 270
Schedler M.— 263
Schissel von Fleschenberg O.— 261
Schmid W.— 267
Schmidt L.— 271
Screvelio C.— 261
Schuster M.— 263
Sedgwick W. B.— 262
Seeck O.— 257, 258, 261
Segre C.— 277, 281, 282
Seldgefield W. J.— 268
Sestan E.— 273
Silk E. T.— 268
Smyly J. G.— 261
Solmi A.— 273, 280
Sondermeyer A.— 263
Sorbello A.— 275
Spagnolo G.— 268, 276
Steinbeiss H.— 259
Stender-Petersen A.— 224, 280
Stevens C. E.— 260
Strecker K.— 276
Stroheker K. F.— 260
Switalski B.— 266

Tagliaferri A.— 271
Tardi D.— 271
Thoman P. H.— 262
Thomas J.— 281
Thompson E. A.— 262
Thomson H. J.— 264
Toffanin G.— 269
Torraca E.— 276
Traube L.— 274
Troeltsch E.— 90, 266
Tross I.— 259
Trouvenot P.— 258

Usener H.— 64, 264, 270

Vallarsi D.— 266
Varchi B. см. Варки Б.
Vasiliev A. A.— 258
Vecchi G.— 275
Vessereau J.— 260
Viehoff H.— 259
Ville de Mirmont H., de la — 259
Vinay G.— 275
Vinogradoff P. см. Виноградов П. Г.
Violante G.— 280
Viscardi A.— 156, 190, 276
Vogel F.— 269
Vogt J.— 262
Vollari P.— 267
Vollmer F.— 265
Volpe G.— 267
Vroom H.— 264, 266
Vyver A., van der — 270

Waddel H.— 258, 260, 271, 272
Walker G. S. M.— 272
Wallace E. O.— 263
Warmigton E. H.— 257
Werner F.— 270
Westerbergh U.— 165, 274
Whittaker Th.— 263
Willey P.— 259
Wissowa G.— 261, 267
Wizewa T.— 278
Wolff E.— 263
Wölfflin E.— 269

Zannoni G. B.— 281
Zimmermann O. J.— 270
Zink M.— 269
Zschimmer W. A.— 267

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Прекрасная дама Философия, наставница мудрецов и поэтов. Миниатюра из итальянской рукописи произведений Лактанция XIV—XV в. Ленинград, Государственная публичная библиотека (ГПБ). Lat. F. v. I. 100. 3

Император Константин Великий с Миланским эдиктом 313 г. Рим, Латеран. 19

Симоне Мартини (1285—1344). Святой. Ассизи. Базилика Сан Франческо. 21

Клавдиан. Поэтические произведения. Рукопись XIII в. Ленинград, ГПБ. Clas. lat. O. v. 3. 34

Бенуа де Сент Мор. Роман о Троянской войне. Рукопись XIV в. из Северной Италии. Лист 75: Диомед, Троил и Бризеида. Ленинград, ГПБ. Fr. F. v. XIV, 3. 48

Гвидо да Колумна. Повесть о падении Трои. Сцена битвы. Ленинград, ГПБ. Lat. F. v. IV, N 5. 50

Марциан Капелла. О браке Филологии и Меркурия. Рукопись X в. Ленинград, ГПБ, Clas. lat. F. v., N 10. 57

Апостол Петр — переосмысленная статуя античного философа. Рим, Ватикан. 59

Симоне Мартини. Амвросий Медиоланский. Кембридж. Музей Фитцуильяма. 67

Лактанций. Стихотворения. Рукопись XIV—XV в. Италия. Ленинград, ГПБ. Lat. F. v. I. 100. 76

Иероним. Послание к девице Деметриаде. Рукопись VI в. из Вивария Кассиодора. Ленинград, ГПБ. Lat. Q. v. I, 10. 81

Альбрехт Дюрер. Иероним в келье. 83

Аврелий Августин. Сборник произведений. Италийская рукопись V в. Последняя страница трактата «О христианской доктрине». Ленинград, ГПБ. Lat. Q. v. I, 3. 87

Доменико Гирландайо. Иероним. Фреска. Флоренция. Оньиссанти. 88

Сандро Боттичелли. Аврелий Августин. Фреска. Флоренция, Оньиссанти. 89

Аврелий Августин. «Исповедь». Рукопись итальянской работы XIV—XV в. В инициале — автор. Ленинград, ГПБ. Lat. O. v. I, N 130. 90

Аврелий Августин. «О граде божием». Рукопись VI в. из Вивария Кассиодора. Ленинград, ГПБ. Lat. Q. v. I, 4. 91

Фра Филиппо Липпи (1406—1469). Видение блаженного Августина. Ленинград, Государственный Эрмитаж. 93

Симоне Мартини. Эпизод из жития Мартина Турского. Св. Мартин перед императором. Фреска. Ассизи, Базилика Сан Франческо. 95

Павел Орозий. История против язычников. Рукопись IX—X вв. Ленинград, ГПБ. Lat. F. v. I, N 9. 97

Дворец Теодориха в Равенне. 101

Консул времен Теодориха. Лондон, Британский музей. 103

Боэтий. «Об утешении Философией». Итальянская рукопись XIV в. Ленинград, ГПБ. Clas. lat. F. v., N 12. 110

Аратор. Стихотворения и поэма «О деяниях апостолов». Рукопись итальянской работы XIV в. Ленинград, ГПБ. Lat. O. v. XIV, 8. 117

Фульгенций. О католической вере. Рукопись VI в. из Вивария Кассиодора. Ленинград, ГПБ. Lat. Q. v. I, 7. 119

Пьетро Перуджино. Бенедикт Нурсийский. Рим, Ватикан. 121

Лука Синьорелли. Строительство аббатства Монтекассино. Фреска. Монтеоливето Маджоре. 123

Кассиодор. «История в трех частях». Рукопись начала IX в. из Корби (Франция). Ленинград, ГПБ. Lat. F. v. I, N 11. 127

Монах-переписчик. Миниатюра из итальянской рукописи произведений Лактанция XIV—XV в. Ленинград, ГПБ. Lat. F. v. I. 100. 128

Венанций Фортунат. Житие Германа Парижского. Рукопись IX в. Ленинград, ГПБ. Lat. F. v. I. 12. 133

Венанций Фортунат. Сборник поэтических произведений. Рукопись начала IX в. из Корби (Франция). Эпитафии. Ленинград, ГПБ. Lat. F. v. XIV. 1. 135

Паоло Веронезе. Григорий Великий. Фреска. Виченца, церковь ди Монте Берико. 136

Павел Диакон. Послание аббату Корби Адаларду. Рукопись VIII в., вероятно, автограф. Ленинград, ГПБ. Lat. F. v. I, N 7. 137

Григорий Великий. Четыре книги Диалогов. Рукопись XIII в. В инициале — автор. Ленинград, ГПБ. Lat. O. v. I, N 185. 141

Кодекс VIII в. из Северной Италии, содержащий послания Григория Великого и эклогу Латцена к «Моралиям на книгу Иова». Ленинград, ГПБ. Lat. F. v. I, N 7. 144

Ирландская школа письма. Четвероевангелие с прологами Иеронима. Рукопись VIII в. Ленинград, ГПБ. Lat. F. v. I, N 8. 148

Рафаэль. Коронация Карла Великого в Риме папой Львом III. Фреска. Рим, Ватикан. Станцы Рафаэля. 154

Павел Диакон. Миниатюра из Лаврентинского кодекса «Римской истории». LXV, 35, с. 34А. 157

Доменико Гирландайо. Эпизод из жития Григория Великого. Явление папы св. Фине. Сан Джиминьяно, церковь Сан Агостино. 164

Оттон I и королева Эдитта. Магдебург, Собор. 166

Авиценна (Ибн Сина). Канон медицинской науки. Итальянская рукопись 1343 г. В миниатюре — магистр, читающий студенту лекцию по фармакологии. Ленинград, ГПБ. Lat. F. v. VI, 1. 173

Аббат Монтекассино Дезидерий. С фрески XI в. 179

Альберик из Монтекассино. Трактат по грамматике. Рукопись XI в., возможно, автограф. Ленинград, ГПБ. Lat. O. v. XVI, N 3. 181

Миниатюра из сицилийской рукописи XIII в. поэмы Петра из Эболи «О Путеоланских водах». Рим, Библиотека Анджелика. 183

Иоахим Флорский. Сборник трактатов и извлечений из них. Рукопись XIII в. Ленинград, ГПБ. Lat. F. v. I. 37. 185

Средневековый итальянский город (Сиена). Миниатюра флорентийской школы. Флоренция. Библиотека Лауренциана. 187

Резиденция Фридриха II в Палермо (Палаццо Реале). Памятник арабо-норманнской архитектуры. 198

Сборник проповедей Якопо да Варацце. Рукопись XIV в. Ленинград, ГПБ. Lat. Q. v. I, N 176. 202

Джотто. Св. Стефан. Флоренция, собрание Х. П. Хорн. 208

Фра Беато Анджелико да Фьезоле (1387—1455). Мадонна с Фомой Аквинским и Домиником. Ленинград, Эрмитаж. 213

Симоне Мартини. Чудесное спасение упавшего ребенка. Сиена, Сан Агостино. 223

Изображение автора на первой странице рукописи «Повести о падении Трои» Гвидо да Колумна (XV в.). Ленинград, ГПБ. Lat. F. v, IV, N 5. 232

«Повесть о падении Трои» Гвидо да Колумна (XV в.). Л. 118. Ленинград, ГПБ. Lat. F. v. IV, N 5. 234

Брунетто Латини. «Сокровище». Рукопись XIII—XIV вв. Ленинград, ГПБ. Fr. F. v. III, 4. 239

Брунетто Латини. Воображаемый ренессансный портрет. Флоренция, галерея Уффици. 249

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции 5

Введение 9

УПАДОК ЗАПАДНОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ
И РОЖДЕНИЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ
ЛАТИНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА IV—V СТОЛЕТИЙ И ЕЕ
ВЛИЯНИЕ НА ЛИТЕРАТУРУ СРЕДНИХ ВЕКОВ

Язычники и равнодушные . 28

Авзоний и Клавдиан 29
Авиан, Рутилий Намациан, Аполлинарий Сидоний . 37
Историческая проза . 41
Аммиан Марцеллин . . . 52
Макробий и Марциан Капелла 54

Христианские писатели 62

Поэты . . . 62
Пруденций и Драконтий . 68
Прозаики 72
Апологеты (Тертуллиан, Арнобий, Лактанций, Амвросий Медиоланский) 73
Иероним 78
Аврелий Августин 85
Сульпиций Север, Павел Орозий, Сальвиан 94

ЛАТИНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА СРЕДНЕВЕКОВОЙ
ИТАЛИИ

Италийская культура во время Теодориха (VI в.) 99

Боэтий . 102
Эннодий 112
Аратор, Присциан, Фульгенций 116
Бенедикт из Нурсии . 120
Кассиодор . . 122

Железная корона лангобардов (568—774) 130

Венанций Фортунат . 132
Григорий I 136
Ирландское влияние. Колумбан 147
Возникновение латино-лангобардской литературы . . . 150

Эпоха Каролингов и Оттонов 152

Павел Диакон 156
Анастасий Библиотекарь. Историки, агиографы и поэты IX века 160
Литература X столетия . 165
Лиутпранд 167

КУЛЬТУРА И ЛИТЕРАТУРА ИТАЛИИ ВЫСОКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ (XI–XII вв.)

ЗАРОЖДЕНИЕ ИТАЛЬЯНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Древнейшие памятники итальянского языка . . . 190

ПРОЗА ДУДЖЕНТО

«Золотая легенда». Народная агиографическая книга и ее автор 199

Легенды об императоре Юлиане, примасе Англии Фоме Бекете и Доминике 210
Легенда о Варлааме и Иосафе . 216
Хроника Салимбене Пармского 225
Ученая латинская проза . 228
Чино да Пистойя 228
Альбертино Муссато . . . 231

Влияние французской литературы. Франкоязычная проза Италии . . 233
Брунетто Латини . . 235
Книга Марко Поло о чудесах мира . 240
Итальянская проза 247
Хроники Дино Компаньи и Джованни Биллани .. 250
«Новеллино» . . 253

Примечания . 255

Указатель имен . 283

Список иллюстраций 304